Федеральная служба исполнения наказаний

ВЕСТНИК
ВЛАДИМИРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

№ 4(53)
Октябрь – декабрь
2019

Научно-образовательный журнал
Выходит четыре раза в год

Издается с 2006 г.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки)

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор –
доктор юридических наук, профессор
Ткачук Т. А.

Редакционная коллегия:
Аверин А. В., доктор юридических наук (г. Владимир)
Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
Богатырёв В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Борисова И. Д., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Гаврилов Б. Я., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Головинская И. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Головкин Р. Б., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир) (зам. главного редактора)
Емельянова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)
Исаенкова О. В., доктор юридических наук, профессор (г. Саратов)
Каламкарян Р. А., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Кудрявцев А. В., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Кузбагаров А. Н., доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)
Лазарева Л. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Меркурьев В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Миронов А. Н., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Михайлова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Самара)
Пожарский Д. В., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Редкоус В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Тепляшин П. В., доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск)
Третьякова О. Д., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Чепурнова Н. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Шеслер А. В., доктор юридических наук, профессор (г. Новокузнецк)
Данилова И. Б., ответственный секретарь

© ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2019

Адрес редакции:
600020,
Владимирская обл.,
г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е
Телефоны:
(4922) 40-45-18, 40-45-14,
8-905-649-5050;
факс (4922) 32-28-93
Интернет-сайт:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Распространяется
по подписке.
Подписной индекс 90961
в объединенном каталоге
«Пресса России»

Электронная версия
номера журнала
размещена
на интернет-сайте:
http://vui.fsin.su

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-25060,
выданное
Роскомнадзором
21.07.2006

Тираж 400 экз. Заказ 53.
Дата выхода в свет
20.12.2019.
Свободная цена.

Отпечатано в РИО НЦ
ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний».
600020, г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е

Federal Penitentiary Service

BULLETIN
OF VLADIMIR LAW INSTITUTE

Scientific and Educational Journal
The journal is published quarterly

No. 4(53)
October – December
2019

Published
since 2006

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific editions of the Higher Attestation Board (VAK) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, publication in which is mandatory for defending PhD and Doctorate dissertations within the groups of scientific specialties: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (Jurisprudence)

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service»

Editor-in-Chief –
Doctor of Law, Professor
Tkachuk T. A.

Editorial Board:
Averin A. V., Doctor of Law (Vladimir)
Baranov V. M., Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod)
Bogaty'ryov V. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Borisova I. D., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Gavrilov B. Ya., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Golovinskaya I. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Golovkin R. B., Doctor of Law, Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Vladimir)
Emel'yanova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg)
Isaenkova O. V., Doctor of Law, Professor (Saratov)
Kalamkaryan R. A., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Kudryavcev A. V., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Kuzbagarov A. N., Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg)
Lazareva L. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Merkur'ev V. V., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Mironov A. N., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Mikhajlova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (Samara)
Pozharskij D. V., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Redkous V. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Teplyashin P. V., Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk)
Tret'yakova O. D., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Chepurnova N. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Shesler A. V., Doctor of Law, Professor (Novokuznetsk)
Danilova I. B. (Executive Secretary)

© VLI of the FPS of Russia, 2019

Address
of Editorial Office:
600020,
Vladimir region,
Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e
Telephones:
(4922) 40-45-18, 40-45-14,
8-905-649-5050;
fax (4922) 32-28-93
Website:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Distributed by
subscription.
Subscription Index
in the United Catalogue
«Press of Russia» 90961

Electronic version
is available on the website:
http://vui.fsin.su

Certificate of Registration
in mass media
ПИ № ФС77-25060
issued by the Federal
Supervision Agency for
Information Technologies
and Communications
(Roskomnadzor)
21.07.2006

Circulation 400 copies
Order 53. Free price.
Date of publication
20.12.2019.

Printed by
Publishing Department
of Scientific Center
of VLI of the FPS of Russia.
600020, Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e

СОДЕРЖАНИЕ (CONTENTS)

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

Янчук И. А., Данилов А. В. 9 **Yanchuk I. A., Danilov A.V.**
Отдельные проблемы медико-санитарного обеспечения подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах ФСИН России
Certain Problems of the Medical Care of Suspects and Accused Detained in Pre-trial Detention Centers of the FPS of Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

Бодяков В. Н., Ключникова М. А. 17 **Bodyakov V. N., Klyuchnikova M. A.**
Особенности использования специальных знаний при расследовании преступлений в сфере осуществления закупок для обеспечения государственных нужд
Features of Use of Special Knowledge in Investigation of Crimes in the Sphere of Procurement for State Needs

Вилинский Г. О. 21 **Vilinskij G. O.**
Основные цели надзора за исполнением законов о противодействии финансированию экстремистской деятельности и терроризма
Basic Objectives of Supervision for Implementation of Laws on Countering Financing Extremist Activities and Terrorism

Владимиров С. В. 25 **Vladimirov S. V.**
Проблемы предоставления адвокатам свиданий с подозреваемыми, обвиняемыми, содержащимися под стражей, для получения согласия на участие адвоката в уголовном деле
Problems of Providing Lawyers with Meetings with Suspects, Accused, Detainees in Order to Obtain Consent for Participation of a Lawyer in a Criminal Case

Галицкий Р. В., Клочихин В. А. 29 **Galiczkij R. V., Klochikhin V. A.**
Вопросы совершенствования законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд
Issues of Improving Legislation in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Ensure State and Municipal Needs

Горшкова Н. А. 33 **Gorshkova N. A.**
Анализ потенциала уголовного наказания в аспекте правоприменительной деятельности на современном этапе
Criminal Punishment Potential Analysis in the Aspect of Legal Activity at the Present Stage

Дондоков Г. Р. 36 **Dondokov G. R.**
Некоторые проблемы, стоящие перед органами местного самоуправления в сфере профилактики терроризма и экстремизма среди молодежи
Some Problems Facing Local Governments in the Field of Prevention of Terrorism and Extremism among Youth

Зезюлина Т. А. 40 **Zezyulina T. A.**
Законодательная регламентация категорий преступлений на современном этапе
Legislative Regulation of Categories of Crimes at the Present Stage

Комаров И. М. 43 **Komarov I. M.**
Принципы и система организационных основ деятельности по предупреждению преступлений в учреждениях и органах ФСИН России
The Principles and Organizational Basis of Activities on Crime Prevention in the Institutions and Bodies of the FPS of Russia

Комиссарова С. В., Касаткина Е. А. 48 **Komissarova S. V., Kasatkina E. A.**
Медиация как инновационный ресурс в регулировании гражданско-правовых споров
Mediation as an Innovative Resource in Regulation of Civil Legal Dispute

Кулакова А. А. 52 **Kulakova A. A.**
Установление происхождения детей в свете обеспечения прав ребенка
Establishing the Origin of Children in the Light of the Child's Rights

Курысев К. Н., Гофман А. А. 56 **Kury'sev K. N., Gofman A. A.**
Некоторые аспекты цифровизации деятельности правоохранительных органов
Some Aspects of Digitalization of Activities of Law Enforcement Bodies

Лазарева Л. В., Рябчиков В. В. 60 **Lazareva L. V., Ryabchikov V. V.**
Прокурор как субъект уголовно-процессуальных правоотношений
Prosecutor as a Subject Criminal Procedural Relations

Лапутина Е. А. 65 **Laputina E. A.**
Формирование и функционирование организованных преступных сообществ как элемент, дезорганизующий нормальную работу институтов общества
Formation and Functioning of Organized Criminal Networks as an Element Disorganizing Proper Functioning of Public Institutes

Матвеева Н. А., Шумова К. А. 70 **Matveeva N. A., Shumova K. A.**
Проблема признания судом уважительности причин, необходимых для восстановления срока для отказа от наследства
The Problem of the Recognition by the Court of Respect of the Reasons Required for the Restoration of the Term for Refusal of Heritage

Образцов С. В. 73 **Obrazczov S. V.**
Особенности деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по привлечению осужденного к ответственности за подготовку к совершению преступления против жизни и здоровья
Features of the Activities of the Operational Units of the Penal System in Bringing a Convicted Person to Responsibility for Preparing for the Commission of a Crime against Life and Health

Полуянова Е. В., Ковалёв С. Д. 77 **Poluyanova E. V., Kovalyov S. D.**
Нормативно-правовое регулирование электронного документооборота и электронной подписи
Legal Regulation of Electronic Document Flow and Electronic Signature

Расторопов С. В., Федоринов А. Г. 81 **Rastoropov S. V., Fedorinov A. G.**
Юридическое обоснование термина «склонение к совершению самоубийства»
Legal Justification of the Term «Declination to Commit Suicide»

Редкоус В. М. 84 **Redkous V. M.**
Направления совершенствования законодательства об административной ответственности: опыт России и государств – участников СНГ
The Ways to Improve the Legislation on Administrative Responsibility: the Experience of Russia and the CIS Member States

Родионов К. В., Ушаков С. Н. 89 **Rodionov K. V., Ushakov S. N.**
Юридические коллизии в правовом регулировании конституционно-правового статуса осужденных, привлекаемых в качестве подозреваемых и обвиняемых по другому уголовному делу
Legal Conflicts in the Legal Regulation of the Constitutional and Legal Status of Convicts Involved as Suspects and Accused in Another Criminal Case

Рябчиков В. В., Ананьин П. А. 93 **Ryabchikov V. V., Anan'in P. A.**
Проблемы правового регулирования ответственности в сфере управления и обслуживания жилых домов
Problems of Legal Regulation of Responsibility in the Field of Management and Maintenance of Residential Houses

Татаринов Р. А., Захарченко С. Н. 97 **Tatarinov R. A., Zakharchenko S. N.**
Антикоррупционное просвещение как составляющая деятельности подразделений собственной безопасности по предупреждению дачи взяток работникам уголовно-исполнительной системы
Anti-corruption Education as Part of Activities of Internal Affairs Units to Prevent Bribery of Employees of the Penal System

Ткачук Т. А., Цветкова Е. В. 103 **Tkachuk T. A., Czvetkova E. V.**
Способы решений конфликтных ситуаций после возвращения уголовного дела с участием несовершеннолетних на дополнительное расследование
Ways to Resolve Conflict Situations after the Return of a Criminal Case Involving Minors to an Additional Investigation

Томилин С. М., Щетнёв Л. Е. 108 **Tomilin S. M., Shhetnyov L. E.**
Проведение оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с технических каналов связи» в свете последних изменений оперативно-розыскного законодательства
Carrying Out an Operative-search Event «Removing Information from Technical Channels of Communication» in the Light of the Latest Changes to Operative-exploration Legislation

Тутынин И. Б. 111 **Tuty'nin I. B.**
Исполнение судебных решений на стадии предварительного расследования: проблемные вопросы корректировки полномочий
Enforcement of Court Decisions at the Preliminary Investigation Stage: Problematic Issues of Credentials Adjustment

Щетнёв Л. Е., Томилин С. М. 116 **Shhetnyov L. E., Tomilin S. M.**
Оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание, структура, технические аспекты проведения
Operative-search Event «Receiving Computer Information»: Content, Structure, Technical Aspects

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Богатырёв В. В. 123 **Bogaty'ryov V. V.**
Формы государства в условиях глобализации
Forms of State under Conditions of Globalization

Головкин Р. Б., Манохин В. С. 129 **Golovkin R. B., Manokhin V. S.**
Цифровое право: регулирование образовательных отношений
Digital Law: Regulation of Educational Relations

Гудова М. Г. 133 **Gudova M. G.**
Экологические преступления как объект уголовно-правовой охраны: краткий исторический экскурс
Environmental Crimes as an Object of Criminal Legal Protection: Brief Historical Excursion

Гюльвердиев Р. Б., Павелина Т. Г. 137 **Gyul'verdiev R. B., Pavelina T. G.**
Юридическая конвергенция: некоторые лингво-юридические аспекты экономической безопасности
Legal Convergence: Some Linguistic and Legal Aspects of Economic Security

Колоткина О. А. 147 **Kolotkina O. A.**
Экспертный потенциал представителей гражданского общества при проведении независимых экспертиз в процессе законотворчества в современной России
Expert Potential of Civil Society Representatives in Conducting Independent Examinations in the Process of Lawmaking in Modern Russia

Лапшин В. Е., Шаханов В. В. 151 **Lapshin V. E., Shakhanov V. V.**
Цель и метацель правоотношения (общетеоретический анализ)
Purpose and Target of Legal Relations (General Theoretical Analysis)

Маркина О. В. 155 **Markina O. V.**
Принципы организации филерской службы в Российской империи: историко-правовые аспекты борьбы с экстремизмом
Principles of Organization of the Service of External Supervision in the Russian Empire: Historical and Legal Aspects of the Fight against Extremism

Назарова М. Г., Некишев В. Л. 160 **Nazarova M. G., Nekishev V. L.**
Патриотизм как ценностно-правовая ориентация личности и фактор формирования организационной культуры учреждений УИС
Patriotism as a Value-legal Orientation of the Individual and a Factor Formation of the Organizational Culture of the Institutions of the Penal System of Russia

Петрова И. Л., Манохин В. С. 167 **Petrova I. L., Manokhin V. S.**
Цифровое право – новая отрасль российского права (вопросы номинации)?
Digital Law – a New Branch of Russian Law (Nomination Questions)?

Сизганова Е. Ю. 171 **Sizganova E. Yu.**
Анализ содержания кодекса этики и служебного поведения государственных и муниципальных служащих
The Analysis of the Content of the Ethics Code and Official Behavior of State and Municipal Employees

Яковлев А. А. 175 **Yakovlev A. A.**
Учет наличия социально значимого заболевания при привлечении к уголовной ответственности: исторический аспект
Taking into Account the Presence of Socially Significant Disease Making a Formal Accusation: Historical Aspect

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES

Тепляшин П. В. 185 **Teplyashin P. V.**
Очерк неолиберальной пенитенциарной политики Соединенных Штатов Америки
Essay on the Neoliberal Penal Policy of the United States of America

Краткие правила опубликования статей **The basic guidelines for article submission**

Анкета автора публикации и оператора персональных данных **About the author of the publication and the operator of personal data**

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

УДК 343.8:614.812

Янчук Игорь Александрович,
начальник кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Вологодского института права и экономики ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: igor35.82@mail.ru

Yanchuk Igor' A.,
Head of Penal Law and Organization of Educational Work with Convicts Department of Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

Данилов Александр Владимирович,
курсант 4-го курса юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России
E-mail: lastnotches1998@gmail.com

Danilov Aleksandr V.,
Cadet 4th Course of Faculty of Law of Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of Russia

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕДИКО-САНИТАРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ ФСИН РОССИИ

Certain Problems of the Medical Care of Suspects and Accused Detained in Pre-trial Detention Centers of the FPS of Russia

Аннотация. В статье характеризуется современное состояние медико-санитарного обеспечения подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах ФСИН России. Раскрывается правовое регулирование, а также приводятся статистические данные по оказанию медицинской помощи лицам, содержащимся под стражей. Отмечаются достижения ФСИН России в рамках данного направления деятельности, а именно: повышение качества и доступности медицинской помощи, расширение механизмов межведомственного взаимодействия, организация обследований и лечение осужденных и лиц, содержащихся под стражей, специалистами ведущих медицинских организаций Министерства здравоохранения Российской Федерации и др. Обозначены отдельные проблемные вопросы медико-санитарного обеспечения подозреваемых и обвиняемых. К их числу авторы относят недостатки правового регулирования, финансирования, сокращение коечного фонда и др. Уделено отдельное внимание проблемам оказания медицинской помощи ВИЧ-инфицированным лицам, содержащимся под стражей. Делается вывод о том, что, несмотря на значительные успехи, все еще остаются проблемы, затрудняющие реализацию подозреваемыми и обвиняемыми права на охрану здоровья, которые требуют скорейшего разрешения.

Ключевые слова: медико-санитарное обеспечение; следственный изолятор; подозреваемый; обвиняемый; медицинская помощь.

Abstract. The article presents the current state of health care of suspects and accused detained in pre-trial detention centers of the Federal Penitentiary Service of Russia. The legal regulation is disclosed, as well as statistical data on the provision of medical assistance to persons in custody are provided. The achievements of the Federal Penitentiary Service of Russia in this area of activity are noted, that is: improving the quality and accessibility of medical care, expanding mechanisms of interagency cooperation, organizing examinations and treatment of prisoners and detainees by specialists from leading medical organizations of the Ministry of Health of the Russian Federation, etc. Certain problematic issues of medical support of suspects and accused have been emphasized. These include deficiencies in legal regulation, financing problems, reduction in bed capacity, etc. Special attention is paid to the problems of providing medical care to HIV-infected persons in custody. It is noted that effective antiretroviral therapy reduces the risk of the patient as a source of infection. However, there are problems with the availability of these drugs and their purchase. It is concluded that, despite the significant successes achieved by the leadership of the Federal Penitentiary Service of Russia, problems still remain that make it difficult for suspects and defendants to exercise their right to health care, which needs to be resolved as soon as possible.

Key words: health care; pre-trial a detention center; a suspect; an accused; medical care.

В Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закреплено, что лица, задержанные, заключенные под стражу, отбывающие наказания в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо административного ареста, имеют право на оказание медицинской помощи, в том числе в необходимых случаях в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения, в соответствии с законодательством Российской Федерации. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» устанавливает, что в местах содержания под стражей организуется оказание

© Янчук И. А., Данилов А. В., 2019

медицинской помощи в соответствии с законодательством в сфере охраны здоровья. Администрация указанных мест обязана выполнять санитарно-гигиенические требования, обеспечивающие охрану здоровья подозреваемых и обвиняемых.

В соответствии с приказом Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы» на территории следственных изоляторов (далее: СИЗО) для оказания медицинской помощи организуется медицинская часть. Подозреваемые и обвиняемые обращаются за медицинской помощью к медицинскому работнику СИЗО во время его ежедневного обхода камер, а в случае острого заболевания – к любому сотруднику СИЗО. Сотрудник, к которому обратился подозреваемый или обвиняемый, обязан принять меры для оказания ему медицинской помощи. При медицинских частях СИЗО организуются стационарные отделения. Для оказания подозреваемым или обвиняемым срочной или специализированной медицинской помощи, которая не может быть оказана в СИЗО, эти лица помещаются для стационарного лечения в лечебно-профилактические учреждения (далее: ЛПУ) уголовно-исполнительной системы (далее: УИС). Когда подозреваемый или обвиняемый не имеет возможности получить необходимый вид медицинской помощи в ЛПУ либо нуждается в неотложной помощи, он направляется в ЛПУ государственной или муниципальной систем здравоохранения. При ухудшении состояния здоровья либо при получении подозреваемым или обвиняемым телесных повреждений его медицинское освидетельствование проводится медицинскими работниками СИЗО безотлагательно. Медицинское освидетельствование включает в себя медицинский осмотр, а при необходимости – дополнительные методы исследований и консультации врачей-специалистов. Полученные результаты фиксируются в медицинской амбулаторной карте и сообщаются подозреваемому или обвиняемому в доступной для него форме.

Кроме того, правила организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу, устанавливаются приказом Минюста России от 28 декабря 2017 г. № 285 «Об утверждении Порядка организации оказания медицинской помощи лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы» (далее: Приказ № 285).

Сегодня право на медицинскую помощь, санитарно-гигиеническую и противоэпидемическую защиту лиц, содержащихся под стражей, обеспечивают 133 больницы, в том числе 51 противотуберкулезная и 5 психиатрических. Практически в каждом следственном изоляторе развернута медицинская часть, оказывающая первичную медико-санитарную помощь [4], в 70 медико-санитарных частях ФСИН России имеются лицензии на фармацевтическую деятельность [3].

Однако в настоящее время СИЗО не в полной мере способны обеспечить необходимую медицинскую помощь подозреваемым и обвиняемым. Так, ежегодно в СИЗО регистрируется около 260 тыс. случаев заболеваний среди подозреваемых и обвиняемых. Количество больных активной формой туберкулеза I и II групп диспансерного наблюдения, содержащихся в СИЗО и тюрьмах, составляет около 2 тыс. чел. Общее количество ВИЧ-инфицированных в СИЗО составляет свыше 9 тыс. чел. [5, с. 16]. Количество ВИЧ-инфицированных, обеспеченных антиретровирусными препаратами (далее: АРП), в СИЗО составляет 41,3 % от общего числа содержащихся под стражей, а ВИЧ-инфекция составляет примерно половину от всего количества заболеваний среди подозреваемых и обвиняемых. Показатель заболеваемости туберкулезом в СИЗО составил 93,2 на 100 тыс. чел. [2].

Несомненно, ряд мер, принятых как на уровне Правительства Российской Федерации, так и на уровне министерства, способствует улучшению ситуации с медико-санитарным обеспечением. К правовым мерам можно отнести утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 19 мая 2017 г. № 598 Перечень заболеваний, препятствующих отбыванию наказания, либо Приказ № 285. Кроме того, реализован ряд мер, направленных на повышение качества и доступности медицинской помощи, расширяются механизмы межведомственного взаимодействия. Так, регулярно организуется обследование и лечение осужденных и лиц, содержащихся под стражей, специалистами ведущих медицинских организаций Министерства здравоохранения Российской Федерации. В 2019 г. впервые проведена всероссийская акция «Марафон здоровья» [1].

Однако существуют решения, которые, по нашему мнению, усугубляют положение, а именно сокращение с 2016 г. коечного фонда в стационарных организациях УИС, а также реорганизация 37 медицинских частей во врачебных и фельдшерских здравпунктах. Б. А. Спасенников полагает, что данные меры взаимосвязаны с существованием современных подходов к лечебно-диагностической помощи, развитием фармакотерапии, иных современных технологий, которые обеспечивают возможность оказывать больному амбулаторно помощь, которая ранее требовала пребывания в условиях стационара [7, с. 55–57]. Полагаем, что подобная ситуация характерна для учреждений ФСИН России Московской и Ленинградской обла-

сти, а в субъектах с менее развитой инфраструктурой подобные решения вряд ли оправданы. На наш взгляд, наиболее рациональным будет не сокращать количество коечных мест, а организовать их перемещение в медицинские части подразделений ФСИН России, где они востребованы и будут функционировать, как прежде.

При невозможности оказания медицинской помощи в учреждениях УИС лица, заключенные под стражу, имеют право на оказание медицинской помощи в медицинских организациях государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения, а также на приглашение для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета. Данный порядок предусмотрен постановлением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г. № 1466 «Об утверждении Правил оказания лицам, заключенным под стражу или отбывающим наказание в виде лишения свободы, медицинской помощи в медицинских организациях государственной и муниципальной систем здравоохранения, а также приглашения для проведения консультаций врачей-специалистов указанных медицинских организаций при невозможности оказания медицинской помощи в учреждениях уголовно-исполнительной системы» (далее: Постановление № 1466). Согласно данному постановлению под невозможностью оказания медицинской помощи понимается:

а) отсутствие в учреждении уголовно-исполнительной системы врача-специалиста соответствующего профиля или квалификации, оборудования или условий для оказания необходимого объема медицинской помощи;

б) ситуация, при которой отсрочка на определенное время в оказании медицинской помощи, в том числе связанная с ожиданием транспортировки больного в другое учреждение УИС, может повлечь за собой ухудшение его состояния, угрозу жизни и здоровью.

Скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь оказывается лицам, лишенным свободы, в экстренной и неотложной форме как в медицинских организациях, так и вне медицинских организаций с учетом соблюдения установленных требований к срокам ее оказания. Решение о вызове бригады скорой медицинской помощи принимает медицинский работник учреждения УИС, осуществляющий в соответствии с должностными обязанностями организацию и оказание медицинской помощи лицам, лишенным свободы, а в его отсутствие – руководитель этого учреждения или уполномоченное им должностное лицо. Существует и перечень показаний, согласно которому госпитализация содержащихся под стражей проводится в срочном порядке.

Между тем согласно п. 8 Приказа № 285 решение о вызове бригады скорой медицинской помощи принимает дежурный помощник начальника СИЗО. Налицо расхождение положений Постановления № 1466 и Приказа № 285. Хотя постановление Правительства Российской Федерации имеет большую юридическую силу, на практике нередко решение о вызове скорой помощи, особенно при отсутствии начальника СИЗО, принимает именно дежурный помощник начальника СИЗО, что представляется целесообразным. В этой связи считаем необходимым внести изменения в п. 5 Постановления № 1466 и предоставить право вызова скорой медицинской помощи дежурному помощнику начальника учреждения УИС с одновременным уведомлением начальника учреждения.

Существенной проблемой, по нашему мнению, является сложившаяся на практике ситуация, когда в СИЗО существует стоматолог, но расходных материалов в СИЗО не поступает, а для оказания минимума квалифицированной медицинской помощи в области стоматологии необходим определенный перечень расходных медицинских препаратов. Говорить о гарантиях и гуманном отношении к человеку (подозреваемому, обвиняемому) в области оказания стоматологической помощи не приходится. Причина заключается в отсутствии финансирования. И это связано не только с оказанием медицинской стоматологической помощи, но и со всеми другими видами специализированной медицинской помощи, которую оказывает учреждение.

Содержащиеся под стражей носители открытой формы туберкулеза не должны находиться в общих помещениях камерного типа. Содержание таких лиц возложено на медицинские противотуберкулезные организации УИС, к которым относятся: лечебные исправительные учреждения для содержания и лечения осужденных, больных туберкулезом; туберкулезные больницы; бактериологические лаборатории по диагностике туберкулеза. Более того, СИЗО, в которых созданы изолированные участки для содержания и лечения больных туберкулезом, а также туберкулезные лечебно-диагностические отделения больниц либо медицинских частей, иные медицинские подразделения, оказывающие противотуберкулезную помощь подозреваемым, обвиняемым и осужденным, исполняют функции медицинских противотуберкулезных организаций. На практике же нередко такие лица находятся просто в отдельном камерном помещении. Сотрудники СИЗО при проведении режимных мероприятий с данными лицами не предпринимают необходимых мер безопасности. Встречались слу-

чаи, когда лица, содержащиеся под стражей, узнав о нахождении в СИЗО больных активной формой туберкулеза, отказывались принимать пищу, что дестабилизировало деятельность СИЗО.

Кроме того, в соответствии с Приказом № 285 при обращении лица, заключенного под стражу, или осужденного за медицинской помощью к медицинскому работнику во время покамерного обхода, к сотруднику дежурной смены СИЗО указанные должностные лица обязаны принять меры по организации оказания ему медицинской помощи. На практике же инспекторы отдела режима не придают особого значения подобным обращениям и нередко их игнорируют.

Категория ВИЧ-инфицированных подозреваемых, обвиняемых на практике создает ряд следующих проблем. Во-первых, носители вируса иммунодефицита должны быть обеспечены в соответствии с федеральным законодательством антиретровирусной терапией (далее: АРТ), на практике процедура принятия больными АРП представляется возможной в центрах по профилактике и борьбе со СПИДом. Данные центры проводят мероприятия по оценке эффективности и безопасности АРТ, в рамках диспансерного наблюдения проводятся регулярные исследования вирусной нагрузки, уровня CD4-лимфоцитов, клинический и биохимический анализ крови, инструментальные и клинические исследования. Основным критерием эффективности АРТ является снижение вирусной нагрузки до неопределяемого уровня. Эффективная (с достижением неопределяемого уровня вирусной нагрузки) АРТ является в том числе и профилактической мерой, снижающей опасность пациента как источника инфекции. АРТ проводится с учетом индивидуальных особенностей больных на основании лабораторных исследований, после проведения которых больному назначаются АРП. Сегодня, например, в Вологде данную проблему должно разрешать ФКУЗ МСЧ-35. Однако количество нуждающихся в АРП осужденных и содержащихся под стражей велико, а определенного ведомственного регламента по приобретению АРП ФКУЗ МСЧ-35 не имеет.

Вместе с тем закупить препараты для лиц, страдающих ВИЧ-инфекцией, не значит обеспечить профилактику на какое-либо время, так как реакция организма больного на эти препараты будет положительной лишь некоторое время. Данную проблему следует решать на федеральном и местном уровнях. На федеральном уровне предлагается упростить процедуру закупки АРП. В случаях необходимой замены АРП предлагается преодолевать проблему с помощью проведения консилиума медицинских работников с целью формулирования нового государственного заказа на основании проведенных исследований в отношении как осужденных, так и лиц, содержащихся под стражей.

Еще одной проблемой СИЗО является отсутствие возможности передвижения лиц с ограниченными возможностями. В некоторых СИЗО существуют соответствующие правилам элементы, к числу которых можно отнести доступные маршруты движения, пандусы, поручни и т. д. Однако этого недостаточно. В соответствии с правилами в случае невозможности полного приспособления объекта для нужд маломобильных групп населения при реконструкции, капитальном ремонте зданий и сооружений и т. д. следует осуществлять проектирование в рамках «разумного приспособления» при согласовании задания на проектирование с территориальными органами социальной защиты населения соответствующего уровня и с учетом мнения общественных объединений инвалидов [6].

В СИЗО, вследствие специфики движения спецконтингента, постоянно изменяется количество лиц, нуждающихся в лечении. В этой связи заранее рассчитать требуемое количество медицинских препаратов представляется затруднительным. К тому же в СИЗО не предусмотрено стационарное наблюдение, поэтому отсутствует необходимость создания установленных условий хранения медицинских препаратов, что в конечном счете влияет на своевременность обеспечения ими подозреваемых и обвиняемых. В некоторых СИЗО сложившуюся ситуацию разрешают путем ежедневных поездок медицинских работников в медико-санитарную часть, которые самостоятельно доставляют лекарственные препараты в СИЗО.

Отдельного внимания, на наш взгляд, требует и проблема формулярной системы. Сущность данной системы состоит в том, что в формулярном перечне содержится список первоочередных лекарственных препаратов, который утверждается на федеральном, локальном и местном уровнях. Однако в перечнях отсутствуют некоторые необходимые препараты, например, назальные спреи, а также спреи, предназначенные для лечения и профилактики заболеваний уха.

Рассмотрев вопросы медико-санитарного обеспечения подозреваемых и обвиняемых, можно отметить значительные успехи в этой сфере, в числе которых – снижение уровней заболеваемости и смертности среди осужденных и лиц, содержащиеся под стражей [12]. Однако все еще остаются проблемы, в том числе отмеченные в настоящей статье, затрудняющие реализацию лицами, находящимися в СИЗО, права на охрану здоровья, которые требуют скорейшего разрешения.

Библиографический список

1. В ФСИН России прошло заседание круглого стола, посвященное вопросам медико-санитарного обеспечения лиц, заключенных под стражу и отбывающих наказание в виде лишения свободы. – URL: http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=477818 (дата обращения: 14.10.2019).

2. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Федеральной службы исполнения наказаний. – URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/ (дата обращения: 29.09.2019).

3. Единое положение о порядке обращения лекарственных средств в учреждениях уголовно-исполнительной системы. – URL: http://antipytki.ru/2017/03/09/edinoe-polozhenie-o-poryadke-obrashheniya-lekarstvennyh-sredstv-v-uchrezhdeniyah-ugolovno-ispolnitelnoj-sistemy/ (дата обращения: 29.09.2019).

4. Медико-санитарное обеспечение осужденных и лиц, содержащихся под стражей. – URL: http://fsin.su/structure/medicine/msock/ (дата обращения 29.09.2019).

5. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2018 г.) : информ.-аналит. сб. – Тверь : НИИИТ ФСИН России, 2019. – 328 с.

6. СП 59.13330.2016. Свод правил. Доступность зданий и сооружений для маломобильных групп населения. Актуализированная редакция СНиП 35-01-2001 : утвержден и введен в действие приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 14 ноября 2016 г. № 798/пр : дата введения 2016-05-15 / разработан ООО «Институт общественных зданий», Ассоциация МОАБ, НП «Доступная городская среда». – Москва : Стандартинформ, 2016. – 21 с.

7. *Спасенников Б. А.* К вопросу о совершенствовании лечебно-диагностической деятельности медицинско-санитарной службы ФСИН России / Б. А. Спасенников // Актуальные проблемы медицины и биологии. – 2018. – № 3. – С. 55–57.

References

1. A round-table meeting was held at the Federal Penitentiary Service of Russia on the issues of health care for persons detained and serving a sentence of imprisonment. URL: http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=477818 (accessed date: 14.10.2019).

2. Report on the results and main lines of activity of the Federal Penitentiary Service. URL: http://fsin.su/structure/inspector/iao/Doklad/ (accessed date: 29.09.2019).

3. A single regulation on the procedure for the circulation of medicines in institutions of the penal system. URL: http://antipytki.ru/2017/03/09/edinoe-polozhenie-o-poryadke-obrashheniya-lekarstvennyh-sredstv-v-uchrezhdeniyah-ugolovno-ispolnitelnoj-sistemy/ (accessed date: 29.09.2019).

4. Health care for convicts and detainees. URL: http://fsin.su/structure/medicine/msock/ (accessed date: 29.09.2019).

5. Key performance indicators of the penal system (January – December 2018). Tver', NIIIT FSIN Rossii, 2019. 328 p.

6. SP 59.13330.2016. Set of Rules. Accessibility of Buildings and Facilities for People with Limited Mobility. Moscow, Standartinform, 2016. 21 p.

7. *Spasennikov B. A.* On the Issue of Improving the Medical and Diagnostic Activities of the Medical and Sanitary Service of the Federal Penitentiary Service of Russia. *Aktual'ny'e Problemy' Mediciny' i Biologii.* 2018. No. 3. P. 55–57.

Библиографическое описание статьи

Янчук И. А. Отдельные проблемы медико-санитарного обеспечения подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в следственных изоляторах ФСИН России / И. А. Янчук, А. В. Данилов // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 9–13.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

УДК 343.375

Бодяков Владимир Николаевич,
начальник кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: krim33@mail.ru

Bodyakov Vladimir N.,
Head of Criminal Procedure and Criminalistics Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

Ключникова Майя Александровна,
преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики
ВЮИ ФСИН России
E-mail: 33-maya@mail.ru

Klyuchnikova Majya A.,
Lecturer of Criminal Procedure and Criminalistics Department of VLI of the FPS of Russia

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАКУПОК ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД

Features of Use of Special Knowledge in Investigation of Crimes in the Sphere of Procurement for State Needs

Аннотация. В статье исследованы возможности использования специальных знаний в ходе расследования преступлений в сфере осуществления закупок для обеспечения государственных нужд. Авторами проведен анализ понятия «специальные знания», охарактеризованы процессуальные и непроцессуальные формы использования специальных знаний, а также разработаны рекомендации их эффективного применения.

Ключевые слова: преступления в сфере закупок; госзаказ; специальные знания; судебная экспертиза.

Abstract. The article investigates the possibility of using special knowledge in the investigation of crimes in the sphere of procurement for state needs. The authors analyzed the concept of «special knowledge», the procedural and non-procedural forms of using special knowledge are characterized, as well as recommendations for their effective application are developed.

Key words: crimes in the field of procurement; state order; special knowledge; forensic examination.

Защита от преступных посягательств в сфере осуществления закупок для обеспечения государственных нужд является важнейшей мерой обеспечения экономической безопасности России. Преступность в данной сфере с каждым годом приобретает все более изощренный и организованный характер. Для того чтобы успешно бороться с подобными проявлениями, необходимо использовать современные средства и методы, направленные на их выявление, раскрытие и расследование. Эффективным способом достижения указанной цели является применение специальных знаний.

Понятие «специальные знания» не закреплено в уголовно-процессуальном законодательстве. Длительное время учеными неоднократно предпринимались различные попытки решить вопрос о том, что следует понимать под специальными знаниями [3; 5; 7]. Ряд исследователей [2; 6; 8] к специальным не относят, например, правовые знания, обосновывая свою позицию тем, что используемые следователем, дознавателем, судом в своей профессиональной деятельности знания в области права не могут рассматриваться как специальные. Так, профессор Т. В. Сахнова определяет специальные знания как «всегда научные знания неправового характера, сопровождаемые адекватными (признанными) прикладными методиками, используемые для достижения определенных юридических целей» [6, с. 8]. Данная точка зрения представляется весьма спорной. Несмотря на то, что правоприменитель обладает знаниями в области уголовно-процессуального, уголовного права, качественное расследование преступлений, в нашем случае – в сфере осуществления закупок для обеспечения государственных нужд, невозможно без привлечения лиц, сведущих в гражданском, арбитражном, налоговом и других отраслях права. В связи с этим мы полностью поддерживаем мнение профессора Л. В. Лазаревой, которая выступает с предложением дополнить УПК РФ следующим определением понятия «специальные знания»: «это знания в различных областях науки, в том числе права, техники, искусства и ремесла, используемые сторонами (обвинения и защиты), а также судом в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, в порядке, предусмотренном УПК РФ» [5, с. 22].

В зависимости от правовой регламентации выделяют процессуальные и непроцессуальные формы использования специальных знаний.

© Бодяков В. Н., Ключникова М. А., 2019

Представляется, что при расследовании преступлений в сфере осуществления закупок для обеспечения государственных нужд целесообразно применять следующие процессуальные формы использования специальных знаний:

1) участие специалистов при производстве следственных действий, например, целесообразно привлекать специалистов при производстве осмотра документов;

2) производство судебных экспертиз;

3) проведение ревизий, исследований, документальных проверок.

Такая форма применения специальных знаний при производстве расследования преступлений в сфере осуществления госзакупок используется на стадии возбуждения уголовного дела с целью выявления признаков преступления, достаточных для возбуждения уголовного дела. Понятие, а также процедура производства документальных проверок, исследований, ревизий не закреплены в уголовно-процессуальном законодательстве. Кроме того, результаты ревизий, проверок, исследований не относятся к источникам доказательств (ст. 74 УПК РФ). Практика свидетельствует о критичном отношении представителей суда, прокуратуры к результатам рассматриваемой формы процессуального использования специальных знаний и требованиям дополнительной проверки путем производства судебных экспертиз. Учитывая вышесказанное, а также тот факт, что законодателем предусмотрена возможность производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела, целесообразно отдавать предпочтение проведению данного следственного действия, результатом которого будет заключение эксперта, являющееся источником доказательств;

4) дача показаний экспертом, специалистом.

К непроцессуальным формам использования специальных знаний при расследовании рассматриваемой категории преступлений следует отнести такие, как:

1) дача сторонам (обвинения, защиты) и суду консультаций, разъяснений (при постановке вопросов эксперту, подготовке к допросу и др.);

2) участие специалистов при планировании расследования;

3) информационный обмен.

Важнейшей процессуальной формой применения специальных знаний являются назначение и производство судебной экспертизы [1, с. 145]. Трудно переоценить роль судебных экспертиз, которую они играют при расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере осуществления закупок для государственных нужд. Заключение экспертов позволяет правильно оценить размер причиненного преступлением ущерба, определить способ и механизм совершения преступления, а также существенно дополнить доказательственную базу по уголовному делу.

Основными видами судебных экспертиз, проводимых по уголовным делам о преступлениях в сфере осуществления закупок для государственных нужд, являются экономические (бухгалтерская, финансово-аналитическая, оценочная), почерковедческая, фоноскопическая, строительно-техническая.

Анализ правоприменительной практики[1] показал, что по всем уголовным делам о преступлениях в сфере осуществления госзакупок назначаются экономические экспертизы. При их назначении следователи сталкиваются с трудностями по отысканию и изъятию необходимых для исследования документов. В связи с этим целесообразно направлять запросы в соответствующие учреждения и организации, производить обыски и выемки на первоначальном этапе расследования, чтобы предоставить изъятые документы эксперту в минимально возможные сроки.

Результаты экономических судебных экспертиз способствуют установлению причиненного в результате преступления материального ущерба, результативности и эффективности использования бюджетных средств (достижение результата с использованием наименьшего объема средств), оценке правильности проведения конкурсных процедур при заключении контрактов на выполнение работ, закупку товаров, оказание услуг, соответствие условий заключенных государственных контрактов закупочной документации и коммерческим предложениям участников.

Так, при неисполнении обязательств, предусмотренных государственным контрактом поставщиком (подрядчиком, исполнителем) необходимо установить финансовое состояние организации-контрагента государственного заказчика на момент заключения контрактов, для этого следует проводить такой вид экономических экспертиз, как финансово-аналитические. Неудовлетворительное финансовое состояние на момент заключения государственного контракта, отрицательная динамика, отсутствие автономии обеспечения обязательств активами организации свидетельствуют о том, что организация изначально не планировала исполнять государственный контракт, что подтверждает мошеннический характер действий сотрудников организации.

В данной ситуации перед экспертом целесообразно поставить следующие основные вопросы:

[1] Авторами проанализированы материалы 68 уголовных дел по 43 субъектам Российской Федерации.

1. Какова динамика финансового состояния организации за определенный период (предшествующий заключению контракта и последующий)?

2. Каково финансовое состояние организации на момент заключения государственного контракта?

3. Являлась ли организация платежеспособной на момент заключения государственного контракта?

На экспертизу необходимо предоставить документы бухгалтерской, налоговой отчетности организации за исследуемый период, копии государственных контрактов.

С производством экономических экспертиз по уголовным делам рассматриваемой категории неразрывно связано производство строительно-технических экспертиз. Целесообразно приступать к производству экономической экспертизы только по завершении строительно-технической, когда установлен факт завышения объемов и стоимости выполненных работ по государственному контракту.

При расследовании преступлений в сфере осуществления закупок для государственных нужд порой необходимо проверять организацию на предмет преднамеренного банкротства, на признаки которого могут указывать:

– действия руководителей (сотрудников) организации, направленные на присвоение денежных средств, полученных по государственным контрактам, и дальнейшее закрытие предприятия посредством института банкротства;

– заключение фиктивных сделок (перечисление денежных средств на счета фирм-однодневок);

– намеренное искажение бухгалтерской отчетности.

В случае выявления данных признаков следует назначать комплексную оценочную экспертизу, в рамках которой перед экспертом целесообразно поставить следующие основные вопросы:

1. Каково финансово-экономическое состояние организации на момент заключения государственного контракта, а также в период, предшествующий заключению контракта, и последующий?

2. Имеются ли в действиях руководителей (сотрудников) организации признаки преднамеренного банкротства?

Эксперту необходимо предоставить материалы налоговой проверки в отношении организации, бухгалтерскую отчетность, выписки по счету.

Кроме того, по исследуемой категории преступлений важное значение имеет почерковедческая экспертиза. Как правило, преступная деятельность отражается в документах, связанных с осуществлением закупок (маркетинговое исследование предмета торгов, извещение о проведении торгов, заявки на участие, протокол рассмотрения и оценки заявок, государственный контракт и др.), свидетельствующих об оплате (банковские чеки, платежные поручения, кассовые книги, ордера и др.), о поставке товаров, выполнении работ, оказании услуг (товарные накладные, акт приемки-передачи, решение об оплате, сводный реестр накладных, счет-фактура и др.), а также в черновых записях и других неофициальных документах [4, с. 39]. Совершая противоправные деяния субъект нередко искажает содержание документов, подделывает подписи. В связи с этим довольно часто возникает необходимость в проведении почерковедческой экспертизы, целью которой является идентификация исполнителя рукописи.

Данный вид экспертизы при расследовании преступлений в сфере осуществления закупок для государственных нужд часто проводится для того, чтобы установить, является ли определенное лицо формальным или фактическим руководителем организации, подписывало ли оно документы, связанные с заключением государственного контракта (в том числе в части обеспечения), с приемкой товарно-материальных ценностей, по оплате в пользу организации.

При назначении всех видов судебных экспертиз, особенно экономических, для получения качественного заключения на интересующие следствие вопросы и с целью сокращения сроков ее производства целесообразно на этапе постановки вопросов привлекать эксперта, специалиста.

Подводя итог, отметим, что использование специальных знаний в различных областях науки, в том числе в сфере гражданского, арбитражного, налогового и других отраслей права, является обязательной составляющей расследования преступлений в сфере осуществления закупок для обеспечения государственных нужд. Только своевременное применение предусмотренных законом возможностей процессуальных и непроцессуальных форм использования специальных знаний выступает залогом качественного расследования рассматриваемой группы преступлений. Одним из приоритетных направлений является проведение судебных экспертиз, качество которых возможно повысить с учетом разработанных нами рекомендаций по отысканию и изъятию необходимых для исследования документов, постановке вопросов эксперту.

Библиографический список

1. *Борзов А. А.* Особенности расследования должностных преступлений, совершаемых в правоохранительных органах России на начальном этапе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Борзов Александр Александрович ; Владимирский юридический институт. – Владимир, 2008. – 197 с.

2. *Евстигнеева О. В.* Использование специальных познаний в доказывании на предварительном следствии в российском уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Евстигнеева Ольга Вячеславовна ; Саратовская государственная академия права. – Саратов, 1998. – 194 с.

3. *Ильина А. М.* Обязательное использование специальных познаний в уголовном процессе : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Ильина Анастасия Михайловна ; Уральский юридический институт МВД России. – Екатеринбург, 2005. – 303 с.

4. *Ключникова М. А.* Особенности производства осмотра при расследовании преступлений в сфере осуществления закупок для обеспечения государственных нужд уголовно-исполнительной системы / М. А. Ключникова // Вестник Владимирского юридического института. – 2015. – № 1(34). – С. 38–40.

5. *Лазарева Л. В.* Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу : монография / Л. В. Лазарева. – Москва : Юрлитинформ, 2009. – 224 с. – ISBN 978-5-93295-461-4.

6. *Сахнова Т. В.* Судебная экспертиза / Т. В. Сахнова. – Москва : Городец : Формула права, 1999. – 365 с. – ISBN 5-89391-052-4.

7. *Степанов В. В.* Специальные знания в судебной экспертизе / В. В. Степанов, Л. Г. Шапиро // Судебная экспертиза. – 2004. – № 1. – С. 66–69.

8. *Эйсман А. А.* Заключение эксперта. Структура и научные обоснования / А. А. Эйсман. – Москва : Юрид. лит., 1967. – 152 с.

References

1. *Borzov A. A.* Features of Investigation of the Official Crimes Committed in Law Enforcement Agencies of Russia at the Initial Stage. Vladimir, 2008. 197 p.

2. *Evstigneeva O. V.* The Use of Special Knowledge in Proving the Preliminary Investigation in the Russian Criminal Proceedings. Saratov, 1998. 194 p.

3. *Il'ina A. M.* Mandatory Use of Special Knowledge in Criminal Proceedings. Ekaterinburg, 2005. 303 p.

4. *Klyuchnikova M. A.* Features of Production of Inspection at Investigation of Crimes in the Sphere of Implementation of Purchases for Maintenance of the State Needs of the Penal System. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta*. 2015. No. 1(34). P. 38–40.

5. *Lazareva L. V.* Special Knowledge and Their Application in Proving a Criminal Case. Moscow, Yurlitinform, 2009. 224 p. ISBN 978-5-93295-461-4.

6. *Sakhnova T. V.* Forensic Examination. Moscow, Gorodecz, Formula Prava, 1999. 365 p. ISBN 5-89391-052-4.

7. *Stepanov V. V., Shapiro L. G.* Special Knowledge in Forensic Examination. *Sudebnaya E'kspertiza*. 2004. No. 1. P. 66–69.

8. *E'jsman A. A.* The Expert's Conclusion. Structure and Scientific Justification. Moscow, Yuridicheskaya Literatura, 1967. 152 p.

Библиографическое описание статьи

Бодяков В. Н. Особенности использования специальных знаний при расследовании преступлений в сфере осуществления закупок для обеспечения государственных нужд / В. Н. Бодяков, М. А. Ключникова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 17–20.

УДК 347.963+343.326

Вилинский Глеб Олегович,
аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: vilinskygleb@mail.ru

Vilinskij Gleb O.,
Post-graduate Student of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

ОСНОВНЫЕ ЦЕЛИ НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ФИНАНСИРОВАНИЮ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ТЕРРОРИЗМА

Basic Objectives of Supervision for Implementation of Laws on Countering Financing Extremist Activities and Terrorism

Аннотация. Статья посвящена анализу основных целей надзора за исполнением законов о противодействии финансированию экстремистской деятельности и терроризма и некоторых вытекающих из них задач. Автором в соответствии с положениями отдельных федеральных законов и нормативных актов выделены основополагающие цели и задачи указанного надзора, определены как теоретические основы их выделения, так и практические направления их реализации.

Ключевые слова: правоохранительные органы; прокурорский надзор; прокурор; противодействие финансированию экстремистской деятельности и терроризма; российское законодательство; терроризм; экстремистская деятельность.

Abstract. The article describes the main objectives of supervision of the enforcement of laws on countering the financing of extremist activities and terrorism and some of the tasks arising from them. The author, in accordance with the provisions of individual federal laws and regulations, identified the fundamental goals and important tasks of this supervision, both theoretical foundations for their allocation and practical directions for their implementation are indicated.

Key words: law enforcement agencies; prosecutor's supervision; a prosecutor; countering the financing of extremist activities and terrorism; the Russian legislation; terrorism; extremist activities.

Важным направлением работы органов прокуратуры является реализация мер, направленных на пресечение финансирования террористической и экстремистской деятельности [7]. Данные меры реализуются посредством осуществления прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии финансированию экстремистской деятельности и терроризма.

На невозможность успешной борьбы с экстремизмом и терроризмом «без создания надежного заслона на пути финансовой и в целом материально-технической подпитки» террористических (экстремистских) организаций указывал министр иностранных дел Российской Федерации на XVI Совещании руководителей спецслужб, органов безопасности и правоохранительных органов иностранных государств – партнеров ФСБ России [1].

Накал борьбы с экстремизмом и его наиболее опасной разновидностью – терроризмом на протяжении последних десяти лет не снизился, а наоборот, значительно возрос. Это связывают с активизацией различных националистических, этнических, религиозных и иных организаций, чья деятельность направлена на нарушение единства и разрушение территориальной целостности нашего государства, дестабилизацию политической и социальной ситуации [9, с. 7].

Наглядно это подтверждает и тот факт, что только за текущий год правоохранительными органами выявлены законспирированные ячейки террористов в 17 различных субъектах Российской Федерации, предотвращено почти 20 попыток осуществления терактов [6].

Указанную точку зрения также можно подкрепить и данными статистического отчета органов прокуратуры по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности (форма ФБ) по России. Так, в 2017 г. органами прокуратуры выявлено 184 578 нарушений законов в сфере противодействия экстремизму и терроризму, а в 2018 г. – 211 195 нарушений. Таким образом, прирост выявленных прокурорами нарушений составил более 14 %. В первом полугодии 2019 г. выявлено 130 130 нарушений законов, что сопоставимо с аналогичным показателем 2018 г. (134 713).

Приведенные факты свидетельствуют о своевременности постановки перед органами прокуратуры целей и основных задач в сфере противодействия финансированию экстремистской деятельности и терроризма (далее: ФЭДиТ). В связи с этим прокуроры как минимум раз в полугодие проводят проверки исполнения законов в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, направленную на установление и ликвидацию источников и каналов финансирования экстремизма; проводят сверки информации и материалов, направленных Росфинмониторингом и его территориальными подразделениями в правоохранительные органы.

© Вилинский Г. О., 2019

В общем лексическом понимании цель – это то, к чему стремятся, то, чего хотят достичь [3]. Надзор как элемент деятельности органов прокуратуры преследует определенные цели, связанные в первую очередь с обеспечением исправного функционирования правового государства.

Главной целью прокурорского надзора являются обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защита прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Это закреплено в ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». На достижение этой цели направлены все надзорные средства прокуратуры.

Более детально цели надзора за исполнением законов, осуществляемого в определенных сферах правоотношений, определяются правовыми актами Генеральной прокуратуры Российской Федерации и прокуроров регионального звена, которые являются непосредственными исполнителями в ходе реализации ими прокурорско-надзорных мероприятий [8, с. 168].

Основные вопросы надзора за исполнением законов в сфере противодействия ФЭДиТ закреплены в приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 8 февраля 2017 г. № 87 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию экстремистской деятельности и терроризма» (далее: приказ ГП РФ № 87). В то же время в приказе ГП РФ № 87 цели надзора не конкретизированы.

Таким образом, целесообразным является на основании анализа положений федеральных законов и нормативных актов Генеральной прокуратуры Российской Федерации сформулировать важнейшие цели надзора за исполнением законов в сфере противодействия ФЭДиТ, к которым можно отнести:

– обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности в сфере противодействия ФЭДиТ (в том числе исключение неправомерных действий/бездействия органов госконтроля и агентов финансового мониторинга);

– защиту охраняемых законом интересов общества и государства (публичного интереса) в сфере противодействия ФЭДиТ;

– обеспечение предупреждения и профилактики нарушений законов в сфере противодействия ФЭДиТ специальными, присущими исключительно органам прокуратуры, надзорными средствами.

В неразрывной связи с целями находятся задачи надзора как составные элементы, которые необходимо разрешить на пути достижения общей цели. Эффективность надзора за исполнением закона, с учетом специфики деятельности прокуратуры, во многом предопределяется законодательно закрепленным запретом на любое вмешательство в осуществление прокурорского надзора. Именно данный факт дает возможность прокурорам сохранить независимость при решении поставленных задач [5, с. 14].

В сравнении с целями задачи органов прокуратуры значительно разнообразнее и многочисленнее. В то же время они более предметны, определены как прямые призывы к осуществлению конкретной деятельности и, как правило, находят свое отражение в организационно-распорядительных актах, в частности, в приказах Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Существуют как общие задачи надзора в рассматриваемой сфере, которые определены в приказе Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», так и отдельные специфические задачи, которые необходимо разрешить в конкретной сфере правоотношений.

Предметные задачи надзора за исполнением законов в сфере противодействия ФЭДиТ не нашли прямого отражения в приказе ГП РФ № 87, который в большей степени является руководством к действию.

По мнению доктора юридических наук А. Х. Казариной, задачи прокурора при осуществлении надзора за исполнением законов заключаются в триединстве следующих действий: выявление правонарушения; установление виновных лиц; принятие мер к наказанию виновных и восстановление нарушенных прав [2, с. 192].

Задачи, стоящие перед прокурорским надзором и надзором за исполнением законов, в целом являются общими. Однако, помимо общих задач, надзор за исполнением законов имеет и свои отдельные отраслевые задачи. Наиболее существенные среди них: выявление фактов неисполнения законов и издания незаконных правовых актов; своевременное их выявление; пресечение и устранение выявленных правонарушений; устранение негативных последствий правонарушений; привлечение виновных к ответственности; выявление и устранение причин и условий, способствовавших совершению правонарушений.

Для качественного выполнения вышеперечисленных задач прокурорам необходимо решить целый ряд более конкретных подзадач, к которым в общем плане можно отнести: установление контактов со всеми источниками информации о пра-

вонарушениях; получение оперативных, полных и объективных сведений о лицах, совершивших правонарушения; организацию надлежащего контроля за выполнением требований прокурора, вытекающих из мер реагирования; организацию планирования проведения прокурорских мероприятий; обеспечение участия в прокурорских проверках необходимого специалиста для решения вопросов, выходящих за компетенцию прокурора; обеспечение повышения квалификации прокуроров в указанной сфере [4, с. 31].

Унифицируя задачи прокурорского надзора за исполнением законов и положения приказа ГП РФ № 87, можно выделить для прокурора основные задачи надзора за исполнением законов о противодействии ФЭДиТ, а именно:

– обеспечение принятия профилактических мер, направленных на предупреждение фактов финансирования экстремистской деятельности и терроризма, которые заключаются в надзоре за исполнением учреждениями, перечисленными в ст. 5 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», требований, установленных законодательством в сфере противодействия ФЭДиТ;

– организация систематических проверок исполнения уполномоченными государством контролирующими и надзорными органами, их территориальными и обособленными подразделениями, должностными лицами, требований законодательства в исследуемой сфере;

– полная реализация контрольно-надзорными органами функций по выявлению, пресечению и устранению фактов несоблюдения норм законодательства в рассматриваемой сфере;

– принятие мер реагирования на ненадлежащее выполнение контрольно-надзорными органами возложенных на них функций по контролю за деятельностью организаций, осуществляющих операции с денежными средствами и иным имуществом в сфере противодействия ФЭДиТ;

– обеспечение привлечения виновных лиц к установленной законом ответственности, а также принятие мер для выяснения фактов причастности виновных лиц к деятельности экстремистских и террористических организаций, общественных и религиозных объединений, незаконных вооруженных формирований, определение степени их участия в противоправных действиях;

– обеспечение надзора за исполнением требований законодательства при формировании уполномоченным органом перечня организаций и (или) физических лиц, в отношении которых имеются полученные в установленном законом порядке сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, а также за своевременностью, полнотой, законностью и обоснованностью применяемых мер по замораживанию (блокированию) денежных средств или иного имущества, приостановлению финансовых операций по основаниям, предусмотренным законодательством;

– обеспечение постоянного информационного обмена с Росфинмониторингом и его подразделениями о состоянии законности в сфере операций с денежными средствами и иным имуществом. Проведение не реже одного раза в полугодие сверки информации и материалов, направленных в правоохранительные и налоговые органы;

– в органах, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, систематическое изучение дел оперативного учета и иных оперативно-служебных материалов на предмет полноты и законности принимаемых мер по выявлению, пресечению, раскрытию и предупреждению преступлений, связанных с ФЭДиТ;

– обеспечение процесса повышения квалификации подчиненных работников, осуществляющих надзор на данном направлении, что может осуществляться в том числе посредством практических семинаров и учебных занятий.

Перечень задач не является исчерпывающим и периодически может корректироваться в соответствии с состоянием законности в рассматриваемой сфере.

Таким образом, задачи прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии ФЭДиТ довольно обширны и для эффективного осуществления требуют широкого спектра полномочий прокурора.

Подводя итог, можно констатировать, что деятельность органов прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов о противодействии ФЭДиТ является действенным средством укрепления законности в сфере обеспечения национальной безопасности, предупреждения и профилактики правонарушений экстремистской (террористической) направленности. В целях укрепления законности в данной сфере необходимо продолжать совершенствование прокурорского надзора, что можно обеспечить за счет конкретизации целей и задач надзора и закрепления их в нормативном акте Генеральной прокуратуры Российской Федерации, регламентирующем организацию прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии ФЭДиТ.

Библиографический список

1. Доклад министра иностранных дел Российской Федерации С. Лаврова. – URL: http://www.mid.ru (дата обращения: 25.09.2019).

2. *Казарина А. Х.* Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов (сфера предпринимательской и иной экономической деятельности) / А. Х. Казарина. – Москва : ИПК РК Генер. прокуратуры РФ, 2005. – 278 с.

3. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – Москва : Рус. яз., 1984. – 798 с.

4. Основные функции прокуратуры Российской Федерации : учеб. пособие для магистрантов / Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2014.

5. Проверка прокурором исполнения законов : пособие / [под общ. ред. Н. В. Субановой] ; Генер. прокуратура Рос. Федерации ; Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. – Москва, 2015. – 124 с.

6. РИА Новости : [сайт]. – URL: https://ria.ru/20190917/1558757029.html/ (дата обращения: 25.09.2019).

7. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2016 год : информ.-аналит. записка / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. О. С. Капинус. – Москва : Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2017. – 113 с.

8. *Субанова Н. В.* Теоретические и прикладные основы прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе : специальность 12.00.11 «Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность»; 12.00.14 «Административное право, административный процесс» : дис. на соискание учен. степ. д-ра юрид. наук / Субанова Наталья Викторовна ; Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва, 2014. – 463 с.

9. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор : монография / П. В. Агапов, А. С. Васнецова, С. В. Борисов [и др.]. – Москва : Проспект, 2016. – 360 с. – ISBN 978-5-392-20548-6.

References

1. Report of the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S. Lavrov. URL: http://www.mid.ru (accessed date: 25.09.2019).

2. *Kazarina A. Kh.* The Subject and Scope of Prosecutorial Supervision of the Implementation of Laws. Moscow, IPK RK General'noj Prokuratury' RF, 2005. 278 p.

3. *Ozhegov S. I.* Dictionary of the Russian Language. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Russkij Yazy'k, 1984. 798 p.

4. The Main Functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Moscow, Akademiya General'noj Prokuratury' Rossijskoj Federacii, 2014.

5. Verification by the Prosecutor of the Implementation of Laws. Ed. by N. V. Subanova. Moscow, General'naya Prokuratura Rossijskoj Federacii, 2015. 124 p.

6. RIA Novosti. Website. URL: https://ria.ru/20190917/1558757029.html/ (accessed date: 25.09.2019).

7. The state of law and order in the Russian Federation and the work of prosecution authorities. 2016: inform. Ed. by doctor of law, prof. O. S. Kapinus. Moscow, Akademiya General'noj Prokuratury' Rossijskoj Federacii, 2017. 113 p.

8. *Subanova N. V.* Theoretical and Applied Principles of Prosecutorial Supervision of the Enforcement of Laws on the Licensing System. Moscow, 2014. 463 p.

9. *Agapov P. V., Vasneczova A. S., Borisov S. V. et al.* Extremism: Counteraction Strategy and Prosecutorial Supervision. Moscow, Prospekt, 2016. 360 p. ISBN 978-5-392-20548-6.

Библиографическое описание статьи

Вилинский Г. О. Основные цели надзора за исполнением законом о противодействии финансированию экстремистской деятельности и терроризма / Г. О. Вилинский // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 21–24.

УДК 343.131.5

Владимиров Сергей Владиславович,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского юридического института ФСИН России кандидат юридических наук
E-mail: sergvladimirof@yandex.ru

Vladimirov Sergej V.,
Assistant Professor of Criminal Procedure and Criminology Department of Samara Law Institute of the FPS of Russia PhD (Law)

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ АДВОКАТАМ СВИДАНИЙ С ПОДОЗРЕВАЕМЫМИ, ОБВИНЯЕМЫМИ, СОДЕРЖАЩИМИСЯ ПОД СТРАЖЕЙ, ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ СОГЛАСИЯ НА УЧАСТИЕ АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ

Problems of Providing Lawyers with Meetings with Suspects, Accused, Detainees in Order to Obtain Consent for Participation of a Lawyer in a Criminal Case

Аннотация. Статья посвящена правовым и правоприменительным проблемам предоставления адвокатам свиданий с подозреваемыми и обвиняемыми, содержащимися под стражей, для получения согласия на участие адвоката в уголовном деле. Проанализирована судебная практика нарушений права подозреваемых, обвиняемых на получение своевременной квалифицированной юридической помощи. На основе рассмотренных проблемных вопросов сделаны предложения по внесению изменений и дополнений в ст. 49 УПК РФ.

Ключевые слова: адвокат; подозреваемый; обвиняемый; право на защиту; уголовное дело; свидание; следственный изолятор.

Abstract. The article is devoted to the legal and enforcement problems of providing lawyers with visits to suspects and accused detainees in order to obtain consent for participation of a lawyer in a criminal case. The judicial practice of violations of the rights of suspects accused of receiving timely qualified legal assistance is analyzed. Based on the considered problematic issues, proposals have been made to amend and supplement Art. 49 Code of the Criminal Procedure.

Key words: a lawyer; a suspect; an accused; right to defense; a criminal case; an appointment; a remand prison.

Правовое государство не может существовать и развиваться в условиях нарушения основных прав и свобод человека. Конституция Российской Федерации в ст. 2 закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод – обязанность государства. Особо важное значение данные положения приобретают в уголовно-процессуальной сфере, непосредственно связанной с ограничением конституционных прав и свобод человека.

Подозреваемый и обвиняемый как основные субъекты уголовного преследования и уголовно-процессуального принуждения, безусловно, должны быть вправе защищать свои права и законные интересы всеми не запрещенными законом способами. Основополагающая значимость данной идеи для уголовно-процессуальной деятельности выражена в закреплении принципа обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту в ст. 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ), что говорит о правозащитной и гуманистической направленности уголовно-процессуального законодательства.

Гарантия государством права на защиту неразрывно связана с реализацией и другого конституционного принципа – презумпции невиновности. Закрепленный в ст. 49 Конституции Российской Федерации принцип презумпции невиновности находит свое дальнейшее развитие в ст. 14 УПК РФ. Его суть в следующем: подозреваемый, обвиняемый не обязаны доказывать свою невиновность, бремя доказывания лежит на стороне обвинения; все сомнения в виновности подозреваемого, обвиняемого толкуются в их пользу; обвинительный приговор не может быть основан на предположениях – обстоятельства дела должны быть исследованы всесторонне, полно и объективно, а при производстве по уголовному делу подлежат выяснению не только изобличающие и отягчающие обстоятельства, но и свидетельствующие о невиновности подозреваемого, обвиняемого или смягчающие наказание.

Основным средством обеспечения подозреваемого, обвиняемого правом на защиту является предоставление им в соответствии со ст. 48 Конституции Российской Федерации, ст. 50 УПК РФ квалифицированной юридической помощи, которую в стадии предварительного следствия оказывают адвокаты.

Обязанность реализации права подозреваемого, обвиняемого на защиту и, в частности, на квалифицированную юридическую помощь возложена на лицо, в производстве которого находится уголовное дело и, в случае нахождения по-

© Владимиров С. В., 2019

дозреваемого, обвиняемого в местах изоляции от общества, – на администрацию соответствующего учреждения ФСИН России. Основанием вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника при этом выступает предъявление им ордера и удостоверения адвоката. По общему правилу, оригинал ордера находится при уголовном деле.

Допуск адвоката к его подзащитному, содержащемуся в следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) в соответствии с УПК РФ, Федеральным законом от 15 июня 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», также производится по предъявлении им удостоверения адвоката и ордера. Истребование у адвоката каких-либо иных документов запрещено. Однако поскольку оригинал ордера, как правило, находится в уголовном деле, сложилась практика предъявления в следственном изоляторе УИС удостоверения адвоката и копии ордера, заверенной гербовой печатью следственного органа (органа дознания), в производстве которого находится уголовное дело. Такое заверение копии ордера гербовой печатью следственного подразделения свидетельствует об уже состоявшемся вступлении адвоката в уголовное дело.

Федеральным законом от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» существенно расширены процессуальные права адвокатов-защитников, упрощена процедура их вступления в уголовное дело. Одним из новшеств стало введение в ст. 49 УПК РФ ч. 4.1, предусматривающей свидание адвоката с подозреваемыми, обвиняемыми при необходимости получения их согласия на участие адвоката в деле еще перед вступлением в уголовное дело. Указанная норма предполагает первое посещение адвокатом своего будущего подзащитного, как правило, в следственном изоляторе УИС. В этом случае адвокат вправе явиться в следственный изолятор на первое свидание к подозреваемому, обвиняемому только лишь для получения у него согласия на представление его интересов в следственных и судебных органах. Свидание с подозреваемым, обвиняемым осуществляется по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Копии ордера, заверенной печатью следственного подразделения, на данном этапе адвокат не имеет, так как в уголовное дело еще не вступил.

В настоящее время единообразной практики толкования вышеуказанных нормативных правовых актов, регламентирующих основания и порядок предоставления свиданий подозреваемым и обвиняемым с адвокатами для получения согласия на участие адвоката в уголовном деле, в следственных изоляторах УИС нет. Одни сотрудники следственных изоляторов беспрепятственно пропускают адвокатов, предъявивших удостоверение и ордер, другие – по-прежнему требуют «согласия следователя» на свидание с подозреваемым, обвиняемым. Справедливости ради следует отметить, что случаи истребования у адвокатов дополнительных документов, помимо удостоверения и ордера, после вступления в силу Федерального закона от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ сократились. При этом данные случаи не прекратились полностью, о чем свидетельствуют жалобы адвокатов на нарушение их прав в судебные органы [2; 3].

По данному вопросу не сложилась и единообразная судебная практика. Вопрос о перечне документов, предъявляемых адвокатом для представления интересов его подзащитного, в том числе в следственных изоляторах УИС, неоднократно становился предметом судебного разбирательства.

С одной стороны, еще до вступления в силу УПК РФ Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 25 октября 2001 г. № 14-П указано, что выполнение адвокатом, имеющим ордер, процессуальных обязанностей защитника не может быть поставлено в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, основанного на не перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, исключающих участие этого адвоката в деле.

Данной позиции придерживается и Министерство юстиции Российской Федерации. Так, заместителем министра юстиции Российской Федерации в письме от 13 апреля 2017 г. № 07/73242-АА указано на необходимость соблюдения государственными органами и должностными лицами положений Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», согласно которым: защитнику предоставляются свидания с подозреваемым и обвиняемым по предъявлении удостоверения адвоката и ордера; истребование у адвоката иных документов запрещается; для предоставления учреждениями ФСИН России указанных встреч не требуется информация о допуске адвоката к участию в уголовном деле. УПК РФ также не содержит положений о каких-либо взаимных требованиях к порядку посещения адвокатами подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, а также полномочиях органов следствия и суда представлять администрации следственного изолятора информацию об адвокатах, допущенных или отведенных от участия в уголовном деле [4].

Следственный комитет Российской Федерации также поддерживает вышеуказанные положения и ориентирует в письме от 13 апреля 2017 г.

№ 07/73242-АА по указанному вопросу личный состав ведомства на строгое исполнение требований закона с учетом позиции Конституционного Суда Российской Федерации [4].

С другой стороны, и после вступления в законную силу Федерального закона от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ суды по-прежнему отказывают адвокатам в удовлетворении их административных исков к следственным изоляторам УИС, чье руководство отказало адвокатам, предъявившим удостоверение и ордер, в праве на свидание с заключенным.

Так, в августе 2017 г. административный истец адвокат С. обратилась в Преображенский районный суд г. Москвы с иском к одному из следственных изоляторов г. Москвы о признании незаконными действия об отказе в посещении подзащитного З. для оказания ему юридической помощи; с требованием устранить допущенное нарушение и обеспечить ей доступ в следственный изолятор для посещения подзащитного З. на основании указанных законом документов без разрешения следователя. При рассмотрении дела судом было установлено, что адвокат С. прибыла в изолятор для оказания юридической помощи обвиняемому З., предъявив при этом ордер, выданный коллегией адвокатов, и удостоверение адвоката. Сотрудник изолятора пояснила, что посетить подзащитного можно после согласования данного вопроса со следователем, в производстве которого находится уголовное дело. Далее истец обратилась с письменным заявлением к начальнику учреждения, однако в свидании с подзащитным было отказано. Как следует из пояснений администрации следственного изолятора, была проведена проверка материалов личного дела обвиняемого З., направлен запрос посредством факсимильной связи о предоставлении информации в отношении адвоката С. Поскольку из следственного отдела следственного управления поступил ответ, что адвокат С. в качестве защитника З. к участию в уголовном деле не допускалась, у администрации следственного изолятора не было юридических оснований в предоставлении свидания с обвиняемым З.

Решением Преображенского районного суда г. Москвы от 2 ноября 2017 г. по делу № 2а-1989/2017 адвокату С. в удовлетворении заявленных требований было отказано в полном объеме. В обоснование своей позиции суд пояснил, что: именно следователь, а не должностные лица следственного изолятора решают вопрос о допуске адвоката в качестве защитника; предъявление адвокатом ордера и удостоверения не является подтверждением обстоятельств его участия в уголовном процессе в качестве защитника; следователь решает вопрос о допуске защитника с учетом возможных установленных законом ограничений (например, невозможность быть защитником двух лиц, если интересы одного из них противоречат интересам другого и др.); отказ в предоставлении свидания адвоката с подзащитным обусловлен отсутствием в следственном изоляторе «уведомления следователя о допуске к защите на указанную дату».

Анализируя данный судебный акт, позволим себе высказаться не только о недопустимости вынесения подобного решения в целом, но и об использовании ряда формулировок, в частности.

Во-первых, действующая на момент вынесения судом решения редакция УПК РФ уже не предусматривала термина «допуск» защитника к участию в деле. Защитник автоматически «вступает» в уголовное дело по предъявлении удостоверения адвоката и ордера независимо от воли следственных, судебных или исполняющих уголовные наказания органов, обладая при этом всем комплексом полномочий, предусмотренных ч. 3 ст. 53 УПК РФ. Во-вторых, адвокату, предъявившему ордер и удостоверение, не требуется подтверждения его участия в уголовном процессе в качестве защитника. Он может явиться на свидание к заключенному в следственный изолятор, например, в рамках выполнения требований ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ не как участник уголовного процесса, а как лицо, предлагающее свои услуги подозреваемому, обвиняемому в качестве защитника, с которым родственники последнего или иные лица заключили соглашение об оказании юридической помощи. При этом закон, на наш взгляд, не должен содержать ограничений по количеству и продолжительности свиданий для выполнения требований рассматриваемой нормы. В этой связи прав В. М. Быков, который считает необходимым дополнить ч. 4.1 УПК РФ нормой о невозможности ограничения времени свидания адвоката с подозреваемым, обвиняемым при выполнении требований данной статьи [1, с. 108]. В-третьих, защитник с момента предъявления удостоверения адвоката и ордера считается уже вступившим в дело, и только потом в порядке ч. 2 ст. 72, ч. 1 ст. 69 УПК РФ при наличии на то оснований может решаться вопрос о его отводе. В-четвертых, истребование сотрудниками следственного изолятора УИС у адвоката, помимо ордера и удостоверения, других документов запрещено, что дополнительного обоснования не требует.

Не менее спорными представляются решения по данному делу судов вышестоящих инстанций. Так, Апелляционным определением Московского городского суда от 14 марта 2018 г. по делу № 33а-1387/2018 решение суда первой инстанции оставлено без изменения. Справедливости ради нужно сказать, что суд апелляционной инстанции хотя

бы отметил, что адвокат С., обращаясь с ходатайством о предоставлении свидания, не ссылалась на необходимость получения согласия обвиняемого на участие адвоката в уголовном деле в порядке п. 4.1 ст. 49 УПК РФ. В передаче кассационной жалобы адвоката на вышеуказанные судебные решения для рассмотрения ее судом кассационной инстанции также было отказано. В обоснование отказа Московский городской суд в определении от 20 декабря 2018 г. № 4га/5-962/2018 указывает на тот факт, что адвокат в своих правах восстановлен, так как администрация следственного изолятора больше не чинит препятствий в свиданиях с подзащитным.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сформулировать ряд выводов. С момента вступления Федерального закона от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ в юридическую силу существенно расширены процессуальные права адвокатов-защитников, упрощена процедура вступления их в уголовное дело. Введение в ст. 49 УПК РФ ч. 4.1, предусматривающей свидание адвоката с подозреваемыми, обвиняемыми при необходимости получения их согласия на участие адвоката в уголовном деле, являлось необходимым и оправданным шагом на пути расширения законных возможностей у участников уголовного процесса со стороны защиты в реализации принципа обеспечения подозреваемому, обвиняемому права на защиту. При этом данная норма должна содержать прямое указание на невозможность ограничения времени свидания адвоката с подозреваемым, обвиняемым. Случаи необоснованных отказов в предоставлении свиданий адвокатам, имеющим при себе необходимые для свидания документы, с лицами, содержащимися в следственных изоляторах УИС, имеют тенденцию к сокращению. В результате обжалования адвокатами отказов в предоставлении свиданий единообразной судебной практики принятия решений по таким жалобам не сложилось. По-прежнему имеет место вынесение необоснованных и противоречащих судебной практике отдельных судебных решений не в пользу адвокатов, отстаивающих перед государственными органами свои законные полномочия на свидание с лицами, заключенными под стражу. Причины вынесения подобных решений могут объясняться несвоевременным перестроением деятельности некоторых судов в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства, нежеланием признавать допущенные должностными лицами государственных органов нарушения закона, особенностями расследования конкретного уголовного дела и взаимоотношениями адвоката-защитника с органами уголовной юстиции.

Библиографический список

1. *Быков В. М.* Новый закон о правах адвоката в уголовном судопроизводстве: научный комментарий / В. М. Быков // Современное право. – 2017. – № 11. – С. 108–112.

2. *Кузнецов Г.* «Законный» недопуск / Г. Кузнецов, В. Велимирова. – URL: www.advgazeta.ru/novosti/zakonnyy-nedopusk/ (дата обращения: 11.09.2019).

3. По закону – участие, а на деле – допуск? – URL: www.advgazeta.ru/novosti/po-zakonu-uchastie-a-na-dele-dopusk/ (дата обращения: 11.09.2019).

4. Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека : [сайт]. – URL: http://president-sovet.ru/documents/read/554/ (дата обращения: 10.09.2019).

References

1. *By'kov V. M.* New Law on the Rights of a Lawyer in Criminal Proceedings: Scientific Commentary. *Sovremennoe Pravo.* 2017. No. 11. P. 108–112.

2. *Kuzneczov G., Velimirova V.* «Legal» Inadmissibility. URL: www.advgazeta.ru/novosti/zakonnyy-nedopusk/ (accessed date: 11.09.2019).

3. By law – participation, but in practice – admission? URL: www.advgazeta.ru/novosti/po-zakonu-uchastie-a-na-dele-dopusk/ (accessed date: 11.09.2019).

4. Presidential Council of the Russian Federation civil society development and human rights. Website. URL: http://president-sovet.ru/documents/read/554/ (accessed date: 10.09.2019).

Библиографическое описание статьи

Владимиров С. В. Проблемы предоставления адвокатам свиданий с подозреваемыми, обвиняемыми, содержащимися под стражей, для получения согласия на участие адвоката в уголовном деле / С. В. Владимиров // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 25–28.

УДК 347.4

Галицкий Руслан Владимирович,
начальник тыла Владимирского линейного отдела МВД России на транспорте
E-mail: pto33.vlovdt@yandex.ru

Galiczkij Ruslan V.,
Head of Service of the Rear of Vladimir Linear Department of the MIA of Russia on Transport

Клочихин Вячеслав Анатольевич,
старший преподаватель кафедры организации финансово-экономического, материально-технического и медицинского обеспечения Академии управления МВД России
E-mail: v.klochikhin@gmail.com

Klochikhin Vyacheslav A.,
Senior Lecturer of Financial, Economic, Logistics and Medical Support Department of Academy of Management of the MIA of Russia

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

Issues of Improving Legislation in the Field of Procurement of Goods, Works, Services to Ensure State and Municipal Needs

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена дефицитом и эффективностью освоения средств, выделяемых на обеспечение органов внутренних дел Российской Федерации. В статье рассмотрено современное состояние деятельности органов внутренних дел по осуществлению закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд посредством проведения аукциона в электронной форме. Проанализированы компетенция заказчика и сложности правоприменения на всех этапах закупочной деятельности.

Ключевые слова: контрактная система; электронный аукцион; освоение бюджета; субъекты закупочной деятельности; компетенция заказчика; расторжение контракта.

Abstract. The relevance of the article is due to the lack and effectiveness of the development of funds allocated to ensure the internal affairs of the Russian Federation. The article considers the current state of the activities of the internal affairs bodies in implementation of procurement for state and municipal needs through the auction in electronic form. The competence of the customer and the complexity of law enforcement at all stages of procurement are analyzed.

Key words: a contract system; an electronic auction; budget development; procurement entities; customer competence; contract termination.

Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» к основным задачам по реализации направления, касающегося развития системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики, помимо прочего, отнесены: совершенствование механизмов бюджетного планирования, осуществление контроля в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, предотвращение картельных сговоров, повышение эффективности бюджетных расходов.

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее: Закон о контрактной системе) регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, субъектом которых, наряду с другими, является и МВД России. Согласно распоряжению Правительства Российской Федерации от 12 июля 2018 г. № 1447-р «Об утверждении Перечня операторов электронных площадок, предусмотренного частью 3 статьи 24.1 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, частью 11 статьи 3.4 Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ, и Перечня операторов специализированных электронных площадок, предусмотренного частью 3 статьи 24.1 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, операторов электронных площадок для осуществления закрытых конкурентных закупок, предусмотренного частью 4 статьи 3.5 Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ» указанная функция осуществляется субъектами закупочной деятельности на следующих электронных площадках: ЗАО «Сбербанк-АСТ», ООО «РТС-тендер», АО «ЕЭТП», АО «РАД», АО «ТЭК-Торг», АО «ЭТС», АО «АГЗРТ», ООО «ЭТП ГПБ». При этом наибольшее количество извещений (44 % от общего количества) размещается в автоматизированной системе торгов ЗАО «Сбербанк-АСТ».

© Галицкий Р. В., Клочихин В. А., 2019

Согласно статистическим показателям Минфина России, характеризующим результаты осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, наиболее распространенным конкурентным способом определения поставщика является электронный аукцион, доля извещений которого в 2017, 2018 гг. от общего количества размещенных извещений составила 59,64 и 60,4 % соответственно [3].

Следует отметить, что в МВД России освоение бюджета на протяжении ряда лет осуществляется в условиях системной оптимизации и дефицита средств на обеспечение деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [1]. Это обстоятельство требует наличия высочайшей компетентности заказчиков.

Учитывая дифференцированный подход по возложению служебных задач на различные подразделения органов внутренних дел, формирование контрактных служб или назначение контрактных управляющих производится согласно Закону о контрактной системе в обязательном порядке из числа сотрудников тыловых подразделений, имеющих высшее профессиональное образование или дополнительное профессиональное образование в сфере закупок. Кроме того, из числа сотрудников органов внутренних дел создаются комиссии по осуществлению закупок (аукционные комиссии), при формировании которых заказчик включает в состав комиссии преимущественно лиц, прошедших профессиональную переподготовку или повышение квалификации в сфере закупок, а также лиц, обладающих специальными познаниями, относящимися к объекту закупки.

Принимая во внимание стратегическую важность рассматриваемого направления как для государственных органов, в частности, так и для государства в целом, необходимо отметить, что, помимо определенной заданности уровня профессионализма заказчика, со стороны законодателя требуется постоянная и динамичная работа, связанная с мониторингом применения правовых норм, регулирующих процедуру закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд и их совершенствование [2].

Эта пресуппозиция подразумевает качественное и эффективное освоение бюджетных средств, объективным предназначением которого будет являться планомерное и своевременное распределение материальных ресурсов в органах внутренних дел, в том числе и за счет освоения образовавшейся экономии лимитов бюджетных обязательств. Этот тезис нашел свое отражение как в статистических сведениях, так при осуществлении закупочной деятельности. Заказчики, включая и МВД России, применяя на электронных торговых площадках конкурентные способы определения подрядчиков поставщиков, смогли сэкономить бюджетные средства на сумму 203, 4 млрд руб. [3].

Несмотря на объективно положительные результаты в виде реальной экономии бюджетных средств, следует отметить, что определенные сложности в сфере правоприменения испытывают уполномоченные субъекты на стадиях реализации их функций.

Так, в обязанность заказчика вменено принятие решения об одностороннем отказе от исполнения контракта, если в ходе исполнения контракта установлено, что поставщик (подрядчик, исполнитель) и (или) поставляемый товар не соответствуют установленным извещением об осуществлении закупки и (или) документацией о закупке требованиям к участникам закупки и (или) поставляемому товару или представил недостоверную информацию о своем соответствии и (или) соответствии поставляемого товара таким требованиям, что позволило ему стать победителем определения поставщика (подрядчика, исполнителя) (п. 1 ч. 15 ст. 95 Закона о контрактной системе).

При этом важно понимать, что аукционная комиссия еще до заключения контракта, на этапе определения поставщиков, отклоняет (отстраняет) участников закупки в связи с несоответствием предоставленных последними сведений о своей правоспособности. Для принятия такого решения рассматривается информация, содержащаяся в реестре участников аукциона, размещенном на электронной площадке. Кроме того, дополнительно достоверность предоставленных сведений без затруднений можно проверить на официальных сайтах Федеральной налоговой службы, Федеральной службы судебных приставов и других информационных ресурсах.

Вместе с тем при проверке той же аукционной комиссией соответствия поставляемого товара описанию объекта закупки, содержащемуся в документации об электронном аукционе, аукционная комиссия, при отсутствии в заявках на участие в электронном аукционе конкретного наименования производителя или товарного знака, производит сравнение на соответствие предоставленных конкретных показателей товара, что, как правило, в дальнейшем, на этапе исполнения контракта, не вызывает каких-либо осложнений. Однако одновременно с показателями товара участники закупки вправе, а в некоторых случаях и обязаны (ст. 14 Закона о контрактной системе) указывать конкретное наименование производителя и товарный знак, при этом действия аукционной комиссии также будут ограничиваться сопоставлением предоставленных конкретных показателей товара и описания объекта закупки. Таким обра-

зом, работая только с официально предоставленными документами, члены аукционной комиссии проявляют некий профессиональный индифферентизм, что в настоящее время отчасти оправдано законодателем.

Во-первых, положения Закона о контрактной системе не содержат требования к заказчику о мониторинге сайтов производителей поставляемого товара, а также получения от производителей официальных сведений о характеристиках продукции.

Во-вторых, запрос официальных сведений о качественных и технических характеристиках товара не позволит принять своевременное решение в рамках рассмотрения заявок на участие в аукционе.

Впоследствии, уже при поставке товара, ввиду ошибок или недобросовестных действий поставщиков, а также отсутствия вышеобозначенных проверок со стороны заказчика, нередки случаи выявления нарушений условий контракта в части несоответствия товара описанию объекта закупки, что, как правило, влечет его расторжение.

Следует подчеркнуть, что законодательство допускает расторжение контракта по соглашению сторон, по решению суда, в случае одностороннего отказа стороны контракта от исполнения контракта в соответствии с гражданским законодательством. Кроме того, заказчик вправе принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации (ч. 9 ст. 95 Закона о контрактной системе).

Согласно данным Федерального казначейства и ФАС России наибольшее количество расторгнутых контрактов приходится на закупки, осуществляемые путем проведения электронного аукциона – 56 626 фактов (52,4 % от общего количества расторгнутых контрактов, в денежном эквиваленте – 3,8 %, или 5 134 млрд руб.) от общего количества контрактов, заключенных по итогам проведения электронного аукциона.

Необходимо отметить, что расторжение контракта по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 15 ст. 95 Закона о контрактной системе, в связи с существенным нарушением его условий влечет негативные последствия для поставщика. Информация о нем включается в установленном порядке в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), что, по сути, затруднит или исключит вовсе его дальнейшую коммерческую деятельность в этой сфере. Для заказчика негативные последствия будут выражены в приостановке или отмене закупки и, как следствие, задержке при вводе в эксплуатацию закупаемого имущества, или последующем отзыве несвоевременно освоенных лимитов бюджетных обязательств из подразделения. Безусловно, Федеральным законом от 1 мая 2019 г. № 71-ФЗ внесены изменения в Закон о контрактной системе, где предусмотрена возможность заключения контракта со вторым участником аукциона без проведения торгов, но только после внесения уполномоченным органом в реестр недобросовестных поставщиков победителя аукциона, что никаким образом не стимулирует процесс освоения денежных лимитов.

Для того чтобы избежать указанной ответственности, поставщики реализуют возможность поставки товара, наименование производителя которого или товарный знак не соответствуют установленным в извещении.

Департамент бюджетной политики в сфере контрактной системы Минфина России в своем письме от 20 октября 2017 г. № 24-02-08-70126 «О действиях заказчика при выявлении несоответствия поставляемого товара установленным требованиям» допускает возможность поставки товара, наименование производителя и/или товарный знак которого не соответствуют установленным в контракте, и одновременно указывает на обязанность заказчика о принятии решения об одностороннем отказе от исполнения контракта в случае предоставления недостоверной информации.

Наряду с этим, необходимо учесть тот факт, что действующее законодательство не раскрывает содержание термина «недостоверная информация, предоставленная участником закупки», при этом положениями Закона о контрактной системе разъяснены только основания отклонения заявок участников закупки за предоставление недостоверной информации либо отражены основания расторжения заключенного контракта. На практике выясняется, что заказчику фактически невозможно определить и исключить момент предоставления недостоверных сведений о характеристиках товара. Как отмечалось выше, поставщик вправе предложить товар с улучшенными характеристиками, при этом законодатель не обязывает подтверждать наличие товара у поставщика, соответствующего техническому заданию.

Возникает определенная сложность, связанная с решением, которое должен в этой ситуации принять заказчик. Законодателем в этой ситуации предусмотрена возможность расторгнуть контракт или принять товар с улучшенными характеристиками.

В этих условиях любое из принятых заказчиком решений, при последующем осуществлении проверок уполномоченными органами, контрольно-ревизионными службами или при проверках, инициированных в рамках осуществления общественного контроля за закупочной деятельностью,

может быть поставлено под сомнение. Заказчики будут вынуждены доказывать обоснованность принятия решений, а учитывая вариативность действий, заказчик всегда остается в ожидании объективного вменения.

Резюмируя вышеизложенное, считаем, что, учитывая государственную важность решаемых заказчиками задач, необходимо произвести нормативно-правовое преобразование законодательства, регулирующего правоотношения в области закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в частности, исключить неоднозначную позицию законодателя в области предоставления недостоверной информации субъектами закупочной деятельности, конкретизировать само понятие «недостоверность информации, предоставленной участником закупки». Одновременно с этим продолжить внедрение инновационных технологий в Единую информационную систему в сфере закупок посредством включения в каталог товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд не только наименований и единиц измерения, но и характеристик закупаемой продукции.

Принятые меры позволят очистить правоотношения от недобросовестных участников на ранних стадиях закупочной деятельности, защитить заказчика от ошибок и недобросовестных действий поставщиков.

Очевидно, что своевременное и качественное, экономное и эффективное освоение доведенных лимитов бюджетных обязательств позволит обеспечить осуществление деятельности, возложенной на органы внутренних дел, на должном уровне, даже в условиях консервативной политики МВД России.

Библиографический список

1. *Клочихин В. А.* Развитие контрактной системы в Российской Федерации: правовой аспект / В. А. Клочихин // Современные тенденции развития юридической науки : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Казань : Сириус, 2019. – ISBN 978-5-00140-173-5. – С. 54–58.

2. *Клочихин В. А.* К вопросу о роли органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности в сфере государственных закупок / В. А. Клочихин // Приоритетные направления развития современной юридической науки : сб. тр. конф. – Волгоград : ИП Черняева Юлия Игоревна, 2019. – ISBN 978-5-6042596-4-1. – С. 64–67.

3. Министерство финансов Российской Федерации : [сайт]. – URL: minfin.ru/ru (дата обращения: 22.10.2019).

References

1. *Klochikhin V. A.* Development of the Contract System in the Russian Federation: Legal Aspect. *Modern Trends in the Development of Legal Science.* Kazan', Sirius, 2019. ISBN 978-5-00140-173-5. P. 54–58.

2. *Klochikhin V. A.* On the Role of Internal Affairs Bodies in Ensuring Economic Security in Public Procurement. *Priority Areas for the Development of Modern Legal Science.* Volgograd, IP Chernyaeva Yuliya Igorevna, 2019. ISBN 978-5-6042596-4-1. P. 64–67.

3. Ministry of Finance of the Russian Federation. Website. URL: minfin.ru/ru (accessed date: 22.10.2019).

Библиографическое описание статьи

Галицкий Р. В. Вопросы совершенствования законодательства в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд / Р. В. Галицкий, В. А. Клочихин // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 29–32.

УДК 343.241

Горшкова Наталья Андреевна,
старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: natva33@mail.ru

Gorshkova Natal'ya A.,
Senior Lecturer of Criminal Law and Criminology Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law)

АНАЛИЗ ПОТЕНЦИАЛА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В АСПЕКТЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Criminal Punishment Potential Analysis in the Aspect of Legal Activity at the Present Stage

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению практики деятельности судов Российской Федерации за 2018 г. в области назначения основных и дополнительных видов наказаний, а также условного осуждения.

Ключевые слова: наказание; виды наказаний; потенциал уголовного наказания; основные виды наказания; дополнительные виды наказания; условное осуждение.

Abstract. The article is devoted to the review of practice of the courts of the Russian Federation for 2018 in the field of appointment of basic and additional types of sentences, as well as probation.

Key words: punishment; types of punishments; potential for criminal punishment; main types of punishment; additional types of punishment; conditional conviction.

Модернизация института уголовного наказания в Российской Федерации является сопутствующим элементом современного развития правовой системы. Законодательные новеллы, как правило, обосновываются положительным или отрицательным правоприменительным опытом, даже несмотря на то, что исследователи уже давно отмечают комплексную проблему нестабильности уголовного законодательства и характеризуют ее как «преимущественно негативную» [2, с. 619–635]. Общественную потребность в уголовно-правовых новеллах предопределяет не столько стремление законодателя осуществлять реформы ради реформ, сколько совокупность обновляющихся социальных и духовных процессов, нуждающихся в пересмотре механизма их защиты [4, с. 245–246]. Насколько такая защита является эффективной, можно уяснить, ориентируясь как минимум на два критерия: 1) уровень преступности в Российской Федерации и 2) грамотное использование судами Российской Федерации всего предусмотренного в УК РФ карательного потенциала уголовного наказания.

На настоящий момент УК РФ содержит 13 видов уголовного наказания. Все они в определенном объеме наполняют содержательную часть каждой санкции уголовно-правовой нормы, включенной в Особенную часть УК РФ. Как правомерно указывает З. А. Адилов, «виды наказаний образуют систему, и от эффективности законодательной регламентации и практического применения каждой меры зависит потенциал всего института уголовного наказания» [1, с. 153]. Современный потенциал уголовного наказания можно оценить на основании анализа востребованности судами Российской Федерации тех или иных видов наказаний.

Так, в 2018 г. в качестве основного наказания суды Российской Федерации отдавали предпочтение назначению лишения свободы. Осуждены к этому виду наказания были 187 794 чел. (28,5 % от общего количества осужденных в 2018 г.). На втором месте по востребованности оказались обязательные работы – 116 058 осужденных (17,6 %). К штрафу в качестве основного вида наказания было приговорено 85 760 чел. (13 %). К исправительным работам были привлечены 56 450 чел. (8,6 %). Ограничение свободы было назначено 22 966 осужденным (3,5 %), принудительные работы – 795 чел. (0,1 %). Ограничение по военной службе было применено в отношении 187 чел. (0,03 %). В отношении 183 чел. (0,03 %) было избрано наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Содержание в дисциплинарной воинской части было назначено 90 осужденным (0,01 %), пожизненное лишение свободы – 59 виновным (0,009 %). Арест был избран в отношении 5 осужденных (0,0007 %) [6].

Приведенные данные свидетельствуют о том, что лишение свободы остается самым востребованным видом основного наказания. Однако если обратиться к анализу санкций уголовных норм Особенной части УК РФ, то лишение свободы только в некоторых из них установлено как единственно возможный вид наказания (например, ч. 1 ст. 105,

© Горшкова Н. А., 2019

ст. 111, ч. 1–4 ст. 131, ч. 1–4 ст. 132, ст. 150, ч. 1–2 ст. 205 УК РФ и др.). Соответственно, избрание данного вида наказания обусловлено не столько ограниченностью санкций, сколько тяжестью совершаемых преступлений и отрицательной характеристикой личности виновного. Тем не менее суды все чаще стали использовать наказания, не связанные с изоляцией от общества. Это говорит о положительной тенденции к усилению карательного потенциала наказаний, альтернативных лишению свободы. Такие наказания, как штраф, исправительные работы, обязательные работы способны в современных условиях оказать нужное стимулирующее воздействие на осужденного.

Кроме того, в 2018 г. судами были востребованы дополнительные виды наказаний. Так, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью было назначено 57 475 осужденным (8,7 %), штраф – 7 852 (1,2 %), ограничение свободы – 7 080 (1,07 %), лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград – 171 осужденному (0,02 %) [6]. Данные виды наказаний, как справедливо заметили О. В. Старков и С. Ф. Милюков, позволяют учесть важнейшие параметры криминологической характеристики как самого преступления, так и личности виновного и поэтому носят ярко выраженный превентивный характер [5, с. 63]. Вопреки правомерному утверждению Л. Р. Комаровой относительно того, что дополнительные виды наказаний выполняют вспомогательную роль, когда функционального воздействия основного наказания недостаточно для достижения тех или иных целей уголовного наказания [3, с. 7], представленные данные свидетельствуют о том, что дополнительные виды наказаний применяются судами не так часто. В связи с этим можно сделать вывод, что основной вид наказания (без назначения дополнительного) все же способен сегодня избирательно воздействовать на осужденных.

Отдельного внимания заслуживает условное осуждение. Юридически считаясь видом освобождения от наказания, условное осуждение фактически все более превращается в реальный вид наказания [5, с. 85]. Более того, законодатель ежегодно наращивает карательный потенциал данной меры. Это подтверждается большим количеством изменений, внесенных законодателем федеральными законами от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ, от 29 марта 2010 г. № 33-ФЗ, от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ, от 16 октября 2012 г. № 172-ФЗ, от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ, от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ, от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ в ст. 73, 74 УК РФ.

На практике также наблюдается значительный интерес судов к использованию условного осуждения. Так, в 2018 г. условно к наказанию в виде лишения свободы было приговорено 169 030 чел., что составило чуть более четверти от всего количества осужденных за этот период – 25,7 %. Условное осуждение к иным видам наказаний (исправительные работы, ограничение по военной службе, содержание в дисциплинарной воинской части) было применено в отношении 12 629 чел. (1,9 %) [6].

По итогам проведенного исследования можно заключить, что в 2018 г. суды придерживались совершенно полярных направлений в области избрания виновным меры ответственности. С одной стороны, востребованным оказалось лишение свободы на определенный срок, с другой – условное осуждение, не связанное с изоляцией от общества. Потенциал других видов наказаний пока еще не раскрыт в полном объеме, о чем свидетельствует весьма низкие показатели судебной статистики.

Вместе с тем необходимо отметить объективное стремление правоприменителей минимизировать количество назначаемых наказаний, связанных с изоляцией от общества. Именно такой подход в ближайшем будущем должен стать необходимым и достаточным воплощением карательного потенциала наказания.

Библиографический список

1. *Адилов З. А.* Потенциал уголовного наказания и проблемы его эффективности в борьбе с преступностью : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Адилов Заур Адилович ; Дагестанский государственный университет. – Махачкала, 2003. – 176 с.

2. *Гаухман Л. Д.* Избранные труды / Л. Д. Гаухман ; сост.: В. П. Морозова, С. В. Максимов. – Санкт-Петербург : Юрид. центр, 2016. – 800 с. – ISBN 978-5-94201-738-5.

References

1. *Adilov Z. A.* The Potential of Criminal Punishment and Problems of Its Effectiveness in the Fight against Crime. Makhachkala, 2003. 176 p.

2. *Gaukhman L. D.* Selected Works. Compl. V. P. Morozova, S. V. Maksimov. Saint Petersburg, Yuridicheskij Centr, 2016. 800 p. ISBN 978-5-94201-738-5.

3. *Komarova L. R.* Basic and Additional Types of Punishments: Problems of Their Systematization. Kazan', 2007. 209 p.

3. *Комарова Л. Р.* Основные и дополнительные виды наказаний: проблемы их систематизации : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Комарова Лилия Рифовна ; Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2007. – 209 с.

4. *Прозументов Л. М.* Криминология (Общая часть) / Л. М. Прозументов, А. В. Шеслер. – Томск : ТГУ, 2017. – 284 с. – ISBN 978-5-94621-638-8.

5. *Старков О. В.* Наказание: уголовно-правовой и криминопенологический анализ / О. В. Старков, С. Ф. Милюков. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. – 461 с. – ISBN 5-94201-030-7.

6. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894 (дата обращения: 06.09.2019).

4. *Prozumetov L. M., Shesler A. V.* Criminology (General Part). Tomsk, TGU, 2017. 284 p. ISBN 978-5-94621-638-8.

5. *Starkov O. V., Milyukov S. F.* Punishment: Criminal Law and Criminopenological Analysis. Saint Petersburg, Yuridicheskij Centr Press, 2001. 461 p. ISBN 5-94201-030-7.

6. The Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Website. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894 (accessed date: 06.09.2019).

Библиографическое описание статьи

Горшкова Н. А. Анализ потенциала уголовного наказания в аспекте правоприменительной деятельности на современном этапе / Н. А. Горшкова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 33–35.

УДК 343.326:343.85

Дондоков Гармадоржи Рыгзынович,
аспирант Забайкальского государственного университета, военнослужащий в/ч 2567
E-mail: g.dondokov@mail.ru

Dondokov Garmadorzhi R.,
Post-graduate Student of Transbaikal State University, Military Officer 2567

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, СТОЯЩИЕ ПЕРЕД ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

Some Problems Facing Local Governments in the Field of Prevention of Terrorism and Extremism among Youth

Аннотация. В статье анализируются проблемные вопросы участия органов местного самоуправления в профилактической деятельности, направленной на противодействие экстремистским проявлениям в среде молодежи. Сформулированы предложения по реализации мер, нацеленных на борьбу с экстремизмом и терроризмом, в том числе в интернет-пространстве.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; мессенджер; профилактика экстремизма; комплекс мер по противодействию экстремизму и терроризму.

Abstract. This article reveals the problematic issues of participation of local governments in preventive activities aimed at countering extremist manifestations among young people. Proposals are formulated for the implementation of measures aimed at combating extremism and terrorism, including web space.

Key words: extremism; terrorism; messenger; prevention of extremism; a set of measures to counter extremism and terrorism.

Актуальность проблемы борьбы с экстремизмом (а также наиболее общественно опасной его формой – терроризмом) обусловлена рядом факторов. На заседании Национального антитеррористического комитета 8 октября 2019 г. директор ФСБ России Александр Бортников сообщил, что более десятка террористических актов было предотвращено с начала текущего года на Северном Кавказе. По его словам, террористы готовили преступления в местах массового скопления людей, планировали нападения на сотрудников правоохранительных органов, одних только террористических ячеек удалось раскрыть несколько десятков. А. Бортников особо подчеркнул, что «сторонники международных террористических организаций активизировали свои действия по распространению идеологии терроризма, вовлечению в противоправную деятельность жителей Северо-Кавказского федерального округа, в первую очередь молодежи, созданию законспирированных ячеек» [1].

Число зарегистрированных преступлений рассматриваемой категории также свидетельствует о том, что проблема борьбы с экстремизмом и терроризмом в настоящее время не утратила свою актуальность. Так, согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2018 г. было зарегистрировано 1 679 преступлений террористического характера и 1 265 преступлений экстремистской направленности. Примечательно, что в 2010 г. их было зарегистрировано лишь 581 и 656 соответственно, а с 2010 г. статистика данных преступлений характеризуется в основном тенденцией к росту. По состоянию на сентябрь 2019 г. в России зарегистрировано 1 382 преступления террористического характера и 454 преступления экстремистской направленности. Абсолютным лидером по количеству совершенных террористических преступлений является Республика Дагестан (на этот регион приходится примерно треть всех совершаемых в России преступлений данной категории), далее идут: г. Москва, Пермский край, Свердловская область, Самарская область, Республика Татарстан, Московская область [2].

В настоящее время существует обширный перечень нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы противодействия экстремизму и терроризму. Отечественным законодателем в течение последних пяти лет внесено большое количество изменений и дополнений в различные законы и подзаконные нормативные правовые акты по вопросам противодействия экстремизму и терроризму. На фоне общей либерализации уголовного законодательства наблюдаются устойчивая тенденция к расширению перечня преступлений террористического характера и экстремистской направленности, а также серьезное ужесточение наказаний за такие преступления.

В связи с тем, что сейчас существует большое количество преступлений, отнесенных к террористическим и экстремистским, должно быть четкое понимание сути таких явлений, как экстремизм

© Дондоков Г. Р., 2019

и терроризм, чтобы вести эффективную борьбу с ними. Однако специальные законы (федеральные законы от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (далее: ФЗ № 35) и от 25 февраля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее: ФЗ № 114) не дают однозначных ответов. Так, если понятие «терроризм» в ФЗ № 35 определено вполне конкретно, то дефиниция экстремизма (экстремистской деятельности) согласно ФЗ № 114 включает в себя более десятка элементов противоправной деятельности различного характера и в разных сферах. Далее, ФЗ № 35 разделяет понятия «терроризм» и «террористическая деятельность», в то время как ФЗ № 114 употребляет понятия «экстремизм» и «экстремистская деятельность» как тождественные. В ФЗ № 114 также установлено, что террористическая деятельность – это составляющая экстремизма (экстремистской деятельности). Перечисленные обстоятельства осложняют понимание в обществе сути экстремизма и терроризма и, как следствие, затрудняют противодействие данным явлениям.

Нам представляется, что из всех субъектов противодействия терроризму и экстремизму наиболее тесно взаимодействовать с населением имеют возможность именно органы местного самоуправления.

Так, в ст. 4 ФЗ № 114 в качестве одного из субъектов противодействия экстремистской деятельности указаны органы местного самоуправления, которые «участвуют в противодействии экстремистской деятельности в пределах своей компетенции». В ст. 5 ФЗ № 114 определено, что «…органы местного самоуправления в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности». Права органов местного самоуправления в сфере профилактики правонарушений перечислены в ст. 12 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Положение об участии органов местного самоуправления в профилактике терроризма и экстремизма, а также в минимизации и ликвидации последствий проявления терроризма и экстремизма закреплено в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Несмотря на это, в обществе прочно укрепилось мнение, что субъектом противодействия экстремизму выступают исключительно силовые (правоохранительные) структуры.

Правоохранительные органы осуществляют свою деятельность на этапе пресечения преступных деяний, их расследования, ликвидации негативных последствий совершенных преступлений. Однако они не в состоянии одни бороться с экстремизмом и терроризмом, а эффективность противодействия этим явлениям в первую очередь будет определяться надежностью функционирования системы предупреждения, в которой ключевую роль играют органы местного самоуправления. На государственном уровне определены основные направления и ориентиры профилактики терроризма и экстремизма, однако из всех органов власти федерального и регионального уровней органы местного самоуправления выделяются как наиболее приближенные к повседневным проблемам общества, на постоянной основе контактирующие с широким кругом населения, в том числе и в рамках противодействия экстремизму и терроризму.

В соответствии со ст. 5.2 ФЗ № 114 органы местного самоуправления в числе прочего: реализуют муниципальные программы в области профилактики терроризма, организуют и проводят в муниципальных образованиях информационно-пропагандистские мероприятия по разъяснению сущности терроризма и его общественной опасности, а также по формированию у граждан неприятия идеологии терроризма, в том числе путем распространения информационных материалов, печатной продукции, проведения разъяснительной работы и иных мероприятий, участвуют в мероприятиях по профилактике терроризма, организуемых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации, направляют предложения в органы исполнительной власти по вопросам участия в профилактике терроризма.

Однако перечисленные в законодательстве полномочия органов местного самоуправления носят общий характер, не предполагают организации и проведения системной профилактической работы среди населения, в том числе среди молодежи. В связи с этим нередко органы местного самоуправления минимизируют свое участие в деятельности по предупреждению терроризма и экстремизма, несмотря на то, что профилактические меры имеют решающее значение в предупреждении данных видов преступной деятельности. Это обстоятельство обусловлено в первую очередь недостатком финансирования противодействия терроризму и экстремизму на муниципальном уровне.

Необходимо четко понимать, в какой среде зарождается обозначенная преступная деятельность. Так, для России наибольшую актуальность

имеет вовлечение в террористическую и экстремистскую деятельность молодежи (в первую очередь мужского населения в возрасте от 17 до 30 лет). Кроме того, лица, вовлекаемые в экстремистские и террористические структуры, характеризуются отсутствием постоянного источника дохода, низким уровнем образования (как правило, среднее или неполное среднее).

В настоящее время отмечается тенденция к росту количества фактов вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность через ресурсы информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Для этого используются мессенджеры, социальные сети, сайты. Через такие ресурсы осуществляются обмен информацией, руководство преступной деятельностью, финансирование террористической и экстремистской деятельности.

Современное молодое поколение самостоятельно противостоять воздействию экстремистских и террористических идей не в состоянии. Через неформальные объединения молодежи идет проникновение в ее сознание экстремистских и террористических идей и взглядов, активно применяемые ими интернет-ресурсы обеспечивают охват широкой аудитории и провоцирование их на хулиганские или другие преступные действия.

Учитывая вышеизложенное, нужно отметить, что при высокой актуальности проведения профилактической работы среди молодежи правовая основа предупреждения террористической и экстремистской деятельности на региональном и муниципальном уровнях еще недостаточно проработана. Очевидно, что у органов местного самоуправления не хватает средств и возможностей для осуществления на местном уровне системной профилактики терроризма и экстремизма (в том числе профилактики распространения деструктивных идей и взглядов).

В качестве характерного негативного примера рассмотрим ситуацию, сложившуюся в Республике Хакасия. Так, органы прокуроры Республики Хакасия в качестве одного из недостатков в профилактической работе органов местного самоуправления отмечали низкую эффективность деятельности муниципальных антитеррористических комиссий. Согласно результатам прокурорских проверок, ежегодные программы профилактики экстремистских проявлений либо не разрабатывались, либо предусматривали минимальное финансирование [3]. Представляется, что похожая ситуация имеет место и в других регионах России.

В целях повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления по предупреждению терроризма и экстремизма предлагаем следующее.

1. Наладить взаимодействие органов местного самоуправления с правоохранительными органами по линии противодействия терроризму и экстремизму, взаимообмен сведениями о случаях экстремистских проявлений в среде молодежи. На основании полученных данных правоохранительными органами может активно использоваться институт вынесения официальных предостережений о недопустимости осуществления экстремистской деятельности и предупреждений субъектам в связи с осуществлением ими экстремистской деятельности, что на практике встречается крайне редко.

2. Организовать мониторинг в коллективах обучающихся образовательных организаций высшего и среднего звена в целях выявления фактов распространения в их среде террористических и экстремистских идей (в том числе использование для этого результатов анализа открытых данных, размещаемых в социальных сетях); организовать и провести мероприятия антитеррористической и антиэкстремистской тематики, привлекая для участия в них молодежь, поощряя и стимулируя активных участников таких мероприятий.

3. Наладить взаимодействие с общественными организациями и иными объединениями в интересах проведения гражданского контроля появления экстремистских материалов в Интернете.

4. Организовать в муниципальных образованиях «телефоны доверия» (сайты в Интернете), на которые можно сообщать о фактах экстремистских проявлений, распространении информации о них в молодежной среде.

5. Оказать поддержку патриотическим движениям, создать условия для самостоятельной активности молодежи по противодействию терроризму и экстремизму, в том числе противодействию распространению деструктивных идей и взглядов.

Итак, в настоящее время проблема противодействия терроризму и экстремизму среди молодежи остро стоит перед всеми органами власти. Органы местного самоуправления как максимально приближенные к населению являются теми субъектами, которые обладают наибольшими возможностями по профилактике данных негативных явлений. Однако только при должном научном, правовом и финансовом обеспечении деятельности органов местного самоуправления по профилактике терроризма и экстремизма среди молодежи могут быть получены хорошие результаты.

Библиографический список

1. Бортников: на Северном Кавказе совершено два террористических преступления. – URL: regnum.ru/news/polit/2741718.html (дата обращения: 01.11.2019).

2. Генеральная прокуратура Российской Федерации : [сайт]. – URL: genproc.gov.ru (дата обращения: 04.11.2019).

3. *Попов Д. Г.* Координация и надзор в сфере противодействия экстремизму и терроризму / Д. Г. Попов // Законность. – 2016. – № 4. – С. 6–9.

References

1. Bortnikov: two terrorist crimes were committed in the North Caucasus. URL: regnum.ru/news/polit/2741718.html (accessed date: 01.11.2019).

2. Prosecutor General of the Russian Federation. Website. URL: genproc.gov.ru (accessed date: 04.11.2019).

3. *Popov D. G.* Coordination and Supervision in the Field of Countering Extremism and Terrorism. *Zakonnost'*. 2016. No. 4. P. 6–9.

Библиографическое описание статьи

Дондоков Г. Р. Некоторые проблемы, стоящие перед органами местного самоуправления в сфере профилактики терроризма и экстремизма среди молодежи / Г. Р. Дондоков // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 36–39.

УДК 343.232

Зезюлина Татьяна Александровна,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: tatina_zezyulina@mail.ru

Zezyulina Tat'yana A.,
Head of Criminal Law and Criminology Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИЙ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Legislative Regulation of Categories of Crimes at the Present Stage

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению правовых и социальных предпосылок, обусловивших внесение изменений в ст. 15 Уголовного кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ.

Ключевые слова: преступление; категории преступлений; неосторожные деяния; тяжкие преступления.

Abstract. The article is devoted to consideration of legal and social preconditions that led to the introduction of amendments to Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation by the Federal Law of June 17, 2019 No. 146-FZ.

Key words: crime; crime categories; careless acts; serious crimes.

Вопреки уже сложившемуся за последние годы мнению относительно целенаправленного курса по либерализации уголовного законодательства Российской Федерации, отдельные отрасли уголовного закона характеризуются усилением своего карательного потенциала. Это относится и к такому базисному для всего Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) инструменту, как категории преступлений.

Будучи закрепленными в ст. 15 УК РФ категории преступлений предопределяют не только границы меры ответственности лица, совершившего преступление, но и сроки давности, вид исправительного учреждения (если назначенное наказание связано с лишением свободы), сроки условно-досрочного освобождения, погашения судимости и многие другие условия, закрепленные в Общей части УК РФ. Если говорить в общем, то правы А. Г. Кулев и Л. О. Кулева, которые в данном аспекте отмечают «субстанциональное значение» категорий преступлений для уголовного права [2, с. 131]. Сама по себе категоризация преступлений, по справедливому мнению А. М. Конаровского, «отражает дифференциацию ответственности на законодательном уровне и создает фундамент для индивидуализации наказания» [1, с. 6]. В этой связи категории преступлений являются отправным ориентиром для справедливого принятия решения по каждому преступному деянию и, по сути, предопределяют дальнейшую судьбу лица, преступившего закон.

Сконструированные в зависимости от характера и степени общественной опасности категории преступлений еще с момента их закрепления в УК РФ в 1996 г. претерпели не так много законодательных изменений. Ключевыми являются изменения, внесенные Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым были изменены правила определения категорий преступлений небольшой и средней тяжести, а также была введена ч. 6 ст. 15 УК РФ, дающая право судам самостоятельно изменять категорию преступления на менее тяжкую.

В современных условиях ст. 15 УК РФ вновь подверглась законодательной редакции. Так, согласно Федеральному закону от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» категории преступлений были изменены в части, касающейся неосторожных деяний. Отныне преступлениями средней тяжести признаются неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное УК РФ, не превышает десяти лет лишения свободы. Напомним, что ранее для неосторожных преступлений средней тяжести максимального срока наказания в виде лишения свободы предусмотрено не было, законодатель ограничивался фразой «…превышает три года лишения свободы».

Кроме того, впервые в истории российского уголовного законодательства неосторожные деяния отнесены к категории тяжких преступлений. Максимальное наказание за неосторожные тяжкие преступления предусмотрено УК РФ не свыше пятнадцати лет лишения свободы.

Каковы же причины столь кардинального пересмотра подхода к категориям неосторожных преступлений? По нашему мнению, УК РФ содержит достаточно большое количество неосторожных

© Зезюлина Т. А., 2019

преступлений, последствия совершения которых весьма колоссальны не только для конкретного гражданина, но и для общества, а также государства в целом. Не зря составы неосторожных преступлений в большинстве своем сконструированы как материальные. К тому же многие из совершаемых по неосторожности преступлений имеют широкий общественный резонанс. Именно поэтому оценка таких деяний в качестве преступлений небольшой или средней тяжести уже давно не соотносится с характером их общественной опасности. Приведем в качестве примера наиболее часто совершаемые неосторожные преступления, включенные в гл. 27 УК РФ «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспортных средств». Неосторожные преступления в рамках данной главы сконструированы законодателем в качестве материальных, влекущих за собой причинение тяжкого вреда здоровью человека, смерти одному или двум и более лицам. Если сравнить неосторожное преступление, предусмотренное ч. 6 ст. 264 УК РФ (наказание в виде лишения свободы от восьми до пятнадцати лет), и умышленное деяние, предусмотренное п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (наказание в виде лишения свободы от восьми до двадцати лет).

Не принимая во внимание разницу в механизме совершения самого общественно опасного деяния, в обоих случаях общественно опасные последствия выражены в наступлении смерти как минимум двух потерпевших. Однако первое преступление до недавнего времени выступало в качестве преступления средней тяжести, а второе – как особо тяжкое. Отсюда вытекали и иные правовые последствия для виновного в совершении преступления средней тяжести, вплоть до возможности освобождения от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 75 и 76 УК РФ. Даже в глазах общественности, в большинстве своем не знающей тонкостей юридической техники конструирования уголовно-правовых норм, такая ситуация вызывала много нареканий.

Именно по причине такой несогласованности уголовно-правовых норм законодатель пересмотрел свои позиции относительно неосторожных деяний с точки зрения их категоризации. Еще в 2006 г. в рамках своего исследования А. О. оглы Курбанов подчеркивал, что «неосторожное преступление де-факто может рассматриваться как тяжкое» [3, с. 4]. Сегодня мы уже де-юре можем относить отдельные неосторожные преступления к категории тяжких. Мы установили, что таких преступлений в УК РФ не так много – всего четыре, предусмотренные ч. 2.1, 4 ст. 263, ч. 4, 6 ст. 264 УК РФ. Все эти деяния связаны с нарушением отношений в области транспортной безопасности и влекущие за собой смерть потерпевших.

Между тем другие преступления, совершаемые по неосторожности, которые содержатся в различных главах УК РФ, остались преступлениями средней тяжести (например, ч. 3 ст. 109, ч. 3 ст. 247, ч. 2 ст. 248, ч. 3 ст. 263, ч. 2–4 ст. 263.1, ч. 3 ст. 293 УК РФ и др.). Ввиду этого возникает вопрос: для чего необходимо было пересматривать сроки наказания в виде лишения свободы для категории средней тяжести неосторожных преступлений и устанавливать верхний предел в виде десяти лет лишения свободы? По всей видимости, это было сделано с тем, чтобы развести категории средней тяжести и тяжких неосторожных преступлений. Ведь граница в виде десяти лет лишения свободы соотносится с аналогичной границей для разделения тяжких и особо тяжких категорий для умышленных преступлений.

На наш взгляд, произошедшие и перспективные законодательные изменения должны быть апробированы практикой и доказывать свою целесообразность. С положительной стороны можно отметить ужесточение уголовно-правовых репрессий в отношении лиц, допускающих тяжкие преступления, предусмотренные ч. 2.1, 4 ст. 263, ч. 4, 6 ст. 264 УК РФ, поскольку количество деяний, предусмотренных этими нормами, ежегодно увеличивается. Полагаем, что в ближайшее время законодатель пересмотрит ряд санкций и за другие неосторожные преступления, дабы подвести их под категорию тяжких.

В то же время весьма тревожным выглядит тот факт, что пока не внесены изменения в ст. 58 УК РФ. Действующие правила назначения лицам, совершившим преступления по неосторожности, отбывания наказания в колониях-поселениях (п. «а» ч. 1 ст. 58 УК РФ) уже не соответствуют п. «б» ч. 1 этой же статьи, где речь идет о назначении исправительной колонии для лиц, совершивших тяжкие преступления. Этот пробел в законодательстве стал следствием рассмотренного реформирования категорий преступлений и до его устранения будет вызывать сложности в правоприменительной деятельности.

В заключение отметим, что реформа категорий преступлений была объективно необходима. Однако этому в большей степени способствовали социальные предпосылки, нежели правовые. В то же время измененные положения ст. 15 УК РФ в части, касающейся неосторожных деяний, позволяют в будущем переосмыслить содержание и других, не менее важных, институтов уголовного законодательства.

Библиографический список

1. *Конаровский А. М.* Категории преступлений в зависимости от их тяжести и вопросы уголовной ответственности : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Конаровский Александр Михайлович ; Московский институт экономики, политики и права. – Москва, 2003. – 169 с.

2. *Кулев А. Г.* Категоризация преступлений при конструировании уголовно-процессуальных норм / А. Г. Кулев, Л. О. Кулева // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 2. – С. 130–137.

3. *Курбанов А. О. оглы.* Социально-правовая сущность преступления и категории преступлений по уголовному праву России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Курбанов Анар Октай оглы ; Московский институт экономики, политики и права. – М., 2006. – 165 с.

References

1. *Konarovskij A. M.* Categories of Crimes Depending on Their Severity and Issues of Criminal Responsibility. Moscow, 2003. 169 p.

2. *Kulev A. G., Kuleva L. O.* Categorization of Crimes in the Design of Criminal Procedure Norms. *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava.* 2019. No. 2. P. 130–137.

3. *Kurbanov A. O. ogly'.* Social and Legal Essence of a Crime and Categories of Crimes under the Criminal Law of Russia. Moscow, 2006. 165 p.

Библиографическое описание статьи

Зезюлина Т. А. Законодательная регламентация категорий преступлений на современном этапе / Т. А. Зезюлина // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 40–42.

УДК 343.98

Комаров Игорь Михайлович,
профессор кафедры криминалистики МГУ им. М. В. Ломоносова
доктор юридических наук, профессор
E-mail: mgu.ikomariv@mail.ru

Komarov Igor' M.,
Professor of Criminalistics Department of MSU named after M. V. Lomonosov
Doctor of Law, Professor

ПРИНЦИПЫ И СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОСНОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ ФСИН РОССИИ

The Principles and Organizational Basis of Activities on Crime Prevention in the Institutions and Bodies of the FPS of Russia

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные для теории криминалистики вопросы, которые связаны с обоснованием принципов деятельности субъектов системы органов ФСИН России по предупреждению преступлений осужденных, а также со структурой системы организационных основ предупреждения преступлений, которая представляет собой общую модель поведения указанных субъектов, реализующих на практике посредством своих полномочий важную правоохранительную профилактическую функцию в системе мер борьбы с преступностью.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическое предотвращение преступлений; принципы предотвращения преступлений; система организационной деятельности.

Abstract. The article deals with topical issues for the theory of criminology, which are related to substantiation of the principles of activity of the subjects of the system of bodies of the Federal penitentiary service for the prevention of crimes in Russia, as well as the structure of the system of organizational bases of crime prevention, which is a General model of behavior of these subjects, implementing in practice, through their powers, an important law enforcement preventive function in the system of measures to combat crimes.

Key words: criminalistics; criminalistics prevention of crimes; crime prevention principles; the system of organizational activities.

В основе организации деятельности по предупреждению преступлений в учреждениях и органах ФСИН России лежит ряд принципов, назначение которых понимается нами как правила определенного поведения, которые должны использовать субъекты соответствующей правоохранительной деятельности. Среди них основным принципом является законность. Все применяемые криминалистические способы и средства предупреждения преступлений должны соответствовать действующему законодательству – уголовному, уголовно-процессуальному, оперативно-розыскному и уголовно-исполнительному.

Принцип криминалистического прогнозирования, основанный на выявлении устойчивых тенденций предкриминального развития личности осужденного к лишению свободы или ситуации расследования профилактического характера, базируется на закономерностях возникновения и развития преступной деятельности осужденных в местах лишения свободы и деятельности лиц, уполномоченных по ее предупреждению.

Принцип системности отражает комплексность предупредительных мероприятий, взаимодействие управомоченных субъектов на основе правовой и организационной координации их деятельности.

Принцип компетентности означает научную обоснованность принимаемых следователем, дознавателем и оперативным работником решений в целях квалифицированного применения способов и средств предотвращения осужденными преступлений. В основе этих решений лежит собственная компетенция приведенных субъектов.

Еще одним немаловажным принципом рассматриваемого вида деятельности выступает принцип соподчиненности различных уровней организации. Его реализация в практике предупреждения преступлений наиболее характерна для учреждений и органов ФСИН России, начальники которых являются органами дознания. В их подчинении находятся дознаватели и оперативные работники, непосредственно реализующие предупредительную деятельность криминалистическими способами и средствами в соответствующих учреждениях и органах. Принимаемые ими решения в большинстве случаев должны согласовываться с начальником органа дознания, в чем, собственно, и выражается соподчиненность. В этом смысле соподчиненность согласуется с принципом законности.

Организационные основы предотвращения преступлений в учреждениях и органах ФСИН России представляют собой структурированную систему. В связи с этим необходимо выделить и обосновать значение элементов этой системы для соответствующей организационной предупредительной деятельности субъектов правоохранительной деятельности.

© Комаров И. М., 2019

В организационных основах указанного вида деятельности базовым элементом является исходная информация об обстоятельствах, способствовавших или способствующих совершению преступления, а также о подготавливаемых и начатых преступлениях. Данное положение выглядит закономерным, так как прежде чем начинать предупредительную деятельность в отношении чьего-либо противоправного поведения, следует получить полную и достоверную информацию об этот поведении, оценить ее вред для общества и соотнести с субъективной компетенцией [4, с. 109].

Криминалистические способы и средства получения данной информации многообразны. В их числе, например, такие, как: информация, полученная оперативным путем от осведомителей и граждан, заявления граждан как устные, так и письменные, официальные сообщения правомочных должностных лиц, непосредственное обнаружение криминальных фактов следователем, органом дознания, дознавателем, оперативным работником в процессе производства ими соответствующих следственных и оперативных действий и пр.

Процессы получения исходной информации рассматриваемого вида основаны на поэтапной динамике, что указывает на необходимость их организационного регулирования.

Исходная информация, являясь начальным элементом структуры системы предупредительной деятельности по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений, фактически есть основа формирования ситуации (следственной, доследственной) предупредительного характера, которая в свою очередь представляется нам элементом рассматриваемой структуры.

Правильное распознавание ситуации данного вида – успех криминалистического обеспечения предупреждения преступлений, осужденных к лишению свободы в учреждениях и органах ФСИН России. В этой связи мы поддерживаем мнение Н. П. Яблокова о том, что особенности криминалистического предупреждения преступлений и его эффективность во многом зависят от обстановки, складывающейся в тот или иной момент расследования и указывающей на целесообразность или необходимость предупредительных мероприятий именно в данный период расследования [5, с. 114].

В структуру данного элемента рассматриваемой системы организационных основ предотвращения преступлений следует включать: качественно-количественный объем криминалистически значимой информации об обстоятельствах, способствующих совершению преступлений; особенности источников доказательственной информации о данной информации; обоснованность целесообразности проведения предупредительных мероприятий в данный момент деятельности управомоченного субъекта; соответствие данных, которыми располагает следователь, орган дознания, дознаватель и оперативный работник, и их возможности в определении способов и средств ситуационного предупредительного воздействия на определенный объект; оценку препятствий для реализации предупредительной деятельности в сложившихся обстоятельствах; пространственно-временные, технические и иные возможности проведения предупредительных мероприятий и пр.

Перечислить все обстоятельства вряд ли возможно. В качестве довода можно привести высказывание по этой проблеме М. Ш. Махтаева: «Следственная ситуация предупредительного характера складывается под влиянием как внешних обстоятельств (вид преступного деяния; поведение причастных к нему лиц; криминогенная и оперативная обстановка и т. п.), так и состояния самой деятельности субъекта познания (объем и достоверность собранной по делу информации; наличие благоприятных либо конфликтных отношений следователя, оперработника с лицом, на которое оказывается предупредительное воздействие; уровень технико-криминалистического обеспечения проводимого мероприятия и пр.)» [6, с. 174–175].

Исходная информация и следственные ситуации предупредительного характера – важные элементы структуры предупредительной деятельности в системе органов ФСИН России. Однако их познание недостаточно для ее полноценной реализации на уровне организационных основ. В числе криминалистических способов и средств важное значение в этом аспекте отводится механизму выдвижения версии об обстоятельствах и способах, способствовавших совершению преступлений осужденными. Криминалистически обоснованное выдвижение указанных версий позволяет определить цели и задачи криминалистического обеспечения предупреждения преступлений осужденными к лишению свободы и отбывающими наказания в учреждениях и органах ФСИН России. Методологически версии данного вида как общие, так и частные могут быть рассмотрены как предположения об обстоятельствах, которые не только имели место в прошлом, но обычно и в период расследования, что и побуждает к их выявлению и устранению в целях предотвращения преступлений [3].

Кроме того, в рассматриваемом аспекте методологически версии являются системой понятий, которые образуют логическую конструкцию реально возможного объяснения отдельных фак-

тов, предопределяющих обстоятельства, способствующие совершению преступлений. Данная логическая конструкция строится соответствующим субъектом также с учетом их практического опыта (знаний о типичных причинах и условиях преступлений осужденных, сведений криминалистической характеристики совершенных осужденными преступлений и пр.), регистрационных данных (информационных баз учреждений и органов ФСИН России, криминалистических учетов и т. д.) и иных подобных источников информации.

Система версий, как известно, является основой планирования расследования преступлений, а значит, и предотвращения преступлений. Выступая сложным видом мыслительной деятельности, планирование направлено на оптимизацию путей достижения целей предупреждения преступлений. Оно является одним из важнейших элементов системы организации предупредительной деятельности следователя, органа дознания, дознавателя и оперативного работника, это метод организации такой деятельности в учреждениях и органах ФСИН России. Планирование есть организующее начало, организационная основа предупреждения преступлений, писал Р. С. Белкин [2, с. 376].

В этой связи, обращаясь к определению понятия организации расследования В. Д. Зеленского и нашему определению организации предупреждения преступлений, можно процитировать высказывание Н. П. Яблокова, которое хорошо связывает понятие планирования с этими понятиями. Он пишет: «Планирование является способом построения мысленной модели всего хода расследования (предупреждения преступлений. – *И. К.*), материальным выражением которой является письменный или графический план расследования» [5, с. 101]. В плане версионного планирования эта модель работает в направлениях: от действительности к объяснению на этапе выдвижения версии и от объяснения к действительности на этапе проверки версии.

Планирование предупредительной деятельности рассматриваемого вида содержательно может быть алгоритмизировано следующим образом:

1) установление причин и условий, способствующих совершению противоправных действий осужденными к лишению свободы и определение в этой связи целей для планирования действий и задач по их достижению и предупреждения тем самым преступлений;

2) определение и сосредоточение сил и средств для решения определенных задач;

3) выбор оптимальных, ситуационно мотивированных криминалистических способов и средств предотвращения преступлений с расчетом на изменение ситуации предотвращения преступления;

4) определение системы предупредительных мероприятий в зависимости от их эффективности в определенной ситуации предотвращения преступления;

5) подбор методик предупредительной деятельности и определение компетентных исполнителей, содержащихся в них рекомендаций по применению криминалистических способов и средств предупреждения преступлений.

Очевидно, что приведенные выше элементы (исходная информация, ситуации, версии и планирование) структуры системы организационных основ предотвращения преступлений связаны соответствующим субъектом их реализации (следователь, орган дознания, оперативный работник), в основе деятельности которого лежат организационно-тактические решения. Этот вид решений мы также включаем в систему основ организации деятельности по предупреждению преступлений осужденными к лишению свободы в учреждениях и органах ФСИН России.

В основе данного понятия лежит криминалистическая категория – тактическое решение, под которым понимается выбор цели тактического воздействия на следственную ситуацию в целом или отдельные ее компоненты, на ход и результаты процесса расследования и его элементы и определение методов, приемов и средств достижения цели [1, с. 217].

Эксплицируя это определение на анализируемый нами вопрос, можно дать определение организационно-тактического решения организационных основ предупреждения преступлений осужденных. Итак, под тактическим решением мы подразумеваем определение цели организационно-тактического воздействия на следственную ситуацию профилактического характера как в целом, так и на отдельные ее компоненты, на ход и результаты процесса расследования и предотвращения преступлений, основанного на нейтрализации обстоятельств, способствующих совершению преступлений, устранении указанных обстоятельств, предупреждении готовящихся и пресечении начавшихся преступлений, определении криминалистических способов и средств достижения указанной цели.

Организационно-тактическое решение принимается следователем, органом дознания, дознавателем и оперативным работником самостоятельно. При этом следует учитывать и соразмерить собственные возможности в связи с предстоящей предупредительной деятельностью, т. е. провести криминалистический анализ обстановки.

В ситуациях, когда проведенный анализ указывает на неадекватность возможности одного из вышеперечисленных субъектов соответствующей

обстановке, могут быть задействованы и другие, факультативные, элементы структуры системы исследуемых организационных основ.

Среди них мы отмечаем элемент взаимодействия и элемент координации.

В криминалистике под взаимодействием понимается одна из форм организации расследования преступлений, заключающаяся в основанном на законе сотрудничестве следователя с органом дознания, согласованном по целям, месту и времени.

Взаимодействие в предупреждении преступлений осужденных осуществляется в пределах компетенций следователя, органа дознания, дознавателя и оперативного работника, на основе принципов плановости, обязательности соблюдения установленной компетенции субъектов, участвующих во взаимодействии, взаимной оперативной информированности о результатах деятельности. В зависимости от ситуации, в которой осуществляется взаимодействие, система приведенных принципов может быть расширена.

В этой же связи отметим, что круг приведенных субъектов может быть расширен за счет привлечения со справочно-консультационной целью экспертов, специалистов, сотрудников контрольных и инспекционных организаций, средств массовой информации.

Структурируя данный элемент системы организационных основ предотвращения преступлений осужденными к лишению свободы в учреждениях и органах ФСИН России, можно выделить взаимодействие: эпизодическое и длительное; процессуального и непроцессуального характера. Наиболее продуктивной формой взаимодействия является следственно-оперативная группа.

Координация субъектов предотвращения преступлений среди осужденных как элемент рассматриваемой системы организационных основ тесно связана со взаимодействием. Значение данного вида деятельности хорошо определил М. Ш. Махтаев: «Под координацией понимается согласованность действий субъектов взаимодействия, рациональное использование сил, средств и возможностей для эффективного решения поставленных задач. Координация (согласованность) выражается в системности целенаправленных действий субъектов познания и применения ими криминалистических методов, приемов и средств» [6, с. 180].

Судебно-следственная практика свидетельствует о том, что задачи криминалистического предупреждения преступлений в среде осужденных к лишению свободы невозможно решить в пределах какого-либо профилактического мероприятия. Необходима совокупность, система предупредительных мер, преимущественно в рамках следственных и процессуальных действий. Часто этот комплекс может быть дополнен и оперативно-розыскными мероприятиями, цель которых – выявление обстоятельств, способствующих совершению преступлений, предупреждение готовящихся и пресечение начавшихся преступлений. Создание системы предупредительных мер – обязанность субъектов, осуществляющих данный вид деятельности, она включает «упорядоченье множества названных действий и мероприятий, формирование целостной системы, в которой каждый из элементов взаимосвязан с другими элементами и необходим для достижения желаемого результата» [4, с. 121].

Для предотвращения сложных и общественно опасных преступлений следователем, органом дознания, дознавателем может планироваться и реализовываться криминалистическая операция, технического, тактического и методического вида, а оперативным сотрудником – оперативно-тактическая операция.

Заключительным элементом структуры системы организационных основ предупреждения преступлений осужденных, мы полагаем, является контрольно-аналитическая деятельность по мониторингу обстоятельств, способствующих совершению преступлений, устранению указанных обстоятельств, предупреждению готовящихся и пресечению начавшихся преступлений.

Данный процесс основан на контроле характера внутренних и внешних факторов ситуации профилактического характера (как следственной, так и оперативно-розыскной), управления ею при достижении поставленных целей, их корректировки в необходимых обстоятельствах. В основе соответствующего контроля и анализа лежит исходная и поступающая криминалистически значимая информация.

Необходимо отметить, что функция контроля и анализа свойственна как непосредственным субъектам информационно-познавательной деятельности (следователь, дознаватель, оперативный работник), так и должностным лицам, непосредственно (опосредовано) осуществляющим руководство их деятельностью (прокурор, начальник следственного отдела, начальник учреждения или органа ФСИН России как органа дознания).

Рассмотренные принципы и структура системы организационных основ предупреждения преступлений осужденными представляют собой некую общую модель поведения субъекта, реализующего на практике посредством своих полномочий важную правоохранительную профилактическую функцию в системе мер борьбы с преступностью.

Данный процесс основан на контроле характера внутренних и внешних факторов ситуации профилактического характера (как следственной,

так и оперативно-розыскной), управления ею при достижении поставленных целей, их корректировки в необходимых обстоятельствах. В основе соответствующего контроля и анализа лежит исходная и поступающая криминалистически значимая информация.

Необходимо отметить, что функция контроля и анализа свойственна как непосредственным субъектам информационно-познавательной деятельности (следователь, дознаватель, оперативный работник), так и должностным лицам, непосредственно (опосредовано) осуществляющим руководство их деятельностью (прокурор, начальник следственного отдела, начальник учреждения или органа ФСИН России как органа дознания).

Рассмотренные принципы и структура системы организационных основ предупреждения преступлений осужденных представляют собой некую общую модель поведения субъекта, реализующего на практике посредством своих полномочий важную правоохранительную профилактическую функцию в системе мер борьбы с преступностью.

Библиографический список

1. *Белкин Р. С.* Криминалистика : учеб. слов.-справ. – Москва : Юристъ, 1999. – 272 с. – ISBN 5-7975-0230-5.

2. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. В 3 т. Т. 2 / Р. С. Белкин. – Москва : Юристъ, 1997. – 408 с. – ISBN 5-7357-0199-1.

3. Выявление причин преступности и предупреждение преступлений / Г. Г. Зуйков, П. Ф. Гришанин, А. С. Кривошеев [и др.]. – Москва : Изд-во МООП СССР, 1967. – 179 с.

4. *Кирсанов З. И.* Теоретические основы криминалистики : учеб. пособие / З. И. Кирсанов. – Москва : Изд-во в/ч 33956, 1998. – 201 с.

5. Криминалистика : учебник / отв. ред. Н. П. Яблоков. – Москва : Юристъ, 1999. – 718 с. – ISBN 5-7975-0167-8.

6. *Махтаев М. Ш.* Основы теории криминалистического предупреждения преступлений : монография / М. Ш. Махтаев. – М. : Раритет, 2001. – 272 с. – ISBN 5-85735-148-0.

References

1. *Belkin R. S.* Criminalistics. Educational dictionary-reference book. Moscow, Yurist”, 1999. 272 p. ISBN 5-7975-0230-5.

2. *Belkin R. S.* Criminalistics Course. In 3 vol. Vol. 2. Moscow, Yurist”, 1997. 408 p. ISBN 5-7357-0199-1.

3. *Zujkov G. G., Grishanin P. F., Krivosheev A. S., Ratinov A. R., Shapovalov N. I., Yakubovich M. I.* Identification of Causes of Crime and Crime Prevention. Moscow, Izdatel’stvo MOOP SSSR, 1967. 179 p.

4. *Kirsanov Z. I.* Theoretical Foundations of Criminalistics. Moscow, Izdatel’stvo v/ch 33956, 1998. 201 p.

5. Criminalistics. Ed. by N. P. Yablokov. Moscow, Yurist”, 1999. 718 p. ISBN 5-7975-0167-8.

6. *Makhtaev M. Sh.* Fundamentals of the Theory of Criminalistic Prevention of Crimes. Moscow, Raritet, 2001. 272 p. ISBN 5-85735-148-0.

Библиографическое описание статьи

Комаров И. М. Принципы и система организационных основ деятельности по предупреждению преступлений в учреждениях и органах ФСИН России / И. М. Комаров // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 43–47.

УДК 340.1

Комиссарова Светлана Владимировна,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
E-mail: sveta_stepanova@mail.ru

Komissarova Svetlana V.,
Senior Lecturer of Civil Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia

Касаткина Елена Александровна,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Владимирского филиала РАНХиГС кандидат юридических наук
E-mail: alenka-d-k@mail.ru

Kasatkina Elena A.,
Assistant Professor of Civil Law Studies Department of Vladimir Branch of the RANEPA PhD (Law)

МЕДИАЦИЯ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ РЕСУРС В РЕГУЛИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ

Mediation as an Innovative Resource in Regulation of Civil Legal Dispute

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы правового регулирования применения процедуры медиации в связи с внесением изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. Авторы рассматривают аспекты, характеризующие необходимость информирования населения о возможности применения медиации в регулировании гражданско-правовых споров.

Ключевые слова: медиация; альтернативное разрешение споров; медиатор; гражданско-правовой спор; мировое соглашение; примирительные процедуры; законодательство о медиации.

Abstract. This article discusses the issues of legal regulation of the application of mediation procedure in connection with amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation. The authors examined the aspects characterizing the need to inform the population about the possibility of using mediation in regulation of civil disputes.

Key words: mediation; alternative dispute resolution; mediator; civil law dispute; settlement agreement; conciliation procedures; legislation on mediation.

Одной из задач гражданского судопроизводства на стадии подготовки дела к судебному разбирательству является примирение сторон, т. е. процесс досудебного урегулирования споров. С 2010 г. в России действует Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее: Закон о медиации), из которого следует, что процедура медиации может применяться к регулированию гражданско-правовых споров. Медиация – это путь поиска решений, основанный на диалоге и взаимном уважении. Однако практика показывает, что количество споров, к регулированию которых применялась процедура посредничества, остается на низком уровне. Так, обобщенные данные по рассмотренным в 2018 г. Владимирским областным судом, районными судами и мировыми судьями Владимирской области по первой инстанции гражданских и административных дел говорят об увеличении нагрузки в работе судей (249 802 гражданских и административных дела, что на 12,8 % больше, чем в 2017 г.) [1].

Верховным Судом Российской Федерации приведено обобщение практики применения медиации за 2015 г. (на настоящий момент доступна только такая официальная информация). Так, согласно Справке о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за 2015 год, утвержденной постановлением Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2016 г., путем медиации спор был урегулирован в 1 115 делах (0,007 % от числа рассмотренных), из которых в 916 делах – на основе медиативного соглашения. Причинами затруднительного применения медиации выступают короткие сроки рассмотрения дел, небольшие размеры государственной пошлины, уменьшение судами расходов на оплату услуг представителя, отсутствие института обязательной медиации, отсутствие у судей права направлять лиц, участвующих в деле, на обязательное прохождение процедуры медиации, неурегулированность процессуальным законодательством вопроса о течении процессуальных сроков на период прохождения сторонами процедуры медиации.

В настоящее время большинство людей, которые пытаются решить семейно-правовые споры, не располагают достаточной правовой информа-

© Комиссарова С. В., Касаткина Е. А., 2019

цией о преимуществах медиации перед судебным разбирательством, не знают, куда обратиться в поисках медиатора. По данной причине одним из направлений проводимой государственной политики является курс на развитие медиативных способов регулирования правоотношений как добровольной альтернативной судебному разбирательству процедуры [3, с. 92].

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 января 2018 г. № 1 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур"» отмечено, что российскому обществу необходимы доступные и эффективные механизмы урегулирования споров. Эти механизмы должны способствовать повышению качества правосудия за счет оптимизации судебной нагрузки.

Полагаем, что примирительные процедуры необходимо применять в деятельности судов различных уровней. Предполагается, если стороны достигли согласия, то суду нет необходимости осуществлять доказательственную деятельность, а это в первую очередь упрощает работу судей. В правовой практике сложилась ситуация, требующая законодательной регламентации правового регулирования проведения внесудебного порядка рассмотрения гражданско-правовых споров с помощью медиатора. 17 июля 2019 г. был принят Федеральный закон № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно ему в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее: ГПК РФ) появилась новая гл. 14.1 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение». Закон предусматривает, помимо проведения переговоров, посредничества (медиации), и новый вид примирительной процедуры, ранее не имеющей юридической значимости. Речь идет о применении судебного примирения с участием судебного примирителя (ст. 153.3 ГПК РФ).

Данные правовые нормы могут быть применены к спорящим сторонам только на основании принципа добровольности, конфиденциальности и равноправия. Законодатель подчеркивает, что применение процедуры медиации возможно на любой стадии гражданского процесса по ходатайству стороны или по предложению суда при согласии сторон, если это не противоречит федеральному законодательству.

Председатель Комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству П. Крашенинников сообщил, что принятые законопроекты позволят более широко применять способы урегулирования судебных споров посредством примирительных процедур, положительным образом скажутся на оптимизации судебной нагрузки, а также будут способствовать укреплению социальных и деловых связей, повышая правосознание граждан [4].

Анализируя новые положения ГПК РФ о примирительных процедурах, следует отметить, что закон предоставляет спорящим сторонам заключать медиативное соглашение, удостоверив его у нотариуса. Таким образом, подключение нотариусов к оформлению медиативных соглашений, на наш взгляд, повысит уважение к данной процедуре, а значит, к ней начнут чаще обращаться стороны, находящиеся в состоянии правового конфликта. В соответствии с введенной в ГПК РФ ст. 153.11 соглашение получает силу исполнительного документа, т. е. приравнивается к судебному решению (мировое соглашение, не исполненное добровольно, подлежит принудительному исполнению по правилам разд. VII ГПК РФ на основании исполнительного листа). Если потом какая-то сторона передумает, документ можно сразу направить судебным приставам.

Суды достаточно давно пытаются развивать примирительные процедуры, во многих из них даже открывались для этого специальные комнаты. Однако комнаты примирения действуют не только при судах. Так, в г. Владимире на базе Дворца бракосочетаний открылась «Гостиная примирения», где семейным парам, решившимся на развод, предлагается помощь семейных медиаторов. Данный проект реализуется с декабря 2018 г. отделом загс администрации г. Владимира и некоммерческим партнерством «Владимирская региональная ассоциация медиаторов» в рамках проекта «Развитие системы семейной медиации на безвозмездной основе». Помощь семейного медиатора в урегулировании спора между супругами, принявшими решение о расторжении брака, предоставляется бесплатно, так как проект реализуется на средства гранта Президента Российской Федерации (отметим, что данная процедура в других субъектах Российской Федерации носит возмездный характер, что создает барьер для граждан при обращении к услугам медиаторов). Инициаторы данного проекта уверены, что медиация – это возможность для сторон прекратить конфликт и найти решение, которое устроит всех участников спора. Заведующая отделом загс Г. Карташова отмечает, что согласно статистике с помощью медиации удается урегулировать до 80 % конфликтов [6]. Так, за период с июня 2018 г. по май 2019 г. в г. Владимире в рамках рассматри-

ваемого проекта было проведено 18 медиативных процедур, содержащих 44 медиативные сессии, и 4 медиативных процедуры, содержащих 11 медиативных сессий, с семьями, где один из супругов страдает алкогольной либо наркотической зависимостью. Бесплатную медиативную помощь, с учетом всех вовлеченных в конфликт родственников, получили 163 чел. (планировалось не менее 50), в том числе 41 ребенок [2]. Отметим, что развитие медиативного урегулирования споров в г. Владимире началось с 2010 г., а первое ходатайство о применении процедуры медиации было удовлетворено Гусь-Хрустальным городским судом в апреле 2011 г. В 2012 г. при поддержке Торгово-промышленной палаты Владимирской области была организована Коллегия медиаторов, что стало новым этапом в организации помощи лицам, не способным самостоятельно урегулировать правовой конфликт без обращения в суд. Отметим, что развитие и внедрение медиации были приняты многими адвокатами негативно. В настоящее время адвокаты не всегда рекомендуют своим клиентам медиацию, в том числе и по причине нежелания потерять свой гонорар.

В других субъектах Российской Федерации процедура медиации, развиваясь, дала свои положительные результаты. Например, в 2014 г. начала свою историю медиация в Тюменской области, когда между Центром медиации Тюменской государственной академии и Арбитражным судом было заключено соглашение по внедрению медиации в арбитражный процесс. Позже, в 2015 г., такое же соглашение было заключено с Калининским судом г. Тюмени, где была открыта «Комната примирения», чья деятельность предусматривает возможность получения бесплатной консультации о сущности процедуру медиации, а также возможность непосредственного ее проведения. Всего судьями Калининского суда г. Тюмени было направлено на консультацию 72 спора, из них по 14 спорам стороны сразу же отказались от медиации, оставшиеся 58 согласились урегулировать спор с помощью медиатора. Из вышеуказанных 58 споров по 33 было принято процессуальное решение, по 25 стороны не смогли прийти к согласию и вернулись к судебному процессу. Представляет интерес анализ принятых по результатам процедуры медиации решений. Так, из 33 споров было заключено 16 мировых соглашений, 8 раз стороны официально отказались от исковых требований, в 9 случаях стороны не явились в судебное заседание, в связи с чем дело осталось без рассмотрения. Необходимо отметить и тот факт, что в 4 случаях стороны не прибегали к непосредственной процедуре медиации, а заключили мировое соглашение сразу после консультации медиатора [5].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что семейную медиацию часто путают с консультацией психолога. Медиатор – это не психолог, а профессиональный посредник, помогающий сторонам начать диалог для поиска решения, которое устроит всех. Медиатор не имеет полномочий судьи и не навязывает своего решения, но он, владея современными технологиями урегулирования конфликта, может помочь сторонам услышать друг друга, найти точки соприкосновения интересов.

На настоящий момент население имеет слабое представление о медиации. Просветительская работа проводится в основном силами самих медиаторов, которые при непосредственной поддержке государства должны информировать население в средствах массовой информации и судах. Полагаем, цель информирования должна состоять в том, чтобы сформировать у граждан представление о медиаторе как о посреднике между двумя сторонами конфликта, а не адвоката одной из сторон. В связи с этим считаем целесообразным ввести отдельные дисциплины или курс, посвященные медиации, в вузах, которые готовят специалистов по направлению юриспруденции, а также организовать проведение вводных лекций в общеобразовательных организациях в рамках изучения обществознания.

Библиографический список

1. Доклад председателя Владимирского областного суда об итогах работы судов общей юрисдикции в 2018 году и задачах на 2019 год. – URL: http://oblsud.wld.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=47 (дата обращения: 10.10.2019).

2. Итоги работы по грантам. – URL: http://mediator33.ru/grant/itogi/ (дата обращения: 10.10.2019).

References

1. Report of the President of the Vladimir Regional Court on results of the work of the courts of general jurisdiction in 2018 and tasks for 2019. URL: http://oblsud.wld.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=3&did=47 (accessed date: 10.10.2019).

2. Grant results. URL: http://mediator33.ru/grant/itogi/ (accessed date: 10.10.2019).

3. *Касаткина Е. А.* Возможности применения медиации при разрешении семейных споров / Е. А. Касаткина, С. В. Комиссарова // Вестник Владимирского юридического института. – 2017. – № 2(43). – С. 89–92.

4. *Куликов В.* По рукам и без обид / В. Куликов // Российская газета. – 2019. – 18 июля.

5. Практика применения медиации в России. – URL: http://www.conplus.su/upload/news/sbornick_mediation.pdf (дата обращения: 10.10.2019).

6. Семьи на грани развода пригласят в Гостиную примирения. – URL: https://zebra-tv.ru/novosti/jizn/semi-na-grani-razvoda-priglasyat-v-gostinuyu-primireniya/ (дата обращения: 10.10.2019.).

3. *Kasatkina E. A., Komissarova S. V.* Possibility of Application of Mediation in the Resolution of Family Disputes. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2017. No. 2(43). P. 89–92.

4. *Kulikov V.* Hands and no Offense. *Rossijskaya Gazeta.* 2019. July 18.

5. The practice of mediation in Russia. URL: http://www.conplus.su/upload/news/sbornick_mediation.pdf (accessed date: 10.10.2019).

6. Families on the verge of divorce will invite to the Reconciliation Living. URL: https://zebra-tv.ru/novosti/jizn/semi-na-grani-razvoda-priglasyat-v-gostinuyu-primireniya/ (accessed date: 10.10.2019).

Библиографическое описание статьи

Комиссарова С. В. Медиация как инновационный ресурс в регулировании гражданско-правовых споров / С. В. Комиссарова, Е. А. Касаткина // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 48–51.

УДК 347.6

Кулакова Анна Александровна,
доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ кандидат юридических наук, доцент
E-mail: *annakulakova33@yandex.ru*

Kulakova Anna A.,
Assistant Professor of Civil Law and Procedure Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU PhD (Law), Associate Professor

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ В СВЕТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ РЕБЕНКА

Establishing the Origin of Children in the Light of the Child's Rights

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие в практике применения установления происхождения детей. Автор анализирует нормы семейного законодательства, регламентирующие данную процедуру, и саму процедуру с точки зрения обеспечения прав детей. Автор приходит к выводу о необходимости изменения ряда положений Семейного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: установление происхождения детей; материнство; отцовство; родительские обязанности; права ребенка; семейные правоотношения.

Abstract. The article discusses the problems that arise in the practice of applying the determination of the origin of children. The author analyzes the norms of family law governing this procedure, and the procedure itself in terms of ensuring the rights of children. The author concludes that it is necessary to amend a number of provisions of the Family Code of the Russian Federation.

Key words: establishment of the origin of children; motherhood; paternity; parental responsibilities; child's rights; family relations.

Согласно Конвенции о правах ребенка, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., каждому ребенку гарантируется комплекс прав, признавая его непререкаемой ценностью.

В Российской Федерации согласно указу Президента России от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» проводятся мероприятия, направленные на укрепление семьи, охрану материнства и детства, повышение рождаемости. В этой связи необходим, помимо прочего, и анализ Семейного кодекса Российской Федерации (далее: СК РФ) с целью выявления несоответствий и недостатков в правовом регулировании детско-родительских отношений.

Так, в научной литературе дискутируется вопрос о юридическом значении установления происхождения детей.

Исходя из норм семейного законодательства, детско-родительские правоотношения возникают в момент, когда происходит государственная регистрация рождения ребенка (ст. 47 СК РФ). Законом установлен срок в один месяц, в течение которого должно быть подано заявление о рождении ребенка, но санкции за нарушение этой нормы не предусмотрено (п. 6 ст. 16 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»). Кроме того, правомочна процедура регистрации рождений ребенка в возрасте более одного года и даже совершеннолетнего (ст. 21 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»). Таким образом, существует вероятность ситуаций, когда между фактическим рождением ребенка и регистрацией его рождения в органе загс может пройти значительное время, что означает ослабление в этот период правовой защиты интересов ребенка и возникновение ситуаций, когда родители, проигнорировавшие регистрацию рождения своего ребенка, не несут родительских обязанностей в отношении него.

При обсуждении данных ситуаций в юридической литературе высказывается ряд предложений. Так, А. К. Полянина считает, что некоторые права (право на заботу родителей, на обеспечение интересов и всестороннего развития) должны быть обеспечены ребенку еще в эмбриональный период его развития [5], и будущие родители обязаны их обеспечить. Однако признание эмбриона субъектом права встречает ряд юридических препятствий [2]. Международная практика (ст. 7 Конвенции о правах ребенка) признает именно рождение человека специфическим юридическим фактом, порождающим права ребенка и правоотношения с родителями. Мы также считаем, что государственная регистрация рождения ребенка сразу после свершения акта рождения должна перейти в разряд обязанностей родителей, таким образом, не она, а само рождение ребенка становится правопорождающим фактом.

Итак, для обеспечения прав и интересов ребенка важно установить его происхождение от конкретных людей – отца и матери.

Процедура установления материнства при регистрации рождения ребенка считается простой. Основанием для нее служат документы, выданные медицинской организацией, в которой проходили роды, либо, если роды происходили вне медицинской организации, другие медицинские документы, свидетельские показания и т. д. (п. 1 ст. 48 СК РФ).

© Кулакова А. А., 2019

Большинство ученых склоняются к тому, что обычно материнство очевидно [12, с. 251], но при наличии обоснованных сомнений факт материнства может быть установлен (п. 1 ст. 48 СК РФ) [3] или оспорен в суде по аналогии с отцовством (ст. 52 СК РФ) [9]. Законом не предусмотрена возможность принудительного установления материнства (ст. 49 и 50 СК РФ).

Для установления отцовства важное значение приобретают детали: различные юридические факты или юридические составы, в частности, то, состоит ли отец в браке с матерью ребенка. Анализируя российское семейное законодательство, Г. Е. Слепко выделяет следующие способы установления правовой связи между отцом и ребенком:

а) на основании зарегистрированного брака родителей ребенка (п. 2 ст. 48 СК РФ);

б) на основании поданного в орган загс совместного заявления отца и матери ребенка, не состоящих в зарегистрированном браке (п. 3 ст. 48 СК РФ);

в) на основании заявления о признании своего отцовства отцом ребенка, поданного в орган загс, при согласии органа опеки и попечительства, в случаях, если родители ребенка не состоят в браке, а мать умерла, признана недееспособной, лишена родительских прав или невозможно установить ее местонахождение (п. 3 ст. 48 СК РФ);

г) на основании судебного решения об установлении отцовства (ст. 49 СК РФ);

д) на основании судебного решения об оспаривании отцовства биологическим отцом, если мать ребенка состоит (состояла) в браке с другим мужчиной, который признан отцом ребенка по презумпции отцовства, но фактически им не является (п. 1 ст. 52 СК РФ) [8].

Все эти способы законны, но только первый из них (родители ребенка состоят в браке между собой) дает некоторую гарантию того, что родители осуществляют свои права и обязанности совместно [10]. Этот же способ приводит к тому, что родительские права возникают у матери и отца одновременно в момент регистрации рождения ребенка. С нашей точки зрения, такой вариант регистрации рождения ребенка в наибольшей степени отвечает интересам ребенка, гарантирует защиту его прав.

В правовой научной литературе презумпция отцовства определяется как положительная норма в основном по причине простоты процедуры регистрации рождения ребенка и ввиду защиты интересов ребенка. Тем не менее презумпция отцовства супруга матери ребенка вызывает множество споров. Презумпция отцовства распространяется на те случаи, когда ребенок рожден в браке или в 300-дневный срок после расторжения брака, признания его недействительным или прекращения по причине смерти супруга (п. 2 ст. 48 СК РФ). Однако если исходить из интересов супруга матери, который не является биологическим отцом ее ребенка [6], достаточно спорными становятся правовые последствия презумпции отцовства. Учеными даже предложено ввести в юридическую практику специальное понятие «юридическое вынужденное отцовство» для обозначения подобных казусов, рассматриваемых в судебных процессах по оспариванию отцовства. Н. А. Матвеева констатирует, что при наличии брака российское законодательство разрешает регистрацию отцовства только супруга (бывшего супруга) матери ребенка, и, в случае необходимости, возможность оспорить в суде эту запись. Причем ситуация неизменна даже в тех случаях, когда и биологический отец ребенка желает установить отцовство, и мать согласна с этим, и супруг (бывший супруг) не возражает. Н. А. Матвеева считает, что подобный порядок проблематичен для всех сторон обозначенного случая и не защищает права и законные интересы ни ребенка, ни его матери [4]. Эту точку зрения разделяет и А. И. Тарабрин, который признает, что в описанном случае презумпция отцовства не дает реального представления о происхождении ребенка [11]. А. М. Рабец предлагает разрешить подобные ситуации, полные отрицательных эмоций и конфликтов, путем законодательного обращения в органы загс с заявлением матери ребенка, ее мужа или бывшего мужа и совместным заявлением матери ребенка и его биологического отца [7].

Ученые предлагают в данном случае обратить внимание на опыт Республики Беларусь (ст. 51 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье). Существующая в белорусском семейном законодательстве правовая норма предусматривает в таких случаях при согласии всех сторон более простую процедуру установления отцовства мужчины, не состоящего в браке с матерью ребенка. Такое решение может быть принято сотрудником органа, регистрирующего акты гражданского состояния, на основании следующих документов: совместного заявления отца и матери ребенка о регистрации установления отцовства, письменного подтверждения матери о том, что ее муж не является отцом ребенка и, соответственно, заявления мужа матери ребенка о том, что не он является отцом ребенка. В случае несогласия одной из сторон отцовство может быть установлено и по решению суда [4].

Семейный кодекс Украины содержит норму, по которой презумпция отцовства распространяется на десять месяцев с момента сепарации при раздельном проживании супругов. Таким образом, ребенок, рожденный женщиной после истечения десяти месяцев с момента, когда установлен режим отдельного проживания супругов, не считается ребенком ее мужа (п. 2 ст. 120). Кроме того, если ре-

бенок родился до истечения десятимесячного срока с момента, когда был прекращен или признан недействительным брак его матери, но после момента заключения ею повторного брака с другим мужчиной, то отцом ребенка считается муж его матери в действующем браке. При этом бывший муж матери также может установить отцовство в отношении ребенка в том случае, если подано совместное заявление его и мужа матери ребенка в повторном браке, а при отсутствии таковых – по решению суда.

Установление отцовства в отношении детей, родившихся вне брака родителей, тоже не свободно от проблем. Число таких детей значительно. Так, по данным государственной статистики, в Российской Федерации доля детей, родившихся у не состоявших в зарегистрированном браке женщин, по отношению к общему количеству рождений составила в 2018 г. 21 % [1].

Наибольшее количество проблем возникает в сфере добровольного признания отцовства. В последние годы в России появился феномен фиктивного установления отцовства, т. е. добровольного признания мужчиной своего отцовства в отношении ребенка, не связанного с ним кровными узами, при отсутствии у отца намерения воспитывать и содержать этого ребенка. Данное правовое явление возникло, в частности, в результате появления возможности получения без соответствующей квоты разрешения на временное проживание мигранту, имеющему ребенка – гражданина Российской Федерации (подп. 6.2 п. 3 ст. 6 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»), хотя может иметь и другие причины. В дальнейшем фиктивный отец не может оспорить свое отцовство и исключить запись о нем, поскольку при установлении отцовства ему было известно, что он не является отцом ребенка (п. 2 ст. 52 СК РФ). Однако существование правовой детско-родительской связи ребенка с человеком, не желающим его воспитывать и содержать, мало отвечает его интересам. Считаем необходимым отразить фиктивность при установлении происхождения детей в семейном законодательстве и, в случае установления факта фиктивного отцовства, аннулировать сведения об отце, считать недействительными все сделки, заключенные в связи с установлением фиктивного отцовства, а также применить к виновным лицам (в том числе и к матери ребенка, согласившейся на фиктивное установление отцовства) административные санкции и, возможно, компенсировать ребенку нанесенный моральный вред.

Процедура добровольного признания отцовства при согласии матери ребенка достаточно проста, поэтому она может быть использована вместо процедуры усыновления, предъявляющей значительные требования к личности усыновителя. В такой ситуации интересы ребенка могут быть нарушены, если в результате установления добровольного отцовства право на воспитание ребенка приобретает мужчина в обход тех требований, которые закон (ст. 127 СК РФ) предъявляет к нему как к усыновителю, например, лишение родительских прав в отношении другого ребенка [2]. В то же время и установление отцовства, и усыновление, имеющие сходные цели, направленные на заботу о ребенке, отвечают интересам этого ребенка.

Ссылаясь на конституционное положение о равенстве мужчины и женщины в родительских правах, ученые предлагают ввести в нашей стране обязательное установление отцовства [Там же]. Так, в абсолютном большинстве случаев (исключение составляют только дети-подкидыши) материнство регистрируется, но с установлением отцовства дела обстоят не так оптимистично. Представляется, что данная инициатива целесообразна и отвечает интересам ребенка. Более того, она предупредит злоупотребление правом на получение социальных гарантий, выражающееся в предоставлении матери-одиночке льгот и имущественных выплат.

Большое количество проблем с установлением родителей существует и при применения искусственных методов репродукции человека и, в частности, суррогатного материнства, но они требуют отдельного рассмотрения.

Итак, мы считаем, что единственным правоустанавливающим основанием, необходимым для приобретения родительских прав, должен стать факт рождения ребенка. Государственную регистрацию рождения с установлением материнства и отцовства, таким образом, целесообразно перенести в разряд родительских обязанностей, определив санкцию за ее нарушение. Это тем более важно, поскольку именно от родителей зависит реализация интересов ребенка, его право на имя, физическое, психическое и нравственное развитие, охрану его субъективных прав, создание условий для его жизни, укрепление здоровья и получение полноценного образования.

Библиографический список

1. *Беришвили Н.* Россиянки стали меньше рожать вне брака / Н. Беришвили. – URL: https://iz.ru/910066/2019-08-14/rosstat-poschital-chislo-rodivshikhsia-vne-braka-detei-v-rossii (дата обращения: 06.10.2019).

References

1. *Berishvili N.* Russians Began to Give Birth Less out of Marriage. URL: https://iz.ru/910066/2019-08-14/rosstat-poschital-chislo-rodivshikhsia-vne-braka-detei-v-rossii (accessed date: 06.10.2019).

2. *Краснова Т. В.* Отцы и дети: проблемы приобретения родительских прав мужчинами (на примере законодательства России) / Т. В. Краснова, Е. В. Алексеева // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2016. – № 4. – С. 426–439.

3. *Левушкин А. Н.* Вопросы теории и практики установления отцовства (материнства) в судебном порядке по законодательству Российской Федерации / А. Н. Левушкин // Юрист. – 2011. – № 9. – С. 24–25.

4. *Матвеева Н. А.* Презумпция отцовства и проблемы ее опровержения / Н. А. Матвеева // Семейное и жилищное право. – 2014. – № 4. – С. 39–41.

5. *Полянина А. К.* Факт беременности как основание возникновения родительских обязанностей / А. К. Полянина // Семейное и жилищное право. – 2012. – № 1. – С. 9–11.

6. *Прощалыгин Р. А.* Проблема применения презумпции отцовства супруга матери ребенка при государственной регистрации расторжения брака / Р. А. Прощалыгин // Семейное и жилищное право. – 2018. – № 4. – С. 8–11.

7. *Рабец А. М.* Презумпция отцовства мужа матери ребенка в семейном праве Российской Федерации и на постсоветском пространстве / А. М. Рабец // Семейное и жилищное право. – 2016. – № 2. – С. 20–23.

8. *Слепко Г. Е.* Актуальные проблемы установления правовой связи между ребенком и отцом-военнослужащим / Г. Е. Слепко // Право в Вооруженных Силах. – 2017. – № 1. – С. 22–27.

9. *Стражевич Ю. Н.* О некоторых ограничениях и нарушениях принципа гендерного равенства в семейном праве и отраслевом законодательстве / Ю. Н. Стражевич, Г. Е. Слепко // Научные труды. Российская академия юридических наук. – Москва : Юрист, 2015. – Вып. 15. – С. 719–724.

10. *Стражевич Ю. Н.* Презумпция совместного родительского права в российском законодательстве / Ю. Н. Стражевич // Альманах современной науки и образования: исторические науки, философские науки, искусствоведение, культурология, политические науки, юридические науки и методика их преподавания. – Тамбов : Грамота, 2009. – № 1(20), ч. 2. – С. 160–165.

11. *Тарабрин А. И.* Оспаривание отцовства: правовые пути решения проблемы в Российской Федерации / А. И. Тарабрин // Семейное и жилищное право. – 2014. – № 6. – С. 33–36.

12. *Тарусина Н. Н.* Семейное право: очерки из классики и модерна : монография / Н. Н. Тарусина. – Ярославль : ЯрГУ, 2009. – 615 с. – ISBN 978-5-8397-0705-4.

2. *Krasnova T. V., Alekseeva E. V.* Fathers and Children: Problems of Acquisition of Parental Rights by Men (on the Example of the Legislation of Russia). *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki.* 2016. No. 4. P. 426–439.

3. *Levushkin A. N.* Questions of Theory and Practice of Establishing Paternity (Motherhood) in Court under the Legislation of the Russian Federation. *Yurist*. 2011. No. 9. P. 24–25.

4. *Matveeva N. A.* Presumption of Paternity and Problems of Its Refutation. *Semejnoe i Zhilishhnoe Pravo.* 2014. No. 4. P. 39–41.

5. *Polyanina A. K.* The Fact of Pregnancy as a Basis for the Emergence of Parental Responsibilities. *Semejnoe i Zhilishhnoe Pravo.* 2012. No. 1. P. 9–11.

6. *Proshhaly'gin R. A.* The Problem of Applying the Presumption of Paternity of the Spouse Mother of the Child in the State Registration of Divorce. *Semejnoe i Zhilishhnoe Pravo.* 2018. No. 4. P. 8–11.

7. *Rabec A. M.* Presumption of Paternity of the Husband Mother of the Child in Family Law of the Russian Federation and in the Post Soviet Space. *Semejnoe i Zhilishhoe Pravo.* 2016. No. 2. P. 20–23.

8. *Slepko G. E.* Actual Problems of Establishing a Legal Relationship between a Child and a Military Father. *Pravo v Vooruzhenny'kh Silakh.* 2017. No. 1. P. 22–27.

9. *Strazhevich Yu. N., Slepko G. E.* On Some Restrictions and Violations of the Principle of Gender Equality in Family Law and Sectoral Legislation. *Scientific Works. Russian Academy of Legal Sciences.* Moscow, Yurist, 2015. Iss. 15. P. 719–724.

10. *Strazhevich Yu. N.* Presumption of Joint Parental Rights in the Russian Legislation. *Al'manakh Sovremennoj Nauki i Obrazovaniya: Istoricheskie Nauki, Filosofskie Nauki, Iskusstvovedenie, Kul'turologiya, Politicheskie Nauki, Yuridicheskie Nauki i Metodika Ikh Prepodavaniya.* Tambov, Gramota, 2009. No. 1(20). Pt. 2. P. 160–165.

11. *Tarabrin A. I.* Challenging Paternity: Legal Solutions to the Problem in the Russian Federation. *Semejnoe i Zhilishhnoe Pravo.* 2014. No. 6. P. 33–36.

12. *Tarusina N. N.* Family Law: Essays from Classical and Modern. Yaroslavl', YarGU, 2009. 615 p. ISBN 978-5-8397-0705-4.

Библиографическое описание статьи

Кулакова А. А. Установление происхождения детей в свете обеспечения прав ребенка / А. А. Кулакова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 52–55.

УДК 34:004

Курысев Константин Николаевич,
доцент кафедры государственного права и управления таможенной деятельностью Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ, доцент кафедры специальной техники и информационных технологий ВЮИ ФСИН России кандидат технических наук, доцент
E-mail: kkn124@bk.ru

Kury'sev Konstantin N.,
Assistant Professor of Public Law and Management of Customs Activities of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU, Assistant Professor of Special Equipment and Information Technology of VLI of the FPS of Russia PhD (Technology), Associate Professor

Гофман Александр Анатольевич,
доцент кафедры боевой и тактико-специальной подготовки ВЮИ ФСИН России доцент
E-mail: gofman.a.a@rambler.ru

Gofman Aleksandr A.,
Assistant Professor of Combat and Tactical Training Department of VLI of the FPS of Russia Associate Professor

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Some Aspects of Digitalization of Activities of Law Enforcement Bodies

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты применения элементов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» в деятельности правоохранительных органов. Предлагаются некоторые варианты совершенствования их деятельности при реализации новых цифровых систем и решений, разработанных для программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационная сеть; цифровая экономика; проекты программы «Цифровая экономика Российской Федерации»; деятельность правоохранительных органов.

Abstract. The article discusses the legal aspects of application of the elements of the national program «Digital economy of the Russian Federation» in the activities of law enforcement agencies. Some options for improving their activities in implementation of new digital systems and solutions developed for the program «Digital economy of the Russian Federation» are proposed.

Key words: information and telecommunication network; digital economy; projects of the program «Digital economy of the Russian Federation»; activity of law enforcement agencies.

Сегодня уже никого не удивить возможностью получения государственных и муниципальных услуг (информации) в электронной форме, т. е. с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в рамках межведомственного информационного взаимодействия по вопросам обмена документами и информацией, в том числе в электронной форме, между органами, предоставляющими государственные услуги, органами, предоставляющими муниципальные услуги, или органами местного самоуправления.

Согласно приказу Минкомсвязи России от 23 июня 2015 г. № 210 «Об утверждении Технических требований к взаимодействию информационных систем в единой системе межведомственного электронного взаимодействия» информационно-телекоммуникационные технологии следует рассматривать как совокупность программных и технических средств, обеспечивающих единый документированный способ взаимодействия информационных систем органов и организаций при обмене сведениями, необходимыми для предоставления государственных и муниципальных услуг и исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме. Причем обмен информацией осуществляется через информационно-телекоммуникационную сеть (далее: ИТКС), определение которой закреплено в ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники и которая является составной частью системы электросвязи.

Таким образом, уже сегодня имеется функционирующий механизм межведомственного взаимодействия государственных органов и органов местного самоуправления, работающий в масштабах всей страны.

© Курысев К. Н., Гофман А. А., 2019

Правоохранительные органы также создают как внутренние (в рамках министерства, службы), так и межведомственные системы обмена информацией, необходимой для их нормального функционирования.

Так, сегодня практически созданы системы электронного документооборота МВД России и ФСИН России [1; 2] и начата работа по созданию системы межведомственного обмена информацией, однако говорить о ее завершении пока еще рано.

Однако особую актуальность в современных условиях приобретает необходимость создания системы межведомственного взаимодействия в области оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД), которая должна резко сократить время формирования документов и прохождения различных инстанций на всех этапах осуществления ОРД. Причем круг субъектов такой системы определен как субъектами ОРД, так и следственными органами, а также органами прокуратуры и судов.

В качестве примера можно привести алгоритм получения судебного решения на проведение оперативно-розыскного мероприятия (далее: ОРМ) «прослушивание телефонных переговоров», ограничивающее конституционные права гражданина и человека (см. рисунок).

Таким образом, в ходе приведенного примера составляются: 4 постановления, материалы для судьи; задание и результаты ОТП, запрос и расшифровка фонограммы с результатами ОРД, каждое из которых направляется с сопроводительным письмом.

Из приведенной схемы видно, какой большой объем документов составляется и пересылается только в случае реализации одного ОРМ и какое количество подразделений различных правоохранительных органов задействуется при этом. Кроме того, необходимо учесть, что каждый документ необходимо правильно оформить, зарегистрировать, напечатать, законвертовать и переслать (или доставить), если использовать действующую бумажную систему делопроизводства.

Представляется, что создание и передача указанных документов в электронном виде позволят не только сократить время, требуемое на подготовку ОРМ, но и существенно компенсировать затраты на пересылку документов.

Основные проблемы при формировании такого межведомственного обмена информацией в правоохранительных органах связаны с передачей персональных данных и сведений, составляющих государственную тайну.

Так, проблеме межведомственного информационного взаимодействия с использованием персональных данных подозреваемых, обвиняемых и осужденных в уголовно-исполнительной системе уделяется большое внимание в течение последних 10 лет. Для организации межведомственного взаимодействия в составе ФКУ НИИИТ ФСИН России создан центр организации межведомственного информационного взаимодействия и информационно-справочного обеспечения [3], который осуществляет разработку проектов нормативных правовых актов ФСИН России, устанавливающих порядок информационно-справочного обеспечения учреждений и органов уголовно-исполнительной системы сведениями о спецконтингенте на федеральном уровне, который на настоящий момент во ФСИН России не регламентирован.

В результате работы центра сформулированы основные проблемы, тормозящие создание системы межведомственного информационного взаимодействия в правоохранительной области:

– проблемы нормативного регулирования и технического обеспечения взаимодействия;

– проблемы безопасности и шифрования данных;

– проблемы организационно-режимного обеспечения;

– проблемы единых программных средств и протоколов;

– кадровые проблемы.

В масштабе всей страны указанные проблемы уже решаются в ходе реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», о чем свидетельствует постановление Правительства Российской Федерации от 2 марта 2019 г. № 234 «О системе управления реализацией национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”».

В состав данной национальной программы входят несколько федеральных проектов (среди которых «Информационная инфраструктура», «Информационная безопасность» и «Цифровое государственное управление»), непосредственно связанных с проблемой межведомственного информационного взаимодействия правоохранительных органов.

Так, в числе задач, которые призван решить проект «Информационная инфраструктура», следует назвать:

– создание защищенной цифровой среды аудиовизуального взаимодействия государственных органов, организаций и граждан на федеральном, региональном и муниципальном уровнях;

– обеспечение развития, поддержание и эксплуатация инфраструктуры российского государственного сегмента сети «Интернет» (сеть RSNet);

– перевод в государственную единую облачную платформу информационных систем и информационных ресурсов федеральных органов исполнительной власти и государственных внебюджетных фондов;

Руководитель органа, осуществляющего ОРД

Оформляет ***мотивированное постановление*** руководителя органа, осуществляющего ОРД, на проведение и получение судебного решения на ОРМ, которое направляет в суд

Суд

Изучает материалы, представленные органом, осуществляющим ОРД, на проведение ОРМ. Выносит ***постановление*** о разрешении ОРМ (или об отказе в его проведении с указанием мотивов)

Руководитель органа, осуществляющего ОРД

Получив решение суда, оформляет ***задание*** оперативно-техническому подразделению (далее: ОТП) на осуществление ОРМ

ОТП

Проводит ОРМ, оформляет его ***результаты*** и передает их инициатору, т. е. органу, осуществляющему ОРД, который оформил задание

Руководитель органа, осуществляющего ОРД

Получив результаты ОРМ, изучает их и реализует при проведении дальнейших ОРМ. Однако при наличии в результатах ОРМ информации, имеющей значение для уголовного дела, выносит ***постановление о рассекречивании сведений, составляющих государственную тайну, и их носителей*** (ст. 14 и прил. № 3 к Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд (далее: Инструкция), которое направляет в ОТП для согласования (ст. 13 Инструкции), одновременно с ***запросом*** на запись фонограммы, содержащей наиболее важные части (разговоров, сюжетов) на единый носитель, а также на его передачу в орган, осуществляющий ОРД

ОТП

Согласовывает ***постановление о рассекречивании*** сведений, составляющих государственную тайну, ***формирует физический носитель информации,*** содержащий фонограмму, и с ***сопроводительным письмом*** направляет их в орган, осуществляющий ОРД

Руководитель органа, осуществляющего ОРД

Оформляет ***постановление о представлении результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд*** (ст. 9 и прил. № 2 к Инструкции). Формирует ***бумажный носитель записи результатов ОРМ*** (ст. 17 Инструкции). Направляет ***следователю сопроводительное письмо, физический носитель информации, а также бумажный носитель, содержащий расшифровку записи переговоров***

– защита информационных систем Росреестра от внутренних и внешних угроз безопасности информации средствами криптографической защиты и ведомственным центром.

В рамках федерального проекта «Информационная безопасность», помимо прочего, решаются такие задачи, как:

– законодательное закрепление требования к устойчивости и безопасности сетей связи и оборудования органов государственной власти и организаций различных организационно-правовых форм и обеспечение контроля (надзора) за их соблюдением;

– создание защищенной цифровой среды взаимодействия двойного назначения на базе отечественных технологий для работы в стандарте LTE-450 для нужд МВД России, МЧС России, Росгвардии.

Среди задач, решаемых федеральным проектом «Цифровое государственное управление», можно выделить:

– внедрение в деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также подведомственных им организаций межведомственного юридически значимого электронного документооборота с применением электронной подписи, базирующегося на единых инфраструктурных, технологических и методологических решениях;

– в органах прокуратуры обеспечение функционирования для всех сотрудников современных автоматизированных рабочих мест и сервисов работы с цифровыми данными на базе защищенной катастрофоустойчивой инфраструктуры Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Анализ показал, что в процессе реализации рассматриваемой программы правоохранительные органы получат различные результаты, однако обращает на себя внимание факт слабого межведомственного взаимодействия различных правоохранительных органов. Создается впечатление, что основные усилия программы нацелены на совершенствование Росгвардии, прокуратуры, поскольку детально прописывают их результаты, и лишь в некоторой степени это касается МВД России и МЧС России.

Представляется необходимым реализовать вышеуказанные возможности во всех правоохранительных органах и в первую очередь в субъектах ОРД. При этом вышеприведенный алгоритм действий должен быть реализован в электронном виде.

При разработке и внедрении данных систем необходимо дополнительно обеспечить использование эффективных криптографических алгоритмов шифрования, для того чтобы гарантировать закрытое межведомственное делопроизводство. Реализация данного предложения позволит сократить время для подготовки всех оперативно значимых документов при проведении ОРМ, особенно если их шаблоны будут размещены в системе закрытого электронного документооборота. Учитывая закрытый характер циркулирующей информации в данных системах, целесообразно ввести многоступенчатую систему контроля и управления доступа к таким ресурсам.

Библиографический список

1. *Гостев А.* Оптимизация документооборота в системе МВД России / А. Гостев. – URL: http://www.ormvd.ru/pubs/102/optimization-of-workflow-in-the-system-of-the-mia-of-russia/ (дата обращения: 15.10.2019).

2. Опыт внедрения и сопровождения электронного документооборота в уголовно-исполнительной системе. – URL: https://www.itweek.ru/upload/iblock/605/605704b7427a543253c81b6dcb506ee4.pdf (дата обращения: 15.10.2019).

3. Правовые основы обработки персональных данных подозреваемых, обвиняемых и осужденных, проблемные вопросы межведомственного взаимодействия с использованием персональных данных, пути их решения : практ. пособие / М. Е. Рычаго, Б. Ю. Житников, И. В. Ершова [и др.]. – Владимир ; Тверь : ВЮИ ФСИН России : ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2018. – 77 с.

References

1. *Gostev A.* Optimization of Document Flow in the System of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: http://www.ormvd.ru/pubs/102/optimization-of-workflow-in-the-system-of-the-mia-of-russia/ (accessed date: 15.10.2019).

2. Experience in the Implementation and Maintenance of Electronic Document Management in the Penal System. URL: https://www.itweek.ru/upload/iblock/605/605704b7427a543253c81b6dcb506ee4.pdf (accessed date: 15.10.2019).

3. *Ry'chago M. E., Zhitnikov B. Yu., Ershova I. V., Naumov D. M., Usova I. I., Kon'kova M. V., Kutuzova A. S., Prudnik V. V.* Legal Bases of Processing of Personal Data of Suspects, Accused and Convicted Persons, Problematic Issues of Interdepartmental Interaction with the Use of Personal Data, Ways of Their Solution. Vladimir, Tver', VYuI FSIN Rossii, FKU NIIIT FSIN Rossii, 2018. 77 p.

Библиографическое описание статьи

Курысев К. Н. Некоторые аспекты цифровизации деятельности правоохранительных органов / К. Н. Курысев, А. А. Гофман // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 56–59.

УДК 343.163

Лазарева Лариса Владимировна,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики ВЮИ ФСИН России доктор юридических наук, профессор
E-mail: larisa_vui@mail.ru

Lazareva Larisa V.,
Professor of Criminal Law Studies Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU, Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Department of VLI of the FPS of Russia Doctor of Law, Professor

Рябчиков Вадим Вячеславович,
доцент кафедры публично-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук
E-mail: *9040315660@mail.ru*

Ryabchikov Vadim V.,
Assistant Professor of Public Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia PhD (Law)

ПРОКУРОР КАК СУБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Prosecutor as a Subject Criminal Procedural Relations

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем правового регулирования процессуального статуса и полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве. На основе анализа уголовно-процессуального закона и с учетом современных реалий обусловливается необходимость переосмысления традиционных взглядов на процессуальное положение прокурора, направлений его деятельности по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовный процесс; прокурор; государственный обвинитель; уголовное преследование; предварительное расследование.

Abstract. The article is devoted to consideration of problems of legal regulation of procedural status and powers of the prosecutor in criminal proceedings. On the basis of the analysis of the criminal procedure law, taking into account the realities of today, it is necessary to rethink traditional views on the procedural situation of the prosecutor and the directions of his activities in criminal cases.

Key words: criminal procedure; prosecutor; public prosecutor; criminal prosecution; preliminary investigation.

За последнее десятилетие процессуальный статус прокурора подвергался неоднократным изменениям, что привело к утрате им позиции ведущего субъекта уголовного преследования, одновременно с этим прокурор становится главным гарантом обеспечения законности предварительного расследования.

Реформирование системы и полномочий прокуратуры Российской Федерации привело к существенным изменениям правового статуса прокурора в уголовном судопроизводстве и его соотношения с процессуальным положением и полномочиями органов предварительного следствия и органов дознания.

В соответствии с Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”» прокурор лишился полномочий по расследованию преступлений, которые перешли к следователям Следственного комитета Российской Федерации. За это время на страницах юридической печати последствия реформы обсуждались достаточно разносторонне и неоднократно подвергались критике [1; 2].

Неоднозначность новых законодательных установлений, противоречивое их восприятие в юридической среде, в том числе практическими работниками правоохранительных органов, свидетельствуют о несомненной актуальности рассматриваемой темы и требуют проведения целого ряда исследований по вопросу назначения и роли прокурора в уголовном судопроизводстве. Несмотря на то, что законодатель сохранил за прокурором традиционные функции надзора за соблюдением законности в ходе производства по уголовному делу и уголовного преследования, но при этом сократил их до такого минимума, что в реальности можно усомниться в их существовании.

Первоочередного внимания заслуживает проблематика правовой регламентации прав и полномочий прокуроров. В уголовно-процессуальной доктрине сложилось мнение, что деятельность прокурора по уголовному делу прежде всего направлена на выявление фактических обстоятельств правонарушения и восстановление нарушенных прав.

Одним из ключевых компонентов содержания уголовно-процессуальных правоотношений является комплекс прав и полномочий прокурора. Только при их адекватности самой природе прокурорской деятельности и потребностям современ-

© Лазарева Л. В., Рябчиков В. В., 2019

ной государственно-правовой политики в сфере обеспечения законности и правопорядка в государстве возможно достижение задач, стоящих перед органами прокуратуры. Однако результаты анализа действующего законодательства свидетельствуют о том, что правовая регламентация процессуального статуса прокурора при осуществлении своих полномочий в рамках уголовного дела не отвечает данному, во всех отношениях важному, критерию.

Сравнительный анализ положений п. 31 ст. 5 и ст. 37 УПК РФ обнаруживает существенные противоречия в определении прокурора как участника уголовного процесса. С одной стороны, прокурор рассматривается как должностное лицо органов прокуратуры, с другой – закон непосредственно указывает на обязательность своих положений и следование исключительно нормам УПК РФ, в то же время устанавливая возможность использования прокурором полномочий, не предусмотренных УПК РФ.

Подобная неопределенность затрудняет выработку унифицированной доктринальной позиции относительно сущности и правового статуса прокурора. С учетом того, что, по общему правилу, должностные полномочия не могут трактоваться в сторону расширения, получается, что прокурор, участвующий в уголовном судопроизводстве, наделен только теми полномочиями, которые предоставлены ему Федеральным законом от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», что противоречит ч. 2 ст. 1 и ст. 7 УПК РФ.

В правоприменительной практике неразрешенным оказался вопрос о полномочиях помощников прокуроров всех уровней. Проблема состоит в том, что по большинству уголовных дел государственное обвинение до сих пор поддерживалось именно помощниками прокуроров городов, районов и прокурорами управлений (отделов) прокуратур субъектов Российской Федерации. УПК РФ лишил названных должностных лиц этих полномочий (равно как и всех других полномочий в уголовном процессе).

Действительно, в ходе судебного разбирательства по уголовному делу может возникнуть парадоксальная ситуация, когда сторона защиты, узнав об участии в процессе со стороны обвинения помощника прокурора, заявит ходатайство о его отводе на основании ч. 5 ст. 37 УПК РФ как ненадлежащего государственного обвинителя. В этом случае суд, на наш взгляд, должен будет удовлетворить ходатайство стороны защиты. Иначе это может явиться основанием для последующей отмены приговора.

Эту ситуацию можно прокомментировать следующим образом. Если исходить из буквального толкования норм закона, то указанные прокурорские работники не вправе быть государственными обвинителями по уголовному делу. Действительно, согласно п. 6 ст. 5 УПК РФ государственный обвинитель – поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры. На первый взгляд, помощник прокурора подпадает под понятие «должностное лицо органа прокуратуры», учитывая, что он упомянут в п. 31 ст. 5 УПК РФ. Однако, рассуждая подобным образом, можно предположить, что любой сотрудник прокуратуры, являясь должностным лицом, может выступать государственным обвинителем.

В ст. 37 УПК РФ, определяющей полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве, содержится специальная норма (ч. 5), где уточняется, какое именно должностное лицо органа прокуратуры вправе участвовать в уголовном судопроизводстве.

Представляется, что УПК РФ четко определил исчерпывающий перечень должностных лиц прокуратуры, которые имеют полномочия поддерживать государственное обвинение: прокуроры – руководители прокуратур районного (городского) уровня и их заместители; вышестоящие прокуроры (т. е. прокурор субъекта Российской Федерации, приравненный к нему военный или иной специализированный прокурор, Генеральный прокурор Российской Федерации) и их заместители [3, с. 33].

Между тем Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 36) до сих пор предусматривает возможность участия помощника прокурора, а также прокурора управления (отдела) в качестве государственного обвинителя по уголовному делу в суде. Представляется, что этим нарушается принцип законности при производстве по уголовному делу, запрещающий суду и всем иным участникам процесса применять закон, противоречащий УПК РФ (ч. 1 ст. 7).

Иную позицию занимает Конституционный Суд Российской Федерации, который в своем определении № 602-О-О от 8 апреля 2010 г. признал, что помощник прокурора вправе участвовать в качестве государственного обвинителя. Свою позицию он обосновал как раз ссылкой на ст. 54 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». При аргументации данного решения Конституционный Суд Российской Федерации полностью проигнорировал положения как ст. 37 УПК РФ, так и тот факт, что ст. 54 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» применяется лишь относительно конкретных норм, прямо указанных в последней статье.

Полагаем необходимым обратить внимание на целесообразность изменения ч. 5 ст. 37 УПК РФ

следующим образом: «5. Полномочия прокурора, предусмотренные настоящей статьей, осуществляются прокурорами района, города, их заместителями, приравненными к ним прокурорами и вышестоящими прокурорами, а также иными должностными лицами органов прокуратуры, участвующими в уголовном судопроизводстве и наделенными соответствующими полномочиями Федеральным законом “О прокуратуре Российской Федерации”».

Пунктом 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» перед органами прокуратуры поставлены цели обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства. Для достижения указанных целей на прокуратуру возложены задачи своевременного выявления нарушений закона; своевременного и эффективного устранения нарушений закона; предупреждения нарушений закона.

Реализуя свои полномочия, прокурор имеет реальную возможность вовремя устранить любые нарушения законности, обеспечить всесторонность, полноту и объективность расследования. Если нарушения, допущенные в ходе следствия, не выявлены, у прокурора есть возможность сделать это по окончании предварительного расследования. В противном случае выявленные в ходе судебного разбирательства нарушения приведут к негативным последствиям.

В качестве примера приведем уголовное дело по обвинению В. и несовершеннолетнего Т. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ. При изучении поступившего с обвинительным заключением уголовного дела прокурором было установлено, что вопреки требованиям ч. 3 ст. 425 УПК РФ допрос несовершеннолетнего Т. в качестве подозреваемого и обвиняемого произведен следователем без участия педагога или психолога. Более того, согласно материалам уголовного дела несовершеннолетний Т. состоит на учете у врача-психиатра и, согласно показаниям последнего, страдает расстройством личности и поведения. Это обстоятельство свидетельствует о том, что несовершеннолетний Т. хотя и достиг шестнадцатилетнего возраста, однако страдает психическим расстройством, и участие педагога или психолога в его допросах являлось обязательным. Однако данное требование закона следователем было проигнорировано, педагог или психолог к участию в проведении допросов Т. в качестве подозреваемого и обвиняемого не привлекались. Такое грубое нарушение требований УПК РФ повлекло необходимость признания результатов данных следственных действий недопустимыми доказательствами. В данной ситуации налицо явное нарушение порядка проведения допроса несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого), которые были замечены прокурором при изучении материалов уголовного дела и послужили основанием для возвращения дела следователю.

В целом полномочие прокурора по возвращению уголовного дела для производства дополнительного расследования рассматривается как один из действенных способов по устранению нарушений закона, допускаемых органами предварительного расследования, и является преградой для поступления в суд уголовных дел, расследованных с нарушением закона.

Сегодня прокуратура является важнейшим государственным органом в России, осуществляющим надзор за безусловным соблюдением и исполнением действующего российского законодательства. В связи с этим в предмет надзора прокурора включаются также процессуальные действия органов следствия и дознания, особенно влекущие ограничение конституционных прав и свобод гражданина. Полагаем, что особое внимание прокурорами должно уделяться соблюдению законности при задержании подозреваемого, а именно выяснению следующих обстоятельств: имеется ли наличие оснований для задержания; соблюден ли процессуальный порядок задержания подозреваемого; соблюдены ли права подозреваемого, в частности право на защиту; не нарушены ли сроки задержания.

Так, следователем следственного органа в соответствии со ст. 91 и 92 УПК РФ по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 330 УК РФ, был задержан и помещен в изолятор временного содержания гражданин Р. Р., в прошлом не судимый, имеющий постоянное место жительства и регистрацию, на учетах нарколога и психиатра не состоящий, дал признательные показания об обстоятельствах произошедшего. Это обстоятельство свидетельствует об отсутствии у органа расследования оснований полагать, что Р., находясь на свободе, мог скрыться, продолжить заниматься преступной деятельностью либо воспрепятствовать установлению истины по уголовному делу, а следовательно, и оснований для избрания в отношении Р. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Напомним, что задержание граждан в порядке ст. 91 и 92 УПК РФ при отсутствии необходимости заключения под стражу не допускается. При изучении составленного следователем протокола задержания прокурором было установлено, что вопреки требованиям ч. 2 ст. 92 УПК РФ в протоколе задержания не отражены мотивы задержа-

ния. Постановлением прокурора Р. был незамедлительно освобожден из изолятора временного содержания[1].

Следует заметить, что подобных примеров из практики можно привести множество, а рассмотренная ситуация настолько типична, что привязывать ее к конкретному делу требует лишь авторская корректность.

Нарушение законности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу являются наиболее тяжкими нарушениями закона при осуществлении предварительного следствия. Прокурор не только надзирает за исполнением законов органами предварительного расследования, но и участвует в судебном заседании при решении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Однако далеко не всегда суды поддерживают и удовлетворяют ходатайство следователя. Характерной причиной принятия судами первой инстанции решений вопреки позиции прокурора по результатам рассмотрения постановлений о возбуждении перед судом ходатайств об избрании в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения в виде заключения под стражу в случае отказа в удовлетворении ходатайства, поддержанного прокурором, является отсутствие достаточных оснований, по мнению суда, для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу как наиболее строгой меры, предусмотренной УПК РФ. Судом в большинстве случаев принимается решение, согласно которому он исходит из того, что в отношении подозреваемого (обвиняемого) может быть избрана иная, более мягкая, мера пресечения, например домашний арест.

Судом во внимание принимаются отдельные данные о личности подозреваемого (обвиняемого), такие как: наличие у подозреваемого (обвиняемого) постоянного места жительства; положительные характеристики с места жительства и работы (при наличии); наличие социальных связей; несовершеннолетний возраст. Вместе с тем в текущем году отказано в удовлетворении ходатайства дознавателя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого, которое поддержано прокурором по причине отсутствия, по мнению суда, оснований для ее избрания.

Одна из функций прокурора – государственное обвинение, под которым понимается утверждение о том, что обвиняемый виновен в совершении преступления и подлежит уголовной ответственности.

По определению п. 22 ст. 5 УПК РФ, обвинение – это утверждение о совершении определенным лицом деяния, запрещенного уголовным законом, выдвинутое в порядке, установленном УПК РФ. В более широком смысле обвинение можно рассматривать как деятельность, направленную на обоснование и поддержание утверждения о виновности обвинения, т. е. создание предпосылок к тому, чтобы оно получило подтверждение судом в законном, справедливом, обоснованном обвинительном приговоре и тем самым послужило юридическим основанием для привлечения осужденного к уголовной ответственности.

Вызывает интерес вопрос о разграничении таких терминов, как «обвинение» и «преследование». Уголовное преследование и обвинение относятся к числу основных функций прокурора в уголовном судопроизводстве. Однако до настоящего времени среди ученых и практических работников не сложилось единого мнения об их сущности.

Отечественное законодательство по-разному трактует одинаковые понятия, несмотря на то, что надлежащая проработка терминологии является одной из предпосылок эффективного применения законодательства. Анализ норм действующего УПК РФ позволяет заключить, что уголовное преследование и обвинение не совпадают. В процессе уголовного преследования обвинение формируется, а затем и формулируется в определенном процессуальном документе, например, в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, т. е. в значении, изложенном в п. 22 ст. 5 УПК РФ.

Тот факт, что обвинение формируется в досудебном производстве, подтверждает и мнение Конституционного Суда Российской Федерации, оформленное в п. 2.2 постановления от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан»: «Именно в досудебном производстве происходит формирование обвинения, которое впоследствии становится предметом судебного разбирательства и определяет его предметы».

Основное отличие обвинения от преследования заключается в том, что обвинение (утверждение) является последствием деятельности (преследования). Таким образом, можно заключить, что прокурор в уголовном судопроизводстве, выполняя функцию обвинения, одновременно осуществляет уголовное преследование и выступает государственным гарантом обеспечения прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также иных лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений.

[1] Примеры взяты из докладной записки о состоянии прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве за 2018 г. Документ опубликован не был.

Конечно, законодательные и практические проблемы деятельности прокурора по уголовным делам слишком сложны и многогранны, чтобы быть разрешенными в рамках одной статьи. Мы вовсе не полагаем, что изложенные суждения являются бесспорными и претендуют на истину в последней инстанции. Вполне очевидно, что существующие в этой сфере дискуссии имеют дальнейшие перспективы.

Библиографический список

1. *Александров А. С.* Участие прокурора в досудебном производстве по уголовному делу / А. С. Александров. – Нижний Новгород : Нижегор. правовая акад, 2009. – 48 с.

2. *Крюков В. Ф.* Уголовное преследование и прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании уголовных дел в условиях реформирования системы прокуратуры Российской Федерации / В. Ф. Крюков. – Курск : [б. и.], 2007. – 212 с. – ISBN 978-5-8386-0079-0.

3. *Сопин В.* Вправе ли помощник прокурора поддерживать государственное обвинение? / В. Сопин // Российская юстиция. – 2003. – № 10. – С. 33.

References

1. *Aleksandrov A. S.* Participation of a Prosecutor in Pre-trial Proceedings in Criminal Case. Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya Pravovaya Akademiya, 2009. 48 p.

2. *Kryukov V. F.* Criminal Prosecution and Prosecutorial Oversight of Implementation of Laws in Criminal Investigations in the Context of Reforming the Prosecution System of the Russian Federation. Kursk, s. n., 2007. 212 p. ISBN 978-5-8386-0079-0.

3. *Sopin V.* Is an Assistant Prosecutor Entitled to Support a Public Prosecution? *Rossijskaya Yusticiya.* 2003. No. 10. P. 33.

Библиографическое описание статьи

Лазарева Л. В. Прокурор как субъект уголовно-процессуальных отношений / Л. В. Лазарева, В. В. Рябчиков // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 60–64.

УДК 343.9.02

Лапутина Евгения Анатольевна,
заместитель начальника кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: bogachevskaya@list.ru

Laputina Evgeniya A.,
Deputy Chief of Criminal Procedure and Criminalistics Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law)

ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОРГАНИЗОВАННЫХ ПРЕСТУПНЫХ СООБЩЕСТВ КАК ЭЛЕМЕНТ, ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИЙ НОРМАЛЬНУЮ РАБОТУ ИНСТИТУТОВ ОБЩЕСТВА

Formation and Functioning of Organized Criminal Networks as an Element Disorganizing Proper Function-ing of Public Institutes

Аннотация. В статье анализируются формирование и функционирование организованных преступных сообществ, деятельность их лидеров по вовлечению новых членов в преступную деятельность, а также их проникновение в исправительные учреждения и среду несовершеннолетних.

Ключевые слова: организованное преступное сообщество; преступная иерархия; лидеры организованных преступных сообществ; исправительные учреждения.

Abstract. The article deals with the formation and functioning of organized criminal networks, the activities of their leaders to involve new members in criminal activities, as well as their integration into penal institutions and teenage environment.

Key words: organized criminal network; a criminal hierarchy; leaders of organized criminal networks; penal institutions.

В свете дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ) статьей, предусматривающей уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ), и особого внимания государства к явлению организованной преступности представляется целесообразным проанализировать преступную деятельность организованных преступных сообществ (далее: ОПС) и их лидеров, которая представляет серьезную угрозу нормальному и эффективному функционированию всех государственных и общественных институтов.

Любые предложения по совершенствованию противодействия организованной преступности и иным современным вызовам и угрозам должны основываться на адекватном восприятии их характера и масштабов, на возможности правоприменителей их реализовать, а также на критическом восприятии правовых теорий, лежащих в основе соответствующих уголовно-правовых институтов и предлагаемых новелл [4, с. 58]. Кроме того, для осуществления борьбы с этими сообществами необходимо обладать полной информацией о механизмах их преступной деятельности, схеме их построения, лидерах и членах сообщества, способах вовлечения новых участников в свою преступную структуру, правилах поведения в рамках преступного сообщества и т. д.

На основе анализа материалов уголовных дел, рассмотренных судами Нижегородской и Владимирской областей в 2010–2018 гг., а также результатов опросов сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений и следственных аппаратов указанных субъектов Российской Федерации мы обобщили имеющуюся информацию о функционировании ОПС [2, с. 100–112].

Лидеры ОПС – лица, обладающие организаторскими способностями и авторитетом в криминальной среде, занимающие самый высокий статус в преступной иерархии, создающие ОПС для совершения тяжких и особо тяжких преступлений. В большинстве случаев целью создания и функционирования такого сообщества являются контролирование преступного бизнеса на территории отдельного субъекта Российской Федерации или нескольких субъектов как в России, так и за рубежом, и получение доходов от преступной деятельности.

Действия лидеров по созданию ОПС, как правило, включают в себя: сплочение между собой членов ОПС, работа по признанию последними определенных правил жизни и поведения в обществе – «понятий», активное вовлечение в ряды преступного сообщества иных лиц, как правило, из числа ранее судимых за совершение преступлений, либо криминальной направленности, распространение среди них криминальных «понятий», которые, помимо иных целей, служат способом объединения, сплочения участников ОПС между собой, порождают у данных лиц осознание общих целей и намерений – совершение тяжких и особо тяжких преступлений [3, с. 31–36].

© Лапутина Е. А., 2019

В различные периоды функционирования ОПС в него на добровольной основе входит большое количество лиц, которые осознают свое членство в ОПС, совершающем тяжкие и особо тяжкие преступления, из корыстных побуждений в нем участвуют, совершая тяжкие и особо тяжкие преступления.

Руководители высшего звена (лидеры) ОПС обладают следующими полномочиями:

– назначение руководителей структурных подразделений ОПС;

– распределение функций между участниками ОПС;

– распоряжение по личному усмотрению и распределение прибыли, вырученной в результате совершения преступлений участниками ОПС;

– отдача обязательных для каждого члена ОПС распоряжений о совершении тех или иных действий в интересах сообщества в целом либо о совершении конкретных преступлений;

– общее планирование преступной деятельности ОПС и утверждение планов совершения данным сообществом конкретных преступлений;

– проведение мероприятий идеологического характера, а также разработка новых норм и правил поведения, обязательных для участников ОПС;

– применение санкций либо организация таких действий, как правило, насильственного характера к нарушителям установленных норм и правил поведения;

– разрешение споров с конфликтующими преступными группировками и между участниками одного ОПС;

– организация преступной деятельности структурных подразделений ОПС;

– иные полномочия.

При этом руководители ОПС осознают, что эти полномочия дают им возможность управлять участниками и распоряжаться имуществом ОПС, а также желают использовать эти полномочия в преступных целях.

Иерархическая структура ОПС в течение периода его функционирования постоянно изменяется и совершенствуется.

Выстраивая структуру ОПС, его руководители производят назначения руководителей среднего звена из числа лиц стойкой криминальной направленности, как правило, ранее судимых за совершение преступлений, обладающих лидерскими, нередко основанными на физической силе, качествами. Это так называемые ответственные за населенные пункты, расположенные на территории функционирования ОПС, которым присваивается криминальный статус приближенного к «высшему руководству».

Кроме распределения обязанностей в преступном бизнесе по территориальному принципу, назначаются «ответственные» за организацию работы в отдельных, наиболее прибыльных преступных направлениях (например, хищение автотранспорта граждан с последующим вымогательством денежных средств за его возвращение владельцам, квартирные кражи, вымогательства денежных средств у представителей коммерческих структур за предоставление виртуальных охранных услуг – так называемой крыши, иные вымогательства, организация торговли наркотическими средствами, алкогольной продукцией, занятий проституцией, мошенничества в отношении граждан, совершающих обменные операции с иностранной валютой, и т. д.). Таким лицам также присваивается статус приближенного к «высшему руководству».

Денежные средства, вырученные от совершенных преступлений, собранные руководителями среднего звена – «бродягами», передаются «кассирам», которые также назначаются руководителями высшего звена. Функция «кассиров» сводится к сбору и хранению денежных средств. Единоличное право распоряжения денежными средствами, поступающими в «кассу», имеют только руководители высшего звена ОПС.

Руководители структурных подразделений среднего звена ОПС отвечают перед руководителями высшего звена за общую организацию уголовных преступлений и сбор денежных средств, вырученных от них, на контролируемых ими территориях либо в отдельных сферах преступного бизнеса. Для этого проводятся регулярные, часто даже ежедневные собрания среди подконтрольных им участников ОПС, где разрабатываются планы совершения отдельных преступлений, распределяются роли и функции каждого исполнителя, происходит обмен информацией об уже совершенных преступлениях, осуществляется сбор денежных средств, вырученных от преступной деятельности, насаждаются идеологические установки, разработанные руководителями высшего звена ОПС для прикрытия своих истинных целей и намерений личного обогащения. Кроме того, на собраниях принимаются решения о направлении участников ОПС на исполнение поручений, хотя и не связанных с совершением конкретных общеуголовных преступлений, но обеспечивающих общее функционирование ОПС в целом: охрана лидеров преступного сообщества и членов их семей; дежурство в местах сбора – на «базах»; выдвижение к местам встреч с конфликтующими группировками и отдельными лицами; охрана мест захоронения умерших лидеров и иные функции.

Руководители структурных подразделений среднего звена разрешают возникающие споры внутри подчиненного им структурного подразделения, непосредственно принимают участие в наиболее значимых преступлениях. При возведении участника

ОПС в ранг руководителя среднего звена соблюдается определенная процедура. Право назначения в основном имеют лишь лица, обладающие высшим статусом в преступной иерархии, причем принимается ими это решение по согласованию друг с другом. Процедура назначения включает в себя сбор многочисленных членов ОПС, которым представляется назначенный. Лица, встающие под начало руководителей среднего звена, обязаны беспрекословно исполнять их решения. Неисполнение карается материальными лишениями или физическим наказанием, вплоть до лишения жизни.

Рядовые члены – участники ОПС обязаны совершать тяжкие и особо тяжкие преступления главным образом имущественной направленности. Помимо этого, для поддержания преступного авторитета среди конкурирующих преступных группировок, запугивания населения, противодействия уголовному преследованию отдельных руководителей ОПС, его структурных подразделений и активных участников, а также для противодействия выходу участников из рядов ОПС рядовые члены ОПС в составе организованных групп по указанию руководителей высшего и среднего звеньев обязаны совершать тяжкие и особо тяжкие преступления против личности (убийства, избиения с причинением вреда здоровью жертв различной степени тяжести, в том числе и тяжкого, похищения людей, незаконное лишение свободы людей и иные тяжкие и особо тяжкие преступления против личности).

Для координации деятельности руководителей структурных подразделений и рядовых участников ОПС, разработки планов деятельности в определенных преступных направлениях, а также планов совершения конкретных тяжких и особо тяжких преступлений руководителями высшего звена ОПС, а также приближенными к ним руководителями среднего звена используется конкретный объект недвижимости – «база», расположенный по какому-либо конкретному адресу или адресам.

Как правило, в указанных помещениях организуются круглосуточные дежурства в составе одного и более человек. Участники ОПС в период своего дежурства осуществляют сбор и обмен информацией между иными «базами», руководителями среднего звена, участниками ОПС при помощи городской телефонной связи, сотовой телефонной связи, радиосвязи, что также свидетельствует о тесной сплоченности и устойчивости связей между членами ОПС. «Базы» используются и как неформальные офисы, куда обращаются потерпевшие от действий членов ОПС с целью возврата похищенного имущества за вознаграждение, разрешения различных споров и конфликтных ситуаций. В результате этого у населения складывается иллюзия того, что действенной организацией, способной осуществить защиту прав и интересов, вернуть похищенное имущество и осуществить иные действия в пользу обратившегося, является конкретное ОПС, а не система государственных органов власти, действующая на основе законодательства Российской Федерации. Кроме того, «базы» используются как места для сборов участников ОПС в целях разработки планов совершения преступлений, отчета об уже совершенных преступлениях, отчисления денежных средств, добытых в результате совершения этих преступлений, в пользу «верхушки». Помимо прочего, на данных сборах доводятся идеологические установки, разработанные руководством ОПС для действенного контроля над рядовыми участниками ОПС, в целях личного обогащения, путем создания организационных условий для совершения тяжких и особо тяжких преступлений.

Кроме того, организационные и иные вопросы могут решаться в ходе различных торжественных и траурных мероприятий – именин руководителей высшего звена и членов их семей, поминок и т. д., куда прибывают многочисленные руководители структурных подразделений и наиболее активные участники ОПС, а также лица криминальной направленности из иных регионов Российской Федерации.

По неписаным правилам криминального мира лица, обладающие высшим статусом в преступной иерархии либо статусом руководителя среднего звена, воспринимаются безусловными лидерами. Любое указание данных лиц, в том числе о совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, подлежит незамедлительному исполнению. Неподчинение считается чрезвычайным проступком и карается наказанием, вплоть до убийства. Участники ОПС обязаны соблюдать принципы недоносительства о совершаемых другими участниками сообщества преступлениях, т. е. принцип «круговой поруки». Совершение преступлений является обязательным, а от их количества и степени дерзости зависит продвижение участника ОПС по иерархической лестнице. Утаивание денежных средств, добытых в результате преступной деятельности, право распоряжения которыми имеют лишь лидеры ОПС, также считается проступком, а допустившие его лица наказываются. Для создания условий, препятствующих выходу из состава ОПС, поддерживается система, при которой все имущество, нажитое участниками сообщества, является собственностью ОПС и при добровольном выходе из него изымается. Человек, добровольно покинувший ряды ОПС, подлежит физическому наказанию (вплоть до убийства), степень которого зависит от ранга неофициальной должности и степени осведомленности о совершении конкретных преступлений членами ОПС. Среди членов ОПС поддержива-

ется строгая дисциплина, для обеспечения которой используются насилие и угрозы применения насилия. Даже непосещение регулярных неформальных собраний членами ОПС влечет за собой наказание.

В попытке контроля над абсолютно всеми преступлениями против собственности, в том числе тяжкими и особо тяжкими на территориях, находящихся под влиянием ОПС, и, соответственно, над получением прибыли, полученной в результате совершения этих преступлений, руководители высшего звена, а также приближенные к ним руководители среднего структурного звена организовывают работу, направленную на выявление и пресечение деятельности преступных групп и отдельных преступников, не являющихся членами их ОПС. При выявлении таких групп и лиц, нередко с применением насилия, последние склоняются к вступлению в ряды участников данного ОПС и выделению части вырученных денежных средств от совершаемых ими преступлений в «кассу» ОПС.

При совершении тяжких и особо тяжких преступлений, для противодействия правоохранительным органам и гражданам, пресекающим преступную деятельность, обеспечения авторитета и силы на встречах с конфликтующими преступными группировками и в иных целях члены ОПС прибегают к различным видам оружия, в том числе и официально зарегистрированным, а также используют многочисленный автотранспорт.

Идеологическая система понятий и традиций, разработанная при активном участии лидеров ОПС, получила широкое распространение в исправительных учреждениях, расположенных на территории контролируемого этим ОПС субъекта или субъектов Российской Федерации. Осужденных, содержащихся в данных учреждениях, принято подразделять на следующие категории: «черные» – активно пропагандирующие и принимающие взгляды ОПС; «мужики» – живущие по порядкам, установленным членами ОПС; «красные» – сотрудничающие с администрацией мест лишения свободы; «опущенные» – лица, совершившие проступки, неприемлемые по криминальным «понятиям».

Лидеры ОПС назначают руководителя, отвечающего за внедрение правил и традиций, а также за организацию быта осужденных, в соответствии с установленными «понятиями», присваивая последнему статус «ответственного» за исправительное учреждение. В функции указанного ответственного, помимо общих организационных обязанностей, входят сбор денежных средств, драгоценных изделий и иного имущества, имеющегося у осужденных, и направление их в «кассу». Лица, совершившие резонансные проступки против руководства и особо активных членов ОПС либо препятствующие и разоблачающие преступную идеологию, приговариваются к физическому наказанию либо к смерти. Правом вынесения такого решения обладают только лица, имеющие высший статус в преступной иерархии. Данное решение именуется как «поставить на человеке крест», а сам приговоренный – «крестовиком». Информация о его статусе и перемещениях в пределах исправительных учреждений доводится до осужденных путем негласной почты, так называемыми прогонами. Лица, придерживающиеся порядков ОПС, повстречавшись с «крестовиком», обязаны принять меры к его избиению либо лишению жизни (в зависимости от вынесенного решения). Непринятие необходимых мер также карается.

Помимо организационной работы по развитию преступных направлений и созданию условий для совершения тяжких и особо тяжких преступлений в общеуголовной среде, руководителями ОПС умышленно, с целью подготовки преступных подконтрольных им кадров, проводится масштабная работа среди несовершеннолетних и малолетних лиц, обучающихся в общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях. Она включает в себя серьезную идеологическую обработку подрастающего поколения, которому навязываются аморальные устои и порядки, аналогичные распространенным в местах лишения свободы и предварительного заключения среди спецконтингента. Так, руководителями ОПС, по взаимному согласованию, назначаются так называемые ответственные за работу с молодежью. Те в свою очередь назначают «ответственных» за образовательные организации из числа учащихся, у которых уже сформировано преступное девиантное мировоззрение, в силу чего они, применяя методы психического и физического насилия, насаждают порядки поведения членов ОПС среди других обучающихся в процессе повседневной жизни, а также на нелегальных собраниях. Детей, не желающих вступать в ряды неформальной преступной организации, подвергают гонениям (вплоть до физического насилия). Таким образом, используя указанные сетевые структуры, руководители ОПС психически надламывают детей, причиняют им страдания, душевный дискомфорт, различного рода ограничения, делают их жизнь невыносимой, явно не совместимой с понятиями о жизни личности в нормальных, общепринятых на настоящем этапе развития общества, условиях. Многие из подвергнувшихся насилию детей и подростков вынуждены вступать в ряды ОПС, и в дальнейшем на них распространяется общее правило: выделять в пользу руководителей ОПС часть денежных средств от совершаемых ими преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких, в основном имущественной направленности. Мотивом денежных

отчислений служит ложный, надуманный предлог (например, помощь лицам – членам ОПС, содержащимся в местах лишения свободы). Основной же целью данных согласованных организационных действий лидеров ОПС и руководства среднего звена являются личное обогащение и распространение влияния на их ОПС. Помимо этого, вовлеченные в ОПС дети могут направляться на различные неоплачиваемые работы, связанные с обеспечением функционирования ОПС. Например, их могут привлечь к негласной охране подъездов, квартир, в которых проживают руководители преступного сообщества и их родственники, мест сбора членов ОПС – «баз», направить на патрулирование улиц с целью сбора информации об объектах последующих нападений или о действиях конкурирующих преступных группировок и отдельных преступников, не входящих в их ОПС, а также с целью сбора информации о передвижении сотрудников правоохранительных органов и возможной опасности задержания членов ОПС.

В связи с вышеизложенным полагаем уместным привести мнение доктора юридических наук А. В. Агапова по этому поводу: «…деструктивная опасность, исходящая от организованных преступных объединений и совершаемых ими общественно опасных деяний, несравнима, пожалуй, ни с чем. Они не только влекут за собой тяжкие, порой необратимые последствия, но и создают обстановку нервозности граждан, их неуверенности в своей безопасности и возможностях государственной власти по ее обеспечению» [1, с. 366].

Итак, перечисленные масштабные организационные действия лидеров ОПС и их подчиненных подготавливают почву для совершения тяжких и особо тяжких преступлений с целью извлечения колоссальных выгод имущественного характера, способствуют криминализации общества, особенно за счет представителей среды несовершеннолетних, дезорганизуют деятельность мест лишения свободы и препятствуют нормальному функционированию государства в целом.

Библиографический список

1. *Агапов П. В.* Комплексный подход как основа противодействия организованной преступности / П. В. Агапов // Преступность, национальная безопасность, бизнес / под общ. ред. проф. А. И. Долговой. – Москва : Рос. криминол. ассоц., 2012. – ISBN 978-5-87817-077-2. – С. 366–371.

2. *Меркурьев В. В.* Организованная преступность в исправительных учреждениях России в начале XXI века / В. В. Меркурьев, Е. А. Богачевская // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом / под ред. А. И. Долговой. – Москва : Рос. криминол. ассоц., 2008. – ISBN 978-5-87817-067-3. – С. 104–117.

3. *Меркурьев В. В.* Борьба с дезорганизационной деятельностью лидеров криминальной среды в исправительных учреждениях России / В. В. Меркурьев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2009. – № 1(9). – С. 31–36.

4. *Михайлов В. И.* Отдельные вопросы совершенствования правового регулирования борьбы с организованной преступностью и иными современными вызовами и угрозами / В. И. Михайлов // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования : материалы IV межведомств. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. П. Кувалдин. – Москва : Юриспруденция, 2019. – С. 55–69.

References

1. *Agapov P. V.* Integrated Approach as a Basis for Combating Organized Crime. *Crime, National Security, Business.* Ed. by A. I. Dolgova. Moscow, Rossijskaya Kriminologicheskaya Associaciya, 2012. ISBN 978-5-87817-077-2. P. 366–371.

2. *Merkur`ev V. V., Bogachevskaya E. A.* Organized Crime in Correctional Institutions of Russia in the Early XXI Century. *Improving the Fight against Organized Crime, Corruption and Extremism.* Ed. by A. I. Dolgova. Moscow, Rossijskaya Kriminologicheskaya Associaciya, 2008. ISBN 978-5-87817-067-3. P. 104–117.

3. *Merkur`ev V. V.* Fighting Disorganization Activities of Leaders of the Criminal Environment in Correctional Institutions of Russia. *Vestnik Akademii General'noj Prokuratury' Rossijskoj Federacii.* 2009. No. 1(9). P. 31–36.

4. *Mikhajlov V. I.* Some Questions of Improving the Legal Regulation of the Fight against Organized Crime and Other Modern Challenges and Threats. *Criminal and Operational-search Legislation: Problems of Inter-sectoral Relations and Prospects for Improvement.* Ed. by V. P. Kuvaldin. Moscow, Yurisprudenciya, 2019. P. 55–69.

Библиографическое описание статьи

Лапутина Е. А. Формирование и функционирование организованных преступных сообществ как элемент, дезорганизующий нормальную работу институтов общества / Е. А. Лапутина // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 65–69.

УДК 347.662.4

Матвеева Наталья Андреевна,
магистрант 1-го курса
Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: natuska_matveeva@mail.ru

Matveeva Natal'ya A.,
Graduate Student 1st Course
of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU

Шумова Кристина Александровна,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
кандидат юридических наук
E-mail: kristinashumov@yandex.ru

Shumova Kristina A.,
Assistant Professor of Civil Law and Procedure Department
of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU
PhD (Law)

ПРОБЛЕМА ПРИЗНАНИЯ СУДОМ УВАЖИТЕЛЬНОСТИ ПРИЧИН, НЕОБХОДИМЫХ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ СРОКА ДЛЯ ОТКАЗА ОТ НАСЛЕДСТВА

The Problem of the Recognition by the Court of Respect of the Reasons Required for the Restoration of the Term for Refusal of Heritage

Аннотация. В статье проведен анализ законодательства Российской Федерации и судебной практики в сфере восстановления срока, необходимого для отказа от наследства.

Ключевые слова: отказ от наследства; срок для отказа от наследства; фактическое принятие наследства; уважительность причин для отказа от наследства.

Abstract. The article analyzes the legislation of the Russian Federation and judicial practice in the restoration of the period necessary for a refusal of the inheritance.

Key words: refusal of the inheritance; the period for a refusal of the inheritance; the actual acceptance of the inheritance; the validity of the reasons for a refusal of the inheritance.

Наряду с правом наследников на принятие наследства, российским законодательством предусмотрено право на отказ от наследства. В соответствии с п. 1 ст. 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации наследник вправе отказаться от наследства в пользу других лиц или без указания таковых. При этом для реализации данного права законодателем установлен срок, в рамках которого лицо, желающее отказаться от наследства, обязано совершить соответствующие действия (явиться к нотариусу и оформить отказ), – 6 мес.

Проблема отказа от наследства в научной литературе изучена не достаточно глубоко. Среди работ, посвященных этому вопросу, можно выделить, например, статьи Н. А. Балог, Д. С. Левичева, С. В. Юрчук, а также И. С. Долгинова, в которых авторы соответственно рассматривали аспекты продления и особенности правовой регламентации срока отказа [1; 2].

Наиболее проблемными в вопросе отказа от принятия наследства выступают случаи, при которых шестимесячный срок, предусмотренный для выражения наследником своей воли в отношении наследственной массы, на которую он может претендовать, уже истек. Сложности возникают в тех случаях, когда наследник, совершая определенные действия, свидетельствующие о фактическом принятии наследства, в действительности не желал его принимать (например, если наследственным имуществом является квартира, такими действиями могут быть проживание наследника в квартире после смерти наследодателя, оплата им коммунальных платежей, поддержание квартиры в надлежащем состоянии и т. д.). В связи с этим по истечении шестимесячного срока, в рамках которого наследник имел право отказаться от наследства, но не сделал этого, установить факт отказа от наследства возможно только в судебном порядке при наличии уважительных причин пропуска указанного срока. При этом законодательство Российской Федерации, а также разъяснения Верховного Суда Российской Федерации не содержат даже примерного перечня причин, которые в данном случае могут быть признаны судом уважительными. Исходя из судебной практики, суды к уважительным причинам, необходимым для восстановления срока для отказа от наследства, относят те же причины, которые предусмотрены для восстановления срока для принятия наследства (тяжелая болезнь, беспомощное состояние, неграмотность и т. п.). Верховный Суд Российской Федерации оставил данный перечень открытым, в связи с чем решение вопроса об уважительности той или иной причины пропуска срока возлагается на усмотрение суда, рассматривающего данное дело.

Однако, как показывает судебная практика, одна и та же причина пропуска срока отказа от наследства различными судами может быть оценена по-разному. Так, Д. П. Пономарь обратился в суд с исковым заявлением к С. А. Белову с требованием о восстановлении срока для отказа от

© Матвеева Н. А., Шумова К. А., 2019

наследства. В качестве причины пропуска срока истец указал на незнание гражданско-правовых норм о сроках и порядке отказа от наследства. Суд не принял доводы истца, указав, что они не являются уважительными обстоятельствами для восстановления срока отказа от наследства. Исковые требования истца о восстановлении срока для отказа от наследства решением Клинского городского суда Московской области от 5 февраля 2018 г. по делу № 2-228/2018 были оставлены без удовлетворения.

В свою очередь, иное решение было вынесено Бековским районным судом Пензенской области от 1 февраля 2017 г. (дело № 2-15/2017) по заявлению А. Н. Карпова к Л. Н. Карповой, который в силу незнания гражданского законодательства не отказался в установленный срок от наследства. Процитируем отрывок из судебного решения по данному делу: «В судебном заседании было установлено, что истец Карпов А. Н., являясь наследником первой очереди, ошибочно полагал, что необращение к нотариусу с заявлением о принятии наследства свидетельствует о его отказе от наследства, открывшегося после смерти. При указанных обстоятельствах суд находит причину пропуска срока, установленного для отказа от принятия наследства, уважительной».

Как видно из приведенных выше примеров, различная оценка одной и той же причины с точки зрения ее уважительности приводит к соответствующим прямо противоположным результатам. Данное обстоятельство свидетельствует о нестабильности и противоречивости судопроизводства по анализируемой категории дел. Это, в свою очередь, порождает в некотором аспекте несоблюдение одного из основополагающих принципов гражданского судопроизводства, провозглашенного также и в Конституции Российской Федерации, – равенство всех перед законом и судом.

В связи с этим считаем, что возникла серьезная необходимость в устранении данного пробела. По нашему мнению, устранить его позволит внесение дополнений в уже имеющееся разъяснение Верховного Суда Российской Федерации, а именно, необходимо добавить пункт об уважительных причинах, по которым суд может восстановить срок для отказа от наследства, при этом должен быть определен их исчерпывающий перечень. К таковым необходимо отнести: тяжелую болезнь наследника, его родственника или иждивенца, за которым он осуществлял на протяжении всего срока уход; беспомощное состояние наследника; его неграмотность; отсутствие у наследника информации об открытии наследства; невозможность наследника отказаться от наследства в силу обстоятельств, не зависящих от него (действия или бездействие иных лиц, действия непреодолимой силы).

Считаем целесообразным отдельно остановиться на такой причине, как неграмотность. Верховный Суд Российской Федерации не конкретизирует, в чем она может выражаться: в невозможности человека читать, писать, разговаривать на русском языке либо в его юридической или математической неграмотности. Как свидетельствует судебная практика, данное выражение подразумевает именно незнание лицом русской речи и русского алфавита. Юридическую же или математическую неграмотность суды не относят к уважительным причинам пропуска срока. Так, Н. В. Назарова обратилась в суд с иском к Н. И. Блюденовой о восстановлении срока для отказа от наследства по завещанию в пользу наследника по закону и по завещанию З. В качестве обоснования своего иска истица указала, что не смогла в установленный срок юридически оформить отказ от своих наследственных прав на указанное имущество вследствие юридической неграмотности, исчисляя срок для открытия наследства не с даты смерти, а с даты обращения к нотариусу. В своем решении Ступинский городской суд Московской области от 6 марта 2018 г. по делу № 2-601/2018 указал, что «ссылка истца на юридическую безграмотность и отсутствие возможности в течение шести месяцев обратиться к нотариусу с заявлением об отказе от принятия наследства не имеют значения». Исковое заявление Н. В. Назаровой было оставлено без удовлетворения.

Кроме того, современной судебной практике известны и такие причины, как невозможность наследника отказаться от наследства в силу обстоятельств, не зависящих от него (действия или бездействие иных лиц, действия непреодолимой силы). Так, В. А. Тягунова обратилась в суд с иском к администрации Ногинского муниципального района, администрации муниципального образования «Городское поселение имени Воровского» о восстановлении срока для отказа от наследства и о признании отказавшейся от наследства. Наследниками А. В. Тягунова по закону являлись его дочь В. А. Тягунова (истица), супруга Т. В. Тягунова и мать А. А. Тягунова. Супруга и мать от наследства отказались в установленный шестимесячный срок. В свою очередь, Т. В. Тягунова в интересах своей дочери А. В. Тягуновой, которая на момент открытия наследства не достигла совершеннолетнего возраста, в целях совершения отказа дочери от наследства обратилась от ее имени за получением соответствующего разрешения в органы опеки и попечительства. Однако в течение срока, установленного для отказа от наследства, ответ из органа опеки и попечительства не поступил. По

достижении истицей совершеннолетия, она сама получила данный ответ и обратилась в суд с указанным иском. Данное обстоятельство было признано судом уважительной причиной, о чем свидетельствует определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 31 октября 2016 г. по делу № 33-27002/2016.

Таким образом, для признания факта непринятия наследства необходимо доказать в судебном порядке отсутствие у данного лица намерения принять наследство, подтвердив это соответствующими доказательствами. В то же время в связи с тем, что законодательно закрепленного перечня оснований, которые могут свидетельствовать об отсутствии у наследника намерения вступить в наследство, не предусмотрено, судья разрешает данный вопрос буквально на свое усмотрение. В связи со сложившейся неопределенностью по данному вопросу считаем, что возникла необходимость в конкретизации Верховным Судом Российской Федерации категории уважительных причин, по которым срок для отказа от наследства может быть восстановлен путем установления их исчерпывающего перечня.

Библиографический список

1. *Балог Н. А.* Особенности продления срока отказа от наследства / Н. А. Балог, Д. С. Левичев, С. В. Юрчук // Синергия Наук. – 2018. – № 28. – С. 980–984.

2. *Долгинов И. С.* Проблемы правовой регламентации срока отказа от наследства / И. С. Долгинов // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2019. – № 2(33). – С. 25–29.

References

1. *Balog N. A., Levichev D. S., Yurchuk S. V.* Features of Extending the Period of Deviation from Inheritance. *Sinergiya Nauk.* 2018. No. 28. P. 980–984.

2. *Dolginov I. S.* Problems of Legal Regulation of the Period of Renunciation of Inheritance. *Vestnik Permskogo Instituta FSIN Rossii.* 2019. No. 2(33). P. 25–29.

Библиографическое описание статьи

Матвеева Н. А. Проблема признания судом уважительности причин, необходимых для восстановления срока для отказа от наследства / Н. А. Матвеева, К. А. Шумова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 70–72.

УДК 343.98

Образцов Сергей Вячеславович,
начальник кафедры общеправовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук
E-mail: sobr.74@bk.ru

Obrazczov Sergej V.,
Head of General Law Studies Department of Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the MIA of Russia
PhD (Law)

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПО ПРИВЛЕЧЕНИЮ ОСУЖДЕННОГО К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОДГОТОВКУ К СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ

Features of the Activities of the Operational Units of the Penal System in Bringing a Convicted Person to Responsibility for Preparing for the Commission of a Crime against Life and Health

Аннотация. Статья посвящена одному из важнейших направлений профилактической деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы – предупреждению преступлений против жизни и здоровья. В ходе проведения исследования использовались формально-логический метод, системный анализ норм российского законодательства. Автором проведен анализ основных направлений деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по предупреждению преступлений против жизни и здоровья на этапе формирования умысла на совершение преступления и предварительной подготовки.

Ключевые слова: оперативные подразделения; уголовно-исполнительная система; предупреждение преступлений против жизни и здоровья; приготовление к преступлению; привлечение к ответственности.

Abstract. The article is devoted to one of the most important areas of preventive activity of the operational units of the penal system – prevention of crimes against life and health. In the course of the study, a formal logical method as well as a systematic analysis of the norms of Russian legislation was used. The author analyzes the main areas of the activity of the operational units of penal system for the prevention of crimes against life and health at the stage of forming intent for committing a crime and preliminary preparation.

Key words: operational units; the penal system; prevention of crimes against life and health; preparation for crime; prosecution.

В последние годы проблема предупреждения и пресечения преступлений, совершаемых осужденными, прочно вошла в число наиболее приоритетных направлений деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы (далее: УИС). Особую актуальность и значимость приобретают повышение уровня организации и совершенствование тактики борьбы с пенитенциарной преступностью. Эффективное противодействие преступности, в том числе и в местах лишения свободы, возможно только при комплексном использовании государством гласных рычагов власти, а также специальных сил, средств и методов.

Преступления против жизни и здоровья посягают на один из наиболее ценных объектов, охраняемых нормами уголовного законодательства. При этом особая роль по предупреждению данного вида преступлений в исправительных учреждениях принадлежит оперативно-розыскным подразделениям как весьма специфическому и важному инструментарию борьбы государства с преступностью [2].

Анализируя деятельность оперативных подразделений УИС в случае, когда лицо от стадии замысла перешло к действиям, направленным на подготовку к совершению преступления, следует рассмотреть такое ее направление, как привлечение осужденного к ответственности за подготовительные действия. Нами усматривается три основных его аспекта:

– привлечение лица к уголовной ответственности за приготовление к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления в соответствии со ст. 30 УК РФ;

– привлечение лица к уголовной ответственности, если в подготовительных действиях содержится самостоятельный состав преступления;

– привлечение лица к дисциплинарной ответственности в соответствии со ст. 115, 116 УИК РФ и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295.

Рассматривая первый из выделенных нами аспектов, необходимо отметить, что в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ уголовная ответственность наступает лишь за приготовление к тяжкому и осо-

© Образцов С. В., 2019

бо тяжкому преступлению. Таким образом, не во всех случаях приготовления к совершению преступлений против жизни и здоровья возможно привлечение фигуранта к уголовной ответственности на стадии приготовления: это касается лишь случаев подготовки к совершению убийства (ст. 105 УК РФ), умышленному причинению тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) или истязанию при наличии квалифицирующих признаков (ч. 2 ст. 117 УК РФ).

Однако степень общественной опасности вышеуказанных составов вынуждает подробно проанализировать деятельность оперативных работников в данном направлении.

Действия, непосредственно направленные на подготовку и осуществление преступления против жизни и здоровья в условиях исправительных учреждениях, могут выражаться:

– в приготовлении орудия преступления, в том числе холодного оружия (ножа, арбалета и проч.);

– приготовлении места совершения преступления;

– приискании соучастников преступления;

– подготовке способов сокрытия следов совершения преступления.

В современных условиях о каждом человеке имеется значительное количество информации, зафиксированной в различных базах данных на разнообразных носителях (как правило, бумажных и электронных). Применительно к объектам оперативного интереса использование такой информации может оказать значительную помощь в решении задач оперативно-розыскной деятельности, направленных на противодействие преступности [1].

Следует указать, что даже обнаружение и процессуальная фиксация вышеперечисленных действий в большинстве случаев не влекут за собой привлечение виновных к уголовной ответственности за приготовление к совершению преступления (ст. 30 УК РФ), так как очень затруднительно доказать умысел на совершение преступления. Как правило, осужденные объясняют свои действия либо попыткой нарушить режим содержания (приобрел нож (арбалет и др.), чтобы тайно вынести с территории исправительного учреждения и подарить другу; изготовил заточку для резки хлеба и т. д.), либо полностью отрицают свою вину («подставили», подбросили, оклеветали и т. п.). В связи с этим особую актуальность приобретают вопросы документирования результатов оперативно-розыскной деятельности.

Отметим, что документирование включает в себя собирание, проверку и подготовку первичной оперативной информации к реализации. В связи с этим документирование можно рассматривать в качестве целенаправленного процесса, началом которого предстает выявление факта конкретного деяния, которое, по мнению инициатора, может носить характер противоправного, а в рассматриваемом контексте – приготовительных действий к совершению убийства, умышленному причинению тяжкого вреда здоровью или истязанию.

Выделим основные направления документирования подготовительных преступных действий к совершению преступления против жизни и здоровья:

1. Выявление очевидцев подготовки к совершению преступления, а также лиц, осведомленных о субъектах, причастных к подготовке к совершению преступления на территории исправительного учреждения, об иных сведениях, которые также имеют значение для расследования уголовного дела, а также обеспечение их участия в уголовном процессе в качестве свидетелей.

Очевидцами подготовки убийства, умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, истязания в местах лишения свободы могут быть сотрудники УИС или работники исправительного учреждения из числа вольнонаемного состава, посторонние граждане, осужденные. В дальнейшем выявленные очевидцы могут участвовать в уголовном процессе в качестве свидетелей. В том же качестве могут быть привлечены оперативные работники, осуществлявшие задержание преступника на более позднем этапе (при совершении покушения на преступление).

Кроме очевидцев, в качестве свидетелей могут быть привлечены лица, по каким-либо причинам осведомленные о фактах подготовки к совершению рассматриваемых преступлений, о субъектах, его осуществляющих, иных фактах, имеющих значение для расследования. Наибольший интерес в этом плане представляют осужденные. Однако, несмотря на то, что фактически именно они лучше других осведомлены о лицах и фактах, представляющих оперативный интерес, необходимо отметить, что в ряде случаев осужденные отказываются участвовать в уголовном процессе в качестве свидетелей, опасаясь за свою жизнь или здоровье, а также под влиянием субкультуры мест лишения свободы.

Как правило, к данной категории лиц, реально участвующих впоследствии в уголовном процессе, можно отнести оперативных работников, ранее участвовавших в оперативно-розыскных мероприятиях, проводимых в отношении фигурантов, а также иных сотрудников исправительных учреждений и гражданских лиц, которые привлекались к проведению оперативно-розыскных мероприятий.

2. Выявление мест хранения предметов и документов, имеющих значение для расследования уголовного дела.

Такими предметами и документами на этапе предупреждения подготавливаемого преступления могут быть:

– приготовленные орудия совершения преступления (холодное или огнестрельное оружие, заточки, гвозди, инструменты и т. п.);

– записи, имеющие значение для разоблачения преступной деятельности (схемы планируемого места преступления, пути отхода, письма, записки и др.).

Следует подчеркнуть, что, как уже отмечалось нами выше, одно лишь обнаружение и изъятие предметов и документов, имеющих отношение к подготавливаемому преступлению, в большинстве случаев недостаточно для формирования доказательной базы, так как виновные способны объяснить их бытовыми причинами, не позволяющими доказать их умысел на совершение преступления. Именно поэтому особое значение приобретает комплексная реализация всех направлений документирования.

3. Фиксация фактов подготовки к совершению преступлений в процессе осуществления оперативно-розыскных мероприятий и обеспечение возможности использования этих данных в уголовном процессе в качестве доказательств.

При документировании замыслов или действий осужденных фиксируются, например, высказывания угрожающего характера в адрес будущей жертвы; факты изготовления оружия, подготовки и использования тайников для их хранения и пр.

Результаты фиксации, осуществляемой с помощью видео-, аудиозаписи, фотографирования, которые производятся на основании Инструкции о порядке предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю или в суд, утвержденной совместным приказом от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68, преступных действий, вводятся в уголовный процесс путем рассекречивания и предоставления органу, осуществляющему расследование.

Еще одним направлением предупредительной деятельности оперативных подразделений УИС является привлечение лица к уголовной ответственности, если в подготовительных действиях содержится самостоятельный состав преступления. Однако в соответствии с действующим законодательством самостоятельный состав преступления образуют лишь действия, предусмотренные ст. 222, 223 УК РФ.

Однако из всех перечисленных составов преступлений для мест лишения свободы, где преступления против жизни и здоровья, совершенные с использованием осужденными огнестрельного оружия, являются чрезвычайно редкими. Наиболее характерен состав, предусмотренный ч. 4 ст. 223 УК РФ – незаконное изготовление холодного (в том числе метательного) оружия. Таким образом, рассмотренные нами выше меры, обращенные на фиксацию преступной деятельности по данному направлению работы, в основном направлены на процессуальное доказывание осуществления преступных действий, предусмотренных ч. 4 ст. 223 УК РФ.

Помимо вышеуказанных, в работе оперативных подразделений УИС часто используется такая мера предупреждения замышляемых и подготавливаемых преступлений, как привлечение осужденного к дисциплинарной ответственности в соответствии со ст. 115, 116 УИК РФ и Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений. В основном она используется с целью временной изоляции потенциального преступника и его возможной жертвы. Однако реализация данной меры в большинстве случаев приносит лишь временный эффект, так как она не способствует устранению преступного замысла. Кроме того, при ее использовании следует учитывать необходимость наличия законных оснований для привлечения осужденного к дисциплинарной ответственности. Вместе с тем в ряде случаев осуществление такой меры позволяет отсрочить момент совершения преступления и создает необходимые предпосылки для дальнейшей работы по предупреждению преступления против жизни и здоровья.

Таким образом, организация и тактика деятельности оперативных подразделений УИС по оперативно-розыскному предупреждению преступлений против жизни и здоровья, совершаемых в исправительных учреждениях, имеет значительный потенциал совершенствования, который возможно реализовать путем активизации работы по наиболее перспективным направлениям, разрабатываемым современной оперативно-розыскной наукой.

Библиографический список

1. *Агарков А. В.* Проблемы правового регулирования осуществления оперативно-розыскного мероприятия «наведение справок» / А. В. Агарков, Ю. Ф. Королёв // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 4(49). – С. 31–34.

2. *Образцов С. В.* Оперативно-розыскное предупреждение преступлений против жизни и здоровья в исправительных колониях : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Образцов Сергей Вячеславович ; Владимирский юридический институт. – Владимир, 2011. – 24 с. – Место защиты: Владим. юрид. ин-т.

References

1. *Agarkov A. V., Korolyov Yu. F.* Problems of Legal Regulation of the Implementation of the Operational-search Measures «Inquiry». *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2018. No. 4(49). P. 31–34.

2. *Obrazczov S. V.* The Operational-search Prevention of Crimes against Life and Health in Penal Colonies. Vladimir, 2011. 24 p.

Библиографическое описание статьи

Образцов С. В. Особенности деятельности оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы по привлечению осужденного к ответственности за подготовку к совершению преступления против жизни и здоровья / С. В. Образцов // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 73–76.

УДК 340

Полуянова Елена Владимировна,
доцент кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятий ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: elenapoluyanova66@yandex.ru

Poluyanova Elena V.,
Assistant Professor of Organization of Operational Penal Divisions Activities and Specialized Procedures Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law)

Ковалёв Сергей Дмитриевич,
доцент кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятий ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: Sdr-ecxe@rambler.ru

Kovalyov Sergej D.,
Assistant Professor of Organization of Operational Penal Divisions Activities and Specialized Procedures Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law)

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКУМЕНТООБОРОТА И ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ

Legal Regulation of Electronic Document Flow and Electronic Signature

Аннотация. Рассмотрены актуальные вопросы внедрения электронного документооборота во все сферы жизни общества, включая учреждения уголовно-исполнительной системы, а также его законодательного регулирования. Основное внимание уделено формированию предложений по совершенствованию процедуры выдачи и использования электронных подписей.

Ключевые слова: информация; документ; документооборот; электронный документооборот; электронная подпись; удостоверяющий центр.

Abstract. The topical issues of introduction of electronic document flow in all spheres of society, including institutions of the penal system have been considered. The main attention is paid to the formation of proposals to improve the procedure for issuance and use of electronic signatures.

Key words: information; a document; document flow; electronic document management; electronic signature; certification authority.

Руководством Российской Федерации, начиная с 2002 г., регулярно ставится задача о необходимости качественных изменений в организации государственного управления, включающих в себя цифровизацию всей системы государственной власти.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 января 2002 г. № 65 была утверждена федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002–2010 годы)». Цель ее заключалась в повышении качества взаимоотношений государства и общества путем расширения возможности доступа граждан к информации о деятельности органов государственной власти, повышения оперативности предоставления государственных услуг.

В Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. Президент России отметил необходимость внедрения электронного документооборота во все сферы жизни общества: «...Нам нужно не только выстроить современные сервисы для бизнеса, но и в целом сделать понятной, удобной и комфортной систему взаимодействия между государством и обществом, между государством и гражданином <…> в цифровую форму нужно перевести документооборот между госструктурами, что важно и для самих госструктур <…> необходима цифровизация всей системы государственного управления, повышение ее прозрачности <...> Руководство страны считает внедрение электронного документооборота фактором: противодействия коррупции, роста эффективности государственного управления» [2].

По мере реализации задач, поставленных руководством страны, был выполнен комплекс работ по формированию информационно-технологической и телекоммуникационной инфраструктуры на базе единого оператора. Были разработаны и утверждены нормативные акты Российской Федерации, определяющие требования к организации, порядку использования и совершенствованию электронного документооборота в Российской Федерации.

Для выполнения задач, поставленных перед Правительством Российской Федерации по организации взаимодействия информационных систем было разработано Положение о системе межведомственного электронного документооборота (далее: МЭДО), которое было утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 22 сентября 2009 г. № 754. Его основными

© Полуянова Е. В., Ковалёв С. Д., 2019

принципами являются: применение участниками МЭДО совместимых технологий, форматов, протоколов информационного взаимодействия и унифицированных программно-технических средств; правомерное использование программного обеспечения; обеспечение целостности передаваемой информации; обеспечение конфиденциальности ее передачи и получения.

В ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» документирование информации в государственных органах осуществляется в соответствии с правилами делопроизводства, установленными уполномоченным федеральным органом исполнительной власти. В целях реализации данных задач были подготовлены и утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июня 2009 г. № 477 Правила делопроизводства в федеральных органах исполнительной власти, которые устанавливают единый порядок при осуществлении делопроизводства.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 12 февраля 2011 г. № 176-р подготовлен и утвержден план мероприятий по переходу федеральных органов исполнительной власти на безбумажный документооборот при организации внутренней деятельности, которым поставлена задача создать систему электронного документооборота (далее: СЭД), обеспечить возможность обработки служебной информации ограниченного распространения в форме электронных документов.

Перед началом обмена электронными документами каждый из участников информационного взаимодействия должен подтвердить готовность СЭД к подобному обмену. Порядок обмена установлен постановлением Правительства Российской Федерации от 6 сентября 2012 г. № 890 «О мерах по совершенствованию электронного документооборота в органах государственной власти».

В рамках реализации задач, касающихся электронного документооборота, действует государственная программа «Юстиция», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 312, которая включает в себя федеральную целевую программу «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)». В ходе выполнения поставленных программой задач Минюстом России обеспечено межведомственное электронное взаимодействие и качественное функционирование СЭД, введен в эксплуатацию электронный архив уголовно-исполнительной системы.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года (далее: Концепция) отмечено, что путем внедрения электронного делопроизводства, включая оснащение всех учреждений и органов уголовно-исполнительной системы автоматизированными рабочими местами, формированием и ведением регистра унифицированной системы электронных документов, перевода в цифровой формат 100 % документов информационных фондов и архивов учреждений и органов уголовно-исполнительной системы возможно достичь повышения эффективности управления. Реализуя поставленные Концепцией задачи, в разд. 4.15 приказа ФСИН России от 10 августа 2011 г. № 464 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в Федеральной службе исполнения наказаний» определено, что электронные документы, создаваемые в электронной форме, создаются без дополнительного документирования на бумажном носителе.

При регулировании отношений в части применения электронного оборота документов возникает необходимость использования электронной подписи. В настоящее время в Российской Федерации действует Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи». Понятие электронной подписи закреплено в ст. 2, где содержатся основные понятия, используемые в тексте данного документа. Электронная подпись – это информация в электронной форме, которая присоединена к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию. Закон определяет следующие виды электронных подписей: простая электронная подпись и усиленная электронная подпись. Простая электронная подпись посредством использования кодов, паролей или иных средств подтверждает факт формирования электронной подписи определенным лицом. Усиленная электронная подпись может быть квалифицированной и неквалифицированной. Неквалифицированная электронная подпись получена в результате криптографического преобразования информации с использованием ключа электронной подписи, она позволяет определить лицо, подписавшее электронный документ, обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания. В квалифицированной подписи ключ проверки электронной подписи указан в квалифицированном сертификате. При этом следует отметить, что ключ проверки электронной подписи – это уникальная последовательность символов, однозначно связанная с ключом электронной подписи и предназначенная для проверки его подлинности. Электронный документ или документ на бумажном носителе, выданный удостоверяющим центром, подтвер-

ждающий принадлежность ключа проверки электронной подписи владельцу сертификата ключа проверки электронной подписи, является сертификатом ключа проверки электронной подписи. В Федеральном законе «Об электронной подписи» закреплено определение понятия удостоверяющего центра: это юридическое лицо, индивидуальный предприниматель либо государственный орган или орган местного самоуправления, осуществляющие функции по созданию и выдаче сертификатов ключей проверки электронных подписей. В уголовно-исполнительной системе в соответствии с приказом ФСИН России от 18 ноября 2016 г. № 903 для создания и выдачи сертификатов ключей проверки электронных подписей организована работа Удостоверяющего центра ФСИН России. Разработано Положение об Удостоверяющем центре, также подготовлен Регламент организации работы Удостоверяющего центра ФСИН России, который утвержден приказом ФСИН России от 10 июля 2019 г. № 93.

Возможность использовать электронную подпись в электронном документообороте является процессом цивилизационным, процессом развития общества и государства. Российской Федерации следует двигаться в этом направлении, граждане нашей страны должны иметь право воспользоваться данной услугой. В настоящее время, на наш взгляд, прежде чем внедрять эту систему в широкие массы, следует решить ряд вопросов, связанных с ее применением. По информации Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, число аккредитованных удостоверяющих центров по состоянию на 1 октября 2019 г. составляет 495 [1]. Полагаем, что большое количество удостоверяющих центров в Российской Федерации является одной из проблем, которая требует соответствующего решения. Вопрос заключается в том, что практически невозможно проконтролировать работу всех центров, находящихся в разных частях нашей страны, особенно в отдаленных территориях. Считаем, что для решения данного вопроса необходимо значительно сократить количество аккредитованных удостоверяющих центров.

Кроме того, в соответствии со ст. 2 Федерального закона «Об электронной подписи» удостоверяющим центром должно быть юридическое лицо, и это могут быть как государственный орган или орган местного самоуправления, так и индивидуальный предприниматель. Следовательно, аккредитованными удостоверяющими центрами могут быть не только государственные организации, но и коммерческие структуры. На сайте Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации в списке аккредитованных удостоверяющих центров, наравне с государственными бюджетными и федеральными казенными учреждениями, находятся такие организации, как: общество с ограниченной ответственностью «Инори», закрытое акционерное общество «Гринатом», публичное акционерное общество «Московский кредитный банк», акционерное общество «Торговый дом “Перекресток”», фонд «Институт фондового рынка и управления», коммерческий банк «Кубань кредит» и т. д. [1]. Следует отметить, что основные цели и задачи коммерческих структур – получение выгоды, и это прописано в уставе организаций, которым принадлежат удостоверяющие центры. Полагаем, что если главным в деятельности таких организаций является получение максимальной прибыли, то говорить о выполнении ими добросовестно всех норм, необходимых процедур и требований (таких, например, как обязанность хранить информацию о реквизитах документа, удостоверяющего личность физического лица, или сведения о наименовании, номере и дате выдачи документа, подтверждающего право лица, выступающего от имени заявителя – юридического лица), предъявляемых к удостоверяющим центрам, не приходится. Очевидно, в том числе и по этой причине в средствах массовой информации достаточно часто встречаются сюжеты о незаконных сделках с недвижимостью с использованием электронной подписи. Кроме значительного сокращения количества удостоверяющих центров, предлагаем аккредитовывать для осуществления таких функций только государственные органы или органы местного самоуправления, деятельность которых можно проверить, минимизировав возможность незаконного электронного документооборота.

Помимо этого, в целях исключения использования электронной подписи лицом, не имеющим на это законного права, мы считаем необходимым предусмотреть ряд правовых и технических «барьеров». В качестве технических «барьеров» мы предлагаем фиксировать процесс ее получения с помощью фотосъемки и (или) видеозаписи. Считаем, что фото- или видеофиксация снизят возможность незаконного получения электронной подписи другим лицом. Целесообразным видится дополнение процедуры получения электронной подписи приложением одного из биометрических параметров человека (например, отпечатка пальца, радужной оболочки глаза). Безусловно, полностью исключить вероятность осуществления таких действий невозможно, но можно сократить риски совершения подлога и фальсификации. Видеозапись и биометрический параметр при необходимости могли бы быть также использованы при решении вопроса о возбуждении уголовного

дела или доказывании по уголовному делу в случае судебного разбирательства.

Проанализировав вопросы, касающиеся нормативно-правового регулирования электронного документооборота и электронной подписи, использующейся при подписании электронных документов, полагаем, что в первую очередь следует совершенствовать нормотворческую деятельность в этом направлении с учетом накопившихся вопросов и проблем, а также развивать систему межведомственного взаимодействия. В качестве правовых «барьеров» в целях совершенствования норм Федерального закона «Об электронной подписи» предлагаем следующую редакцию ч. 1 ст. 16: «1. Аккредитация удостоверяющих центров осуществляется уполномоченным федеральным органом в отношении удостоверяющих центров, являющихся юридическими лицами – государственными органами или органами местного самоуправления». Считаем, что реализация данного предложения приведет к сокращению количества аккредитованных удостоверяющих центров, а это в свою очередь позволит повысить уровень контроля за качеством предоставляемых услуг. Предлагаем также дополнить ст. 18 этого же закона ч. 4.1: «4.1. Аккредитованный удостоверяющий центр должен фиксировать процесс выдачи квалифицированного сертификата владельцу квалифицированного сертификата с помощью средств фото- и видеосъемки с отображением времени и места ее осуществления».

Библиографический список

1. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/govservices/certification_authority/ (дата обращения: 10.10.2019).

2. Послание Президента Федеральному Собранию. – URL: http://www.delo-press.ru/news.php?n=28698 (дата обращения: 12.09.2019).

References

1. Ministry of Digital Development, Telecommunications and Mass Media of the Russian Federation. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/govservices/certification_authority/ (accessed date: 10.10.2019).

2. Message from the President to the Federal Assembly. URL: http://www.delo-press.ru/news.php?n=28698 (accessed date: 12.09.2019).

Библиографическое описание статьи

Полуянова Е. В. Нормативно-правовое регулирование электронного документооборота и электронной подписи / Е. В. Полуянова, С. Д. Ковалёв // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 77–80.

УДК 343.614

Расторопов Сергей Владимирович,
профессор кафедры прокурорского надзора за соблюдением законов в ОРД и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук, профессор
E-mail: rastoropov_sv@mail.ru

Федоринов Александр Георгиевич,
аспирант заочной формы обучения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
E-mail: krimvggu@mail.ru

Rastoropov Sergej V.,
Professor of Public Prosecutions Compliance with Laws in the ORD and the Participation of the Prosecutor in the Criminal Proceedings Department of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation Doctor of Law, Professor

Fedorinov Aleksandr G.,
Post-graduate Student of Extramural Studies of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ТЕРМИНА «СКЛОНЕНИЕ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА»

Legal Justification of the Term «Declination to Commit Suicide»

Аннотация. В статье раскрываются вопросы, связанные с пониманием нового термина в уголовно-правовой доктрине «склонение к совершению самоубийства», содержащегося в ч. 1 ст. 110.1 УК РФ.

Ключевые слова: самоубийство; склонение к совершению самоубийства; подстрекательство.

Abstract. The article reveals issues related to understanding of the new term in the criminal law doctrine «inducement to commit suicide» specified in part 1 of article 110.1 of the Criminal Code of Russian Federation.

Key words: suicide; inclination to commit suicide; incitement.

Последние несколько лет характеризуются непрогнозируемым всплеском самоубийств, в том числе среди несовершеннолетних. Наблюдается их ежегодный рост. Во многих случаях самоубийствам, а также покушениям на них предшествуют целенаправленные преступные воздействия на потерпевших со стороны других лиц[1]. Российская Федерация столкнулась с такой проблемой впервые в новейшей истории. Ни правовых, ни организационных механизмов по ее решению не существовало вплоть до 2017 г. Очевидно, что действия, которые побуждали потерпевших совершать акты самоубийства, не подпадали под уже известные нормы Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ), предусматривающие ответственность за доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ).

В связи с этим Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» в УК РФ были внесены изменения в уже действовавшую на тот момент ст. 110, а также дополнения в виде двух новых составов преступлений, предусмотревших уголовную ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ), а также за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ).

Очевидно, что новые уголовно-правовые механизмы защиты жизни и здоровья граждан нашей страны от преступного воздействия с целью их самоубийства нуждаются не только в апробации практикой, но и в глубоком доктринальном осмыслении.

В рамках настоящей статьи подробно рассмотрим толкование употребляемой законодателем в ст. 110.1 УК РФ категории «склонение к совершению самоубийства».

Слово «склонить» в русском языке толкуется как «убедить в необходимости какого-нибудь поступка, решения» [5]; «кого на что или к чему, убедить, уговорить, согласить» [3]. Применительно к содержанию ст. 110.1 УК РФ «склонение» буквально предполагает процесс убеждения человека (потерпевшего) в необходимости совершения определенных действий, направленных на самоубийство [1, с. 34].

В ч. 1 ст. 110.1 УК РФ законодатель описал альтернативные способы склонения к совершению самоубийства. Ими выступают уговоры, предложения, подкуп, обман и иной способ. Заметим, что при конструировании указанной нормы законодатель отошел от традиционной для отечественного

© Расторопов С. В., Федоринов А. Г., 2019

[1] Подразделениями Бюро специальных и технических мероприятий МВД России в течение 2017 г. выявлено и ликвидировано около 17 тыс. электронных ресурсов суицидального характера [7, с. 9].

уголовного законодательства трактовки склонения к каким-либо действиям. Имеем в виду то, что до появления данной нормы конкретные способы склонения официально в качестве преступных не закреплялись.

Например, в ст. 230 УК РФ содержится простая диспозиция, когда текст ч. 1 данной статьи полностью дублирует ее название: склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. В ст. 230.1 УК РФ «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» сами способы также не называются. А в ч. 1 и 1.1 ст. 205.1 УК РФ склонение само выступает одним способом содействия террористической деятельности. То есть можно заключить, что содержание понятия «склонение» в указанных случаях законодательно не раскрывается. В этой связи обратимся к судебному толкованию понятия «склонение к чему-либо».

Так, руководствуясь разъяснениями, данными в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 4 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», по ст. 230 УК РФ, склонение «может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера… а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, на которое оказывается воздействие».

В п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», в частности, говорится об умышленных действиях, направленных на вовлечение определенного лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких указанных преступлений, например, путем уговоров, подкупа, угрозы, убеждения, просьб, предложений (в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети), применения физического воздействия или поиска лиц и вовлечения их в совершение хотя бы одного из указанных преступлений.

С учетом описанных в законе способов, а также на основе выработанной судебной практики по применению схожих норм УК РФ, склонение к совершению самоубийства может выражаться в следующем:

1) возбуждение у склоняемого лица желания совершить самоубийство (совершается следующими способами: уговоры, предложения, подкуп);

2) введение в заблуждение относительно планируемого акта самоубийства (совершается способом обмана);

3) принуждение к совершению самоубийства (совершается иным способом, который предполагает любую форму, в том числе и насильственное воздействие на потерпевшего, за исключением способов, указанных в ст. 110 УК РФ).

Некоторыми учеными склонение рассматривается как вид подстрекательства [6, с. 297; 8, с. 147]. Вопрос о том, можно ли рассматривать склонение к совершению самоубийства в качестве особого вида подстрекательства, а самого субъекта данного преступления – подстрекателем, на наш взгляд, должен решаться следующим образом.

Действительно, согласно ч. 4 ст. 33 УК РФ подстрекателем «признается лицо, *склонившее* (курсив наш. – *С. Р., А. Ф.*) другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом». Термин «подстрекать» (или «подстрекнуть») по своему содержанию весьма схож с термином «склонить». Он означает «побудить к чему-нибудь (обычно к плохому, неблаговидному)» [5]. Лингвистическая синонимичность указанных терминов, употребляемых в русском языке, очевидна.

Однако проанализируем термин «подстрекать» с юридической точки зрения. Как уже указано выше, оно обозначает характер действий лица, склоняющего другое лицо не просто к каким-либо действиям, а именно к совершению преступления. То есть речь идет о совершении склоняемым общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, а не какого-либо другого поведенческого акта. При этом склоняемое лицо должно по своим психофизиологическим параметрам соответствовать признакам субъекта преступления (быть вменяемым и достичь возраста, с которого наступает уголовная ответственность).

Если говорить о самом подстрекателе как о лице, осуществляющем подстрекательство, то, как верно подчеркивал Л. Д. Гаухман, «общественная опасность подстрекателя заключается во вредном влиянии, оказываемом на неустойчивых лиц, в возбуждении у них умысла на совершение преступления» [2, с. 224]. Схожего мнения придерживался и А. П. Козлов, полагая, что «главное функциональное свойство подстрекателя как раз и заключается в том влиянии, которое он оказывает на окружающих и которое деформирует волю тех или иных лиц, превращая их в преступников» [4, с. 11].

Получается, что согласно уголовному закону подстрекать возможно только к совершению пре-

ступления. Самоубийство, к которому виновный склоняет потерпевшего, не является преступлением. Отсюда следует, что в контексте ст. 110.1 УК РФ термины «склонение» и «подстрекательство» не могут рассматриваться как синонимы. Равно как склонение не является видом подстрекательства. В связи с чем и субъектом преступления, предусмотренного ст. 110.1 УК РФ, не может выступать подстрекатель.

Таким образом, склонение к совершению самоубийства – это любые умышленные действия виновного, совершенные как однократно, так и многократно, убеждающие потерпевшего совершить самоубийство, либо провоцирующие его на совершение самоубийства, а равно вводящие его в заблуждение относительно акта самоубийства. Важно при этом, что потерпевший изначально мог не иметь намерений покончить жизнь самоубийством. Однако по причине оказанного на него убеждающего воздействия другого лица такое желание появилось и сформировало установку к действию по самоуничтожению.

Библиографический список

1. *Авешникова А. А.* Об уголовной ответственности за склонение несовершеннолетних к самоубийству / А. А. Авешникова // Российский следователь. – 2019. – № 1. – С. 33–37.

2. *Гаухман Л. Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЮрИнфоР, 2010. – 559 с. – ISBN 978-5-89158-179-1.

3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4 / В. Даль. – Москва : Рус. яз. : Медиа, 2003. – 688 с. – ISBN 5-9576-0053-9.

4. *Козлов А. П.* Соучастие: традиции и реальность / А. П. Козлов. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2001. – 362 с. – ISBN 5-94201-049-8.

5. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. проф. Л. И. Скворцова. – 28-е изд., испр. – Москва : АСТ : Мир и образование, 2015. – 1375 с. – ISBN 978-5-94666-657-2.

6. Уголовное право. Особенная часть : учебник для бакалавров / под ред. А. И. Чучаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2015. – 552 с. – ISBN 978-5-392-16709-8.

7. *Фалалеев М.* Хакера приравняют к бандиту / М. Фалалеев // Российская газета. – 2017. – 27 июля. – С. 9.

8. *Хачатурян К. О.* Уголовная ответственность за деяния в сфере незаконного оборота наркотиков (международно-правовые аспекты) : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Хачатурян Карен Оганесович ; Московский институт права. – Москва, 2002. – 260 с.

References

1. *Aveshnikova A. A.* On the Criminal Liability for Inducing Minors to Suicide. *Rossijskij Sledovatel'.* 2019. No. 1. P. 33–37.

2. *Gaukhman L. D.* Qualification of Crimes: Law, Theory, Practice. 4th ed., rev. and enl. Moscow, YurInfoR, 2010. 559 p. ISBN 978-5-89158-179-1.

3. *Dal' V.* Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vol. Vol. 4. Moscow, Russkij Yazy'k, Media, 2003. 688 p. ISBN 5-9576-0053-9.

4. *Kozlov A. P.* Complicity: Traditions and Reality. Saint Petersburg, Yuridicheskij Centr Press, 2001. 362 p. ISBN 5-94201-049-8.

5. *Ozhegov S. I.* Explanatory Dictionary of the Russian Language. Ed. by L. I. Skvorczov. 28th ed., rev. Moscow, AST, Mir i Obrazovanie, 2015. 1375 p. ISBN 978-5-94666-657-2.

6. Criminal Law. Special Part. Ed. by A. I. Chuchaev. 2nd ed., rev. and enl. Moscow, Prospekt, 2015. 552 p. ISBN 978-5-392-16709-8.

7. *Falaleev M.* Hacker Is Equated to a Bandit. *Rossijskaya Gazeta.* 2017. July 27. P. 9.

8. *Khachaturyan K. O.* Criminal Liability for Acts in the Field of Drug Trafficking. Moscow, 2002. 260 p.

Библиографическое описание статьи

Расторопов С. В. Юридическое обоснование термина «склонение к совершению самоубийства» / С. В. Расторопов, А. Г. Федоринов // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 81–83.

УДК 342.9

Редкоус Владимир Михайлович,
ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса ИГП РАН, профессор кафедры УДПООП ЦКШУ Академии управления МВД России доктор юридических наук, профессор
E-mail: rwmmos@rambler.ru

Redkous Vladimir M.,
Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Procedure of the Institute of the State and Law of Russian Academy of Science, Professor of UDPOOP CKShU Department of Academy of the MIA of Russia Doctor of Law, Professor

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ОПЫТ РОССИИ И ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ

The Ways to Improve the Legislation on Administrative Responsibility: the Experience of Russia and the CIS Member States

Аннотация. В статье на основе анализа законодательств об административных правонарушениях государств – участников СНГ выделены тенденции развития института административной ответственности, а также определен ряд направлений совершенствования российского законодательства в рассматриваемой области. Так, автор связывает разработку и подготовку Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях с началом постепенного реформирования всей системы связанных с административной ответственностью отношений, а это должно затронуть основы существующей парадигмы административно-правового регулирования.

Проведенный автором анализ законодательства государств СНГ ставит вопрос о целесообразности введения в КоАП РФ следующих понятий и институтов: административное правонарушение, административная ответственность, конкретизация их принципов; необходимая оборона как обстоятельство, исключающее административную ответственность; освобождение от административной ответственности в связи с примирением с пострадавшим лицом; приостановление производства по делу об административном проступке; условное применение административного штрафа; соучастие в административном правонарушении; меры административно-правового воздействия, применяемые наравне с мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; институт дополнительных правовых последствий нарушения.

Ключевые слова: административный процесс; административная ответственность; административное правонарушение; административное наказание; административная юрисдикция.

Abstract. On the basis of the analysis of the laws on administrative violations of the CIS member states, the article identifies trends in the development of the institution of administrative responsibility, as well as defines a number of directions for improving the Russian legislation in the field under consideration. Thus, the author connects the development and preparation of the Concept of the new Code of the Russian Federation on administrative offenses with the beginning of a gradual reform of the entire system of relations associated with administrative responsibility, and this should touch upon the foundations of the existing paradigm of the administrative legal regulation.

The author's analysis of the legislation of the CIS states raises the question of advisability of introducing the following concepts and institutions into the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation: concepts of administrative violation, administrative responsibility, specification of their principles; necessary defense as a circumstance excluding administrative responsibility; exemption from administrative responsibility in connection with reconciliation with the injured person; suspension of administrative misconduct proceedings; conditional application of an administrative fine; complicity in an administrative offense; administrative and legal measures applied on a par with measures to ensure the proceedings in cases of administrative offenses; institute of additional legal consequences of violation.

Key words: administrative procedure; administrative responsibility; administrative offense; administrative punishment; administrative jurisdiction.

2019 год можно считать знаменательной вехой в развитии отечественного административного права. Это связано с тем, что была разработана Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее: Концепция) [2]. Данная Концепция подготовлена межведомственной рабочей группой, образованной во исполнение поручения Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Медведева и в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2019 г. № 631-р. Концепция определяет основные подходы к реформированию законодательства об административных правонарушениях и призвана обеспечить ясность и согласованность норм будущего кодекса, не допустить избыточного государственного принуждения в сфере привлечения к административной ответственности как граждан, так и организаций.

© Редкоус В. М., 2019

Концепция предусматривает целый ряд нововведений, в частности: оценить на основе анализа правоприменительной практики санкции действующих норм Особенной части КоАП РФ на предмет их соразмерности и обоснованности; обеспечить большую профилактическую направленность законодательства об административных правонарушениях; закрепить институт реабилитации лица, неправомерно привлеченного к административной ответственности; усилить гарантии оказания квалифицированной юридической помощи по делам об административных правонарушениях; определить и закрепить особенности административной ответственности несовершеннолетних; совершенствовать законодательство об административных правонарушениях во взаимосвязи с реформой контрольно-надзорной деятельности; ориентировать систему исполнения административных наказаний, прежде всего, на формирование в обществе четкого понимания обязанности самостоятельного и добровольного их исполнения; упорядочить одновременное привлечение юридического лица и его работника к административной ответственности; внести соответствующие изменения в процесс производства по делам об административных правонарушениях [4], – и много других. Таким образом, речь идет не просто о реформировании и совершенствовании российского законодательства об административных правонарушениях, но и о начале постепенного реформирования всей системы связанных с административной ответственностью отношений, что должно затронуть основы существующей парадигмы административно-правового регулирования, основы современных представлений об административном праве и административном процессе в целом.

Вопрос о необходимости совершенствования российского законодательства об административной ответственности неоднократно поднимался и поднимается в работах таких отечественных ученых-административистов, как: Ю. Е. Аврутин, А. М. Воронов, А. С. Дугенец, А. Б. Зеленцов, А. И. Каплунов, П. И. Кононов, М. В. Костенников, А. В. Куракин, Ю. И. Попугаев, Б. В. Россинский, Н. Г. Салищева, Ю. П. Соловей, Ю. Н. Старилов, А. И. Стахов [1, с. 3–15; 3, с. 179–190; 5, с. 56–63; 6, с. 5–13] и многих других ученых, – в результате чего было принято решение о разработке Концепции нового кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, который призван сменить ныне действующий Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (далее: КоАП РФ).

Для повышения эффективности подготовки концептуальных положений совершенствования российского законодательства об административной ответственности необходимо учитывать положительный зарубежный опыт, в первую очередь опыт государств – участников СНГ, правовые системы которых имеют много сходных черт с правовой системой России.

В государствах – участниках СНГ создана правовая основа привлечения физических и юридических лиц к административной ответственности, которая базируется прежде всего на действующих в государствах – участниках СНГ кодифицированных актах об административной ответственности (например: Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках от 11 июля 2000 г. № 906-IГ; Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-З; Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V ЗРК; Кодекс Республики Молдова о правонарушениях от 24 октября 2008 г. № 218-XVI; Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях от 31 декабря 2008 г. № 455; Кодекс Туркменистана об административных правонарушениях от 29 августа 2013 г.; Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности от 22 сентября 1994 г. № 2015-XII; Кодекс Украины об административных правонарушениях от 7 декабря 1984 г. № 8073-X), а также принятых в некоторых государствах процессуальных кодексах (например: Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 20 декабря 2006 г. № 194-З; Процессуальный кодекс об административных правонарушениях Республики Таджикистан от 22 июля 2013 г. № 975), в которых устанавливается порядок производства по делам об административных правонарушениях. Таким образом, в ряде государств – участников СНГ отказались от практики использования единого кодифицированного правового акта в области административной ответственности, разделив законодательство на так называемые материальную и процессуальную части.

Особого внимания заслуживает Кодекс Кыргызской Республики о нарушениях от 13 апреля 2017 г. № 58. Главной особенностью данного Кодекса является то, что в нем законодатель фактически отказался от использования термина «административное правонарушение» и ввел понятие «нарушение». В ст. 14 «Понятие нарушения и его субъект» закреплено:

«1. Нарушением признается совершенное физическим или юридическим лицом противоправное, виновное деяние (действие или бездействие) против порядка публичного управления, за которое настоящим Кодексом предусмотрена ответственность.

2. Ответственность за нарушения, предусмотренные настоящим Кодексом, наступает, если

эти деяния не влекут ответственность согласно Уголовному кодексу Кыргызской Республики и Кодексу Кыргызской Республики о проступках.

3. Субъектами нарушения являются физические и юридические лица».

Таким образом, в зависимости от степени общественной опасности правонарушения выстраиваются в следующую логическую цепочку: «нарушения» – «проступки» – «преступления».

Рассматриваемый Кодекс Кыргызской Республики о нарушениях предусматривает возможность наложения не только взысканий, но и применения дополнительных правовых последствий нарушения. В соответствии со ст. 25 данного Кодекса за совершение нарушений могут применяться следующие виды взысканий: 1) предупреждение; 2) штраф. Статья 28 «Понятие, виды и условия применения дополнительных правовых последствий нарушения» рассматриваемого Кодекса устанавливает, что дополнительными правовыми последствиями нарушения являются меры принуждения, направленные на предотвращение совершения новых нарушений или на обеспечение исполнения штрафа. Дополнительными правовыми последствиями нарушения являются: 1) пеня; 2) изъятие имущества; 3) принудительная эвакуация транспортных средств. Дополнительные правовые последствия нарушения применяются независимо от категории нарушения и могут быть применены и в случаях, когда они не предусмотрены в санкции статьи (части статьи) Особенной части настоящего Кодекса.

Кодекс Республики Молдова о правонарушениях закрепляет в ст. 10 «Правонарушение» следующее определение: «Правонарушением является виновное противоправное деяние (действие или бездействие), представляющее меньшую социальную опасность, чем преступление, посягающее на охраняемые законом ценности, предусмотренное настоящим Кодексом и наказуемое согласно установленной ответственности за правонарушение». Статья 13 данного Кодекса вводит понятие «покушение на правонарушение», под которым «признается умышленное действие или бездействие, непосредственно направленное на совершение правонарушения, если при этом правонарушение не было доведено до конца по не зависящим от воли виновного причинам».

Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях также содержит ряд заслуживающих внимания положений. Так, в ст. 22 закрепляется понятие административной ответственности: «Административная ответственность, являясь разновидностью юридической ответственности, означает применение судьей, уполномоченным государственным органом или уполномоченным должностным лицом административного взыскания к физическому лицу, частному предпринимателю, должностному или юридическому лицам, совершившему административное правонарушение, предусмотренное настоящим Кодексом».

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях в ст. 2.1 «Понятие административного правонарушения» устанавливает:

«1. Административным правонарушением признается противоправное виновное, а также характеризующееся иными признаками, предусмотренными настоящим Кодексом, деяние (действие или бездействие), за которое установлена административная ответственность.

2. Административным правонарушением может быть деяние в виде:

1) оконченного административного правонарушения;

2) покушения на административное правонарушение».

Статья 23(1) Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях «Соучастие в административном правонарушении» гласит:

«1. Соучастием в административном правонарушении признается умышленное совместное участие двух или более физических или должностных лиц в совершении умышленного административного правонарушения.

2. Соучастниками административного правонарушения наряду с исполнителем признаются также организатор и пособник.

3. Исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее административное правонарушение либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее административное правонарушение посредством использования других лиц, не подлежащих административной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом.

4. Организатором признается лицо, организовавшее административное правонарушение или руководившее его исполнением.

5. Пособником признается лицо, содействовавшее совершению административного правонарушения советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения административного правонарушения либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть правонарушителя, средства или орудия совершения административного правонарушения, следы административного правонарушения либо предметы, добытые путем административного правонарушения, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

6. Ответственность организатора и пособника определяется в соответствии со статьей Особен-

ной части настоящего Кодекса, со ссылкой на настоящую статью, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями административного правонарушения.

7. При назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, совершенного в соучастии, учитывается характер и степень фактического участия каждого соучастника административного правонарушения».

Содержание данной статьи свидетельствует о сильном влиянии теории уголовного права на формирование положений законодательства об административных правонарушениях Республики Таджикистан.

Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях закрепляет в ст. 2.4 институт соучастия в административном правонарушении.

В ст. 20 Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках закреплено определение института необходимой обороны:

«20.1. Не признается административным проступком действие, которое хотя и соответствует признакам деяний, предусмотренных Особенной частью настоящего Кодекса, но совершено в состоянии необходимой обороны, то есть при защите жизни, здоровья и прав обороняющегося или иного лица, государственных и общественных интересов от противоправного посягательства, путем причинения посягающему вреда без превышения предела необходимой обороны.

20.2. Умышленные действия, явно не соответствующие характеру и степени общественной опасности посягательства, считаются превышением предела необходимой обороны».

Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях оперирует понятием «административный процесс», закрепляя, что «административный процесс на территории Республики Беларусь ведется в соответствии с настоящим Кодексом независимо от места совершения административного правонарушения».

Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях включает отдельную гл. 9 «Административная ответственность несовершеннолетних». В соответствии со ст. 65 названного Кодекса несовершеннолетними, на которых распространяется действие настоящей главы, признаются лица, которым ко времени совершения административного правонарушения исполнилось шестнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет. На несовершеннолетнего, совершившего административное правонарушение, может быть наложено административное взыскание с применением мер воспитательного воздействия. Устанавливаются особенности применения к несовершеннолетним административных взысканий в виде штрафа и лишения специального права. При наложении административного взыскания на несовершеннолетнего, кроме обстоятельств, предусмотренных ст. 56 «Обстоятельства, смягчающие ответственность за административное правонарушение» и 57 «Обстоятельства, отягчающие ответственность за административные правонарушения» настоящего Кодекса, учитываются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития, иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц. Несовершеннолетний возраст как смягчающее обстоятельство учитывается в совокупности с другими смягчающими и отягчающими обстоятельствами.

Несовершеннолетний, впервые совершивший административное правонарушение, может быть освобожден судом, органом (должностным лицом), уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях, от административной ответственности или от исполнения назначенного административного взыскания с применением к нему мер воспитательного воздействия, предусмотренных законодательством.

Несовершеннолетнему могут быть назначены следующие меры воспитательного воздействия: разъяснение закона; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Несовершеннолетнему может быть назначено одновременно несколько мер воспитательного воздействия.

Таким образом, анализ законодательства государств СНГ ставит вопрос о целесообразности введения в КоАП РФ следующих понятий и институтов: административное правонарушение, административная ответственность, конкретизация их принципов; необходимая оборона как обстоятельство, исключающее административную ответственность; освобождение от административной ответственности в связи с примирением с пострадавшим лицом; приостановление производства по делу об административном проступке; условное применение административного штрафа; соучастие в административном правонарушении; меры административно-правового воздействия, применяемые наравне с мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; институт дополнительных правовых последствий нарушения; положения, конкретизирующие административную ответственность несовершеннолетних.

Учет положительного опыта государств – участников СНГ поможет сделать законодательство России об административной ответственности более эффективным.

Библиографический список

1. *Зеленцов А. Б.* Административный процесс и административно-процессуальное право в России: концептуальные проблемы современного развития / А. Б. Зеленцов, П. И. Кононов, А. И. Стахов // Административное право и процесс. – 2013. – № 12. – С. 3–15.

2. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. – URL: http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBIwlAY7khO7NAt9EL.pdf (дата обращения: 15.06.2019).

3. *Куракин А. В.* К вопросу о соотношении понятий «административный процесс» и «административная юрисдикция» в деятельности полиции / А. В. Куракин, М. В. Костенников, В. В. Обыденов // Полицейская деятельность. – 2014. – № 2. – С. 179–190.

4. Опубликована Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Министерство юстиции Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://minjust.ru/ru/print/413629 (дата обращения: 01.07.2019).

5. *Соловей Ю. П.* Российское законодательство об административной ответственности нуждается в совершенствовании / Ю. П. Соловей // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2014. – № 2(2). – С. 56–63.

6. *Старилов Ю. Н.* Административный процесс в системе современных научных представлений об административной юстиции / Ю. Н. Старилов // Государство и право. – 2004. – № 6. – С. 5–13.

References

1. *Zelenczov A. B., Kononov P. I., Stakhov A. I.* Administrative Procedure and Administrative Procedural Law in Russia: Conceptual Problems of Modern Development. *Administrativnoe Pravo i Process.* 2013. No. 12. P. 3–15.

2. The Concept of the New Code of the Russian Federation on Administrative Offenses. URL: http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBIwlAY7khO7NAt9EL.pdf (accessed date: 06.15.2019).

3. *Kurakin A. V., Kostennikov M. V., Oby'denov V. V.* To the Question of the Relationship between the Concepts of «Administrative Procedure» and «Administrative Jurisdiction» in the Activities of the Police. *Policejskaya Deyatel'nost'.* 2014. No. 2. P. 179–190.

4. The Concept of the new Code of the Russian Federation on administrative offenses has been published. *Ministry of Justice of the Russian Federation.* Website. URL: https://minjust.ru/ru/print/413629 (accessed date: 01.07.2019).

5. *Solovej Yu. P.* Russian Legislation on Administrative Responsibility Needs Improvement. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA).* 2014. No. 2(2). P. 56–63.

6. *Starilov Yu. N.* Administrative Procedure in the System of Modern Scientific Ideas about Administrative Justice. *Gosudarstvo i Pravo.* 2004. No. 6. P. 5–13.

Библиографическое описание статьи

Редкоус В. М. Направления совершенствования законодательства об административной ответственности: опыт России и государств – участников СНГ / В. М. Редкоус // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 84–88.

УДК 342.7 / 343.8

Родионов Константин Владимирович,
старший преподаватель кафедры боевой и тактико-специальной подготовки ВЮИ ФСИН России
E-mail: Rodionov-konstantinv@yandex.ru

Rodionov Konstantin V.,
Senior Lecturer of Combat and Special Tactical Training Department of VLI of the FPS of Russia

Ушаков Сергей Николаевич,
декан факультета права Владимирского филиала РАНХиГС кандидат юридических наук
E-mail: ushakov13.03.2011@mail.ru

Ushakov Sergej N.,
Dean of Faculty of Law of Vladimir Branch of the RANEPA PhD (Law)

ЮРИДИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ОСУЖДЕННЫХ, ПРИВЛЕКАЕМЫХ В КАЧЕСТВЕ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ ПО ДРУГОМУ УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Legal Conflicts in the Legal Regulation of the Constitutional and Legal Status of Convicts Involved as Suspects and Accused in Another Criminal Case

Аннотация. Статья посвящена анализу юридических коллизий норм уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального права, которые возникают при приобретении осужденным к лишению свободы либо к наказанию без изоляции от общества правового статуса подозреваемого или обвиняемого по другому уголовному делу. Неправильный выбор нормы права, подлежащий применению, способен привести к нарушению законности в правоприменительной деятельности. В этой связи авторы для их устранения формулируют предложения по внесению изменений в законодательство, для преодоления – правила, которыми следует руководствоваться сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций, исправительных учреждений, следственных изоляторов.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус личности; юридические коллизии; осужденные; законность.

Abstract. The article is devoted to the analysis of legal conflicts of criminal law and criminal procedure law that arise when a convicted person acquires imprisonment or punishment without isolation from society of the legal status of a suspect or accused in another criminal case. The wrong choice of the rule of law to be applied can lead to a violation of the law in law enforcement. In this regard, the authors formulate proposals for amending the legislation to eliminate them, and to overcome them. These are the rules that should be followed by employees of the criminal-executive inspections, correctional institutions, and pre-trial detention centers.

Key words: constitutional and legal status of a person; legal conflicts; convicts; legality.

В соответствии со ст. 2 Конституции Российской Федерации права и свободы человека являются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства. Однако согласно Основному закону страны эти элементы конституционно-правового статуса личности могут быть ограничены, но только на основании федерального закона и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55).

Приобретение гражданином правового статуса осужденного приводит к изменениям в его правовом положении: происходит либо ограничение, либо невозможность реализации ряда конституционных прав, что предусмотрено федеральным законом, а именно Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (далее: УИК РФ). Нередки случаи, когда в период отбывания уголовного наказания осужденные вновь совершают преступления либо привлекаются к ответственности по ранее совершенным преступлениям в качестве подозреваемого или обвиняемого. В отношении этой категории осужденных происходит возбуждение другого уголовного дела.

Если речь идет об осужденном, отбывающем наказание в исправительном учреждении и задержанном по подозрению в совершении другого преступления, то в силу ст. 10 Федерального закона от 15 июня 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее: ФЗ о содержании под стражей) он может содержаться в этом учреждении, но изолированно от остальной массы осужденных до тех пор, пока ему, как и осужденному к наказанию без изоляции от общества, в установленном уголовно-процессуальном порядке не будет избрана мера пресечения.

© Родионов К. В., Ушаков С. Н., 2019

В этой ситуации осужденные к лишению свободы либо к наказанию без изоляции от общества обладают несколькими специальными правовыми статусами: один – правовой статус подозреваемого и обвиняемого, так как в отношении него действуют нормы уголовно-процессуального законодательства и нормы ФЗ о содержании под стражей (если в качестве меры пресечения было избрано заключение под стражей), второй – правовой статус осужденного. Вместе с тем уместно задать вопрос о том, в полном ли объеме реализуются права и законные интересы осужденного при наличии двух правовых статусов.

После приобретения осужденным правового статуса подозреваемого или обвиняемого по другому уголовному делу происходит изменение его правового положения: возникают юридические коллизии между элементами правовых статусов осужденного, с одной стороны, и подозреваемого или обвиняемого, с другой стороны. В теории права такие юридические коллизии именуются инструментальными (разновидность материальных) [2, с. 37], когда происходит столкновение элементов правового статуса гражданина при условии отсутствия различия или противоречия между собой самих норм права, их закрепляющих, каждый из которых претендует на правоприменение. Этот вид юридических коллизий без возникновения конкретной житейской ситуации юридически не объективирован, он выявляется правоприменителем только после приобретения дополнительного специального правового статуса, элементы которого не дополняют элементы первого специального статуса, а вступают с ними в противоречие либо конкуренцию. В такой ситуации правоприменителю важно правильно избрать норму права с тем, чтобы не допустить нарушения законности. Ведь, как известно, правильный выбор нормы права, подлежащей применению, – залог обоснованности принимаемых решений.

Рассмотрим несколько примеров, явно демонстрирующих сложность принятия решений в конкретной правоприменительной ситуации.

Наиболее подвержено изменению правовое положение осужденных, отбывающих уголовные наказания без изоляции от общества. Так, каждый обладает конституционным правом свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства (ст. 27 Конституции Российской Федерации). Предположим, осужденному к ограничению свободы за совершение преступления в период отбывания наказания, по которому он проходит как обвиняемый, была назначена такая мера пресечения, как подписка о невыезде, которая, как известно, предусматривает, среди прочего, не покидать постоянное или временное место жительства без разрешения дознавателя, следователя или суда; в назначенный срок являться по вызовам дознавателя, следователя и в суд (ст. 102 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). В то же время как осужденному к ограничению свободы уголовно-исполнительная инспекция (далее: УИИ) вправе дать согласие на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования при возникновении личных исключительных обстоятельств, перечень которых отражен в ч. 4 ст. 50 УИК РФ: смерть или тяжелая болезнь близкого родственника, угрожающая жизни больного; необходимость получения осужденным медицинской помощи, если требуемая медицинская помощь не может быть получена по месту постоянного проживания (пребывания) осужденного либо в установленных судом пределах территории; невозможность дальнейшего нахождения осужденного по месту постоянного проживания (пребывания) в связи со стихийным бедствием или иным чрезвычайным обстоятельством и т. д. В результате может возникнуть ситуация, когда сотрудник УИИ даст согласие на выезд осужденного к наказанию без изоляции от общества за пределы муниципального образования, а следователь, в производстве которого находится уголовное дело, – нет. В рассматриваемой ситуации в конкуренцию вступают две нормы: одна норма из уголовно-исполнительного права, другая – из уголовно-процессуального. Какое решение следует принять правоприменителю?

Далее рассмотрим конкуренцию правовых норм, регламентирующих элементы специальных правовых статусов на примере осужденных, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы. Так, в соответствии со ст. 89 УИК РФ осужденным к лишению свободы предоставляются краткосрочные свидания продолжительностью четыре часа и длительные свидания продолжительностью трое суток на территории исправительного учреждения. В предусмотренных УИК РФ случаях осужденным могут предоставляться длительные свидания с проживанием вне исправительного учреждения продолжительностью пять суток. В этом случае начальником исправительного учреждения определяются порядок и место проведения свидания. В соответствии со ст. 18 ФЗ о содержании под стражей подозреваемым и обвиняемым на основании письменного разрешения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, может быть предоставлено не более двух свиданий в месяц с родственниками и иными лицами продолжительностью до трех часов каждое.

Следовательно, на какой вид свиданий имеет право осужденный, привлекаемый в качестве по-

дозреваемого или обвиняемого по другому уголовному делу? Ни в уголовно-исполнительном законодательстве, ни в ФЗ о содержании под стражей мы не встречаем нормы, исключающей предоставление того или иного вида свиданий в отношении данной категории граждан. В практической деятельности следственных изоляторов данной категории лиц, содержащихся в этих учреждениях, предоставляются только краткосрочные свидания с родственниками и иными лицами, закрепленными в ФЗ о содержании под стражей. Длительные же свидания осужденным, привлекаемым в качестве подозреваемых или обвиняемых по другому уголовному делу, будут представляться только после осуждения и полного восстановления в одном специальном правовом статусе.

Кроме того, осужденный не реализует или существенно ограничивается в реализации таких прав, как право на отпуск (ст. 104 УИК РФ), право на передвижение отбывающих наказание, связанное с лишением свободы, без конвоя или сопровождения (ст. 96 УИК РФ), право на получение профессионального образования и прохождение профессионального обучения (для совершеннолетних осужденных) в период нахождения в следственном изоляторе (ст. 108 УИК РФ), право на телефонные переговоры (ст. 92 УИК РФ) и т. д. Как известно, большинство этих прав являются конституционными.

Какое решение следует принять правоприменителю? Проанализируем нормы действующего законодательства. В ст. 10 УИК РФ закрепляются основы правового положения осужденных к различным видам уголовного наказания. В дальнейшем эти нормы конкретизируются в других статьях УИК РФ с учетом назначенного наказания. Следовательно, осужденный наделяется специальными правами и обязанностями. Вместе с тем параллельно действию уголовно-исполнительного законодательства на осужденного воздействуют нормы уголовно-процессуального законодательства, направленные на решение задач по раскрытию другого уголовного дела, возбужденного в отношении осужденного. В связи с этим целесообразно говорить о том, что задачи, стоящие перед органами следствия и дознания по раскрытию уголовного дела, являются в данном случае приоритетными.

Однако, анализируя нормы действующего законодательства, мы не увидим закрепленного в законодательстве положения, исключающего действие правовых актов, закрепляющих правовой статус осужденного при возникновении конкуренции с нормами уголовно-процессуального законодательства.

Вместе с тем, как мы уже говорили, на данном этапе главными являются задачи, стоящие перед уголовно-процессуальным законодательством. Именно поэтому наиболее правильным нам кажется подход, который определяет доминирующим правовое положение подозреваемого или обвиняемого по отношению к правовому положению осужденного.

Таким образом, считаем обоснованным внести следующее дополнение в ст. 10 УИК РФ: «Для осужденных, привлекаемых в качестве обвиняемых по другому уголовному делу, считать приоритетными положения законодательства, регламентирующего правовой статус подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления».

До тех пор, пока не будет устранен данный вид юридических коллизий путем внесения изменений в действующее российское законодательство, правоприменителю (сотруднику УИИ, следственного изолятора либо исправительного учреждения) следует руководствоваться следующими концептуальными положениями:

1) сотрудникам УИИ – если в качестве меры пресечения осужденному к наказанию без изоляции от общества не было избрано заключение под стражу, то его правовой статус осужденного не приостанавливается, что означает: лицо продолжает отбывать назначенное ему наказание. Однако в случае возникновения конкуренции норм уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства, работнику УИИ выбор нужно делать в пользу последнего. Работники УИИ получают информацию о возбуждении органами предварительного следствия и дознания органов внутренних дел уголовных дел в отношении осужденных от полиции, действующей во исполнение подп. 2 п. 7 приказа Минюста России и МВД России от 4 октября 2012 г. № 190/912 «Об утверждении Регламента взаимодействия ФСИН России и МВД России по предупреждению совершения лицами, состоящими на учете уголовно-исполнительных инспекций, преступлений и других правонарушений»;

б) сотрудникам следственного изолятора – правовой статус осужденного к лишению свободы приостанавливается, это означает, что его положение регламентируется нормами уголовно-процессуального законодательства и ФЗ о содержании под стражей. Следует иметь в виду, что время нахождения в следственном изоляторе включается в срок отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы;

в) сотрудникам исправительного учреждения (в случае, если осужденному к лишению свободы назначена такая мера пресечения, например, как подписка о невыезде) – правовой статус осужденного к лишению свободы не приостанавливается, это означает, что лицо продолжает отбывать на-

значенное ему наказание. Однако в случае возникновения конкуренции норм уголовно-исполнительного и уголовно-процессуального законодательства, работнику исправительного учреждения выбор нужно делать в пользу последнего.

Таким образом, в условиях гуманизации и демократизации общества большое внимание со стороны ученых и практиков уделяется вопросу изучения правового положения подозреваемых, обвиняемых и осужденных [1]. Вместе с тем проведенное нами исследование демонстрирует, что не все вопросы, связанные с возникновением и приобретением правового статуса такой категории лиц, отбывающих уголовное наказание, как осужденные, привлекаемые в качестве подозреваемых и обвиняемых по другому уголовному делу, решены. Очевидно, что изучение этого вопроса требует знаний не только уголовно-исполнительного права, но и конституционного, уголовно-процессуального, теории права.

В широком плане проведенное исследование создает основу для дальнейшего изучения вопросов, связанных с взаимодействием правовых норм, регламентирующих элементы различных правовых статусов: специальных или специального и общего. Вопросы эти, очевидно, сложные, не предполагают однозначного подхода и требует глубокого анализа в каждом конкретном случае.

Библиографический список

1. *Попова Е. Э.* Правовое положение родственников подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы России : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Попова Елена Эдуардовна ; Международный юридический институт при Министерстве юстиции Российской Федерации. – Москва, 2007. – 26 с. – Место защиты: Моск. гос. лингв. ун-т.

2. *Халак О. Н.* Юридические коллизии в правовом регулировании статуса бездомных после освобождения из мест лишения свободы : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Халак Оксана Николаевна ; Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний. – Владимир, 2012. – 185 с.

References

1. *Popova E. E'.* The Legal Status of Relatives of Suspects, Accused and Convicted Persons Held in Pre-trial Detention Centers of the Russian Penal System. Moscow, 2007. 26 p.

2. *Khalak O. N.* Legal Conflicts in the Legal Regulation of the Status of the Homeless after Release from Places of Imprisonment. Vladimir, 2012. 185 p.

Библиографическое описание статьи

Родионов К. В. Юридические коллизии в правовом регулировании конституционно-правового статуса осужденных, привлекаемых в качестве подозреваемых и обвиняемых по другому уголовному делу / К. В. Родионов, С. Н. Ушаков // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 89–92.

УДК 349.444

Рябчиков Вадим Вячеславович,
доцент кафедры публично-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: 9040315660@mail.ru

Ананьин Пётр Александрович,
старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
E-mail: petron@rambler.ru

Ryabchikov Vadim V.,
Assistant Professor of Public Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law)

Anan'in Pyotr A.,
Senior Lecturer of Civil Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law)

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ И ОБСЛУЖИВАНИЯ ЖИЛЫХ ДОМОВ

Problems of Legal Regulation of Responsibility in the Field of Management and Maintenance of Residential Houses

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы правового регулирования ответственности в сфере организации обслуживания жилых домов. Необходимость создания правового поля, обеспечивающего эффективную систему управления жилым фондом, обусловлена многими факторами. Граждане во всех регионах страны систематически обращают внимание на игнорирование их прав при организации управления и пользования общим имуществом дома. Связано это в основном с господством административных механизмов хозяйствования, муниципализацией сферы управления жильем, а также отсутствием нормативных процедур планирования содержания и ремонта жилья и контроля за его состоянием. Наличие достаточно большого количества нарушаемых прав граждан в рассматриваемой сфере показывает, что механизм привлечения к ответственности пока еще далек от идеала и не работает должным образом. Данное обстоятельство и обусловливает актуальность темы статьи.

Ключевые слова: управление жилым домом; управляющая организация; ответственность в сфере обслуживания жилых домов; административная ответственность; нарушение эксплуатации жилья.

Abstract. The article discusses the problematic issues of legal regulation of responsibility in the field of organization of servicing residential buildings. The need to create a legal framework ensuring an effective housing management system is due to many factors. Citizens in all regions of the country systematically pay attention to ignoring their rights when organizing the management and use of common property at home. This is mainly due to the dominance of administrative management mechanisms, the municipalization of housing management, as well as the lack of regulatory procedures for planning maintenance and repair of housing and monitoring its condition. The presence of a sufficiently large number of violated rights of citizens in this area shows that the mechanism of prosecution is still far from an ideal one and does not function properly. The foregoing gives rise to topicality.

Key words: residential building management; managing organization; responsibility in the field of housing maintenance; administrative responsibility; violation of housing operation.

Порядок владения, пользования жилым помещением, содержания общего имущества, оплаты коммунальных услуг, а также деятельность управляющих организаций по обслуживанию жилых домов регламентирован нормами различных отраслей частного и публичного права. Значительная часть норм об ответственности за правонарушения в сфере жилищных отношений содержится в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее: КоАП РФ).

Так, ст. 7.21 КоАП РФ предусматривает штраф за порчу жилых домов, жилых помещений, а равно за порчу их оборудования, проведение переустройства и (или) перепланировки жилых домов без согласования с администрацией муниципального образования, нецелевое назначение. Однако данная норма требует уточнения в части указания не только на жилые, но и на многоквартирные дома, поскольку жилыми домами с 1 марта 2005 г. согласно Жилищному кодексу Российской Федерации (далее: ЖК РФ) считаются одноквартирные дома.

Статья 7.22 КоАП РФ говорит о нарушении правил содержания и ремонта жилых домов и (или) жилых помещений, где также не отмечена специфика многоквартирного дома и общего имущества в нем. Речь идет лишь о жилом одноквартирном доме, а в санкции статьи нет указания на граждан-пользователей помещениями, штрафы предусматриваются только в отношении должностных лиц и организаций.

© Рябчиков В. В., Ананьин П. А., 2019

Под управлением домом понимается деятельность по содержанию общего имущества, предоставлению коммунальных услуг, недопущению утечек коммунальных ресурсов, а это в свою очередь корреспондирует к ст. 7.23 КоАП РФ, где говорится о нарушении нормативного уровня или режима обеспечения населения коммунальными услугами. Однако и в этом случае законодатель не предусмотрел возможности наказания и пользователей помещениями, виновных в таком нарушении уровня снабжения ресурсами.

Поскольку постановлением Правительства Российской Федерации от 15 мая 2013 г. № 416 «О порядке осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами» (вместе с «Правилами осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами») введено понятие стандартов управления домами и порядка передачи технической документации, то законодатель предусмотрительно определил в ст. 7.23.2 КоАП РФ ответственность за отказ от передачи такой документации на многоквартирный дом и иных связанных с управлением многоквартирным домом документов новому управляющему лицу или одному из собственников помещений. В связи с этим следует отметить формализованный подход к процедуре инициирования передачи документов, использование заказных писем и сложность в сборе доказательств уклонения от передачи документов в связи с ошибками самого инициатора по истребованию материалов.

Следует отметить, что в КоАП РФ содержатся почти две одинаковые по описанию объективной стороны правонарушения статьи – 7.23.3 и 14.1.3 – о нарушении правил осуществления предпринимательской деятельности и о нарушении лицензионных требований [2]. Такая деятельность регулируется, помимо прочего, постановлением Правительства Российской Федерации от 15 мая 2013 г. № 416, а лицензионные требования описаны в п. 3 Положения о лицензировании предпринимательской деятельности по управлению многоквартирными домами, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 28 октября 2014 г. № 1110 (далее: Положение о лицензировании).

Таким образом, согласно ст. 7.23.3 КоАП РФ предъявляется больший объем требований, в том числе по сбору технической информации на дом, по расчету платы и ведению исковой работы с пользователями помещений. Здесь и подача предложений по перечням работ по ремонту и содержанию имущества, а в случае указания в договоре управления домом – еще и организация общих собраний собственников, кроме того, исполнение перечней работ, предоставление отчетов по договору, взаимодействие с органами власти и самоуправления.

В ч. 1 ст. 14.1.3 КоАП РФ предусмотрена тривиальная объективная сторона – предпринимательская деятельность по управлению домами без лицензии. В ч. 2 этой же статьи ставится вопрос о нарушении лицензионных требований, которые отсылают и к вышеуказанному постановлению Правительства Российской Федерации от 15 мая 2013 г. № 416. Однако в Положении о лицензировании заявлено малое число самостоятельных требований: выполнение работ по безопасности и комфорту пользователей помещениями в доме, обязанности по договору управления домом, требования о регистрации в Российской Федерации, об отсутствии судимости, об отсутствии дисквалификации, наличие квалификационного аттестата, о раскрытии информации на двух сайтах в сети «Интернет», в ГИС ЖКХ и на стенде в офисе.

Кроме того, организации по управлению домами подчиняются и общим правилам надзора, в связи с чем применяется ст. 19.5 КоАП РФ, в ч. 1 которой указаны и предписания органа муниципального контроля.

В то же время согласно ч. 24 той же статьи предусмотрен специальный состав за неполное выполнение предписания органа госжилнадзора, а равно органа лицензионного контроля по управлению домами, – повышенные размеры административного штрафа на сотни тысяч рублей.

Управляющая организация в части предпринимательской деятельности по управлению домами, содержанию и ремонту общего имущества для личных и бытовых нужд граждан является исполнителем услуг, работ в смысле, приданном ей Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», в связи с чем отделы управления Роспотребнадзора в субъекте Российской Федерации осуществляют надзор за недопустимостью нарушения прав потребителей о неполном информировании об исполнителе, об оказываемых услугах, выполняемых работах, о включении в договоры условий, ущемляющих законные права потребителя.

В связи с действием соглашения об опытной эксплуатации ГИС ЖКХ возможна административная ответственность за неполное размещение сведений в такой информационной системе. Эти вопросы для организаций по управлению домами определены в ст. 13.19.2 КоАП РФ, в том числе по срокам и способам размещения сведений.

В соответствии с ч. 4 ст. 9.16 КоАП РФ устанавливается административная ответственность организаций по управлению домами за несоблюдение требований: энергетической эффективности, оснащенности приборами учета, о проведении

обязательных мероприятий по энергосбережению в многоквартирных домах.

По ч. 5 той же статьи несоблюдение требований о разработке и доведении до сведения собственников помещений ежегодных предложений о мероприятиях по энергосбережению и повышению энергетической эффективности наказывается административным штрафом.

Учитывая всю совокупность норм об административной ответственности, можно сделать вывод, что работа в качестве управляющей организации с лицензией требует значительной правовой и экономической поддержки, ведения информационного стенда и интернет-сопровождения. Усугубляют ситуацию размеры штрафов, поскольку для основной массы небольших организаций и небольших домов проще и безопаснее быть так называемой обслуживающей организацией по договору оказания услуг, выполнения работ по содержанию и ремонту имущества в доме.

В части гражданско-правовой ответственности по договору управления домом могут быть предусмотрены все ее виды согласно гл. 25 Гражданского кодекса Российской Федерации за нарушение обязательств, т. е. убытки, неустойка, проценты за пользование чужими денежными средствами, возмещение должником понесенных расходов при самостоятельном исполнении силами кредитора [1]. Эти вопросы разрешаются путем переговоров или в суде при действии принципов свободы доказательств и равенства сторон, а отсутствие вины доказывается лицом, причинившим убытки.

В защиту потребителей бытовых и семейных услуг по содержанию общего имущества в доме выступает также Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей», по которому взыскивается 50 % штрафа за неудовлетворение во внесудебном порядке законных требований потребителя, где указаны минимальные размеры неустойки в размере 3 % за каждый день (или час – при исчислении в часах) нарушения качества или перерыва по услуге. В части коммунальных услуг размер перерасчета определен прил. № 1 к Правилам предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. № 354, в части услуг по содержанию и ремонту общего имущества – Правилами изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в многоквартирном доме ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 2006 г. № 491.

Учитывая данное обстоятельство и не касаясь вопросов уголовного права, можно заключить, что надзор за организациями по управлению домами осуществляют: органы госжилнадзора субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления по закону об административных правонарушениях в субъекте Российской Федерации и органы мунжилконтроля, общественного контроля, Роспотребнадзор, прокуроры. Такое количество органов контроля и надзора негативным образом влияет на политику в сфере ЖКХ и создает ситуацию напряженности по работе с документами, отнимая трудовые ресурсы и время от основной деятельности – управления домами, содержания имущества, ответов на обращения граждан, обеспечение комфортных и безопасных условий проживания, организации общих собраний и заседаний советов домов.

Кроме того, согласно ст. 328 Уголовного кодекса Российской Федерации за выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, отделяя специальные составы при совершении преступления группой по сговору, в отношении детей до 6 лет, повлекшего смерть или тяжкий вред здоровью, наступает уголовное наказание. Именно поэтому отдельные составы по причинению смерти или вреда здоровью по неосторожности не могут быть применены в части управления домами.

Существуют и общие нормы о мошенничестве, в частности, хищение денежных средств при плате за жилое помещение и коммунальные услуги путем обмана или злоупотребления доверием, например, в виде сокрытия поступлений в отчете по дому или создания видимости расходования средств на работы по управлению домами. Возможно установление и косвенного умысла при повреждении чужого имущества (общее имущество в доме) вследствие сознательного незаключения договоров о техническом обслуживании газового оборудования, вентканалов и дымоходов, поскольку руководитель организации по управлению домами осознавал противоправность бездействия, но безразлично относился к последствиям такого бездействия.

В качестве предложений по урегулированию проблемных вопросов наложения ответственности на лиц, не выполняющих надлежащим образом свои обязанности в сфере обслуживания жилья, мы предлагаем следующее:

– целесообразно на региональном уровне с участием органов госжилнадзора проводить работу по включению в договоры управления домами, в решения органов управления ТСЖ, кооперативов норм гражданско-правовой ответственности, в

том числе с использованием размеров минимальных неустоек, размеров убытков за каждый случай неполного исполнения обязанностей по содержанию или ремонту имущества;

– в части административной ответственности нужно унифицировать составы статьей о предпринимательской деятельности по управлению домами и о лицензионных требованиях с целью прямого установления приоритета одной нормы над другой; исключить признак предпринимательской деятельности в составе правонарушения, определив субъектом правонарушения ТСЖ и кооператив; в части размеров административных штрафов следует принимать во внимание финансовое состояние малых организаций по управлению домами, для чего предусмотреть на уровне КоАП РФ прямую градацию размеров штрафов, а не использовать только право органа, вынесшего постановление о наказании, на уменьшение размера штрафа, на отсрочку или рассрочку уплаты размера санкции, тем более, что границы использования права не установлены;

– на уровне органов госжилнадзора следует активнее использовать договорный режим определения объективной стороны правонарушения о неполном содержании и ремонте общего имущества, поскольку по ч. 3 ст. 162 ЖК РФ именно договором определяются периодичность, объем и перечень работ, услуг. Статья 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» запрещает «навязывание» работ, услуг, а Правила и нормы технической эксплуатации жилищного фонда, утвержденные постановлением Госстроя России от 27 сентября 2003 г. № 170, являются рекомендательными в то время, как органы госжилнадзора и суды используют их как обязательный к исполнению правовой акт;

– следует привлекать к административной ответственности участников советов домов по непредставлению на общих собраниях собственников предложений об увеличении перечней работ, о более частом и объемном оказании услуг по содержанию и ремонту общего имущества в доме;

– аналогичным образом в уголовном праве следует обратить внимание на обязанность организации по управлению домами выполнять конкретную работу в адекватном объеме и с нормальной периодичностью, поскольку формулировка ч. 2.3 ст. 161 ЖК РФ является неопределенной для целей уголовной ответственности при невыполнении требований данной статьи обслуживающей организацией.

Библиографический список

1. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва : Статут, 2017. – 453 с. – ISBN 978-5-8354-1325-6.

2. Постатейный комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. Часть первая / под общ. ред. Л. В. Чистяковой. – Москва : ГроссМедиа : РОСБУХ, 2019. – URL: consultant.ru (дата обращения: 01.11.2019).

References

1. Contract and Law of Obligations (General Part): Article-by-article Commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation. Ed. by A. G. Karapetov. Moscow, Statut, 2017. 453 p. ISBN 978-5-8354-1325-6.

2. Article Commentary on the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. Pt. 1. Ed. by L. V. Chistyakova. Moscow, GrossMedia, ROSBUKh, 2019. URL: consultant.ru (accessed date: 01.10.2019).

Библиографическое описание статьи

Рябчиков В. В. Проблемы правового регулирования ответственности в сфере управления и обслуживания жилых домов / В. В. Рябчиков, П. А. Ананьин // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 93–96.

УДК 343.8:343.352

Татаринов Роман Андреевич,
начальник отдела собственной безопасности УФСИН России по Республике Бурятия
E-mail: r.tatarinov-rb@mail.ru

Tatarinov Roman A.,
Head of Department of Own Safety of OFPS of Russia in the Republic of Buryatia

Захарченко Сергей Николаевич,
доцент кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Академии права и управления ФСИН России кандидат юридических наук, доцент
E-mail: zahsn1965@mail.ru

Zakharchenko Sergej N.,
Assistant Professor of Organization of Crime Detection Department of Academy of Law and Management of the FPS of Russia PhD (Law), Associate Professor

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ДАЧИ ВЗЯТОК РАБОТНИКАМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Anti-corruption Education as Part of Activities of Internal Affairs Units to Prevent Bribery of Employees of the Penal System

Аннотация. Статья посвящена отдельным аспектам деятельности подразделений собственной безопасности по предупреждению дачи взяток работникам уголовно-исполнительной системы России. Исходя из коррупционных рисков, перечислены коррупционно опасные ситуации, при которых осужденные, подозреваемые, обвиняемые и их близкие наиболее часто дают взятки персоналу уголовно-исполнительной системы. Рассмотрены вопросы антикоррупционного просвещения как части профилактической работы подразделений собственной безопасности по борьбе со взяточничеством в уголовно-исполнительной системе, предлагается ряд мероприятий, на это направленных.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; подразделения собственной безопасности; коррупционные преступления; взяточничество; антикоррупционное просвещение; предупреждение дачи взятки.

Abstract. The article is devoted to certain aspects of the activities of internal affairs units to prevent bribery of employees of the penal system of Russia. On the basis of corruption risks, corruption-dangerous situations in which the convicted persons, suspects, accused persons and their relatives often give bribes to the staff of the penal system. Issues of anti-corruption education as part of preventive work of internal affairs units in combating bribery in the penal system are considered, a number of measures are proposed for this purpose.

Key words: the penal system; departments of internal affairs; corruption crimes; bribery; anti-corruption education; prevention of bribery.

Основным направлением оперативной работы подразделений собственной безопасности уголовно-исполнительной системы (далее: ПСБ УИС) России является борьба со взяточничеством. Данное преступление относится к разряду коррупционных, а следовательно, подрывает авторитет государства среди лиц, в нем проживающих, и мировой общественности в целом, негативно влияет на работу по исправлению осужденных, их дальнейшую ресоциализацию, а также препятствует предупреждению совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Как может исправиться осужденный и в последующем стать законопослушным членом общества, если он, находясь в местах лишения свободы, дает взятки за те или иные действия (бездействие) персоналу, обязанному контролировать соблюдение им установленного порядка отбывания наказания, назначенного по приговору суда. Взяточничество несет негативные последствия и для работников УИС[1], берущих взятки, как, собственно, и для лиц, их им дающих, в виде назначения различных видов наказаний по ст. 290–291.2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ).

Согласно статистическим данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2018 г. в УИС выявлено 383 преступления коррупционной направленности (в 2017 г. – 431, в 2016 г. – 452), что составляет 22,3 % от обще-

© Татаринов Р. А., Захарченко С. Н., 2019

[1] Согласно п. 4 ст. 1 Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”» работниками УИС являются сотрудники, федеральные государственные гражданские служащие, рабочие и служащие. В связи с этим здесь и далее по тексту будет указываться общая категория – работники или персонал УИС.

го количества (1 721) выявленных преступлений в УИС. Всего в 2018 г. по России было выявлено 15 908 (в 2017 г. – 15 940, в 2016 г. – 12 916) лиц, совершивших преступления указанной направленности, из них – 243 (в 2017 г. – 247, в 2016 г. – 276) должностных лица учреждений и органов УИС (1,5 % от общего количества выявленных должностных лиц). Средний размер взятки в УИС по выявленным в 2018 г. преступлениям коррупционной направленности составил 50 тыс. руб. (в 2017 г. – 145 тыс. руб., в 2016 г. – 99 тыс. руб.) [5].

Указанные данные свидетельствуют о снижении числа коррупционных преступлений в УИС и лиц, их совершающих, а также (после роста в 2017 г.) о тенденции к уменьшению сумм взяток.

Однако борьба со взяточничеством предусматривает не только проведение оперативно-розыскных мероприятий по его выявлению, пресечению и раскрытию, но и по предупреждению всеми дозволенными законом методами, в том числе путем проведения просветительских мероприятий.

По мнению А. В. Кудрявцева, сутью правового просвещения является процесс распространения правовых знаний, идей, ценностей, который служит росту общей правовой культуры личности и общества. Главная его цель – воспитание уважения к праву и законности как ценностной установке, овладение населением основами правовых знаний, понимание прав человека, социальной и юридической ответственности, социальных гарантий [3, с. 11].

Антикоррупционное просвещение персонала УИС направлено на повышение уровня правовой грамотности, культуры и правосознания, в том числе по исполнению обязанности, предусмотренной ст. 9 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», – сообщать о фактах склонения к совершению коррупционных правонарушений. Данная норма закона детализируется в приказе ФСИН России от 29 мая 2010 г. № 256 «Об утверждении Порядка уведомления федеральными государственными служащими Федеральной службы исполнения наказаний о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений» для аттестованных работников УИС и в приказе ФСИН России от 29 июля 2015 г. № 666 «Об утверждении Порядка уведомления работодателя о фактах обращения в целях склонения лиц, замещающих отдельные должности на основании трудового договора в организациях (учреждениях, предприятиях) уголовно-исполнительной системы, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральной службой исполнения наказаний, к совершению коррупционных правонарушений» для вольнонаемных работников УИС.

Неукоснительное «исполнение вышеуказанных нормативно-правовых актов является важным и необходимым условием пресечения коррупционных преступлений по статьям 291 или 291.2 УК РФ в отношении осужденных, подозреваемых, обвиняемых и иных лиц. Проявленная персоналом УИС правосознательность по уведомлению о фактах склонения к коррупционным действиям уберегает их самих от уголовного преследования по статьям 290 или 291.2 УК РФ и повышает степень чистоты рядов системы» [6, с. 58].

Просвещение персонала, по нашему мнению, должно стать частью профилактической работы ПСБ УИС в ходе повседневной борьбы с коррупционной преступностью в учреждениях и органах УИС, поскольку «личный состав необходимо беречь, наставлять на правильный путь законопослушного поведения, повышая тем самым правосознание» [Там же, с. 59].

Ю. П. Гармаев подчеркивает, что в рамках антикоррупционного просвещения необходимо разъяснять:

1) отдельные нормы антикоррупционного, в том числе (а может и прежде всего) уголовного законодательства;

2) типичные заблуждения относительно разграничения преступных коррупционных посягательств и правомерного поведения;

3) за какого рода типичные коррупционные деяния, в каких типичных ситуациях привлекаются к ответственности работники именно данной сферы деятельности;

4) яркие примеры из судебной практики по делам соответствующей категории с указанием на избранные судом строгие, но справедливые меры наказания;

5) как и кем, какими средствами и методами ведется борьба с этими преступлениями, как противостоять провокациям и иным незаконным методам псевдоборьбы с коррупцией. Здесь уместно важное ограничение – недопустимость «инструкций по совершению преступлений», а также завуалированных рекомендаций о том, как уйти от ответственности за их совершение;

6) как не допустить вовлечение себя в коррупционные отношения в типичных, хорошо знакомых ситуациях;

7) следует также информировать о том, что вокруг должностных лиц государственных органов и учреждений часто разворачивают преступную деятельность различные «мнимые посредники», которые берут взятки «под них» и без их участия, фактически торгуя их полномочиями и услугами [2, с. 240].

Несомненно, предупреждение взяточничества как со стороны работников УИС, так и со сторо-

ны осужденных и лиц, содержащихся под стражей, является всеобщим благом и одной из задач оперативно-розыскных органов, предусмотренной ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Зачем работнику УИС брать взятку, а осужденному ее давать, если первый потеряет службу, авторитет, источник стабильного дохода и получит судимость, второй – дополнительное уголовное наказание, а они оба – общественное порицание?

Необходимо добиться формирования в сознании персонала УИС, осужденных, подозреваемых, обвиняемых и иных лиц того понимания, что взяточничество – это зло, как для них самих, так и для общества в целом. Этого возможно добиться через осознанное соблюдение и уважение закона, своих и чужих прав и законных интересов, подкрепленных осознанием неотвратимости наказания.

Как справедливо указывает Н. С. Артемьев, деятельность оперативных аппаратов УИС по предупреждению коррупционной преступности предполагает выявление причин, ее порождающих, и условий, ей способствующих, с последующей разработкой мер по их устранению. Кроме того, такая деятельность включает в себя выявление работников, от которых можно ожидать совершения преступлений, и применение к ним мер воспитательного и профилактического (предупредительного) воздействия. И наконец, она предполагает принятие мер по предотвращению и пресечению замышляемых и подготавливаемых преступлений осужденными [1, с. 10].

С учетом проведенного анализа соответствующих нормативных правовых актов, существующих коррупционных рисков для работников УИС, судебной практики, а также многолетнего личного опыта оперативной работы авторов, коррупционно опасные ситуации, при которых потенциально возможна дача взяток работникам УИС, допустимо подразделить на следующие группы.

1. Дача взятки за действия, входящие в должностные полномочия (покровительство по службе):

1) При отбывании наказания в исправительных учреждениях, например: за подготовку положительной характеристики, применение мер поощрения (ст. 113, 134 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее: УИК РФ) и вытекающие из этого представления материалов в суд на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) или к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ) либо к изменению вида исправительного учреждения (ст. 78 УИК РФ), а также за перевод на облегченные условия отбывания наказания (ч. 2 ст. 120, ч. 2 ст. 122, ч. 2 ст. 124, ч. 4 ст. 127, 132 УИК РФ), перевод осужденного для дальнейшего отбывания наказания из одного исправительного учреждения в другое того же вида (ч. 2 ст. 81 УИК РФ), предоставление длительного свидания с правом совместного проживания с иными лицами (ч. 2 ст. 89 УИК РФ), разрешение на передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения (ст. 96 УИК РФ), предоставление дополнительных длительных свиданий с ребенком в выходные и праздничные дни с проживанием (пребыванием) вне исправительного учреждения (ч. 1.1, 2.1 ст. 121 УИК РФ), разрешение на проживание в общежитии за пределами воспитательной колонии без охраны, но под надзором администрации (ч. 4 ст. 133 УИК РФ), разрешение на передвижение без надзора вне колонии-поселения (п. «а» ч. 1 ст. 129 УИК РФ), разрешение на проживание со своими семьями на арендованной или собственной жилой площади для осужденных колонии-поселения (п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ), прием во владение и пользование от учреждений, организаций и предприятий любых организационно-правовых форм, а также граждан материально-технических ресурсов, финансовых средств и имущества (благотворительная помощь, п. 19 ст. 14 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы») и пр.

2) При содержании под стражей (следственные изоляторы), например: за подготовку положительной характеристики, применение мер поощрения (ст. 37 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее: ФЗ № 103), обеспечение телевизором, холодильником и вентиляционным оборудованием (ст. 23 ФЗ № 103), оказание дополнительных платных услуг (ст. 26 ФЗ № 103), распределение по камерам (ст. 32, 33 ФЗ № 103) и пр., а также за оставление осужденных к лишению свободы в следственном изоляторе для выполнения работ по хозяйственному обслуживанию (ст. 77 УИК РФ) и в последующем, касаемо их, за подготовку положительной характеристики, применение мер поощрения (ст. 113 УИК РФ) и, как следствие, представление материалов в суд на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) или к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ).

3) При исполнении наказания, не связанного с изоляцией от общества:

А) В уголовно-исполнительных инспекциях:

а) при исполнении наказания в виде ограничения свободы за применение мер поощрения (ст. 57 УИК РФ), представление в суд об отмене

частично ранее установленных для осужденного ограничений (ч. 1 ст. 54 УИК РФ);

б) при осуществлении контроля:

– за поведением условно осужденных за представление в суд об отмене полностью или частично установленных для осужденного обязанностей (п. 118 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, утвержденной приказом Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142), представление в суд к отмене условного осуждения и о снятии судимости (ст. 74 УК РФ);

– применением принудительных мер медицинского характера (ст. 102 УК РФ) за представление в суд материалов на продление, изменение и прекращение данных мер;

– соблюдением условий отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ, ст. 177–178 УИК РФ) за представление в суд об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания либо о замене оставшейся части наказания более мягким видом наказания, представление в суд о сокращении срока отсрочки отбывания наказания и об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания со снятием судимости;

– отсрочкой отбывания наказания осужденным, признанным в установленном порядке больным наркоманией (ст. 178.1 УИК РФ), за представление в суд об освобождении осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания.

Б) В исправительных центрах: при исполнении наказания в виде принудительных работ за разрешение на краткосрочный выезд за пределы исправительного центра для решения неотложных социально-бытовых и других вопросов (ч. 3 ст. 60.4 УИК РФ), разрешение на проживание с семьей на арендованной или собственной жилой площади в пределах муниципального образования, на территории которого расположен исправительный центр (ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ), разрешение на выезд за пределы исправительного центра на период ежегодного оплачиваемого отпуска (ч. 7 ст. 60.4 УИК РФ) и пр., а также за подготовку положительной характеристики, применение мер поощрения (ст. 60.13 УИК РФ) и, как следствие, представление материалов в суд на условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ) или к замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст. 80 УК РФ).

2. Дача взятки за бездействие при исполнении должностных полномочий (попустительство по службе): за непринятие мер реагирования при нарушении установленного порядка отбывания наказания в исправительных учреждениях и исправительных центрах, режима содержания в следственных изоляторах или ненадлежащую организацию исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества в уголовно-исполнительных инспекциях.

3. Дача взятки за совершение заведомо незаконных действий:

1) За доставку для осужденных, подозреваемых и обвиняемых на режимную территорию исправительных учреждений запрещенных предметов, указанных:

– в прил. № 1 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295, для осужденных, содержащихся в исправительных колониях общего, строгого и особого режимов, колониях-поселениях, тюрьмах, лечебно-исправительных учреждениях;

– в прил. № 1 Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний УИС, утвержденных приказом Минюста России от 6 октября 2006 г. № 311, для осужденных, содержащихся в воспитательных колониях;

– в прил. № 1 Правил внутреннего распорядка исправительных центров УИС, утвержденных приказом Минюста России от 29 декабря 2016 г. № 329, для осужденных к принудительным работам.

2) За доставку подозреваемым и обвиняемым предметов, за исключением тех, которые перечислены в прил. № 2 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов УИС, утвержденных приказом Минюста России от 14 октября 2005 г. № 189.

3) За любые действия работника УИС, совершенные в нарушение действующего уголовно-исполнительного законодательства России.

В. А. Шиханов и Н. В. Долганова предлагают внести в УИК РФ полный перечень запрещенных к использованию осужденными вещей и предметов [7, с. 135].

С. А. Сивцов считает, что в целях обеспечения реальной профилактики коррупционной преступности следует исключить из КоАП РФ ст. 19.12 «Передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы или изоляторах временного содержания» и дополнить УК РФ новой ст. 321.1 «Передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в исправительных учреждениях, следственных изоляторах, изоляторах временного содержания или в иных местах содержания под стражей» [4, с. 14]. Это необходимо сделать для того, чтобы осужденные, подозреваемые и обвиняемые под угрозой уголовного наказания боялись совершать подобные действия, в том числе не давали взяток работникам УИС, а последние в свою очередь опасались эти запрещенные предметы им доставлять.

4. Дача взятки в контрактной системе:

1) За лоббирование интересов определенного коммерческого партнера при заключении и исполнении государственного контракта (заявка требований контрактной документации «под конкретное лицо» (излишняя детализация объекта закупки), сообщение ему о ценах, представленных иными конкурентами, нереальные сроки исполнения контракта, когда выиграть может только тот участник, который уже полностью или частично исполнил его, общее покровительство и пр.).

2) За перечисление денежных средств из бюджета контрагенту по фактически неисполненному (не надлежаще исполненному) фиктивному государственному контракту (не поставлен товар, не выполнены работы, не оказаны услуги полностью или частично).

Разумеется, вышеуказанный перечень коррупционно опасных ситуаций, при которых нередко дают взятки работникам УИС, не является исчерпывающим. Взятки персоналу УИС, как правило, даются осужденными и лицами, содержащимися под стражей (их близкими), а также субъектами, причастными к контрактной деятельности учреждений и органов ФСИН России.

Предупреждение попыток дачи взяток работникам УИС должно проводиться в результате профилактической работы не только с ними, но и с осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, начиная с момента поступления в исправительные учреждения, чтобы своевременно пресечь их коррупционные замыслы.

Представляется, что ПСБ УИС, как никто, смогут эффективно донести до сознания людей чувство нетерпимости к коррупции вообще и к самому опасному ее проявлению – взяточничеству, в частности, так как они ежедневно борются с этим злом (имеют практический опыт), отслеживают тенденции развития законодательства в рассматриваемой области, владеют оперативной обстановкой по данной линии работы и обладают определенным авторитетом.

В целях повышения качества борьбы ПСБ УИС с дачей взяток работникам УИС полагаем целесообразным проведение на постоянной основе следующих оперативно-просветительских мероприятий:

– ведение профилактических бесед с конкретными работниками УИС, а также осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, которые, по оперативной информации, вынашивают преступные коррупционные намерения, но еще не совершили преступление, ознакомление их под подпись в каждом ПСБ УИС с нормами антикоррупционного законодательства России и предупреждение об ответственности за их нарушение (с записью в специальном журнале).

При наличии оснований вручение официального предостережения работникам УИС, предусмотренного приказом ФСИН России от 21 декабря 2017 г. № 1225 «Об утверждении Порядка объявления официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, формы официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения, а также перечня категорий должностных лиц, уполномоченных объявлять официальное предостережение (предостережение)» (индивидуальная превенция);

– координация и проведение специальных занятий с персоналом УИС (особенно с вновь принятыми на службу работниками), осужденными и лицами, содержащимися под стражей, по изучению нормативных правовых актов в сфере борьбы с коррупцией и разъяснению статей УК РФ, предусматривающих ответственность за совершение коррупционных преступлений;

– направление информационных обзоров в учреждения и органы УИС о раскрытых фактах коррупции в целях детерминирования негативного отношения к коррупционным проявлениям под страхом уголовного наказания;

– пополнение стендов наглядной агитации антикоррупционного поведения примерами раскрытых преступлений, фотографиями задержаний коррупционеров с поличным и пр.;

– освещение раскрытых коррупционных преступлений в средствах массовой информации и размещение сведений о них на интернет-сайтах территориальных органов ФСИН России (общая превенция).

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что антикоррупционное просвещение является безусловной необходимостью и способствует повышению качества деятельности ПСБ УИС по предупреждению взяточничества в исправительных учреждениях.

С одной стороны, антикоррупционное просвещение персонала УИС должно быть направлено на повышение уровня правовой грамотности и правосознания, в том числе по исполнению обязанности сообщать о фактах склонения к совершению коррупционных правонарушений. С другой стороны, предупреждение попыток дачи взяток работникам УИС должно проводиться не только с ними, но и с осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми, чтобы своевременно пресечь их противоправные замыслы по склонению первых к коррупции.

Целесообразно изменить парадигму профилактики коррупционной преступности в УИС, в

основном сосредоточенную исключительно на ее работниках, и вовлечь в эту орбиту осужденных и лиц, содержащихся под стражей.

Представляется, что перечисленные в статье мероприятия помогут повысить уровень правосознания, направленный на недопущение совершения коррупционных действий и повышение мотивации уведомления о фактах склонения к коррупции и, как следствие, пресечь попытки дачи взяток работникам УИС.

Библиографический список

1. *Артемьев Н. С.* Понятие и сущность оперативно-розыскной профилактики коррупционной преступности в УИС / Н. С. Артемьев // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 2(77). – С. 8–11.

2. *Гармаев Ю. П.* Криминалистические средства предупреждения коррупции / Ю. П. Гармаев // Гуманитарные науки и образование в Сибири. – 2014. – № 6(18). – С. 238–242.

3. *Кудрявцев А. В.* Правовое просвещение населения как фактор, влияющий на противодействие коррупции / А. В. Кудрявцев // Актуальные проблемы правового просвещения и воспитания населения : материалы науч.-практ. конф. – Владимир : Владим. фил. РАНХиГС, 2016. – ISBN 978-5-906773-14-2. – С. 8–13.

4. *Сивцов С. А.* Коррупционные преступления в исправительных колониях России и механизмы противодействия им : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Сивцов Сергей Андреевич ; Волжский университет им. В. Н. Татищева. – Саратов, 2017. – 35 с. – Место защиты : Сарат. гос. юрид. акад.

5. Состояние преступности, статистика и аналитика / Главный информационно-аналитический центр МВД России. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen /Deljatelnost/statistics/ (дата обращения: 16.09.2019).

6. *Татаринов Р. А.* О некоторых аспектах деятельности подразделений собственной безопасности уголовно-исполнительной системы по борьбе с преступлениями коррупционной направленности / Р. А. Татаринов // Вопросы безопасности. – 2018. – № 1. – С. 52–59.

7. *Шиханов В. А.* Проблемы предупреждения поступления запрещенных предметов в исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы и меры противодействия / В. А. Шиханов, Н. В. Долганова // Юридическая наука и практика : альм. науч. тр. Сам. юрид. ин-та ФСИН России. – Самара : СЮИ ФСИН России, 2017. – Вып. 5, ч. 2. – С. 131–135.

References

1. *Artem'ev N. S.* Concept and Essence of Operational Search Prevention of Corruption Crime in the Penal System. *Chelovek: Prestuplenie i Nakazanie.* 2012. No. 2(77). P. 8–11.

2. *Garmaev Yu. P.* Criminalistic Means of Preventing Corruption. *Gumanitarny'e Nauki i Obrazovanie v Sibiri.* 2014. No. 6(18). P. 238–242.

3. *Kudryavcev A. V.* Legal Education of Population as a Factor Influencing the Fight against Corruption. *Topical Problems of Legal Education and Education of Population.* Vladimir, Vladimirskij Filial RANKhiGS, 2016. ISBN 978-5-906773-14-2. P. 8–13.

4. *Sivczov S. A.* Corruption Crimes in Correctional Colonies of Russia and Mechanisms to Counteract Them. Saratov, 2017. 35 p.

5. State of crime, statistics and analytics. Main information and analytical center of the MIA of Russia. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen / Deljatelnost/statistics/ (accessed date: 16.09.2019).

6. *Tatarinov R. A.* On Certain Aspects of the Activities of Departments of Internal Affairs of the Penal System to Combat Corruption-related Crimes. *Voprosy' Bezopasnosti.* 2018. No. 1. P. 52–59.

7. *Shikhanov V. A., Dolganova N. V.* Problems of Preventing the Entry of Prohibited Objects into Correctional Institutions of the Penal System and Measures of Counteraction. Samara, SYuI FSIN Rossii, 2017. Iss. 5. Pt. 2. P. 131–135.

Библиографическое описание статьи

Татаринов Р. А. Антикоррупционное просвещение как составляющая деятельности подразделений собственной безопасности по предупреждению дачи взяток работникам уголовно-исполнительной системы / Р. А. Татаринов, С. Н. Захарченко // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 97–102.

УДК 343.137.5

Ткачук Татьяна Алексеевна,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики ВЮИ ФСИН России доктор юридических наук, профессор
E-mail: tatkachuk@mail.ru

Tkachuk Tat'yana A.,
Professor of Criminal Law Studies Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU, Professor of Criminal Procedure and Criminalistics Department of VLI of the FPS of Russia Doctor of Law, Professor

Цветкова Елена Владимировна,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ кандидат юридических наук
E-mail: cvetcova-e@mail.ru

Czvetkova Elena V.,
Assistant Professor of Criminal Law Studies Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU PhD (Law)

СПОСОБЫ РЕШЕНИЙ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Ways to Resolve Conflict Situations after the Return of a Criminal Case Involving Minors to an Additional Investigation

Аннотация. В статье рассматриваются способы избежания конфликтных ситуаций после возвращения уголовного дела в отношении несовершеннолетних на дополнительное расследование с целью полного, всестороннего расследования уголовного дела и принятия объективного решения.

Ключевые слова: несовершеннолетний; обвиняемый; психолог; адвокат; дополнительное расследование; конфликтная ситуация.

Abstract. The article argues the ways to escape from conflict situations after the return of a criminal case regarding minors to an additional investigation in order to avoid a full, comprehensive investigation of the criminal case and an objective decision.

Key words: a minor; an accused; a psychologist; a lawyer; additional investigation; a conflict.

Сегодня преступность несовершеннолетних является одной из важных проблем российского общества. В соответствии с указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» период с 2018 по 2027 г. объявлен Десятилетием детства. Беспокойство государства за будущее подрастающего поколения вполне оправдано. Поступки и поведение несовершеннолетних, содержащие антисоциальный характер, опасны не только своим результатом, но и формированием в последующем у них аналогичных сознания, мировоззрения, ценностных установок, жизненных ориентаций, а также стереотипов поведения.

Следователь, окончив в соответствии со ст. 215 УПК РФ предварительное следствие, ознакомив заинтересованных участников уголовного судопроизводства со всеми материалами уголовного дела с участием несовершеннолетних (ст. 216–217 УПК РФ) и составив обвинительное заключение в соответствие со ст. 220 УПК РФ, направляет уголовное дело прокурору. Прокурор, изучив его, принимает одно из решений, указанных в ч. 1 ст. 221 УПК РФ. В настоящей статье мы рассмотрим вопрос о возвращении прокурором уголовного дела с участием несовершеннолетних следователю для производства дополнительного следствия в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ – для изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых, так как именно данная позиция влечет наиболее серьезные причины возникновения конфликтных ситуаций между участниками процесса [7].

Говоря о причинно-следственной связи между источником конфликта и его последствиями, надо понимать, что прокурор при возврате уголовного дела на дополнительное расследование, связанном с его несогласием с объемом предъявленного обвинения, а также с квалификацией содеянного деяния, должен также учитывать следующее обстоятельство: в соответствии со ст. 17 УПК РФ следователь при квалификации противоправных действий основывается на собранной доказательственной базе, при этом опирается на общеустановленные нормы права и руководствуется внутренними убеждениями и своей морально-этической установкой.

Исходя из положений ст. 17 УПК РФ, и следователь при расследовании уголовного дела, и прокурор оценивают доказательства, но прокурор при исследовании доказательственной базы может прийти к выводам, в части или полностью не со-

© Ткачук Т. А., Цветкова Е. В., 2019

впадающие с выводами следователя. В этом и кроется первопричина конфликтной ситуации.

Впоследствии конфронтация, возникшая между должностным лицом, принявшим решение по оконченному уголовному делу, и прокурором, который вернул дело на дополнительное расследование, может развиться и перейти в противодействие уже между участниками уголовного дела, что также отрицательно и не без последствий отразится не только на ходе всего производства по уголовному делу после его возвращения на дополнительное расследование, но и на его возможном результате, в связи с чем следует избегать возникновения всевозможных конфликтов.

В уголовном судопроизводстве нередко складывается ситуация, когда происходит конфронтация «не только общества и лица, обвиняемого в совершении преступления, или последнего и лица, пострадавшего от посягательства» [1], а также и иных лиц, не являющихся субъектами данного противоправного деяния, но так или иначе привлеченных «в орбиту уголовного процесса или заинтересованных в определенном его исходе (свидетели, родственники и близкие обвиняемого и потерпевшего, представители общественности и т. п.)» [Там же]. Между тем в рамках настоящей статьи перед нами стоит конкретная задача: проанализировать «конфликт между следователем и несовершеннолетним обвиняемым, который реагирует на любые изменения с учетом психики и возрастных особенностей» [5].

В уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации предусмотрено несколько дополнительных гарантий, которые направлены не только на обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних в ходе досудебного производства по уголовному делу, но и на прекращение возможных конфликтных ситуаций. Необходимо учитывать, что в данном случае конфронтация «отражает состояние динамической системы межличностных отношений, возникающих в рамках уголовного судопроизводства» [2, с. 9]. Она принципиально отличается от противодействия, которое выступает в качестве способа создания различных препятствий процессу производства предварительного расследования.

Говоря о защите прав несовершеннолетних участников при расследовании уголовного дела, следует отметить, что одним из его условий является развитие психологического сопровождения следственных действий с несовершеннолетними. На наш взгляд, именно на психолога возлагаются возможности по сглаживанию и разрешению конфликтных ситуаций, поскольку отдельные следственные действия следователю, по указанию прокурора, необходимо выполнить повторно.

Задачей психолога при производстве следственных действий является оказание помощи следователю, дознавателю в определении, с учетом возрастных (прежде всего психологических) особенностей подростка, последовательности и формы постановки вопросов, избрания стиля, оптимальной продолжительности, например допроса, чтобы получить от несовершеннолетнего (малолетнего) полные и достоверные показания.

Незаменима помощь специалиста-психолога при взаимодействии следователя с несовершеннолетними (малолетними) участниками судопроизводства, как здоровыми, так и страдающими психическими аномалиями, для получения данных о типичных (нетипичных) особенностях восприятия, о влиянии на психические процессы и поведение несовершеннолетнего различных психических состояний – алкогольного или наркотического опьянения, стресса, страха (испуга) и др. По сути, психолог задает направление изучению личности несовершеннолетнего в зависимости: от его возраста и состояния здоровья; вида преступления и роли в нем; возможных последствий (осложнений) для психики, а также дает рекомендации по выбору наиболее эффективного способа воздействия на него в процессе производства следственного действия, по преодолению негативного эмоционального состояния, помогает оценить получаемые результаты, после проведения какого-либо следственного действия (очной ставки, проверки показаний на месте и т. д.).

По нашему убеждению, привлекаемый для таких целей специалист должен обладать не только научными знаниями в области психологии детей и подростков, но и владеть профессиональными практическими навыками общения с ними. В этом случае психолог сможет скорректировать тактику проведения проводимого следственного действия, помочь создать неофициальную атмосферу, предупредить возможное состояние скованности, настороженности, недоверия, стеснительности подростка.

И если следователи, имеющие специальную профессиональную подготовку, как правило, способны учитывать в работе с несовершеннолетними (малолетними) их возрастные, социальные, гендерные, индивидуальные (включая некоторые психологические особенности), статус в рамках уголовного процесса, то для определения особенностей психики таких субъектов расследования, уровня сформированности их адаптивных поведенческих навыков, эмоциональной экспрессивности, общей виктимности (предрасположенности к совершению преступления), конформности (внушаемости), психологической зависимости от предметного мира, подверженности стереотипам (негативизму, браваде и др.), девиантных аддик-

ций (алкоголизму, наркомании и др.), доверчивости и прочее нужна профессиональная помощь психолога. По нашему мнению, с учетом того, что в несовершеннолетнем возрасте человеку свойственны амбивалентные состояния (от альтруизма до жестокости), мгновенная актуализация таких позитивных качеств, как смелость, правдивость, самостоятельность, уверенность в себе, практикующий психолог поможет следователю использовать их при подготовке и производстве необходимых следственных действий с участием несовершеннолетних (малолетних), мотивировать их с использованием методов убеждения к даче правдивых показаний. Так, грамотное использование следователем нюансов только гендерной принадлежности несовершеннолетнего (малолетнего) позволяет определиться с последовательностью и формулировками вопросов для лиц как мужского, так и женского пола.

Кроме того, к немаловажным условиям установления психологического контакта и получения достоверной информации от рассматриваемой категории лиц следует отнести: отсутствие повторных (дополнительных) допросов, фиксированное время их производства, дозированное и персонифицированное распространение информации о ходе расследования, исключение негативного влияния родителей (попечителей), иных участников уголовного процесса, средств массовой информации (слухов и сплетен).

Успокаивают несовершеннолетнего, повышают чувство уверенности, формируют представление о доброжелательном к нему отношении следователя использование приема признания его положительных качеств личности, наличие правоты в его позиции и словах, выражение понимания его. Окажет практикующий психолог помощь следователю не только в оценке позиции несовершеннолетнего (малолетнего) по отношению к расследуемому событию, его психического состояния в момент совершения преступления, но и в установлении того факта, не обсуждались ли эти события в присутствии ребенка иными лицами (мог ли он слышать о них), не пытались ли взрослые подготовить ребенка к следственному действию. Эти и многие другие обстоятельства позволят следователю принять взвешенное решение о месте проведения следственного действия, например, допроса (домашняя обстановка, дошкольная или медицинская организация, школа и т. д.), в зависимости от того, где можно добиться максимальной коммуникативной активности.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым обратить особое внимание на необходимость видеофиксации следственных действий с несовершеннолетними (малолетними), которая позволит: ретроспективно оценить показания, провести оценку их достоверности, анализ эмоционального состояния, его реакций, подтвердить отсутствие суггестивного влияния со стороны психолога.

Интересным в данном ключе представляется алгоритм опроса, разработанный в США в 2000 г. группой под руководством Майкла Э. Лэмба в Национальном институте здоровья ребенка и развития человека (National Institute of Child Health & Human Development, NICHD) и получивший название «протокол NICHD» [6].

Однако, по нашему мнению, в рассматриваемых нами ситуациях более уместным следует признать не разработанные алгоритмы (на основе типичных ситуаций), а так называемое живое психологическое сопровождение работы с указанными лицами, так как совокупность их психических, психологических, физических и иных свойств и признаков в преломлении со спецификой конкретного события (психотравмирующей ситуации) всегда будет уникальной. Именно практикующему психологу, осуществляющему психологическое сопровождение расследования, под силу произвести распознание состояния объекта с фиксацией его параметров, отнесением к определенной диагностической категории с целью прогноза его поведения и принятия решения о тактических возможностях воздействия на это поведение в желательном направлении для следователя и установления истины по расследуемому событию.

Указанные положения позволят устранить возникающие конфликты в процессе досудебного производства по уголовным делам о преступлениях несовершеннолетних и обеспечить защиту их прав и законных интересов, принятие справедливого решения, способствующего дальнейшей социализации несовершеннолетнего.

В соответствии с международно-правовыми стандартами адвокат призван защищать права и интересы детей во всех стадиях уголовного судопроизводства и рассматривается как условие дружественного к детям правосудия [9].

Участие адвоката-защитника несовершеннолетнего исключает возникновение возможного конфликта с лицами – участниками процесса как со стороны защиты, так и с иными участниками уголовного судопроизводства. Полагаем, что по делам о преступлениях несовершеннолетних в качестве защитника должен выступать только адвокат, при этом его участие должно быть обязательно при производстве всех следственных действий, проводимых с его подзащитным [3, с. 12; 6, с. 9–10].

Работа адвокатов по защите несовершеннолетних обвиняемых должна быть нацелена не только на защиту их прав и законных интересов в ходе расследования уголовных дел, но и оказание воспитательного воздействия на своих подзащитных [4], а также на разрешение конфликтов при

производстве повторных и дополнительных следственных действий, указанных прокурором при возвращении уголовного дела для производства дополнительного расследования, в интересах своего подзащитного с наименьшим психологическим стрессом для последнего.

Таким образом, для того чтобы обеспечить правильное и полное разрешение уголовного дела, минимизировав все возможные последствия от конфликтов, возникающих в процессе расследования, следователь должен выбрать наиболее подходящий способ решения конфликта с минимальными последствиями как для дела, так и для участников процесса. Для оказания помощи, а также защиты прав и законных интересов несовершеннолетних следователю необходимо привлекать при проведении следственных действий психолога и защитника, которые помогут свести к минимуму возможность развития конфликта с несовершеннолетним.

Библиографический список

1. *Баев О. Я.* Избранные работы по проблемам криминалистики и уголовного процесса / О. Я. Баев. – Москва : Эксмо, 2011. – 608 с.

2. *Вахмянина Н. Б.* Предупреждение и разрешение конфликтных ситуаций в процессе расследования преступлений несовершеннолетних : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Вахмянина Наталья Борисовна ; Уральский юридический институт МВД России. – Челябинск, 2009. – 31 с. – Место защиты: Урал. гос. ун-т.

3. *Колударова О. П.* Производство по уголовным делам в отношении безнадзорных несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых (отдельные вопросы теории и практики) : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Колударова Ольга Павловна ; Удмуртский государственный университет. – Ижевск, 2011. – 25 с. – Место защиты: Юж.-Урал. гос. ун-т.

4. *Корякина З. И.* Обеспечение несовершеннолетнему подозреваемому и обвиняемому права на защиту в досудебном производстве по уголовному делу : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Корякина Зинаида Ивановна ; Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова. – Якутск, 2019. – 289 с.

5. *Макаренко И. А.* Классификация следственных ситуаций, возникающих при производстве вербальных следственных действий с участием несовершеннолетнего обвиняемого / И. А. Макаренко // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 2. – С. 1115–1119.

6. *Татьянина Л. Г.* Предварительное расследование многоэпизодных групповых дел о преступлениях несовершеннолетних : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; теория оперативно-розыскной деятельности» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Татьянина Лариса Геннадьевна ; Удмуртский государственный университет. – Ижевск, 1998. – 214 с.

References

1. *Baev O. Ya.* Selected Works on the Problems of Forensic Science and Criminal Process. Moscow, E'ksmo, 2011. 608 p.

2. *Vakhmyanina N. B.* Prevention and Resolution of Conflict Situations in the Investigation of Juvenile Crime. Chelyabinsk, 2009. 31 p.

3. *Koludarova O. P.* Criminal Proceedings in Respect of Street Minors of Suspects and Accused (Separate Issues of Theory and Practice). Izhevsk, 2011. 25 p.

4. *Koryakina Z. I.* Ensuring the Juvenile Suspect and Accused the Right to Defense in Pre-trial Criminal Proceedings. Yakutsk, 2019. 289 p.

5. *Makarenko I. A.* Classification of Investigative Situations Arising from Verbal Investigative Actions Involving a Minor Accused. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta.* 2012. Vol. 17. No. 2. P. 1115–1119.

6. *Tat'yanina L. G.* Preliminary Investigation into Multi-episode Juvenile Crime Group Cases. Izhevsk, 1998. 214 p.

7. *Czvetkova E. V.* The Return of the Criminal Case by the Prosecutor to the Investigator for an Additional Investigation is One of the Reasons for the Conflict Situation in Criminal Cases Involving Minors. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2016. No. 4(41). P. 116–119.

8. *Lamb M. E., Orbach Ya., Hershkowitz I., Esplin P. W., Horowitz D. A* Structured Forensic Interview Protocol Improves the Quality and Informativeness of Investigative Interviews with Children: A Review of Research Using the NICHD Investigative Interview Protocol. *Childe Abuse & Neglect.* 2007. No. 31. P. 1201–1231.

9. *Rap S. E., Zlotnik D.* The Right to Legal and Other Appropriate Assistance for Child Suspects and Accused. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice.* 2018. No. 26(2). P. 110–131.

7. *Цветкова Е. В.* Возращение уголовного дела прокурором следователю на дополнительное расследование – одна из причин конфликтной ситуации при производстве уголовных дел с участием несовершеннолетних / Е. В. Цветкова // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – № 4(41). – С. 116–119.

8. A Structured Forensic Interview Protocol Improves the Quality and Informativeness of Investigative Interviews with Children: A Review of Research Using the NICHD Investigative Interview Protocol / M. E. Lamb, Ya. Orbach, I. Hershkowitz [et. al] // Childe Abuse & Neglect. – 2007. – № 31. – P. 1201–1231.

9. *Rap S. E.* The Right to Legal and Other Appropriate Assistance for Child Suspects and Accused / S. E. Rap, D. Zlotnik // European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice. – 2018. – № 26(2). – P. 110–131.

Библиографическое описание статьи

Ткачук Т. А. Способы решений конфликтных ситуаций после возвращения уголовного дела с участием несовершеннолетних на дополнительное расследование / Т. А. Ткачук, Е. В. Цветкова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 103–107.

УДК 343.98

Томилин Сергей Михайлович,
старший преподаватель кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятий ВЮИ ФСИН России
E-mail: tomilin1978@yandex.ru

Tomilin Sergej M.,
Senior Lecturer of Organization of Operational Penal Divisions Activities and Specialized Procedures Department of VLI of the FPS of Russia

Щетнёв Леонид Евгеньевич,
начальник кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятий ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Ls1974@mail.ru

Shhetnyov Leonid E.,
Head of Organization of Operational Penal Divisions Activities and Specialized Procedures Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

ПРОВЕДЕНИЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «СНЯТИЕ ИНФОРМАЦИИ С ТЕХНИЧЕСКИХ КАНАЛОВ СВЯЗИ» В СВЕТЕ ПОСЛЕДНИХ ИЗМЕНЕНИЙ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Carrying Out an Operative-search Event «Removing Information from Technical Channels of Communication» in the Light of the Latest Changes to Operative-exploration Legislation

Аннотация. В статье рассматриваются особенности и условия проведения оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с технических каналов связи» на современном этапе.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскное мероприятие «снятие информации с технических каналов связи».

Abstract. The article deals with the peculiarities and conditions of the operative-search event «removal of information from technical communication channels» at modern stage.

Key words: crime detection; operative-search event «removal of information from communication channels».

Согласно статистическим данным МВД России последних лет наблюдается рост числа пропаж несовершеннолетних детей. Так, только в первом квартале 2019 г. разыскивалось 1 390 без вести пропавших детей [2]. Безусловно, это не может не вызывать определенную озабоченность. Законодателем были подготовлены изменения в ст. 8 действующего Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: ФЗ об ОРД), которая на основании Федерального закона от 2 августа 2019 г. № 311-ФЗ была дополнена ч. 7, устанавливающей особый порядок проведения оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с технических каналов связи» (далее: ОРМ СИТКС). Данное нововведение расширило возможности применения безотлагательных мер оперативного поиска без вести пропавших несовершеннолетних.

Из ч. 7 ст. 8 ФЗ об ОРД следует, что сотрудникам органов – субъектов ОРД в случае получения сообщения о без вести пропавшем несовершеннолетнем и при наличии письменного согласия одного из родителей несовершеннолетнего или лиц, их заменяющих, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД, вынесенного в течение 24 часов с момента поступления сообщения о без вести пропавшем несовершеннолетнем, допускается получение информации о соединениях абонентского (мобильного) устройства, находящегося у несовершеннолетнего, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства связи путем СИТКС с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения ОРМ орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого ОРМ либо прекратить его проведение.

То есть законодатель предоставил право оперативным подразделениям органов – субъектов ОРД безотлагательно принимать необходимые меры по реализации одной из задач, закрепленных в ст. 2 ФЗ об ОРД, стоящих перед оперативными подразделениями, по розыску без вести пропавших несовершеннолетних лиц, установив их местоположение, предполагаемые маршруты передвижения с привязкой к базовым станциям операторов сотовой связи, тем самым существенно ограничив территорию поиска, на которой может быть обнаружен пропавший несовершеннолетний, определить круг лиц и номера телефонов, с которыми он общался в период, предшествующий пропаже, без

© Томилин С. М., Щетнёв Л. Е., 2019

судебного решения в первые 48 часов, но с обязательным его получением в строго установленные сроки. Это особенно важно сделать в первые часы исчезновения, когда по «горячим следам» возможно установить все обстоятельства произошедшего и, соответственно, найти объект розыска.

Особенно это актуально в выходные и праздничные дни в ситуации, когда населенный пункт, где проживал пропавший несовершеннолетний, находится на значительном расстояния от места расположения судов и не позволяет в экстренном порядке получить судебное постановление на проведение ОРМ СИТКС. Раньше сотрудникам оперативных подразделений приходилось тратить значительное количество времени на дорогу до суда и органа, оказывающего содействие в проведении данного ОРМ.

Целесообразность введения данной нормы не вызывает сомнений, так как она повышает оперативность проводимых ОРМ, однако есть определенные сомнения в дальнейшей необходимости получения судебного решения.

Во-первых, способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, т. е. по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Несовершеннолетний в возрасте шестнадцати лет может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, в том числе по контракту, или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью.

До этого возраста любые сделки по заключению договоров на оказание услуг связи, как правило, заключаются родителями или законными представителями несовершеннолетних на свое имя. Сим-карты, установленные в мобильные телефоны, и соответственно телефонный номер, по которым возможно установить данные о местоположении их абонентского устройства или получить информацию о соединениях абонентского устройства, находящегося у несовершеннолетнего, с иными абонентами или абонентскими устройствами, которыми пользуются несовершеннолетние, предоставляются им в пользование их родителями или законными представителями и юридически им не принадлежат.

В этой связи вызывает вопрос о целесообразности получения судебного решения на проведение ОРМ СИТКС в случае пропажи несовершеннолетних, если фактически собственником сим-карты и телефонного номера является родитель несовершеннолетнего или его законный представитель, который при обращении в органы, наделенные правом на осуществление ОРД на территории Российской Федерации по поиску пропавшего несовершеннолетнего лица, фактически своим сообщением разрешает собрать необходимые данные по телефонному номеру, принадлежащему ему, в рамках проводимого ОРМ.

В контексте данного вопроса также следует обратить внимание на норму, закрепленную в ч. 6 ст. 8 ФЗ об ОРД, которая предусматривает, что в случае возникновения угрозы жизни, здоровью, собственности отдельных лиц по их заявлению или с их согласия в письменной форме разрешается прослушивание переговоров, ведущихся с их телефонов, на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, с обязательным уведомлением соответствующего суда (судьи) в течение 48 часов. Законодатель осознанно предусмотрел такую возможность проведения ОРМ, так как лица, которым угрожает опасность, реализуют свое право на защиту, предусмотренное законодательством, и сами дают согласие на контроль разговоров, ведущихся с их телефонов. Если в этом случае отсутствует необходимость получения судебного решения, то вполне логично распространить ее на ОРМ СИТКС в случае пропажи несовершеннолетних.

Во-вторых, некоторая информация, передаваемая с помощью телефонной аппаратуры, не может составлять охраняемую Конституцией Российской Федерации тайну телефонных переговоров, а значит, проведение данного ОРМ не должно обеспечиваться судебным постановлением. Например, в рамках проведение ОРМ СИТКС при определении местоположения на местности лица с привязкой к базовым станциям операторов сотовой связи мобильный телефон абонента автоматически передает IMSI (международный идентификатор мобильного абонента – индивидуальный номер абонента), по которому происходит его идентификация в сети оператора мобильной связи. При этом передача личной информации, такой как СМС-сообщения, внутри сети мобильной связи или сообщения в сети «Интернет» через приложения Viber, WhatsApp и другие, с помощью мобильного телефона пользователем устройства не осуществляется. Техническая информация, которая передается телефоном при его регистрации в сети мобильной связи, содержит сведения, характеризующие местоположение мобильного устройства пользователя на местности в определенный отрезок времени, не раскрывая личных сведений владельца телефона, которые охраняются Конституцией Российской Федерации. Запрет, установленный оперативно-розыскным законодательством на разглашение личных данных пользователя, которые

становятся известны органам, осуществляющим ОРД, если это не связано с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, а также выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ст. 5 ФЗ об ОРД), является дополнительной гарантией соблюдения конституционных прав граждан со стороны правоохранительных органов [3, с. 126]. Другими словами, в контексте данного рассуждения мы полагаем, что необходимость получения судебного решения отсутствует.

Безусловно, каждый случай пропажи ребенка имеет большой общественный резонанс, и все силы правоохранительных органов, волонтерских движений и обычных неравнодушных граждан задействуются в его поиске. Вместе с тем данная норма ФЗ об ОРД совершенно не учитывает права других граждан, которые пропали без вести и могли оказаться в затруднительной жизненной ситуации или беспомощном положении, например, пожилых людей, которые по причине возрастных изменений, психологического или физического состояния здоровья склонны к потере памяти и которые не могут сообщить о своем местоположении. Это могут быть граждане любых возрастов, которые пропадают в природной среде при сборе ягод, грибов, или граждане, которые пропадают в больших городах и в отношении которых, возможно, совершаются или совершены преступные деяния (незаконное завладение квартирой и т. д.). Истории о таких случаях периодически освещаются в средствах массовой информации. Ежегодная статистика это подтверждает. Только по данным МЧС России и МВД России, в год в стране пропадают более 120 тыс. чел., в день – до 300 чел. [1]. Права этих граждан также надо учитывать при организации розыскной работы сотрудникам правоохранительных органов.

На основании вышеизложенного предлагаем ч. 7 ст. 8 ФЗ об ОРД изложить в следующей редакции: «В случае получения сообщения о без вести пропавшем гражданине и при наличии письменного согласия одного из родственников или лиц, их заменяющих, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, допускается получение информации о соединениях абонентского устройства, находящегося у без вести пропавшего, с иными абонентами и (или) их абонентскими устройствами, иным оборудованием, а также о местоположении данного абонентского устройства путем снятия информации с технических каналов связи с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 48 часов».

Такая формулировка закона позволит исключить необходимость получения судебного решения в данном случае, повысить оперативность проводимого ОРМ и в полной мере будет соответствовать гуманистической ориентации Конституции Российской Федерации по обеспечению конституционных прав всех граждан нашей страны, как родственников, так и самих без вести пропавших, которых разыскивают и которые по каким-то причинам не могут сообщить о своем местоположении.

Библиографический список

1. *Емельяненко В.* Страх грибного лета / В. Емельяненко // Российская газета. – 2019. – 23 мая.

2. Министерство внутренних дел Российской Федерации : [сайт]. – URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_ugolovnogo_roziska/Publikacii_i_vistuplenija (дата обращения: 15.11.2019)

3. *Щетнёв Л. Е.* Современные вопросы, возникающие в правоприменительной практике оперативных подразделений при проведении ряда оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина / Л. Е. Щетнёв, С. М. Томилин, И. Ю. Антонов // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 124–127.

References

1. *Emel'yanenko V.* Fear of Mushroom Summer. *Rossijskaya Gazeta.* 2019. May 23.

2. Ministry of the Interior of the Russian Federation. Website. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Glavnie_upravlenija/Glavnoe_upravlenie_ugolovnogo_roziska/Publikacii_i_vistuplenija (accessed date: 15.11.2019)

3. *Shhetnyov L. E., Tomilin S. M., Antonov I. Yu.* Modern Issues Arising in the Law Enforcement Practice of Operational Units during a Series of Operational-search Measures Restricting the Constitutional Rights of a Person and a Citizen. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2019. No. 3(52). P. 124–127.

Библиографическое описание статьи

Томилин С. М. Проведение оперативно-розыскного мероприятия «снятие информации с технических каналов связи» в свете последних изменений оперативно-розыскного законодательства / С. М. Томилин, Л. Е. Щетнёв // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 108–110.

УДК 343.139

Тутынин Игорь Борисович,
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
им. В. Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: tutig@rambler.ru

Tuty'nin Igor' B.,
Assistant Professor of Criminal Procedure Department
of Moscow University of the MIA of Russia
named after V. Ya. Kikot'
PhD (Law), Associate Professor

ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ КОРРЕКТИРОВКИ ПОЛНОМОЧИЙ

Enforcement of Court Decisions at the Preliminary Investigation Stage: Problematic Issues of Credentials Adjustment

Аннотация. По мнению автора, состояние применения мер процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовному делу и связанное с этим обеспечение прав и интересов лиц находятся не на самом высоком уровне. В связи с этим им высказано предложение по совершенствованию применения таких мер: в досудебном производстве по уголовному делу передать исполнение судебного решения судебному приставу-исполнителю. В статье приведены предположения о возникновении новых мер процессуального принуждения, исполнение которых будет предписано судебным приставам-исполнителям.

Ключевые слова: правоохранительное расследование; наложение ареста на имущество; временное отстранение от должности; меры пресечения.

Abstract. According to the author, the state of application of measures of procedural coercion in pre-trial criminal proceedings and the related safeguarding of the rights and interests of individuals is not at the highest level. In this regard, a proposal was made to improve the application of such measures: in pre-trial criminal proceedings, transfer the execution of the judgment to the bailiff. The article provides assumptions about the appearance of new measures of procedural coercion, the implementation of which will be prescribed to bailiffs.

Key words: preliminary investigation; seizure of property; temporary suspension; preventive measures.

Проблема, вынесенная в название настоящей статьи, не является абсолютно новой. Ранее мы уже обращали внимание на необходимость корректировки полномочий в ходе исполнения судебных решений на стадии предварительного расследования о наложении ареста на имущество [8, с. 7–8]. Однако ситуация не изменилась, и появились новые обстоятельства, подтверждающие предложенное нами ранее.

По сравнению с советским периодом, правовая регламентация временного отстранения от должности, отраженная в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации 2001 г., претерпела значительные изменения: уточнен временный характер данной меры; по-новому определена сущность – иная мера процессуального принуждения; правом принимать решение об отстранении наделен исключительно суд; изменен субъектный состав отстраняемых от должности; предоставлено право временно отстраненного от должности на ежемесячное пособие. Еще более значительные преобразования произошли в правовой регламентации наложения ареста на имущество. Данная мера процессуального принуждения многократно подвергалась изменению.

Согласимся, что при определении гарантий обеспечения прав и интересов личности, общества и государства наметился курс на либерализацию и гуманизацию российского права. При этом утверждать, что все проблемы разрешены, вряд ли возможно. Практика применения данных мер не отличается значительными результатами, а уровень обеспеченности прав и интересов лиц, общества и государства – высокими показателями.

Применение наложения ареста на имущество и временного отстранения от должности имеет не всегда положительную ежегодную динамику. Согласно официальной статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [7] отсутствует нацеленность на положительные результаты деятельности органов предварительного расследования и судов в обеспечении исполнения приговора в части возможной конфискации имущества, гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, а также в противодействии ненадлежащей деятельности подозреваемых и обвиняемых, наделенных определенными должностными полномочиями. Одной из причин этого является следующее обстоятельство: правоприменители не уделяют или не могут в должной мере уделять значительное внимание использованию предусмотренных законом правовых средств при наличии на то оснований и условий.

В связи с этим нами было предложено провести перераспределение полномочий между органами и должностными лицами при применении мер

© Тутынин И. Б., 2019

процессуального принуждения в соответствии с имманентными им функциями, квалификацией, правовыми возможностями, передать реализацию принятых судебных решений на стадии предварительного расследования, прежде всего о наложении ареста на имущество и временном отстранении от должности, Федеральной службе судебных приставов (далее: ФССП России)[1] [8].

Передача полномочий по реализации судебного решения о применении мер пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста от Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее: МВД России) к Федеральной службе исполнения наказаний не вызвала возражений, что обусловлено потребностью создать дополнительные гарантии подвергающимся уголовному преследованию и мерам процессуального принуждения лицам, а также разгрузить МВД России от не свойственных ему функций.

Помимо этого, исполнение судебных решений о наложении ареста на имущество и временном отстранении от должности на стадии предварительного расследования не должно быть в числе полномочий следователя и дознавателя. Это освободит следователя от выполнения «второстепенного» процессуального действия. Наша позиция основывается на преобладающем среди теоретиков и практических работников мнении: «…основным вопросом уголовного дела является вопрос об уголовной ответственности определенного лица за вменяемое ему деяние» [3, с. 7]. Именно это определяет направленность и содержание деятельности по уголовному делу. Иные вопросы производны от него, в том числе вопрос о восстановлении нарушенных преступлением имущественных прав, который «не должен ограничивать и осложнять чрезмерно деятельность по разрешению основного вопроса уголовного дела» [9, с. 148–149].

Возражая данным авторам, мы все же не оспариваем тот факт, что производство по уголовному делу направлено в первую очередь на разрешение уголовно-правового спора, что дает основание для урегулирования гражданско-правового спора о характере и размере причиненного преступлением вреда. Мы не согласны с тем, что восстановление нарушенных преступлением имущественных прав и интересов, прежде всего возмещение вреда, причиненного преступлением частным лицам, подразумевается как второстепенная, необязательная деятельность. Это не приводит к благоприятным последствиям для личности, общества и государства.

Следователь должен быть настроен на активную и результативную работу, направленную на обеспечение исполнения приговора в части имущественных взысканий и противодействие правосудию. Эта деятельность должна сводиться к созданию необходимых условий путем собирания доказательств, обосновывающих обвинение и связанных с ним обстоятельств, в том числе то, что имущество подлежит аресту, или то, что обвиняемый подлежит временному отстранению от должности.

Личное проведение судебным приставом ареста имущества уменьшит дальнейшую деятельность по исполнению приговора в части имущественных взысканий. Необходимое количество описанного имущества, правильное определение его стоимости и лиц, ответственных за сохранность, освобождают пристава-исполнителя от выявления дополнительного имущества должника, от переоценки неправильно оцененных следователем предметов. Имея в своем делопроизводстве копию протокола, пристав имеет возможность незамедлительно противодействовать растрате, сокрытию или отчуждению имущества, а также замене арестованных вещей менее ценными.

В следственной практике нередки случаи, когда при аресте имущества нужно обращаться к нормам гражданского, семейного, исполнительного и иного смежного с ними законодательства. В этом случае имеющихся познаний и, самое главное, навыков дознавателю (следователю) может быть недостаточно. Приходится обращаться за помощью к лицам, прежде всего из ФССП России, которые в рамках своих должностных обязанностей выполняют именно такую работу. В отдельных ситуациях участие пристава становится обязательным для проведения ареста имущества [8]. Возникает вопрос: нужно ли наделять полномочиями того, кто заведомо будет вынужден обращаться за помощью к иному должностному лицу?

Относительно временного отстранения от должности как иной меры уголовно-процессуального принуждения отметим, что ее применение есть факт того, что подозреваемый (обвиняемый), наделенный должностным статусом, формально лишается права выполнять властные правоприменительные полномочия. Несмотря на то, что какого-либо запрета данная мера принуждения в себе не несет, все же судебное правоограничение необходимо исполнить. Однако ответственных за исполнение такого судебного решения законом не определено. Имеется также нормативное умолчание о необходимости надлежащего контроля за непосредственной реализацией наложенного правоограничения.

[1] С 1 января 2020 г. вступает в силу Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым судебные приставы-исполнители будут называться органами принудительного исполнения.

Передача полномочий по реализации решения о наложении ареста на имущество и временном отстранении от должности на стадии предварительного расследования судебным приставам-исполнителям будет способствовать эффективному применению достижений информационных технологий.

Всеобщая информатизация и построение информационного общества с единым информационным пространством, внедрение глобальных информационно-коммуникационных систем, преобладание электронного документооборота обязывают правоохранительные органы применять для нужд уголовного судопроизводства положения об «информационных системах», «компьютерных данных» и «электронном правосудии».

Уже сегодня правоприменитель в меньшей степени обязан лично искать имущество и совершать действия по непосредственному его аресту. Вовлекаются в правоотношения третьи лица, сотрудники государственных и негосударственных организаций, осуществляющих регистрацию и учет права (например, Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, ее территориальные органы, органы учета прав владельцев ценных бумаг, имущественных прав (прав требования), доверительных управляющих, банковских организаций, операторов электронных платежных систем, осуществляющих операции с электронными деньгами, нотариата, подразделений госорганов, осуществляющих лицензионно-разрешительную работу. В этом случае следователь перестает быть незаменимым, «двигателем» производства процессуального действия.

Вероятно, предстоит создавать единые базы данных, оперативно позволяющие мониторить и незамедлительно информировать органы предварительного расследования о поступлении на счет обвиняемого денежных средств или открытии им вкладов [5, с. 15], обосновывать необходимость наложения ареста на имущество, устанавливать его местонахождение и правовое положение, сокращать работу по непосредственному его аресту, минимизировать использование должностных полномочий в ущерб правосудию.

Полагаем, судебное решение об аресте имущества и временном отстранении от должности в дальнейшем будет реализовываться путем обращения к информационным ресурсам через должностных лиц – так называемых системных администраторов, блокирующих возможность изменения во владении, пользовании и распоряжении имуществом, запрещающих исполнять определенные служебные обязанности.

Информационные и коммуникационные технологии способствуют и будут способствовать изменениям как общественных отношений, так и различных институтов, имеющих отношение к правам и интересам личности, общества и государства, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Прогнозируется, что в ближайшем будущем появятся меры принуждения в отношении отдельных видов информации, информационных объектов, действий субъектов, таких как: «блокирование информационного ресурса, сайта и информации; установление обязанностей блокирования персональных данных; признание сайта в сети “Интернет” копией заблокированного сайта; ограничение доступа к копии заблокированного сайта и др.» [6, с. 12–13]. По нашему мнению, данный перечень правоограничений должен быть и по судебному решению, а исполнять его должны сотрудники ФССП России.

В случае перехода на полностью цифровое производство, управляемое интеллектуальными системами и постоянным взаимодействием с внешней средой, заинтересованные участники уголовного процесса получат доступ к судебной власти, инициируя (ходатайствуя) в том числе обеспечительные меры (современный аналог наложения ареста на имущество), получив новые возможности влияния на принятие процессуальных решений, последующий контроль за принятием решений и их исполнением [2, с. 138–140]. При этом предпочтительно, чтобы решение о правоограничении исполнял пристав-исполнитель, а следователь сосредоточил профессиональную деятельность на обосновании уголовного преследования и противодействия вышеуказанным лицам, злоупотребляющим своими процессуальными правами.

Изменения в объектах собственности также скорректируют применение рассматриваемых нами мер процессуального принуждения. Минимизация или отказ от наличных денег, переход на безналичные платежи или электронные деньги приведут к необходимости создания соответствующего поисково-блокирующего инструментария. И если не передать полномочия об исполнении ареста имущества приставам-исполнителям, то следователь будет вынужден отвлекаться от выполнения своих должностных обязанностей по осуществлению уголовного преследования.

Стороннее положение следователя в правоотношениях при исполнении наложения ареста на имущество и временного отстранения от должности позволит беспристрастно наблюдать за исполнением судебного решения, в какой-то мере оказывать помощь, а в отдельных случаях содействовать надлежащему контролю.

Судебным приставам-исполнителям при наложении ареста на имущество и временном отстранении от должности при реализации судебного правоограничения предстоит взаимодействовать с искусственным интеллектом, робототехникой и ины-

ми техническими достижениями, обусловленными, например, медико-правовыми предпосылками.

Именно достижения в области медицины вынуждают констатировать появление, пусть и не бесспорных, но неизбежно зарождающихся прав – «исключительные правопритязания личности на изменение и распоряжение своей телесной субстанцией» [4, с. 22]. Не оценивая с точки зрения личного отношения к этичности подобного новообразования, предполагаем, что в перспективе допустим вариант развития, когда общественное сознание будет вынуждено воспринимать человека как абсолютно самостоятельную биосоциальную субстанцию, сама личность будет идентифицировать себя подобным образом. В этом случае в правоотношениях произойдет перепрограммирование восприятия единства психической (душевной) и физической (телесной) сущности.

Современные технологии уже сегодня позволяют пользоваться технической возможностью манипулировать всей телесной составляющей, правда, без надлежащего правового регулирования. Общемировая тенденция предоставления «индивидууму права на модификацию собственного тела» [1, с. 8] приведет к тому, что перед российским уголовным судопроизводством возникнет необходимость обеспечительными средствами (по судебному решению) повлиять на действия подозреваемого (обвиняемого), желающего воспользоваться достижениями медицины и связанных с ней других наук. Уже сегодня поднимается вопрос о востребованности и самостоятельности группы прав человека: на генетические модификации (изменение генного кода, клонирование); репродуктивные; трансплантацию органов, тканей, клеток; смену пола (транссексуализм); изменение внешности (пластическая хирургия, иные формы модификации и реставрации тела); свободу выбора формы ухода из жизни (эвтаназия); участие в биомедицинских исследованиях и др. [1, с. 8; 4, с. 13]. По сути, правоограничение вышеперечисленных прав и интересов будет представлять собой меру процессуального принуждения, реализуемую специалистами по исполнению судебных решений.

Таким образом, должностные лица органов предварительного расследования должны сосредоточивать свои профессиональные усилия непосредственно на расследовании, на процессе доказывания. Исполнять судебное решение, состоящее в ограничении конституционных прав и интересов и непосредственно не представляющее собой действия по собиранию доказательств, логичнее передать тем лицам, в чьи должностные обязанности входит реализация правоограничений, предназначенных обеспечивать нормальный ход судопроизводства, одновременно приблизившись к единообразию правоприменительной практики.

Библиографический список

1. *Козлачкова Е. А.* Физическое лицо как субъект права : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Козлачкова Екатерина Анатольевна ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2014. – 24 с. – Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова.

2. *Масленникова Л. Н.* Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 / А. Н. Масленникова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6(103). – С. 137–146.

3. *Мотовиловкер Я. О.* Основной вопрос уголовного дела и его компоненты: вопросы факта и права / Я. О. Мотовиловкер. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. – 152 с.

4. *Нестерова Е. М.* Личностные (соматические) права в системе прав человека : специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук /

References

1. *Kozlachkova E. A.* An Individual as a Subject of Law. Moscow, 2014. 24 p.

2. *Maslennikova L. N.* Transformation of Pre-trial Proceedings into the Initial Stage of Criminal Proceedings, Providing Access to Justice in the Era of Industry 4.0. *Aktual'ny'e Problemy' Rossijskogo Prava.* 2019. No. 6(103). P. 137–146.

3. *Motovilovker Ya. O.* The Main Issue of the Criminal Case and Its Components: Questions of Fact and Law. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo Universiteta, 1984. 152 p.

4. *Nesterova E. M.* Personal (Somatic) Rights in the System of Human Rights. Moscow, 2014. 29 p.

5. *Podustova O. L.* Provision during the Preliminary Investigation of Compensation for the Victim of Harm Caused by the Crime. Moscow, 2019. 34 p.

6. *Savenkova D. D.* The Institute of Legal Responsibility in the System of Legal Support of Information Security in the Russian Federation. Moscow, 2019. 25 p.

7. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Website. URL: http://www.cdep.ru/ (accessed date: 01.10.2019).

Нестерова Елена Михайловна ; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва, 2014. – 29 с. – Место защиты: Рос. акад. народ. хоз. и гос. службы при Президенте Рос. Федерации.

5. *Подустова О. Л.* Обеспечение в ходе предварительного следствия возмещения потерпевшему вреда, причиненного преступлением : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Подустова Оксана Леонидовна ; Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя. – Москва, 2019. – 34 с. – Место защиты: Моск. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя.

6. *Савенкова Д. Д.* Институт юридической ответственности в системе правового обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации : специальность 12.00.13 «Информационное право» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Савенкова Дарья Дмитриевна ; Волжский университетт им. В. Н. Татищева. – Москва, 2019. – 25 с. – Место защиты: Моск. гос. юрид. акад.

7. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. – URL: http://www.cdep.ru/ (дата обращения: 01.10.2019).

8. *Тутынин И. Б.* Исполнение судебного решения о наложении ареста на имущество следует полностью возложить на судебных приставов / И. Б. Тутынин // Российский следователь. – 2009. – № 13. – С. 7–9.

9. *Шадрин В. С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений / В. С. Шадрин. – Москва : Юрлитинформ, 2000. – 230 с. – ISBN 5-93295-015-3.

8. *Tuty'nin I. B.* Enforcement of the Judgment on the Seizure of Property Should be Fully Entrusted to the Bailiffs. *Rossijskij Sledovatel'.* 2009. No. 13. P. 7–9.

9. *Shadrin V. S.* Ensuring the Rights of Individuals in the Investigation of Crimes. Moscow, Yurlitinform, 2000. 230 p. ISBN 5-93295-015-3.

Библиографическое описание статьи

Тутынин И. Б. Исполнение судебных решений на стадии предварительного расследования: проблемные вопросы корректировки полномочий / И. Б. Тутынин // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 111–115.

УДК 393.98

Щетнёв Леонид Евгеньевич,
начальник кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятий ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: Ls1974@mail.ru

Shhetnyov Leonid E.,
Head of Organization of Operational Penal Divisions Activities and Specialized Procedures Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Law), Associate Professor

Томилин Сергей Михайлович,
старший преподаватель кафедры организации деятельности оперативных аппаратов уголовно-исполнительной системы и специальных мероприятий ВЮИ ФСИН России
E-mail: tomilin1978@yandex.ru

Tomilin Sergej M.,
Senior Lecturer of Organization of Operational Penal Divisions Activities and Specialized Procedures Department of VLI of the FPS of Russia

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ «ПОЛУЧЕНИЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ»: СОДЕРЖАНИЕ, СТРУКТУРА, ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ

Operative-search Event «Receiving Computer Information»: Content, Structure, Technical Aspects

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы содержания и структуры оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» на современном этапе, а также технические аспекты его проведения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»; компьютерная информация.

Abstract. The article discusses the content and structure of the operative-search event «receiving computer information» at the present stage, as well as the technical aspects of its implementation.

Key words: crime detection; operative-search event «receiving computer information»; computer information.

Оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации» было введено в Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее: ФЗ об ОРД) Федеральным законом от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» (далее: ФЗ № 374). Законодатель предусмотрел данное оперативно-розыскного мероприятия (далее: ОРМ) в качестве самостоятельного в связи с развитием компьютерных технологий, формой предоставления оперативно значимой информации, которая обрабатывается электронно-вычислительными машинами (далее: ЭВМ), особенностями передачи данной информации между ЭВМ, объединенными сетевым пространством.

Для понимания структуры и содержания нового ОРМ «получение компьютерной информации» необходимо четко осознавать, что может относиться к компьютерной информации, которая может быть получена в рамках данного ОРМ на современном этапе развития компьютерных технологий и технических средств обработки и передачи данных.

На законодательном уровне понятие «компьютерная информация» нашло свое отражено в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее: УК РФ). Согласно прим. 1 к ст. 272 УК РФ под ней понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Однако, по нашему мнению, эта дефиниция не отражает всего объема данных, которые можно отнести к рассматриваемому понятию. Она в первую очередь отражает диспозицию нормы статьи УК РФ, предусматривающую уголовную ответственность за преступления в сфере компьютерных технологий, и никакого отношения к внутреннему строению и содержанию ОРМ «получение компьютерной информации» не имеет.

Для лучшего понимания сути компьютерной информации, которая может быть получена при проведении соответствующего ОРМ, необходимо обратиться к опыту международного сотрудничества Российской Федерации в сфере борьбы с компьютерными преступлениями. Так, в соответствии с Соглашением о сотрудничестве госу-

© Щетнёв Л. Е., Томилин С. М. 2019

дарств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (далее: Соглашение), заключенном в г. Минске 1 июня 2001 г., к компьютерной информации относится «информация, находящаяся в памяти компьютера, на машинных или иных носителях в форме, доступной восприятию ЭВМ, или передающаяся по каналам связи». Несмотря на более развернутое определение понятия «компьютерная информация», предложенное в этом Соглашении, оно все же не в полной мере отражает весь объем данных, которые можно получить в рамках ОРМ «получение компьютерной информации» и соответственно отнести к рассматриваемому понятию.

С учетом современного состояния технических средств обработки данных и средств коммуникации в области компьютерных технологий к компьютерной информации следует относить информацию, которая может храниться на всех современных видах носителей, таких как: жесткие магнитные диски, флэш-накопители, CD- или DVD-диски, – при этом сроки ее хранения на перечисленных носителях не ограничены. Следует также отметить, что компьютерная информация может иметь временный интервал хранения в составных частях системного блока (оперативная память, постоянное запоминающее устройство и т. д.) или периферийных устройств, подключенных к ЭВМ (факс, принтер, многофункциональное устройство и т. д.). Компьютерная информация, передаваемая между компьютерами с помощью сетей, организованных предприятиями, оказывающими услуги связи, может храниться на их серверах до шести месяцев с момента окончания их приема, передачи, доставки и (или) обработки, а факты соединения между абонентами, ее передающими, могут храниться до двенадцати месяцев. Данные сроки хранения устанавливаются ФЗ № 374.

С развитием современных технологий и средств коммуникации в области связи и интернет-соединений к компьютерной информации можно отнести информацию, содержащую не только сведения, переданные в виде электрических сигналов, сообщений (текст, видео, звук), но и данные, которые могут идентифицировать абонента (сведения, указанные при регистрации), включая информацию, передаваемую через сети мобильной связи при подключении к сети «Интернет» с мобильных устройств. В контексте вышеизложенного мы разделяем мнение тех ученых, которые считают, что понятие компьютерной информации, закрепленное в ст. 272 УК РФ, целесообразно изменить [2], и предлагаем изложить его в следующей редакции: «Под компьютерной информацией понимается информация, находящаяся в памяти компьютера, на машинных или иных физических носителях, которая доступна восприятию ЭВМ, и передающаяся в форме электрических сигналов по каналам связи с помощью электронных устройств (в том числе и мобильных устройств (телефонов) с установленными операционными системами Windows, Android и др.».

Принимая во внимание предложенное определение, под внутренним содержанием ОРМ «получение компьютерной информации» следует понимать совокупность действий, применяемых оперативными подразделениями для получения доступа к компьютерным данным, представляющим оперативный интерес и циркулирующим в компьютерных сетях.

К таким действиям, которые могут быть произведены в рамках ОРМ «получения компьютерной информации», можно отнести:

1. Использование специальных технических средств в системных блоках и периферийных устройствах ЭВМ, а также в серверном оборудовании предприятий, оказывающих услуги связи.

2. Использование программного обеспечения с незадекларированными возможностями.

3. Изъятие компьютерной информации, хранящейся в памяти компьютера, на машинных или иных носителях, а также серверах предприятий, оказывающих услуги связи в области сетевых технологий как путем удаленного доступа, так и с помощью физического непосредственного подключения к периферийным устройствам ЭВМ.

4. Использование программных средств восстановления удаленной компьютерной информации и т. д.

Это лишь частичный перечень действий, которые могут быть применены оперативными подразделениями при проведении ОРМ «получение компьютерной информации».

Таким образом, апеллируя к пониманию ОРМ «получение компьютерной информации», мы предлагаем в нормативных правовых актах, регламентирующих ОРД в Российской Федерации, закрепить следующее его определение: это совокупность действий, применяемых оперативными подразделениями для получения доступа к компьютерным данным, представляющим оперативный интерес и циркулирующим в компьютерных сетях, обрабатываемым ЭВМ и иными электронными устройствами с предустановленными операционными системами Windows или Android, и хранящимся на всех видах современных носителях, включая стационарную аппаратуру предприятий, оказывающих услуги связи области сетевых технологий и передачи данных.

При проведении данного ОРМ у оперативных подразделений могут возникнуть проблемы орга-

низационного и технического характера при получении компьютерной информации, если лица, представляющие оперативный интерес, используют средства криптографической защиты (аппаратура шифрования).

Современная криптографическая защита представляет собой совокупность методов преобразования компьютерной информации, направленных на то, чтобы сделать эти данные бесполезными для посторонних лиц. Такие преобразования позволяют решать вопросы, касающиеся безопасности информации, защиты конфиденциальности и целостности передаваемых данных.

Сам процесс шифрования при использовании средств криптографической защиты заключается в проведении обратимых математических, логических, комбинаторных и других преобразований исходной информации, в результате которых зашифрованная информация представляет собой хаотический набор букв, цифр, других символов и двоичных кодов. Для использования такой информации оперативные подразделения должны быть оснащены не только аппаратурой, позволяющей определить выбор преобразований на конкретных этапах алгоритма шифрования, но и ключ шифрования, который при этом был использован.

Современные комплексы, обеспечивающие криптографическую защиту информации, в простом понимании работы системы криптозащиты работают двумя комплектами, которые включают в себя шифрующее и дешифрующее устройства. Они, как правило, обладают рядом характеристик, которые необходимо учитывать при проведении и планировании ОРМ «получение компьютерной информации», среди них:

– защита внешнего периметра организованной комплектом шифрования сети от сетей общего пользования;

– создание VPN (Virtual Private Network – виртуальная частная сеть) между территориально распределенными сетями;

– защита сетевого трафика в мультисервисных сетях (video, conference);

– разделение сети на сегменты с различным уровнем доступа;

– организация защищенного удаленного доступа к сети для мобильных сотрудников;

– защита беспроводных сегментов сетей;

– организация защищенного межсетевого взаимодействия конфиденциальных сетей.

Современные ключевые схемы аппаратуры шифрования и криптозащиты, реализуя шифрование каждого пакета передаваемой информации на уникальном ключе (коде), обеспечивают гарантированную защиту от возможности дешифрации перехваченных данных. Даже изъятие жестких дисков с аппаратуры криптозащиты, которая использовалась при шифровании и организации защищенной передачи компьютерной информации не даст возможности ее использовать. Информация же, которая содержится на изъятых носителях, будет представлять собой, как отмечалось выше, хаотический набор букв, цифр, других символов и двоичных кодов.

В качестве примера такой аппаратуры можно привести аппаратно-программный комплекс шифрования «Континент». Находясь в разных областях нашей страны, используя уже существующие интернет-сети, с помощью данной аппаратуры можно организовать защищенные каналы связи, что в свою очередь может затруднить проведение рассматриваемого ОРМ.

Проведение ОРМ «получение компьютерной информации» – это достаточно сложный в техническом плане процесс.

Решение вопросов по организации и проведению ОРМ «получение компьютерной информации», на наш взгляд, может находиться в двух плоскостях. Первая – техническая, которая включает в себя постоянное сотрудничество правоохранительных органов с фирмами, производящими подобное оборудование. Такое сотрудничество возможно на стадии разработки и при обязательном предоставлении данными фирмами сведений о ключах шифрования и другой сопутствующей информации, которая позволила бы в полной мере реализовать все возможности по получению компьютерной информации.

Вторая – правовая, которая включает в себя создание и постоянное обновление баз данных пользователей данной аппаратуры с обязательным уведомлением правоохранительных органов о них и отнесением аппаратно-программных комплексов аппаратуры шифрования и передачи информации по кабельным, радио-, оптическим и иным линиям связи к числу продукции, свободная реализация которой запрещена.

В настоящее время дать более подробное описание всех особенностей практического осуществления ОРМ «получение компьютерной информации» не представляется возможным, поскольку пока отсутствует нормативное толкование его содержания, а практика его применения находится на стадии становления [1].

Между тем нужно отметить, что использование технических средств при проведении рассматриваемого ОРМ имеет безграничные возможности по получению оперативно значимой информации, представляющей интерес для правоохранительных органов в решении задач, стоящих перед ними. Единопонимание норм, регламентирующих порядок проведения ОРМ «получение

компьютерной информации», его структуры и содержания всеми сотрудниками органов, наделенных правом на осуществление ОРД, будет способствовать его более качественному проведению. Актуальность исследования данной темы не вызывает сомнения, и его продолжение будет полезно для всех правоохранительных органов, осуществляющих ОРД.

Библиографический список

1. *Осипенко А. Л.* Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы существования / А. Л. Осипенко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 3. – С. 83–90.

2. *Старичков М. В.* Понятие «компьютерная информация» в российском уголовном праве / М. В. Старичков // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2014. – № 1(68). – С. 16–20.

References

1. *Osipenko A. L.* New Crime Detection Event «Receiving Computer Information»: Content and Foundations of Existence. *Vestnik Voronezhskogo Instituta MVD Rossii.* 2016. No. 3. P. 83–90.

2. *Starichkov M. V.* The Concept of «Computer Information» in Russian Criminal Law. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo Instituta MVD Rossii.* 2014. No. 1(68). P. 16–20.

Библиографическое описание статьи

Щетнёв Л. Е. Оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание, структура, технические аспекты проведения / Л. Е. Щетнёв, С. М. Томилин // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 116–119.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

УДК 342.1

Богатырёв Валерий Викторович,
заведующий кафедрой международного права и внешнеэкономической деятельности Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ, профессор кафедры публично-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России
доктор юридических наук, профессор
E-mail: valerii.bg@mail.ru

Bogaty'ryov Valerij V.,
Head of International Law and Foreign Economic Affairs Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU, Professor of Public Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia
Doctor of Law, Professor

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Forms of State under Conditions of Globalization

Аннотация. В статье исследуется состояние современного этапа глобализации и прогнозируется новый этап ее расширения в соответствии с циклическим развитием сложных диссипативных систем, каковыми является любые социумы. Опираясь на цикличность и спиральность их развития, автор утверждает, что имперская форма государственно-территориального устройства после кардинального реформирования вновь станет основной, а национальные государства с федеративной формой государственно-территориального устройства являются переходными от унитарной к имперской.

Ключевые слова: форма государства; глобализация; федерация; империя; теория систем; диссипативная система.

Abstract. The article examines the state of the modern stage of globalization and a new stage of its expansion in accordance with the cyclical development of complex dissipative systems is being predicted, which are any kind of society. Based on the cyclical nature and spirality of their development, the author claims that the imperial form of state-territorial structure after a radical reform will again become the main one. It is proved that nation states with a federal form of state-territorial structure are transitional from unitary to imperial one.

Key words: state form; globalization; federation; empire; systems theory; dissipative system.

Процесс глобализации, который в течение длительного периода является парадигмой развития человеческой цивилизации, вносит серьезные изменения во все сферы человеческой жизни. Затрагивает он и существование одной из важнейших форм человеческой организации – государство. Исследователи глобальных процессов высказывали диаметрально противоположные точки зрения о дальнейшей его судьбе: от полного отказа от него [16] до формирования единого планетарного государства [21, с. 37–40]. Первая точка зрения, на наш взгляд, является абсурдной, так как полного отказа от государств, просуществовавших четыре столетия в качестве основной формы организации человеческого социума и доказавших свою эффективность, не предвидится. Второй подход гипотетически возможен, но в исторической перспективе представляется довольно отдаленным будущим. Сейчас стоит вопрос о том, какие промежуточные формы государства могут принимать под воздействием процесса глобализации уже в ближайшем времени, и почему они закономерны, исходя из синергетического видения мировых социальных процессов.

Прежде всего нужно отметить, что одним из ключевых направлений развития человеческой цивилизации является глобализации, под которой мы понимаем «многомерный, объективный процесс становления глобальной общности людей в масштабе всего человечества в единстве с природной сферой планеты Земля. Более детально и конкретно этот процесс происходит путем замещения локальных, изолированных форм и норм жизнедеятельности людей общемировыми, формирования единообразия; путем взаимодействия и взаимообусловленности различных сторон жизни отдельных компонентов, стран, народов и людей в рамках единого мира, в условиях распространения принципов свободы личности, а также открытости устранения барьеров для движения к установлению материальных, интеллектуальных, духовных, эстетических, этических и иных форм общения между людьми» [1, с. 1285–1286]. Данное явление объективно и закономерно, хотя на современном этапе четко просматривается как снижение, так и приостановление темпов расширения глобализации в большинстве регионов мира. Причем это состояние процесса планетной интеграции обусловлено закономерностями развития сложных социальных систем, определенных цикличностью их развития [24, с. 89–106].

Любая социальная система с точки зрения синергетики представляет собой сложную диссипативную систему, которая развивается под воздействием как внешней среды, с которой она постоянно обменивается энергией, веществом и

© Богатырёв В. В., 2019

идеями, так и внутренних процессов, зависящих от состояния и взаимодействия элементов, ее составляющих. При этом внешней средой предстают как другие диссипативные системы разных видов и классов, так и более крупные диссипативные системы, в структуру которых они входят сами, а движение любой социальной системы определяется ее начальным состоянием. С одной стороны, она внутренне развивается под воздействием хаотичного воздействия внешней среды, которая постоянно изменяется, а с другой стороны, обусловлено внутриэлементным взаимодействием составляющих его элементов, их качеством и реакцией на внешнее воздействие. Одним из главных качеств развития системы является заложенная в ее существование нормативность, что приводит к ее временной стабилизации в период жизненного цикла, описанного «параболой Таагеперы» как последовательной смены стадий подъема, становления и деградации. При этом цикл заканчивается или полным распадом системы в хаос, или переходом социальной системы на новый уровень развития, обусловленный кардинальным реформированием.

О цикличности исторического развития мирового социума писали многие ученые, среди них: Н. Я. Данилевский [10], К. Маркс [17], П. А. Сорокин [23], А. Тойнби [25], О. Шпенглер [27] и т. д. Ими было доказано, что социальные системы подвержены как влиянию макроциклов, которые идут в человеческой цивилизации вообще, и микроциклов, которые осуществляются в элементах, ее составляющих, и которые, накладываясь друг на друга, формируют линейное ее развитие [20]. Если бы цикличности и линейности в диссипативных системах не существовало хотя бы в течение непродолжительного времени ее существования, то динамики развития социальных систем от элементарных к сложным не существовало бы вовсе. Современное состояние процесса глобализации обусловлено вхождением в новый цикл развития сложных социальных систем, в которых период интеграции сменяется периодом дифференциации. На это указывал в своей монографии «Циклы и волны глобальной истории» российский политолог доктор философских наук В. И. Пантин [22], прогнозировавший возврат процесса глобализации после временного спада в новую интегративную фазу, но уже на новом уровне развития человеческой цивилизации, обусловленном спиральностью ее развития.

Волновая и фазовая модели развития характерны как для всего социума, так и для его составных частей. Существующее глобальное социальное общество состоит из трех взаимозависимых и взаимодействующих элементов: личностей – международного глобального общества – государств и международных межправительственных организации [7, с. 30]. При этом у них прослеживаются различные фазы волнового развития, обусловленные их внутренней структурой. Их взаимодействие может привести как к дисбалансу социальной структуры, который закончится распадом системы, так и к более тесной интеграции всех ее элементов, что будет способствовать ее устойчивости и развитию.

Одним из главных наиболее структурированных элементов глобальной социальной системы является государство, которое по своей сути представляет собой вершину социального взаимодействия. Именно государство обеспечивает устойчивость социальной системы, защищая ее от хаоса с помощью осуществления направленного нормативного управления. Так как отказаться от данного института социум не в состоянии, то, вероятнее всего, будет осуществляться реформирование данного института в соответствии с запросами как самих социумов, в структуре которых он функционирует, так и в соответствии с вызовами окружающей среды. Меняться будут цели, задачи, структуры и, разумеется, формы государственно-территориального устройства.

В современной теории государства раздел о формах государственно-территориального деления довольно хорошо разработан [5; 11; 12; 14; 19], но при этом, как считает Н. И. Грачев, явно просматривается «застой в отечественной теории государства, которая сформировалась под воздействием западноевропейской юридической идеологии» [8, с. 18]. Главной причиной, по которой сложившаяся система знаний уже себя не оправдывает, является «снижение эффективности классической модели национального государства» [4, с. 5] в условиях расширяющейся глобализации.

Снижение эффективности национальных государств обусловлено необходимостью создания более крупных государственных образований, нужных для решения глобальных проблем. Ярким примером является образование Европейского Союза (далее: ЕС), который потребовался европейским странам для объединения усилий в противостоянии как с Советским Союзом, так и с возрастающей экспансией Соединенных Штатов Америки. При этом до настоящего времени идут споры о природе данного объединения и его территориальной форме. Однако, как говорится, «все новое, это хорошо забытое старое», на что указала профессор Оксфордского университета Яна Зелёнки в своей книге «Европа как империя: природа расширенного Европейского Союза». Она характеризует ЕС как «нео-средневековую империю с характерной полицентричностью государственного

управления, разветвленной судебно-правовой системой, глубокой дифференциацией культурного и экономического контекстов, а также размытыми территориальными границами и четко распределенным суверенитетом» [13, с. 71]. Исходя из этого мы можем заключить, что на историческую арену опять возвращаются империи в качестве государственно-территориальных образований, но на новом, соответствующем запросам современного мира, уровне.

Данное утверждение легко проследить по генезису форм государственно-территориального деления [2] в мировой истории. Исторически первыми формами государственно-территориального устройства являются города-государства и империи: Хеттское царство создано в XIV–XIII вв. до н. э.; Египетское царство создано в 3000 г. до н. э.; Ассирийская империя создана в XVII в. до н. э.; Вавилонское царство создано в XVII–XVI вв. до н. э. и т. д. Затем в недрах имперских государств, в период позднего средневековья, зародились и сформировались, причем только на европейском континенте, национальные государства [18, с. 6], имеющие унитарную форму государственно-территориального устройства, а затем уже в XIX в. появились национальные государства с федеративными государственно-территориальными формами. Высказывается точка зрения, согласно которой империи вновь будут существовать в государственно-территориальном делении, хотя нужно отметить, что данная форма никогда и не исчезала [6]. Это положение подтверждается цикличностью и спиральным развитием социальных систем, в которых возврат к империям является закономерным этапом их развития.

Образование национальных государств – тоже закономерное явление, которое обусловлено особенностями развития уже самого человека как диссипативной самостоятельной системы. Особенно это просматривается на наиболее развитой части государственной системы – управляющей элите. Явно просматривается постоянный рост ее самосознания и, как следствие, расширение борьбы за обладание рычагами осуществления государственной власти. Так, в XIV–XV вв. уровень самосознания дворянского сословия, составляющего в этот период управленческую элиту различных этносов Западной Европы и обладающего, по образному выражению Льва Гумилева, пассионарностью [9], достиг таких высот, которые позволили не только осознавать свои желания и стремления к овладению государственной властью, но и дали возможность найти ресурсы по осуществлению борьбы за ее полное обладание. Главным противником в этой борьбе в данный период для них были клирики, представлявшие Священную Римскую империю и осуществлявшие государственную власть от имени Папы Римского в этнических образованиях. Для обоснования легитимности своей борьбы была выработана идеология «национализма» как высшей формы общественного единства, ее первичности в государствообразующем процессе, и «нации», которую могут обозначать как «государственную (граждан), так и этнополитическую общность» [4, с. 123].

Практика формирования национальных государств, активно развиваясь в Западной Европе вплоть до XX в., дала положительные результаты, что способствовало ее распространению и на другие регионы планеты – Америку, Африку и Азию. Однако при этом нужно согласиться с С. А. Богомоловым в том, что все попытки были неудачными, так как «незападные этносы не в состоянии организовать государства западного типа на своей территории» [3, с. 6]. По сути, это привело к дроблению крупных империй на неэффективные национальные государства, появлению псевдогосударств, росту вооруженных конфликтов, расширению транснациональной преступности и увеличению до катастрофических последствий неуправляемой миграции населения [Там же].

Необходимо заметить, что национальное государство по своей государственно-территориальной форме в чистом виде может быть представлено только в унитарной форме, так как нации компактно могут проживать только на ограниченной территории. Там, где население является полиэтническим, как в крупных государственных образованиях, возникают федерации, которые в чистом виде национальными уже не являются и по этому признаку ближе к имперской формой. В связи с этим обращаем внимание на точку зрения по данному вопросу профессора С. И. Каспэ, утверждающего, что «федерализм возник как суррогат империи – и растворяется в ней, когда империи возвращаются» [15, с. 27].

Возврат к имперской форме государственно-территориального устройства легко объяснить с точки зрения синергетического подхода. Дело в том, что главными элементами современной глобальной социальной системы являются государства, которые представляют собой диссипативные системы и которые взаимодействуют друг с другом. При этом они отличаются друг от друга величиной, качеством, структурой и мощностью. Все диссипативные системы обладают энергетическими полями, которые зависят от их величины и мощности. Именно благодаря им реализуется одно из главных качеств любых диссипативных систем – стремление их к усложнению, которое обеспечивается или притягиванием крупными мелких, когда малые государства попадают в зави-

симость от крупных при обмене с ними энергией, веществом и идеями, или объединением с ними в единое крупное образование. Данная теоретическая установка подтверждается процессами, происходящими в мировой социальной системе. Малые государства или втягиваются в сферу влияния более мощных государств, вступая с ними в союзнические отношения и подчиняясь им (примером является США и страны Латинской Америки), или объединяются с подобными государствами, создавая крупное государство, для того чтобы иметь возможность противостоять энергетическому полю сверхдержав (примером являются страны Европы, объединившиеся в Европейский Союз).

При этом, чем больше в государстве территорий и водящих в него этнических групп, имеющих даже номинальную государственность, тем в большей степени имеет место их неравенство в экономической, культурной и политических сферах, тем больше федерация как переходная форма превращается в империю. Доказано, что все крупные государства, существующие на планете, представляют собой страны, относящиеся к имперскому типу, хотя есть и исключения, ярким свидетельством тому являются Соединенные Штаты Америки [28].

При этом важно отметить, что существует точка зрения, согласно которой США тоже являются империей и империалистическим государством. Об этом, в частности, говорится в статье Е. В. Галушко «Империя и современный мировой порядок: позиционная игра на мировой шахматной доске» [6], а также в книге американского ученого А. Шлезингера «Циклы американской истории» [26]. Последний утверждал, что США добивается «беспрепятственной свободы для своей нации», рожая идею мессианизма и империализма [Там же, с. 87]. Мы не разделяем мнения этих уважаемых ученых, так как, на наш взгляд, произошло смешение понятий «империя» и «империализм». Империя представляет собой государственно-территориальное устройство, а империализм – внешнеполитический курс, выбранный и осуществляемый той или иной страной в международной социальной системе. Из этого следует, что империалистическую деятельность могут осуществлять не только империи, но и унитарные и федеративные государства. При этом необходимо отметить, что отчасти эти ученые правы в том, что имеет место тенденция к трансформации американского федерализма в имперскую государственно-территориальную форму [Там же].

Резюмируя все вышеизложенное, мы можем заключить, что федеративное государственно-территориальное устройство является временным промежуточным звеном между национальным унитарным государством и империей. Однако почему в современной социальной науке термин «империя» не только не изучается, но и не используется? Дело все в негативном восприятии империй исторической наукой и модой на идеологические модели. Многие государства, называемые сейчас федерациями, по сути своей являются империями. Таковыми является Российская Федерация, Филиппины, Великобритания и т. д.

Какие же признаки имперского государства делают его востребованным в эпоху регионализации и глобализации? Ответить на этот вопрос мы можем, опираясь на признаки империи, данные профессором Н. И. Грачевым:

1. Прежде всего это образования, обладающие большими размерами и всеми признаками государства: территорией, населением, государственной властью и суверенитетом.

2. Как правило, это государственно-территориальная форма локальной, региональной, а в перспективе глобальной человеческой цивилизации.

3. Это анизатопные образования, включающие в себя образования, имеющие разную степень политической, административной и правовой зависимости от верховной власти с сохранением в некоторых случаях их политической автономии или даже собственной государственности.

4. Это образования, имеющие суверенный центр с особым статусом, который доминирует при реализации имперской власти.

5. Это образования, имеющие систему базовых ценностей, убеждений.

6. Образования с особым распределением полномочий между верховной властью и периферийными образованиями [8, с. 21–25].

Исходя из вышеприведенных признаков, можно заключить, что на новом витке развития мировой социальной системы, обусловленной процессами глобализации, именно имперская форма государственности будет доминировать сначала на локальном и региональных уровнях, а затем, в перспективе, возможно, и на глобальном, так как ее признаки отвечают потребностям глобализирующегося мира. При этом национальные государства будут существовать параллельно, однако не будут являться определяющей формой государственно-территориального устройства.

Библиографический список

1. *Барлыбаев Х. А.* Глобализация как форма движения и развития социоприродного мира / Х. А. Барлыбаев // Вестник Башкирского университета. – 2010. – Т. 15, № 4. – С. 1285–1289.

2. *Богатырёв В. В.* Генезис государственно-территориального устройства: историко-теоретический анализ / В. В. Богатырёв // Вестник Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых. Серия «Юридические науки». – 2016. – № 4(10). – С. 5–13.

3. *Богомолов С. А.* Империя: исторический тип или современная форма государства? / С. А. Богомолов // Юридическая мысль. – 2011. – № 3(65). – С. 5–13.

4. *Босятский А.* Возникновение национального государства как государства современного типа / А. Босятский, В. Я. Любашиц, М. К. Филиппова // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. – 2015. – № 4(31). – С. 122–135.

5. *Валентей С.* Что сменит российский псевдофедерализм? / С. Валентей // Федерализм: Теория. Практика. История. – 2001. – № 1. – С. 5–10.

6. *Галушко Е. В.* Империя и современный мировой порядок: позиционная игра на мировой шахматной доске / Е. В. Галушко. – URL: https://docplayer.ru/32292738-Imperiya-i-sovrezhennyy-mirovoy-poryadok-pozicionnaya-igra-na-mirovoy-shahmatnoy-doske.html (дата обращения: 09.10.2019).

7. Глобализация как императив трансформации общества и государства : монография / В. В. Богатырёв, Р. Б. Головкин, Р. Х. Макуев [и др.] ; под общ. ред. В. В. Богатырёва. – Владимир : Шерлок-пресс, 2016. – 172 с. – ISBN 978-5-9908728-6-8.

8. *Грачев Н. И.* Империя как форма государства: понятие и признаки / Н. И. Грачев // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. – 2012. – № 2(17). – С. 18–27.

9. *Гумилёв Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – Санкт-Петербург : Кристалл, 2001. – 624 с. – ISBN 5-306-00157-2.

10. *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций / Н. Я. Данилевский. – Москва : Кн. по Требованию, 2014. – 594 с. – ISBN 978-5-4241-4597-1.

11. *Евсеенко Т.* Конфедерация как форма государственного устройства / Т. Евсеенко, Н. Солопова // Федерализм. – 2004. – № 1. – С. 47–64.

12. *Захаров А. Е.* Унитарная федерация: пять этюдов о российском федерализме / А. Е. Захаров. – Москва : Моск. шк. полит. исслед., 2008. – 142 с. – ISBN 978-5-93895-094-8.

13. *Зелёнка Я.* Европа как империя: природа расширенного Европейского союза / Я. Зелёнка // Вестник международных природных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2006. – Т. 1, № 5. – С. 70–72.

References

1. *Barly'baev Kh. A.* Globalization as a Form of Movement and Development of the Socio-natural World. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta.* 2010. Vol. 15. No. 4. P. 1285–1289.

2. *Bogaty'ryov V. V.* Genesis of the State-territorial Structure: Historical and Theoretical Analysis. *Vestnik Vladimirskogo Gosudarstvennogo Universiteta imeni A. G. i N. G. Stoletovy'kh. Seriya «Yuridicheskie Nauki».* 2016. No. 4(10). P. 5–13.

3. *Bogomolov S. A.* Empire: Historical Type or Modern State Form? *Yuridicheskaya My'sl'.* 2011. No. 3(65). P. 5–13.

4. *Bosyatskij A., Lyubashic V. Ya., Filippova M. K.* The Emergence of a National State as a State of the Modern Type. *Territoriya Novy'kh Vozmozhnostej. Vestnik VGUE'S.* 2015. No. 4(31). P. 122–135.

5. *Valentej S.* What will Replace the Russian Pseudo-federalism? *Federalizm: Teoriya. Praktika. Istoriya.* 2001. No. 1. P. 5–10.

6. *Galushko E. V.* Empire and the New World Order: Positional Game on the World Chessboard. URL: https://docplayer.ru/32292738-Imperiya-i-sovrezhennyy-mirovoy-poryadok-pozicionnaya-igra-na-mirovoy-shahmatnoy-doske.html (accessed date: 09.10.2019).

7. *Bogaty'ryov V. V., Golovkin R. B., Makuev R. Kh. et al.* Globalization as an Imperative of Transformation of Society and State. Vladimir, Sherlok-press, 2016. 172 p. ISBN 978-5-9908728-6-8.

8. *Grachev N. I.* Empire as a Form of State: Concept and Signs. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 5, Yurisprudenciya.* 2012. No. 2(17). P. 8–27.

9. *Gumilyov L. N.* Ethnogenesis and Biosphere of the Earth. Saint Petersburg, Kristall, 2001. 624 p. ISBN 5-306-00157-2.

10. *Danilevskij N. Ya.* Russia and Europe. Clash of Civilizations. Moscow, Kniga po Trebovaniyu, 2014. 594 p. ISBN 978-5-4241-4597-1.

11. *Evseenko T., Solopova N.* Confederation as a Form of Government. *Federalizm*. 2004. No. 1. P. 47–64.

12. *Zakharov A. E.* Unitary Federation: Five Studies on Russian Federalism. Moscow, Moskovskaya Shkola Politicheskikh Issledovanij, 2008. 142 p. ISBN 978-5-93895-094-8.

13. *Zelyonka Ya.* Europe as an Empire: the Nature of the Enlarged European Union. *Vestnik Mezhdunarodny'kh Organizacij: Obrazovanie, Nauka, Novaya E'konomika.* 2006. Vol. 1. No. 5. P. 70–72.

14. *Kazakov A.* Russian Ethnic Federalism: a Threat to the Integrity of the Country? *Federalizm.* 2004. No. 1. P. 31–46.

15. *Kaspe' S. I.* Surrogate of the Empire: on the Nature and Origin of the Federal Political Form. *Polis.* 2005. No. 4. P. 5–29.

14. *Казаков А.* Российский этнический федерализм: угроза целостности страны? / А. Казаков // Федерализм. – 2004. – № 1. – С. 31–46.

15. *Каспэ С. И.* Суррогат империи: о природе и происхождении федеральной политической формы / С. И. Каспэ // Полис. – 2005. – № 4. – С. 5–29.

16. *Лахман Р.* Будущее государства / Р. Лахман // Россия в глобальной политике. – 2015. – № 4. – URL: globalaffairs.ru/number/Buduschee-gosudarstva-17649 (дата обращения: 09.10.2019).

17. *Маркс К.* К критике политической экономии. Предисловие // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. – Москва : Госполитиздат, 1959. – Т. 13. – С. 5–9.

18. *Миллер А. И.* Империя и современный мир – некоторые парадоксы и заблуждения / А. И. Миллер // Политическая наука. – 2004. – № 3. – С. 4–11.

19. *Миронюк М.* Человеческое измерение федерализма / М. Миронюк // Полис. – 2003. – № 3. – С. 98–108.

20. *Могильницкий Б. Г.* Макро- и микроподходы в историческом исследовании (историографический ракурс) / Б. Г. Могильницкий // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 2(6). – С. 14–21.

21. *Остхоф-Мюнникс Г.* Мировое правительство: потребности и реальность / Г. Остхов-Мюнникс // Век глобализации. – 2013. – № 1. – С. 37–40.

22. *Пантин В. И.* Циклы и волны глобальной истории: глобализация в историческом измерении / В. И. Пантин. – Москва : Новый век, 2003. – 276 с. – ISBN 5-8235-0102-1.

23. *Сорокин П. А.* Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – Москва : Политиздат, 1992. – 543 с. – ISBN 5-250-01297-3.

24. *Ткаченко А. В.* Циклическое развитие российского общества / А. В. Ткаченко // Системная социология и психология. – 2014. – № 11. – С. 89–106.

25. *Тойнби А. Дж.* Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – Москва : Акад. проект, 2019. – 802 с. – ISBN 978-5-8291-2295-9.

26. *Шлезингер А.* Циклы американской истории / А. Шлезингер. – Москва : Прогресс, 1992. – 688 с. – ISBN 5-01-003551-5.

27. *Шпенглер О.* Закат Европы / О. Шпенглер. – Москва : Эксмо, 2009. – 800 с. – ISBN 978-5-699-15818-8.

28. *Verney L.* Federalist, Federative Systems, and Federations: The United States, Canada, and India / L. Verney // Publius: the Journal of Federalism. – 1995. – Vol. 25, № 2. – P. 70–88.

16. *Lakhman R.* The Future of the State. *Rossiya v Global'noj Politike.* 2015. No. 4. URL: globalaffairs.ru/number/Buduschee-gosudarstva-17649 (accessed date: 09.10.2019).

17. *Marks K.* Toward a Criticism of Political Economy. Foreword. *Marks K., E'ngel's F.* Works. In 30 vol. Moscow, Gospolitizdat, 1959. Vol. 13. P. 5–9.

18. *Miller A. I.* Empire and the Modern World – Some Paradoxes and Misconceptions. *Politicheskaya Nauka.* 2004. No. 3. P. 4–11.

19. *Mironyuk M.* The Human Dimension of Federalism. *Polis.* 2003. No. 3. P. 98–108.

20. *Mogil'niczkij B. G.* Macro- and Microapproaches in Historical Research (Historiographical Perspective). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta.* 2009. No. 2(6). P. 14–21.

21. *Ostkhof-Myunniks G.* World Government: Needs and Reality. *Vek Globalizacii.* 2013. No. 1. P. 37–40.

22. *Pantin V. I.* Cycles and Waves of Global History: Globalization in the Historical Dimension. Moscow, Novy'j Vek, 2003. 276 p. ISBN 5-8235-0102-1.

23. *Sorokin P. A.* Person. Civilization. Society. Moscow, Politizdat, 1992. 543 p. ISBN 5-250-01297-3.

24. *Tkachenko A. V.* The Cyclical Development of Russian Society. *Sistemnaya Sociologiya i Psikhologiya*. 2014. No. 11. P. 89–106.

25. *Tojnbi A. Dzh.* Comprehension of History. Moscow, Akademicheskij Proekt, 2019. 802 p. ISBN 978-5-8291-2295-9.

26. *Shlezinger A.* American History Cycles. Moscow, Progress, 1992. 688 p. ISBN 5-01-003551-5.

27. *Shpengler O.* Europe Sunset. Moscow, E'ksmo, 2009. 800 p. ISBN 978-5-699-15818-8.

28. *Verney L.* Federalist, Federative Systems, and Federations: The United States, Canada, and India. *Publius: the Journal of Federalism.* 1995. Vol 25. No. 2. P. 70–88.

Библиографическое описание статьи

Богатырёв В. В. Формы государства в условиях глобализации / В. В. Богатырёв // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 123–128.

УДК 340.111:37.0

Головкин Роман Борисович,
профессор кафедры теории и истории государства и права Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России доктор юридических наук, профессор
E-mail: golovkinrombor@mail.ru

Golovkin Roman B.,
Professor of Theory and History of State and Law Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU, Professor of State and Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia Doctor of Law, Professor

Манохин Виталий Сергеевич,
магистрант Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ, стажер адвоката
E-mail: vitalijmanohin@yandex.ru

Manokhin Vitalij S.,
Graduate Student of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU, Lawyer Intern

ЦИФРОВОЕ ПРАВО: РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Digital Law: Regulation of Educational Relations

Аннотация. В статье анализируются изменения образовательного процесса в цифровую эпоху. Для построения современного информационного общества целесообразно создать эффективную систему цифрового образования, которое будет вырабатывать у обучающихся необходимые компетенции. Для этого нужно законодательно закрепить такое понятие, как «цифровое образование», создать новые, цифровые, образовательные стандарты и изменить способы их реализации.

Ключевые слова: цифровое образование; цифровое правовое регулирование; цифровая экономика; цифровое право; образование.

Abstract. This article analyzes the changes in the educational process in the digital age. To build a modern information society, it is necessary to create an effective system of digital education, which will develop the necessary competencies for students. For this, it is necessary to legislatively consolidate the concept of «digital education», to create digital educational standards and change the way they are implemented.

Key words: digital education; digital legal regulation; digital economy; digital law; education.

Динамика общественных отношений, внедрение в повседневную жизнь достижений науки и техники требуют кардинального изменения системы правового воздействия на общественные отношения. Новое средство правового регулирования – цифровое право – становится необходимым атрибутом упорядочения общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности общества. В 2017 г. указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации. В целях ее реализации была разработана программа «Цифровая экономика Российской Федерации», на базе которой сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7. Одним из базовых векторов развития в данной программе указано образование. Несомненно, это важная составляющая информационного общества – воспитание поколения, знающего все нюансы цифровой экономики. Однако для этого необходимо активное реформирование всей системы образования: создание новых базовых компетенций и внедрение их в учебные планы, активное развитие дистанционного и электронного обучения, предоставление обучающимся возможности создания индивидуальных планов обучения и т. д. Все это требует особого урегулирования на законодательном уровне.

Цифровизация активно воздействует на сферу правового регулирования, потому что возникают новые явления, которые требуют упорядочивания [10, с. 10] и систематизации, в особенности это касается образовательной сферы, так как она составляет фундамент, создающий систему ценностных ориентиров у формирующихся личностей. Активное развитие цифровой сферы требует от права постоянного развития, создания новых институтов, дефиниций, инструментов для регулирования. Для развития цифровой экономики нужны высококвалифицированные кадры, обладающие высоким уровнем цифрового правосознания и обширными знаниями в сфере IT-технологий. Обучение таких специалистов должно происходить с использованием современных технологий и активного взаимодействия с цифровой средой. В связи

© Головкин Р. Б., Манохин В. С., 2019

с этим целесообразно сформировать и закрепить такое направление, как «цифровое образование».

Основным законом, регулирующим образовательную деятельность в России, является Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Он закрепляет основополагающие понятия, систему образования, уровни, органы государственной власти, ответственные за контроль и разработку методических рекомендаций [2]. В данном нормативном правовом акте также упоминаются дистанционные образовательные технологии и электронное обучение. Ключевым различием этих двух явлений выступает взаимодействие студента и преподавателя: в первом случае оно опосредовано, а во втором – непосредственное. Кроме того, согласно приказу Минобрнауки России от 23 августа 2017 г. № 816 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» существует отдельный перечень профессий, по которым нельзя проходить электронное обучение. Сами программы для такого образования формируются образовательной организацией высшего образования самостоятельно, а местом осуществления образовательной деятельности является место нахождения организации.

По мнению В. И. Солдаткина, нельзя говорить о «цифровом образовании», так как это понятие аналогично «электронному обучению», которое тоже несамостоятельно, а является в свою очередь одной из форм реализации образовательных программ [8, с. 266]. Однако мы не разделяем эту точку зрения, так как нельзя сравнивать данные дефиниции, поскольку электронное обучение – лишь форма реализации, а «цифровое образование» – самостоятельный процесс, который может осуществляться с применением дистанционных технологий [9, с. 411]. В данном случае реализовываться будут цифровые образовательные программы, которые предъявляют иные стандарты обучения, отличные от существующих программ обучения. Именно поэтому терминологически понятие «цифровое образование» шире.

Отдельно нужно сказать о существующей Концепции информационной безопасности детей на 2018–2020 годы, где указывается на необходимость обучения и воспитания детей с целью минимизации возможного ущерба в сети «Интернет». Общее образование – первый и наиболее значимый этап на пути формирования личности, поэтому пристальное внимание уделяется уменьшению негативной информации в цифровой среде. В нашей стране действует Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», который принят в целях противодействия негативной информации, а также создания единой системы возрастной маркировки. Многие исследователи безопасности детей в информационной среде отмечают, что именно Концепция информационной безопасности детей наиболее полно отражает задачи государственной политики, так как невозможно полностью защитить несовершеннолетних от вредной информации, необходимо обучить их работать в сети «Интернет» [1; 6]. Для этого требуется создать цифровые стандарты образования и серьезно усилить техническое оснащение школ.

Одной из ключевых инициатив государственной власти стали разработка и принятие национального проекта «Образование». Ключевым направлением деятельности можно выделить создание современной инфраструктуры и всестороннюю переподготовку и повышение квалификации педагогических работников. Задачей федерального проекта «Цифровая образовательная среда» как составляющей нацпроекта «Образование» является создание современной и безопасной образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней [3].

Большую актуальность приобретает правовое регулирование вопросов, связанных с «цифровым образованием», часть из которых непосредственно связана с системными проблемами Интернета. Так, обучающийся должен подтвердить свою личность, чтобы получить доступ к программам обучения, т. е. необходимо выработать механизм авторизации. При ответе им на контрольные или экзаменационные вопросы важно создать систему контроля, которая укажет, самостоятельно ли он выполнял эту работу. Помимо прочего, образовательным организациям приходится самостоятельно заботиться о защите персональных данных. 25 октября 2016 г. Правительством Российской Федерации в рамках реализации государственной программы «Развитие образования» на 2013–2020 годы был утвержден проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» [7], который был создан с целью объединения всех имеющихся онлайн-курсов на единой платформе. В настоящее время большая часть онлайн-обучения осуществляется путем проведения вебинаров и, к сожалению, их количество пока недостаточное.

Таким образом, для осуществления Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации необходимо на законодательном уровне урегулировать вопросы образования и подготовки высококвалифицированных кадров. Разработка и принятие закона «О цифровом образо-

вании в Российской Федерации» решили бы многие из вышеперечисленных проблем.

Прежде всего, в условиях цифровизации активно трансформируются все традиционные элементы образования. Появляется электронное обучение, идет активная компьютеризация и улучшается техническое оснащение всех общеобразовательных организаций. Так, по данным Высшей школы экономики, в 2017 г. на 100 школьников приходилось 13 компьютеров, а более 90 % школ имели постоянный доступ в Интернет [4]. Согласно национальному проекту «Образование» будет увеличиваться количество сельских школ, оборудованных современной материально-технической базой; увеличится скорость соединения с сетью «Интернет» во всех образовательных организациях (в городах – не менее 100 Мб/с, в сельской местности – не менее 50 Мб/с) [3]. Подобные изменения требуют трансформации существующих образовательных стандартов и программ, в особенности изменения порядка проведения камеральных проверок, которые позволяют оптимизировать надзор за осуществлением процесса обучения путем дистанционной проверки организаций. Все вышеназванные факты требуют прежде всего закрепления основополагающих понятий в законе «О цифровом образовании в Российской Федерации». При этом сформулированные дефиниции должны не только опираться на особенности регулирования цифровой среды, но и на понятийный аппарат, закрепленный в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации».

В связи с данными обстоятельствами предлагаем закрепить на уровне федерального закона ряд норм-дефиниций, составляющих основу цифрового образования. Во-первых, цифровое образование – это основанная на нормах права цифровая форма образовательной деятельности, выраженная в системе обучения с использованием инновационных цифровых технологий, выработки навыков работы в цифровой среде.

Как и классическое образование, цифровое образование должно сформировать определенные стандарты обучения, по которым человек и будет учиться взаимодействовать с цифровой средой: цифровой образовательный стандарт – это система предусмотренных законодательством обязательных требований к цифровому образованию по специальностям и направлениям подготовки, утвержденным образовательными организациями высшего образования; цифровая образовательная программа – это предусмотренный законодательством комплекс основных характеристик цифрового образования, который представлен в виде электронного учебного плана, образовательных цифровых платформ, содержащих рабочие программы и учебный календарь, а также автоматизированных систем проверки и оценивания знаний.

Кроме того, в дефинитивном правовом ряду следует определить и то место, где будет происходить обучение, т. е. целесообразно говорить об определенном цифровом ресурсе, на котором обучающийся будет получать все необходимые знания. В данном случае правильно будет их назвать цифровыми образовательными платформами – это закрепленные в законодательстве онлайн-платформы, созданные компетентными органами совместно с образовательными организациями и прошедшие государственную аттестацию, обеспечивающие взаимодействие субъектов цифрового образования, а также доступ к цифровым образовательным программам.

Во-вторых, такое понятие, как «субъекты цифрового образования» определяется в зависимости от способа их авторизации в системе цифрового образования, т. е. как обучающийся и педагогический работник будут подтверждать свою личность. Однако так как платформы будут создаваться на базе образовательных организаций, то необходимость аутентификации педагогического работника исчезает. Тем не менее определять субъектов цифрового образования целесообразнее через дефиниции, заложенные в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации», т. е. это обучающиеся и педагогические работники, зарегистрированные на цифровых образовательных платформах и подтвердивших свою личность.

В-третьих, имеет смысл закрепить правовое положение онлайн-курсов, так как их количество ежегодно растет, в связи с чем возникает особенная потребность в урегулировании данного явления. Онлайн-обучение за счет своей гибкости и разносторонности может существенно расширить кругозор обучающегося и дать знания и навыки из различных областей, при этом педагогический работник и обучающийся могут находиться в разных странах и лично не контактировать [9, с. 412]. Так, согласно некоторым исследованиям, рынок онлайн-образования увеличивается ежегодно на 60 %, а наибольший спрос приходится на курсы по иностранным языкам (в среднем люди тратят на них по 9 874 руб.); далее, согласно проведенному опросу около 40 % людей хотели бы в будущем обучаться онлайн [5]. В связи с этим необходимо законодательно урегулировать данный растущий рынок и закрепить правовое положение онлайн-курсов, избежав их строгого регламентирования. Наиболее правильно будет сформировать комиссию по сертифицированию таких образовательных программ и оценивать те знания и навыки, которые они могут дать.

В-четвертых, исходя из вышеизложенного, предлагаем сформировать и закрепить законода-

тельно цифровую платформу «Единое цифровое образование», которая содержала бы информацию обо всех сертифицированных онлайн-курсах, имеющихся цифровых образовательных программах. Данная платформа поможет всем желающим ориентироваться в многообразии существующих вариантов «цифрового образования».

С учетом изложенных предложений и умозаключений представляется, что основу организации и контроля цифрового образования составляет цифровое право, с помощью которого регулируются образовательные отношения. В связи с данным обстоятельством и для эффективной цифровизации образования важной задачей государства является принятие закона «О цифровом образовании в Российской Федерации», который необходим для подготовки высококвалифицированных кадров и дальнейшего развития цифровых отношений.

Библиографический список

1. *Бородин К. В.* Правовое обеспечение безопасности несовершеннолетних в сети «Интернет» / К. В. Бородин // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 25(380). – С. 58–59.

2. *Ломовцева Н. В.* Развитие цифровых образовательных технологий в контексте федеральных и национальных программ и проектов / Н. В. Ломовцева, О. В. Ушакова // Наука. Информатизация. Технологии. Образование. – Екатеринбург : РГППУ, 2019. – ISBN 978-5-8295-0623-0. – С. 110–115.

3. Национальный проект «Образование» // Минпросвещения России : [сайт]. – URL: https://edu.gov.ru/national-project/ (дата обращения: 01.11.2019).

4. Обеспеченность школ компьютерной техникой. – URL: https://ioe.hse.ru/news/204222268.html (дата обращения: 05.11.2019).

5. Онлайн-образование (рынок России). – URL: http://www.tadviser.ru (дата обращения: 01.11.2019).

6. *Рыдченко К. Д.* Понятие информационно-психологической безопасности несовершеннолетних в отечественной правовой системе / К. Д. Рыдченко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 176–182.

7. Современная цифровая образовательная среда. – URL: http://neorusedu.ru/ (дата обращения: 25.10.2019).

8. *Солдаткин В. И.* Цифровое образование в России: матрица невозможностей / В. И. Солдаткин // Человеческий капитал в формате цифровой экономики. – Москва : Рос. новый ун-т, 2018. – ISBN 978-5-89789-116-0. – С. 265–273.

9. *Фарафонтова Е. В.* Место цифрового образования в правовом поле России / Е. В. Фарафонтова, Д. А. Безуглов, А. В. Журавлев // Образование и наука в современных реалиях. – Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – ISBN 978-5-6040397-7-9. – С. 409–413.

10. *Хабриева Т. Я.* Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 5–16.

References

1. *Borodin K. V.* Legal Security of Minors in the Internet. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta.* 2015. No. 25(380). P. 58–59.

2. *Lomovceva N. V., Ushakova O. V.* The Development of Digital Educational Technologies in the Context of Federal and National Programs and Projects. *Science. Informatization. Technologies. Education.* Ekaterinburg, RGPPU, 2019. ISBN 978-5-8295-0623-0. P. 110–115.

3. National project «Education». *Ministry of Education of Russia.* Website. URL: https://edu.gov.ru/national-project/ (accessed date: 01.11.2019).

4. Provision of schools with computer equipment. URL: https://ioe.hse.ru/news/204222268.html (accessed date: 05.11.2019).

5. Online education (Russian market). URL: http://www.tadviser.ru (accessed date: 01.11.2019).

6. *Ry'dchenko K. D.* The Concept of Information and Psychological Safety of Minors in the Domestic Legal System. *Vestnik Voronezhskogo Instituta MVD Rossii.* 2017. No. 1. P. 176–182.

7. Modern digital educational environment. URL: http://neorusedu.ru/ (accessed date: 25.10.2019).

8. *Soldatkin V. I.* Digital Education in Russia: The Matrix of Impossibilities. *Human Capital in the Digital Economy Format.* Moscow, Rossijskij Novy'j Universitet, 2018. ISBN 978-5-89789-116-0. P. 265–273.

9. *Farafontova E. V., Bezuglov D. A., Zhuravlev A. V.* The Place of Digital Education in the Legal Field of Russia. *Education and Science in Modern Realities.* Cheboksary', CNS «Interaktiv Plyus», 2017. ISBN 978-5-6040397-7-9. P. 409–413.

10. *Khabrieva T. Ya.* Right to the Challenges of Digital Reality. *Zhurnal Rossijskogo Prava.* 2018. No. 9(261). P. 5–16.

Библиографическое описание статьи

Головкин Р. Б. Цифровое право: регулирование образовательных отношений / Р. Б. Головкин, В. С. Манохин // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 129–132.

УДК 349.6

Гудова Мэри Георгиевна,
аспирант 2-го курса
Курского государственного университета,
юрист Центра бесплатной юридической помощи
Курского регионального отделения
Ассоциации юристов России
E-mail: larwood@yandex.ru

Gudova Me'ri G.,
Post-graduate Student 2nd Course
of Kursk State University,
Lawyer of Free Legal Aid Center
of the Kursk Regional Branch
of the Russian Bar Association

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Environmental Crimes as an Object of Criminal Legal Protection: Brief Historical Excursion

Аннотация. В статье анализируется становление в России института экологических преступлений как объекта уголовно-правовой охраны. Автор посредством изучения трудов отечественных ученых, а также нормативных правовых актов, относящихся к различным историческим периодам, делает вывод о том, что данный институт сформировался в России к середине XIX в.

Ключевые слова: экологическое право; экологические преступления; теория государства и права; генезис уголовно-правовой охраны в сфере природопользования.

Abstract. The article analyzes the formation of the Institute of Environmental Crimes in Russia as an object of criminal law protection. Through a study of the works of domestic scientists, as well as regulatory legal acts relating to various historical periods, the author concludes that this institution had been formed in Russia by the middle of the XIX century.

Key words: ecological law; ecological crimes; theory of state and law; the emergence of criminal law protection in the field of environmental management.

Исследование любого правового института неразрывно связано с изучением его становления в контексте истории государства.

Анализируя последние политические тенденции, направленные на развитие экологического законодательства иностранных государств и Российской Федерации, а также повышенный общественный интерес к вопросам сохранения природных ресурсов, мы сформулировали следующие причины, которые возводят тему генезиса института экологических преступлений как объекта нашего исследования в ранг актуальных.

Во-первых, историческая ретроспектива позволяет детально изучить специфику генезиса и этапов развития определенного правового института, не только учитывая особенности отечественной правовой системы и менталитет народа, но и особенности функционирования данного института в рамках конкретного исторического периода, характеризующегося своими политическими, социальными, экономическими и другими условиями.

Во-вторых, по справедливому замечанию И. А. Соболя, изучение истории становления института экологических преступлений позволяет исследователям выявить «обусловленность экологических реформ историческим прошлым», чтобы учесть «опыт наших предшественников» [1].

Очевидно, что исторический экскурс, направленный на выявление особенностей генезиса экологических преступлений, даст возможность провести ряд параллелей и сравнений между прошлым данного института, анализируя отечественные законы различных исторических периодов, и его современным состоянием, что в свою очередь позволит определить методы его совершенствования.

Цель настоящей статьи – исследование вопроса о времени зарождения института уголовно-правовой охраны природных ресурсов, который в отечественной теории права остается дискуссионным.

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных ученых-юристов, прежде всего в сфере теории и истории государства и права, экологического права, а также уголовного права. В ходе подготовки статьи авторы обращались к работам: М. Б. Булгакова, В. И. Ивакина, О. И. Чистякова, А. А. Ялбулганова и др.

Анализ научной литературы по данному вопросу позволил дифференцировать превалирующие концепции ученых на две группы:

1. Определить точную дату установления уголовной ответственности за экологические преступления не представляется реальным в связи с тем, что невозможно определить первый нормативный правовой акт, который содержал санкции за правонарушения в области экологии, безопас-

© Гудова М. Г., 2019

ность природы охранялась еще нормами обычного права [7], в частности, народ коми охранял промысловую территорию.

2. Становление института уголовно-правовой охраны природных ресурсов произошло в середине XIX в.

Начнем анализ предложенных концепций в их исторической последовательности.

В догосударственный период, до конца IX в., в России вопрос о состоянии экосистемы не стоял, это было обусловлено отсутствием промышленного производства, а также развитого рынка продажи природных ресурсов. Бортничество, собирательство, сельское хозяйство и другие занятия народов, населявших в рассматриваемый период территорию России, не оказывали влияния на состояние экосистемы.

Ввиду отсутствия предпосылок для зарождения правил, охраняющих природные ресурсы, не могли быть приняты и санкции за экологические преступления в догосударственный период. Именно поэтому считаем, что позиция, изложенная в отечественной доктрине, относительно охраны безопасности природы нормами обычного права является ошибочной.

Приведенные теории являются наиболее распространенными и аргументированными, однако отметим, что отдельные авторы называют иные даты зарождения рассматриваемого института.

В частности, С. И. Голубев утверждает, что изначально нормы о защите природы следует искать в первом письменном памятнике отечественного права – «Русской правде» [3]. В качестве примера он приводит ст. 69 ее Пространной редакции, которая предусматривала санкцию за «покражу бобра» – штраф в размере двенадцати гривен. Аналогичные санкции были предусмотрены и в других статьях Пространной редакции: за нелегальный промысел ценных пород пушных зверей, «порчу княжеской борти с пчелами» и т. д. [9].

По мнению С. И. Голубева, расширительное толкование приведенной нормы позволяет говорить о прообразе норм, регламентирующих экологические преступления [3].

В свою очередь мы не разделяем позицию данного автора, поскольку «Русская правда» как первый свод законов на Руси характеризуется низким уровнем развития системы права. В этой связи вывод С. И. Голубева об интерпретации права на звериную и птичью ловлю как нормы, направленной на охрану и защиту животных ресурсов, является ошибочным.

Буквальное содержание приведенной нормы говорит о праве собственности человека на пойманную им добычу, а объектами уголовно-правовой охраны, по «Русской правде», выступают личность и собственность. Более того, в современном понимании хищение пойманной добычи квалифицируется как кража (ст. 158 УК РФ).

М. Б. Булгаков также придерживается аналогичной позиции: «“Русская правда” защищала владельческие права на природные объекты от посягательств на них третьих лиц» [2].

Подменяет понятия и ошибочно толкует волю законодателя и другой автор – В. И. Ивакин [5]. Он указывает на появление первых уголовно-правовых норм, объектом которых выступает охрана природы, в Соборном уложении 1649 г. [6, с. 85].

В частности, он считает, что в ст. 223 Соборного уложения 1649 г. воля законодателя направлена на охрану и защиту лесов от пожаров. Автор даже выделяет гипотезу – «кто учинит пожар в лесу, что зверь и птицы ис того лесу с тем пожаром отгонят…» и санкцию – «с того взяти пеня» [Там же]. По нашему мнению, приведенную норму целесообразно толковать буквально – как уничтожение имущества.

Нормотворчество в области охраны природных ресурсов начинает развиваться более активно в имперский период. Во времена правления Петра I выходит ряд указов, направленных на защиту отдельных естественных ресурсов: Устав о рыбной ловле 1704 г.; Указ о запрете сбрасывать мусор в реки и каналы 1718 г.; Указ о запрете засорения Невы 1719 г. [Там же, с. 87].

Однако надо отметить, что экологическая безопасность как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны в данный исторический период еще не сформировалась.

Объектом уголовно-правовой охраны с точки зрения науки уголовного права признаются общественные отношения, которым наносится вред преступлением. Соответствующий перечень объектов может различаться в зависимости от государства и конкретных исторических условий его развития, но основная группа объектов уголовного права остается неизменной на протяжении длительного периода.

Общепризнанным в теории права является учение об общественных отношениях как совокупности следующих трех составляющих:

1. Субъекты.

2. Предмет (вещь или благо, по поводу которой существуют отношения).

3. Содержание отношения: субъективные права и обязанности.

Исходя из приведенной концепции, можно сделать вывод о том, что в начале XVIII в. в Российской империи отсутствовали и права подданных и императора на благоприятную окружающую среду, и обязанности по поводу сохранения природных ресурсов. Иными словами, ответственность

за преступления в области экологии не могла появиться раньше, чем сформировалось экологическое законодательство.

В этой связи говорить о генезисе экологической безопасности как объекте преступления во времена правления Петра I не представляется возможным. По нашему мнению, законодательные акты Петра I в области экологии являлись предпосылками формирования института экологических преступлений как объекта уголовно-правовой охраны, однако зарождение этого института произошло позже.

На наш взгляд, появление экологических преступлений следует относить к середине XIX в., а именно: в первом уголовном кодексе в истории нашего государства – Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее: Уложение 1845 г.) – содержалось множество норм об экологических преступлениях.

Во-первых, в Уложении 1845 г. был специальный раздел «О нарушении правил для охранения чистоты воздуха и безвредности воды», регламентирующий составы различных преступлений, общественно опасными последствиями которых выступали загрязнения воздуха и воды.

Наказание было дифференцировано в зависимости от субъекта преступления:

1. Для подданного, не являющегося руководителем промышленного предприятия и совершившего преступление не в связи с деятельностью предприятия, вид наказания обусловливался степенью тяжести преступления: от штрафа в размере до ста пятидесяти рублей до тюремного заключения, ссылки в Сибирь и др.

2. Владельцы промышленных предприятий, загрязнявших водные объекты, атмосферный воздух, подвергались штрафу и аресту с обязанностью прекратить экологически вредное производство.

Во-вторых, уголовно-правовой охране с 1845 г. подвергались также и отношения в области лесного хозяйства, в частности, Уложение 1845 г. запрещало «порубку леса» под угрозой штрафа, тюремного заключения или ссылки в Сибирь.

Справедливости ради надо отметить, что в конце XIX в. уголовное законодательство в сфере природопользования не ограничивалось исключительно Уложением 1845 г. Были приняты и иные законы, которые предусматривали карательные санкции со стороны государства за нарушение правил природопользования, изложенных в них, в частности, закон 1853 г., запрещавший морской котиковый промысел. Лицам, нарушившим закон, грозило: тюремное заключение на срок от двух месяцев до одного года и четырех месяцев, с конфискацией орудий лова, добытых объектов животного мира, судна, а также груза и инвентаря [8, с. 141–147].

Уголовное уложение 1903 г. продолжило формирование системы уголовно-правового противодействия экологическим преступлениям, дополнив правила, установленные Уложением 1845 г., рядом новых статей. В частности, был расширен перечень экологических преступлений, большее количество объектов было взято под защиту, в том числе отдельные виды диких животных, молодняк птиц, места гнездования и др. [4, с. 127].

О становлении института уголовно-правовой охраны природопользования в середине XIX в. свидетельствует и интенсивное использование природных ресурсов, обусловленное ростом объемов промышленного производства, развитием транспортной инфраструктуры, а также появлением многообразных форм собственности на природные ресурсы.

Итак, именно в XIX в. Россия осознала глобальность экологических проблем, что нашло отражение в нормах отечественного законодательства.

Библиографический список

1. *Автономов С. В.* Развитие российского уголовного законодательства в сфере противодействия экологическим преступлениям: историческая динамика и тенденции / С. В. Автономов, И. А. Соболь // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 3. – С. 27–34.

2. *Булгаков М. Б.* Природоохранные акты: от Русской правды до Петровских времен / М. Б. Булгаков, А. А. Ялбулганов // Государство и право. – 1996. – № 8. – С. 141–146.

3. *Голубев С. И.* Экологическое преступление: в лабиринте определений / С. И. Голубев // Lex Russica. – 2017. – № 9(130). – С. 134–147.

References

1. *Avtonomov S. V., Sobol' I. A.* Development of the Russian Criminal Legislation in the Field of Combating Environmental Crime: Historical Dynamics and Trends. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii.* 2009. No. 3. P. 27–34.

2. *Bulgakov M. B., Yalbulganov A. A.* Environmental Acts: from Russian Truth to the Time of Peter. *Gosudarstvo i Pravo.* 1996. No. 8. P. 141–146.

3. *Golubev S. I.* Environmental Crime: in the Labyrinth of Definitions. *Lex Russica.* 2017. No. 9(130). P. 134–147.

4. *Denisova A. V.* Development of the Institute of Economic Crimes in Russian Criminal Law. *Realiza-*

4. *Денисова А. В.* Развитие института экологических преступлений в российском уголовном праве / А. В. Денисова // Реализация и защита экологических прав граждан. – Самара : Вектор, 2018. – ISBN 978-5-6041403-0-7. – С. 124–133.

5. *Ивакин В. И.* К вопросу формирования концепции юридической ответственности за земельные экологические правонарушения / В. И. Ивакин // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2006. – № 9-1. – С. 77–80.

6. История государства и права. Источники права, юридические памятники XI–XX вв. – Москва : Манускрипт, 1995. – 256 с.

7. *Краснощеков Г. П.* Становление экоправа в России / Г. П. Краснощеков // Известия Самарского научного центра РАН. – 2000. – № 2. – С. 56–60.

8. Памятники русского права. – Москва : Госюриздат, 1957. – Вып. 6. – 512 с.

9. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. – Москва : Юрид. лит, 1984. – Т. 1. – 987 с.

tion and Protection of Environmental Rights of Citizens. Samara, Vektor, 2018. ISBN 978-5-6041403-0-7. P. 124–133.

5. *Ivakin V. I.* On the Issue of the Formation of the Concept of Legal Liability for Land Environmental Offenses. *Izvestiya Orenburgskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo Universiteta.* 2006. No. 9-1. P. 77–80.

6. History of State and Law. Sources of Law, Legal Monuments XI–XX Centuries. Moscow, Manuskript, 1995. 256 p.

7. *Krasnoshhekov G. P.* The Establishment of Environmental Law in Russia. *Izvestiya Samarskogo Nauchnogo Centra RAN.* 2000. No. 2. P. 56–60.

8. Monuments of Russian Law. Moscow, Gosyurizdat, 1957. Iss. 6. 512 p.

9. Russian Legislation of the X–XX Centuries. In 9 vol. Vol. 4. Ed. by O. I. Chistyakov. Moscow, Yuridicheskaya Literatura, 1984. 987 p.

Библиографическое описание статьи

Гудова М. Г. Экологические преступления как объект уголовно-правовой охраны: краткий исторический экскурс / М. Г. Гудова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 133–136.

УДК 34.038

Гюльвердиев Раму Беюкханович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: rm1002@mail.ru

Gyul'verdiev Ramu B.,
Post-graduate Student of Theory and History of State and Law Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU

Павелина Татьяна Геннадьевна,
старший преподаватель кафедры государственного права и управления таможенной деятельностью Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: pavelinatatiana@gmail.com

Pavelina Tat'yana G.,
Senior Lecturer of State Law and Management Customs Activities Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕНЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВО-ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Legal Convergence: Some Linguistic and Legal Aspects of Economic Security

Аннотация. В статье авторы рассматривают вопросы, посвященные юридической конвергенции в сфере экономической безопасности, ее лингво-юридическим аспектам.

Ключевые слова: юридическая конвергенция; юридическая глобализация; экономическая безопасность.

Abstract. In the article the authors consider issues related to legal convergence in the field of economic security, its linguistic and legal aspects.

Key words: legal convergence; legal globalization; economic security.

Развитие права в русле коренных преобразований системы российского законодательства, усиливающихся процессов глобализации и интеграции является импульсом к переосмыслению уже существующих юридических средств и поиска новых, отличающихся наибольшей эффективностью, правовых механизмов, отвечающих требованиям современного общества и адаптируемых к существующим реалиям отечественной правовой действительности.

Произошедшие резкие изменения внешней конъюнктуры и введенный санкционный режим против России на политико-экономической арене лишний раз обозначили важность преобразования системы импортозамещения и поддержки несырьевого экспорта. Об этом В. В. Путин заявил на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам [4]. В ряде отраслей российской экономики накоплен значительный и при этом нереализованный экспортный потенциал (в частности, авто- и авиапром, сельскохозяйственное и железнодорожное машиностроение), который может стать звеном в цепочке смежных производств тяжелой, легкой промышленности, транспорта.

Согласно данным, представленным Федеральной службой государственной статистики и Центральным банком, в России наблюдается положительная динамика внешнеторговых показателей, которые за I квартал 2019 г. составили 157,7 млрд долл. (99,1 % к I кварталу 2018 г.), в том числе экспорт – 102,0 млрд долл. (100,3 %), импорт – 55,7 млрд долл. (97,0 %). Сальдо торгового баланса оставалось положительным – 46,3 млрд долл. (в I квартале 2018 г. – положительное – 44,2 млрд долл.) [10] (рис. 1).

Практика Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (далее: МКАС при ТПП РФ) свидетельствует о том, что лидирующая роль среди различных видов внешнеэкономических сделок принадлежит внешнеторговому контракту купли-продажи товаров (поставки). Путем его заключения и исполнения осуществляется большая часть внешнеторгового обмена России [3, с. 54–64]. Так, в соответствии с официальной статистикой МКАС, внешнеторговый контракт как основание исков, поступивших на рассмотрение в арбитраж в 2018 г., составлял 72,0 % [13] (рис. 2). В связи с этим все большее значение с теоретической и практической сторон приобретает технико-юридический анализ международного договора поставки (далее: внешнеторговый контракт, международный договор купли-продажи).

Внешнеторговый контракт призван регулировать гражданско-правовые отношения между контрагентами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах. В зависимости от предмета, сделки могут содержать обязательство по купле-продаже товаров, услуги либо про-

© Гюльвердиев Р. Б., Павелина Т. Г., 2019

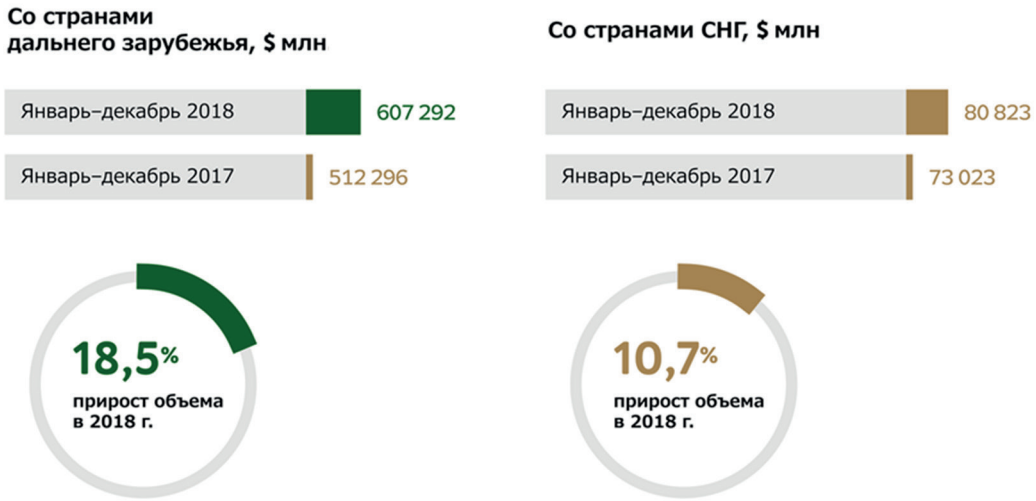

Рис. 1. Динамика внешнеторгового оборота России с основными торговыми партнерами в 2017–2018 гг.[1]

[1] Диаграмма подготовлена на основе данных Федеральной службы государственной статистики «О состоянии внешней торговли в 2018 году» (URL: www.gks.ru (дата обращения: 10.10.2019).

дуктов творческой деятельности. Такое разноплановое содержание влечет за собой изменение структуры и языкового наполнения формы сделок. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров, заключенная в Вене 11 апреля 1980 г., содержит стержневые положения, касающиеся договора международной купли-продажи товаров, и в значительной мере унифицировала положения и текстовое обрамление контракта. Однако каждый конкретный договор может иметь как схожий с другими «скелет», так и содержать индивидуальные позиции, таким образом представляя собой оригинальный текст со своей лексической насыщенностью и вариативностью [2, с. 64–65].

Отличительная черта внешнеторгового контракта заключается в том, что его сторонами выступают представители различных правовых систем, явившихся результатом исторической эволюции, со свойственной им уникальностью социокультурной и языковой природы. Дву- или многоязычие контракта – это одна из основных трудностей, с которой сталкиваются контрагенты при оформлении сделки. В зависимости от количества

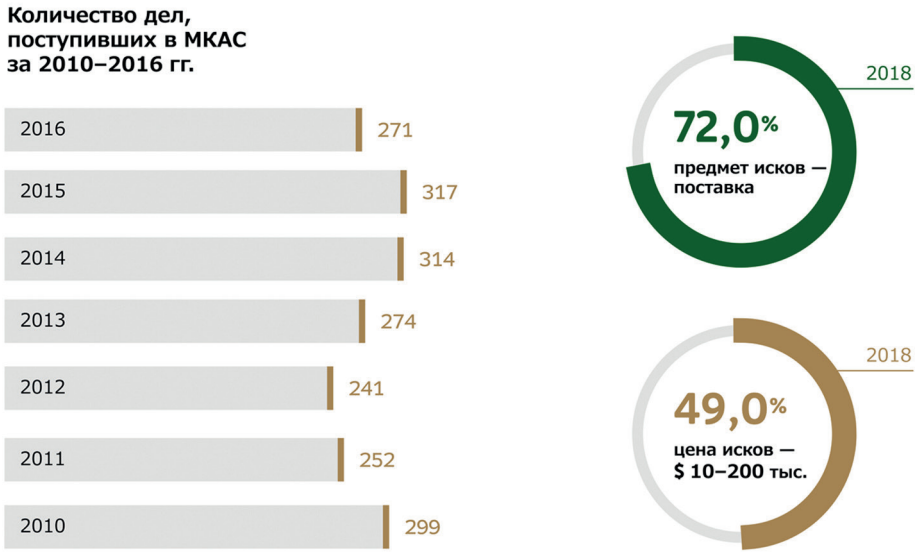

Рис. 2. Некоторые статистические данные МКАС при ТПП РФ за 2010–2018 гг.[1]

[1] Диаграмма подготовлена на основе данных МКАС при ТПП РФ (URL: www.mkas.tpprf.ru (дата обращения: 10.10.2019).

участников, он может составляться на двух и более языках, а добиться аутентичности каждой версии – довольно сложно. По этой причине не угасает интерес к переводоведению и терминообразованию, основывающихся на конвергенции национально-культурных концептосфер, правовых и лингвистических методов.

При переводе контракта возникают определенные сложности с понятийно-терминологическим аппаратом, который может пониматься сторонами исходя из признаков национально-юридического языка, и, как верно отмечает профессор И. И. Лукашук, в данном случае важно учитывать лингво-юридический аспект [7, с. 351]. Прежде всего это отсутствие готовых или установленных аналогов, невозможность в некоторых случаях воспроизвести точный перевод, полностью репрезентирующий текст оригинала. Здесь необходимо следовать определенным принципам и особенностям юридического дискурса при структурно-семантическом анализе каждой терминологической единицы – многозначность составляющих ее компонентов; несовпадение подходов к одним и тем же правовым явлениям; лингвокультурные различия наций; речевые привычки носителей языка; прагматический потенциал в целом – без нарушения адекватного и полноценного восприятия правового документа [15, с. 190–194].

Словарей обычно бывает недостаточно для такого перевода: в общеязыковых словарях отсутствуют многие термины, а специальные не содержат лексики, которая является основой для построения устойчивых фраз. В этом контексте отметим, что британский ученый Б. Рассел, рассматривая вопрос о разграничении общественно санкционированного значения слова (т. е. словарного) и того смысла, который подразумевается индивидом в речевом акте, указывает: «…хотя словарь или энциклопедия дают нам то, что может быть названо официальным или общественно санкционированным значением слова, нет двух людей, которые в своем сознании вкладывают в одно и то же слово одинаковое содержание» [11, с. 88]. Отдавая предпочтение овладению не только терминами и терминологическими сочетаниями, но и принятыми в практике каждого языка формами изложения, можно добиться двуязычной соотнесенности, коммуникативной эквивалентности текстов, в наибольшей степени отражающей оттенки значения слов.

В этом состоит многоаспектность изучения проблем юридического перевода, которая обусловливает использование комплексной методики анализа. Перевод как акт социальной медиации, межъязыковой коммуникации является главным объектом гуманистических исследований. Перед переводчиком стоит задача понимания того или иного текста, чтобы представить его содержание на другом языке, для читателей другой культуры. И это помещает наш теоретический подход в парадигму философской герменевтики. С герменевтической точки зрения перевод носит медиальный характер и образует новую формулировку послания, понимаемого на основе предметных знаний, культурного сознания и стилистического мастерства. На рубеже XX–XXI вв. внимание специалистов концентрируется на межкультурной коммуникации как научной дисциплины, которой имманентно присущи элементы филологии, социолингвистики, теории языковых контактов, когнитивистики и др. Переосмысление роли языка как важнейшей знаковой системы послужило концептуальной реакцией формирования лингвистической герменевтики.

Для современного мира языковой действительности характерна тенденция к конвергенции. Конвергенция – процесс взаимодействия языковых систем либо их составных частей, характеризующийся сближением, нивелированием различий между ними, увеличением согласованности и взаимосвязанности. Она стала последствием эпохи стремительных трансформаций, которую переживает наше общество (международная экономическая интеграция, развитие информационно-коммуникационных технологий, глубинные изменения социальной структуры и т. д.) (рис. 3). Особенно отчетливо мы можем наблюдать ее на примере английского языка, поскольку именно он с конца XX в. занимает позицию ведущего языка международного общения. В связи с этим предметом многих исследований становятся факторы, детерминирующие статус английского языка как «глобального».

Профессор Гавайского университета (США) М. Б. Стегер указывает на снижение количества разговорных языков в мире. По его словам, в XVI в. их насчитывалось примерно 14 500, к концу XX в. – 6 700, в 2016 г. – 6 400. Из них 50–90 %, по прогнозам некоторых лингвистов, к концу XXI в. будет искоренено [21].

Несколько подробнее остановимся на этой проблеме и выделим три злободневные дихотомии «англогизации» языковой картины мира.

1. Это мощный инструмент внешней политики государств и мировой экономики или опасный механизм экспансии, влекущей потерю самобытности и неповторимости национальных языков?

2. Господство английского языка способствует межкультурному диалогу и взаимообмену или это империалистическая и гомогенизирующая сила, наносящая ущерб целостности национальных культур и их многообразию?

Рис. 3. Рабочий процесс языковой конвергенции

3. Расцвет английского языка – феномен lingua franca[1], который может дать косвенный эффект: вызывая ответную реакцию, побуждать различные языковые группы к сохранению собственной идентичности, или же он потенциально более опасен ввиду длительности доминирования и постоянства?

Профессор кафедры английского языка в Копенгагенской школе бизнеса (Дания) Р. Филлипсон, размышляя на эту тему, отмечает, что английский язык приобрел наркотическую силу во многих частях мира, и эта зависимость имеет долгосрочную перспективу, последствия которой трудно спрогнозировать [20].

Для России «английский акцент» стал характерен после выхода из коммуникативной изоляции на постсоветском пространстве, когда в русский язык бурным потоком устремились англицизмы, что неизбежно ведет к обострению «системного кризиса». В рамках круглого стола «Кризис русского языка и культуры – есть ли свет в конце туннеля?», который был организован 4 июня 2014 г. Пермским научным центром Уральского отделения РАН российский лингвист А. П. Чужакин, дискутируя об излишнем заимствовании и адаптации англосаксонской культуры, ключевую роль отводит журналистам: «Они не понимают, что нельзя механически переносить на родную почву английские слова и конструкции, хотя русский язык гибок и, в отличие от других языков, легко впитывает иностранные слова» [12, с. 67–68]. В духе языкового пуризма неоднократно высказывался и лидер ЛДПР В. В. Жириновский, выступая с инициативой «об очистке русского языка» [6].

В последнее время многие страны предприняли попытку обеспечить равные языковые условия путем соблюдения стандартов качества и этических норм среди специалистов посредством таких законодательных актов, как, например, в США – Закон о переводчиках Федерального суда.

В феврале 2012 г. Американская ассоциация юристов разработала стандарты, направленные на преодоление языкового барьера в судах – оказание содействия лицам с ограниченным знанием английского языка в эффективном доступе к судебной системе.

Европейский Союз (далее: ЕС) является прекрасным примером концепции глобализации и связанных с ней проблем многоязычных государств или организаций в несколько меньшем континентальном масштабе. В ЕС существует двадцать четыре официальных языка [16], которые являются национальными языками каждого государства-члена.

Такая плюралистическая политика часто порождает терминологическую непоследовательность и несогласованность в директивах ЕС, что может представлять угрозу для трансграничных операций [19, p. 9]. Иногда судьям предлагается толковать варианты правил и директив ЕС на нескольких языках и выносить заключение, ко-

[1] Лингва франка (итал. lingua franca франкский язык) — язык, используемый для общения между группами людей, говорящих на разных языках. Международное бизнес-сообщество рассматривает английский язык как лингва франка.

торое препятствует возникновению коллизий между различными аутентичными версиями документов.

В данных условиях указанные проблемы вызвали оживленную дискуссию о решающей роли языка в процессе гармонизации и необходимости общеевропейского юридического языка в качестве предпосылки конвергенции в области частного права.

В целях гармонизации частного европейского права, особенно договорного права, Европейская комиссия приступила к созданию долгосрочного проекта, известного как Common Frame of Reference, CFR.

В декабре 2007 г. Рабочая группа по созданию Европейского гражданского кодекса совместно с Группой по исследованию действующего частного права ЕС опубликовали документ с оригинальным названием Draft Common Frame of Reference, DCFR – «Проект общей справочной системы» [8]. Он был необходим для оптимального решения проблем частного права, острых вопросов согласованности и адекватности законодательства ЕС. Развернулись дебаты как на юридическом, так и на лингвистическом фронтах относительно перспектив общеевропейского языка. Некоторые специалисты также выразили надежду на плодотворность результатов работы двух групп, которая поспособствует созданию взаимных стимулов для развития национальных систем частного права государств-членов и, как результат, образованию нового ius commune europaeum.

Сьюзен Шарчевич, исследователь юридического перевода, в своей статье «Создание общеевропейского юридического языка» [22], рассматривая DCFR и его цели, отмечает, что такие радикальные изменения в рамках DCFR сомнительны ввиду отсутствия единой культуры и юридического языка в настоящее время. Проблема с гармонизацией правовых стандартов, предложенных DCFR, заключается не только в несогласованности терминологии разных языковых версий, но, в более широком смысле, – в отсутствии единообразных концепций на уровне ЕС, особенно в потребительском праве.

Это также свидетельствует о том, что не существует чисто «европейской» культуры, самобытности или образа мышления, которые бы помогли создать аналогичный общий юридический язык, а точнее, право ЕС в значительной степени зависит от условий и концептуальных установок национальных правовых систем государств-членов.

Даже если ЕС мог бы каким-то образом создать или принять решение об общем языке, многие ученые-юристы твердо убеждены в том, что это должен быть нейтральный метаязык с общими правовыми концепциями, отделенными от их национальных законов, правовых языков и культур.

Некоторые авторы также полагают, что создать совершенно новый язык будет проще, чем «синхронизировать использование одного языка и его юридической терминологии в разных государствах» [18].

В любом случае изучение как права, так и языка, в совокупности выступающих предметом междисциплинарных исследований, остается крайне важным для дальнейшей гармонизации в сфере частного права и юридическом языке в целом. Другой проблемой в поисках согласованности директив ЕС является отсутствие нейтральной терминологии из-за различий в системах гражданского и общего права и индивидуальных национальных толкований.

Кажущиеся простыми термины, такие как «добросовестность», могут не иметь общих определений и интерпретаций, и их перевод приводит только к большей непоследовательности и путанице, поскольку значение на одном языке порой трудно согласовать с другим. Аналогичным образом проблема полисемии, распространенная в юридическом языке, также возникает в этом контексте, когда несколько слов выражают одно и то же понятие в разных местностях.

Цель DCFR состояла в том, чтобы освободить английский язык от его «багажа» общего права, сделав его одинаково приемлемым для системы как гражданского, так и общего права. Однако многие юристы высказались против подхода DCFR, считая, что Европа стремится «цивилизовать» общее право.

Многие предпочитают сохранять идентичность своего национального законодательства, языка и культуры. В связи с этим некоторые ученые высказывали предположение о том, что DCFR служит в качестве факультативного инструмента независимого режима договорного права, который стороны трансграничного договора могут использовать по своему усмотрению, но это также вызвало неменьшую критику. Правительство Соединенного Королевства даже назвало этот вариант «эсперанто-подходом», заявив, что «он будет неудобным и незнакомым для всех» [24].

Принимая во внимание современное состояние глобализации, важность и риски, связанные с переводом и толкованием юридического языка, а также дискуссии об общеевропейском языке, представляется вполне естественным задаться вопросом о том, может ли существовать глобальный юридический язык или подлинный глобальный лингва франка. Существует точка зрения, согласно которой такая идея является не более чем продолжением амбиций ЕС и проекта метаязыка CFR,

и, по общему признанию, аналогичная концепция была опробована в форме нейтральных универсальных вторых языков, таких как эсперанто, с относительно небольшим успехом [17].

Преимущества глобальной юридической языковой структуры очевидны, поскольку они могут быть экстраполированы из модели меньшего масштаба на примере ЕС. Использование метаязыка, или общего языка, в глобальном масштабе позволит сократить операционные издержки транснациональных сделок за счет создания общепризнанной правовой структуры и лексики, а также за счет сокращения потребности в письменных и устных переводчиках.

Это способствовало бы глобализации путем поощрения передачи товаров и идей и теоретически могло бы способствовать созданию глобальной культуры, с которой мог бы быть связан язык.

Вместе с тем сохраняются некоторые внутренние препятствия для принятия или создания нейтрального глобального языка. Многие из проблем, отмеченных в примере DCFR EC, проявляются и здесь: многозначность, избыточность и отсутствие общих концепций. Одним из главных сдерживающих факторов является активная политика государств по завоеванию международного языкового господства: оно обеспечивает значительную власть доминирующим языковым странам. С помощью языковых средств они могут оказывать большое политическое, экономическое и культурное влияние на международной арене. В то же время граждане этих стран пользуются значительным преимуществом в различных переговорах: риторика кого-либо, говорящего на своем родном языке, всегда более убедительна, чем риторика на языке, которым человек владеет не в полной мере.

Кроме того, невозможно рассматривать данный вопрос вне системного контекста. Это актуализирует вопрос о системах гражданского права и общего права (не говоря уже о других существующих правовых системах), как отмечалось вскользь в контексте DCFR EC. Основы гражданского права и систем общего права во многих отношениях настолько различны, что часто возникают концептуальные сложности, которые трудно преодолеть. Английские системы, в частности, исторически связаны с общим правом. И наоборот, большая часть остального мира придерживается системы гражданского права, где отсутствуют суды справедливости, а прецедентное право выступает в качестве вторичного источника толкования. Перевод некоторых терминов на новый язык может оказаться проблематичным даже между сторонами, придерживающимися одной системы.

Быстрый рост и развитие английского языка в последние годы сделали его лучшим кандидатом на глобальный юридический язык. В то время как превалирующее большинство людей на планете говорят на китайском языке (1,3 млрд чел.), английский остается официальным языком в восьмидесяти семи странах и регионах мира и обычно считается наиболее широко используемым вторым и изучаемым языком в мире.

Однако доминирование очень редко сопровождается нейтралитетом, необходимым для такой лингвистической роли, как глобальный юридический язык.

Гегемонистская мощь США и общественное мнение страны во всем мире, в частности, ставят под угрозу любой потенциальный нейтралитет, который может породить статус второго языка. Одна из основных проблем, связанных с принятием английского языка в качестве глобального юридического языка, связана с его взаимосвязью с правовой системой общего права. Как упоминалось выше, большинство правовых систем следует гражданскому праву, и многие понятия общего права, в том числе те, которые подпадают под одни и те же или схожие термины, имеют совершенно разные значения в гражданских системах.

Любое предложение принять английский язык в качестве глобального юридического языка, скорее всего, столкнется с проблемами, обусловленными западными истоками языка и соответствующей ему культурой. Международное право уже выглядит очень западно ориентированным. Если бы английский язык был каким-то образом навязан мировому сообществу как глобальный правовой язык, он, несомненно, внес бы вклад в западные концепции международного права и, скорее всего, сделал бы это в ущерб уникальным особенностям других правовых систем. Китай, в частности, представляет собой яркий пример, поскольку его невероятно долгая династическая история в сочетании с оксидентализацией многих областей права создала поистине уникальную правовую систему.

Введение глобального языка потребовало бы от государств, желающих принять в этом участие, значительных усилий. Наиболее вероятным способом достижения такого универсального обязательства было бы принятие резолюции в Генеральной Ассамблее ООН. Однако даже ООН не включает в себя все государства мира, и некоторые из них неизбежно будут подвергнуты изоляции.

В целом препятствия для английского языка или любого другого существующего языка в этом вопросе в современных условиях, скорее всего, остаются слишком большими, чтобы иметь реальную возможность создать глобальный юридический язык.

ЕС, вновь выступающий в роли миниатюрной модели глобализации, работает над уменьшением ошибок и несогласованности перевода, содействием лучшему взаимопониманию, используя новый вид профессионалов – юристов-лингвистов. Юристы-лингвисты являются относительно новым типом профессионалов, которые появились после создания Европейского экономического сообщества, Европейской комиссии и ЕС, и они, как правило, работают в учреждениях, ответственных за разработку законодательства на множестве языков. Целью этих специалистов, обученных как языку, так и праву, является, по существу, устранение разрыва между юристами и лингвистами-переводчиками. Они работают в группах по 4–5 чел. на каждую языковую версию и своей работой затрагивают почти все аспекты управления ЕС.

Уникальность этих специалистов в том, что они понимают правовую перспективу гораздо глубже, чем традиционные переводчики. Распространенной метафорой является то, что переводчики выступают в качестве моста между языками и культурами. Юристы-лингвисты, однако, построили новый и еще более прочный мост, действительно культивируя взаимопонимание.

Юристы-лингвисты, как правило, обладают знаниями и глубиной понимания, необходимыми для достижения концептуального эквивалента, требуемого в переведенном юридическом документе или сообщении. В рамках ЕС юристы-лингвисты нередко участвуют в совместной разработке проектов, которая помогает обеспечить достижение максимального уровня эквивалентности законодательства.

В связи с этим интерес представляет метод синтеза языков, который известный российский юрист-международник В. Л. Толстых определяет как «использование возможностей нескольких языков при составлении, переводе, толковании и применении текстов. Составление текстов на нескольких языках может осуществляться путем перевода либо путем совместного редактирования. Во втором случае происходит своеобразный “пинг-понг”: редакторы постоянно сверяются с версиями друг друга и вносят необходимые коррективы, в том числе в изначальную версию (при ее наличии). Данная работа сложна, зато она позволяет поддерживать языки в рабочем состоянии и обогащать их за счет взаимодействия с другими.

Составление текста на нескольких языках предполагает использование всех лингвистических версий при переводе на третий язык. Благодаря этому переводчик может выйти за пределы ограничений, налагаемых одним языком, более точно сформулировать для себя идею автора текста, адекватно выразить ее при помощи средств третьего языка. Переводчик в данном случае может быть представлен в качестве интерпретатора, использующего дополнительные средства толкования, или даже в качестве судьи, в распоряжении которого имеется не один свидетель, а несколько. Кроме того, когда это уместно, переводчик может выбрать из имеющихся версий ту, которая наиболее удобна для перевода на третий язык» [14, с. 44–62].

Такие лингвистические эксперты окажутся особенно полезными при разработке международных соглашений, затрагивающих частное право, среди которых двусторонние инвестиционные договоры и региональные соглашения. Государственный сектор международного права сильно отличается от частного сектора, где основными действующими лицами являются многонациональные корпорации. В публичной сфере главными действующими лицами являются сами государства, но существует также ряд важных международных организаций. ООН, безусловно, остается самой заметной, но, безусловно, не единственной. Всемирная торговая организация (далее: ВТО), Международный валютный фонд и различные международные лоббистские группы и неправительственные организации также могли бы воспользоваться услугами юристов-лингвистов.

Отметим, что Европейской экономической комиссией ООН (далее: ЕЭК ООН) в сотрудничестве с Комиссией Таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, а также ТПП РФ был разработан англо-русский глоссарий терминов, направленный на упрощение процедур торговли [23]. Идея создания такого глоссария зародилась во время организации семинара по упрощению процедур торговли ЕЭК ООН для переговорщиков ВТО среди республик бывшего Советского Союза (стран – членов ВТО) – Армении, Грузии, Кыргызстана и Молдовы, а также представителей четырех стран – кандидатов на вступление в ВТО – Азербайджана, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана. Во время подготовки к семинару для создателей стало очевидным, что во многих случаях единый установленный термин английского языка переводится на русский язык при помощи различных терминов и выражений. В некоторых случаях в русском языке вообще не существует соответствующего эквивалента.

По мере того, как наш мир продолжает идти по пути глобализации, расширение международного взаимодействия ведет к увеличению языковой путаницы и непонимания. Существует множество потенциальных проблем с навязыванием западного языка и сопряженных с ним правовых рамок всему миру.

Стремление к использованию глобального правового языка и формированию глобального сообщества должно происходить практически одновременно, но пока направление в этом русле протекает слишком медленно. В настоящее время наилучшим решением являются дальнейшее содействие взаимопониманию между правовыми системами и культурами и работа над достижением наилучшей эквивалентности по смыслу путем повышения роли юристов-лингвистов и более тесного сотрудничества в области как публичного, так и частного международного права.

Расширение международных контактов и интеграционная политика Российского государства актуализируют вопрос разработки лингвистических оснований эффективной межъязыковой коммуникации и обращает наше внимание на проблему построения номинативного поля фрейм-сценария языковой юридической конвергенции (лингво-юридической конвергенции) как типа лингвокультурного концепта, основная цель которого – систематизация и обоснование набора стратегий перевода. Исходя из анализа моделей представления знаний, он будет содержать в себе результаты выявления национально-культурной и ментальной специфик языковых структур.

Как полагает Т. П. Некрасова, «юридическая терминология представляет собой одну из наиболее сложных и востребованных сфер, в которых необходимо научное осмысление теории и практики поиска межъязыковых соответствий» [9, с. 3]. Тесные взаимоотношения языка и права становятся объектом новой теоретико-методологической и прикладной дисциплины – юридической компаративистской лингвистики [1, с. 96–107], рассматривающей проблемы перевода в герменевтическом освещении, и сквозь призму лингво-юридического анализа выявляющей грани различия между теоретическими требованиями, предъявляемыми к терминам в лингвистическом терминоведении, и терминологическими реалиями российской правовой среды.

Соответственно, фрейм-сценарий может оказать значительную помощь в переводе контрактов как результат трудоемкой и детальной работы переводчиков-интерпретаторов, в котором будут соединены онтологические свойства смысла текста.

Траектория когнитивного исследования языковой юридической конвергенции во внешнеторговом дискурсе включает в себя (нами был выбран для сравнения именно английский язык как один из самых популярных в практике заключения внешнеторговых сделок):

– рассмотрение лингво-юридических особенностей культурной переориентации языка, соотношения языка и многочисленных окружающих его культур;

– детальный разбор лексических, грамматических и синтаксических характеристик внешнеторговых документов, например, русско-английского содержания (структурирование предложений, использование аналитических структур, выражение модальности долженствования, лексико-семантическая и синтаксическая сочетаемость и др.), в том числе судебная практика, с учетом несовпадений подходов к одним и тем же правовым явлениям, лингвокультурных различий и коммуникативных привычек наций, прагматического потенциала в целом;

– практические рекомендации по овладению при переводе терминами, терминологическими сочетаниями, формами изложения, принятыми в практике каждого языка. Особое внимание будет уделено двуязычной корреляции фраз и форм, обеспечению полноценности (адекватности) и эквивалентности двух текстов.

Задача фрейм-сценария состоит в установлении объективных закономерностей английского языка межкультурного общения, в основе которых лежит нормативный юридический английский язык. В качестве материала исследования могут быть взяты аутентичные тексты англоязычного описания русской правовой культуры, торговые договоры и соглашения, выполненные носителями родного английского языка.

Арсенал методов такого фрейм-сценария будет направлен на предотвращение языковой ассимиляции и разрушения лингвокультурного пространства. «Ключом к пониманию языкового процесса межкультурной коммуникации с его стремлением к двуязычной симметрии и к устранению всех тех сторон языкового механизма, которые препятствуют установлению взаимопонимания коммуникантов» [5] может стать потенциал билингвизма.

Библиографический список

1. *Амосова Т. В.* Конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении: юридическая компаративистская лингвистика / Т. В. Амосова, А. В. Юрковский, Е. А. Юрковская // Matters of Russian and International Law. – 2016. – № 9. – С. 96–107.

2. *Гюльвердиев Р. Б.* Особенности выбора языка при составлении контракта внешнеторговой купли-продажи / Р. Б. Гюльвердиев // Научный потенциал молодежи – будущее России. VI Всероссийские научные «Зворыкинские чтения» : сб. тез. докл. Всерос. межвуз. науч. конф. – Муром : Изд.-полиграф. центр МИ ВлГУ, 2014. – ISSN 2222-2978 (Online). – С. 64–65.

3. *Гюльвердиев Р. Б.* Эффективность внешнеторговой юридической конвергенции (на примере Венской конвенции 1980 г.) / Р. Б. Гюльвердиев // Международное право. – 2017. – № 4. – С. 54–64.

4. Заседание Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 25 ноября 2016 г. – URL: http://www.kremlin.ru (дата обращения: 25.02.2019).

5. *Кабакчи В. В.* Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) / В. В. Кабакчи // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация : сб. ст. к юбилею проф. Н. А. Кобриной / отв. ред. Н. А. Абиева, Е. А. Беличенко. – Санкт-Петербург : Тригон, 2005. – ISBN 5-94684-723-6. – С. 164–175.

6. Ленин и Жириновский. Реплика Максима Соколова. – URL: https://www.vesti.ru (дата обращения: 18.02.2019).

7. *Лукашук И. И.* Современное право международных договоров : в 2 т. / И. И. Лукашук. – Москва : Волтерс Клувер, 2004. – Т. 1. – 672 с. – ISBN 5-466-00036-1.

8. Модельные правила европейского частного права / науч. ред. Н. Ю. Рассказова. – Москва : Статут, 2013. – 989 с. – ISBN 978-5-8354-0952-5.

9. *Некрасова Т. П.* Особенности перевода юридической терминологии с русского языка на английский язык : специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» : автореф. дис. на соискание учен. степ. канд. филол. наук / Некрасова Тамара Петровна ; Московский государственный университет. – Москва, 2013. – 391 с.

10. О состоянии внешней торговли в I квартале 2019 года. – URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 11.06.2019).

11. *Рассел Б.* История западной философии : в 3 кн. / Б. Рассел. – 3-е изд., испр. – Новосибирск : Сиб. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – 992 с. – ISBN 5-94087-006-6, 5-7615-0501-0.

References

1. *Amosova T. V., Yurkovskij A. V., Yurkovskaya E. A.* Convergence of Legal and Linguistic Methods in Comparative Jurisprudence: Legal Comparative Linguistics. *Matters of Russian and International Law.* 2016. No. 9. P. 96–107.

2. *Gyul'verdiev R. B.* Features of the Choice of a Language in Preparation of the Contract of Foreign Trade Sale. *Scientific Potential of Young People – the Future of Russia.* Murom, MI VlGU, 2014. ISSN 2222-2978 (Online). P. 64–65.

3. *Gyul'verdiev R. B.* Efficiency of Foreign Trade Legal Convergence (by the example of the Vienna Convention of 1980). *Mezhdunarodnoe Pravo.* 2017. No. 4. P. 54–64.

4. Meeting of the Council for Strategic Development and Priority Projects dated November 25, 2016. URL: http://www.kremlin.ru (accessed date: 25.02.2019).

5. *Kabakchi V. V.* Functional Dualism of a Language and Language Convergence (the Experience of Modeling the Linguistic Picture of Earth Civilization). *Cognitive Linguistics: Mental Foundations and Language Realization.* Ed. by N. A. Abieva, E. A. Belichenko. Saint Petersburg, Trigon, 2005. ISBN 5-94684-723-6. P. 164–175.

6. Lenin and Zhirinovsky. Replica of Maxim Sokolov. URL: https://www.vesti.ru (accessed date: 02.18.2019).

7. *Lukashuk I. I.* Modern Law of International Treaties. In 2 vol. Moscow, Volters Kluver, 2004. Vol. 1. 672 p. ISBN 5-466-00036-1.

8. Private European Law Model Rules. Sci. ed. by N. Yu. Rasskazov. Moscow, Statut, 2013. 989 p. ISBN 978-5-8354-0952-5.

9. *Nekrasova T. P.* Peculiarities of Translation of Legal Terminology from Russian to English. Moscow, 2013. 391 p.

10. On the state of foreign trade in the first quarter of 2019. URL: http://www.gks.ru (accessed date: 11.06.2019).

11. *Russel B.* History of Western Philosophy. In 3 bk. 3th ed. Novosibirsk, Sibirskoe Universitetskoe Izdatel'stvo, Izdatel'stvo Novosibirskogo Universiteta, 2001. 992 p. 5-94087-006-6, 5-7615-0501-0.

12. *Chuzhakin A. P., Alekseeva I. S., Romanchik R. E'. et al.* Russian: Systemic Crisis? *Vestnik Permskogo Nauchnogo Centra.* 2015. No. 1. P. 67–68.

13. The MKAS statistics at the RF TPP for 2018. URL: http://mkas.tpprf.ru (accessed date: 11.06.2019).

14. *Tolsty'kh V. L.* Language and International Law. *Rossijskij Yuridicheskij Zhurnal.* 2013. No. 2. P. 44–62.

15. *Uskova E. O.* On the Question of the Characteristics of Legal Translation. *Topical Issues of Translation Studies and Translation Practices.* Nizhny Novgorod, Al'ba, 2014. ISBN 978-5-905213-04-5. P. 190–194.

12. Русский язык: системный кризис? / А. П. Чужакин, И. С. Алексеева, Р. Э. Романчик [и др.] // Вестник Пермского научного центра. – 2015. – № 1. – С. 67–68.

13. Статистика МКАС при ТПП РФ за 2018 год. – URL: http://mkas.tpprf.ru (дата обращения: 11.06.2019).

14. *Толстых В. Л.* Язык и международное право / В. Л. Толстых // Российский юридический журнал. – 2013. – № 2. – С. 44–62.

15. *Ускова Е. О.* К вопросу об особенностях юридического перевода / Е. О. Ускова // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода : междунар. сб. науч. ст. – Нижний Новгород : Альба, 2014. – ISBN 978-5-905213-04-5. – С. 190–194.

16. European Union. – URL: https://europa.eu (дата обращения: 10.10.2019).

17. *Hargitt S.* What Could Be Gained in Translation: Legal Language and Lawyer-Linguists in a Globalized World / S. Hargitt // Indiana Journal of Global Legal Studies. – 2013. – Vol. 20, № 1. – P. 425–447.

18. *Heutger V. A* More Coherent European Wide Legal Language / V. Heutger // EIoP. – 2004. – Vol. 8, № 2. – URL: https://papers.ssrn.com (дата обращения: 11.06.2019).

19. Legal Discourse across Languages and Cultures / eds. M. Gotti, Ch. Williams. – Bern : Peter Lang, 2010. – 339 p. – ISBN 978-3-0343-0425-2.

20. *Phillipson R.* English – Only Europe? Challenging Language Policy / R. Phillipson. – London : Routledge, 2003. – 240 p. – ISBN 0-203-69772-3.

21. *Steger M. B.* Globalization: A Very Short Introduction / M. B. Steger. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 148 p. – ISBN 978-0-19-250359-7.

22. *Šarčević S.* Creating a Pan-European Legal Language // Legal Discourse across Languages and Cultures / eds. M. Gotti, Ch. Williams. – Bern : Peter Lang, 2010. – ISBN 978-3-0343-0425-2. – P. 23–49.

23. Trade Facilitation Terms: An English-Russian Glossary. – 2nd ed. – URL: http://www.unece.org (дата обращения: 10.02.2019).

24. UK Opposes Plans for 28th Regime for Contract Law. – URL: https://www.pinsentmasons.com (дата обращения: 11.06.2019).

16. European Union. URL: https://europa.eu (accessed date: 10.10.2019).

17. *Hargitt S.* What Could Be Gained in Translation: Legal Language and Lawyer-Linguists in a Globalized World. *Indiana Journal of Global Legal Studies.* 2013. Vol. 20. No. 1. P. 425–447.

18. *Heutger V. A* More Coherent European Wide Legal Language. *EIoP.* 2004. Vol. 8. No. 2. URL: https://papers.ssrn.com (accessed date: 11.06.2019).

19. Legal Discourse across Languages and Cultures. Eds. M. Gotti, Ch. Williams. Bern, Peter Lang, 2010. 339 p. ISBN 978-3-0343-0425-2.

20. *Phillipson R.* English – Only Europe? Challenging Language Policy. London, Routledge, 2003. 240 p. ISBN 0-203-69772-3.

21. *Steger M. B.* Globalization: A Very Short Introduction. Oxford, Oxford University Press, 2003. 148 p. ISBN 978-0-19-250359-7.

22. *Šarčević S.* Creating a Pan-European Legal Language. *Legal Discourse across Languages and Cultures.* Eds. M. Gotti, Ch. Williams. Bern, Peter Lang, 2010. ISBN 978-3-0343-0425-2. P. 23–49.

23. Trade Facilitation Terms: An English-Russian Glossary. 2nd ed. URL: http://www.unece.org (accessed date: 10.02.2019).

24. UK Opposes Plans for 28th Regime for Contract Law. URL: https://www.pinsentmasons.com (accessed date: 11.06.2019).

Библиографическое описание статьи

Гюльвердиев Р. Б. Юридическая конвергенция: некоторые лингво-юридические аспекты экономической безопасности / Р. Б. Гюльвердиев, Т. Г. Павелина // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 137–146.

УДК 340

Колоткина Оксана Анатольевна,
доцент кафедры конкурентного права и антимонопольного регулирования Уральского государственного экономического университета кандидат юридических наук
E-mail: oks-kolotkina@yandex.ru

Kolotkina Oksana A.,
Assistant Professor of Competition Law and Antitrust Regulation of Ural State Economic University PhD (Law)

ЭКСПЕРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ НЕЗАВИСИМЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ПРОЦЕССЕ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Expert Potential of Civil Society Representatives in Conducting Independent Examinations in the Process of Lawmaking in Modern Russia

Аннотация. В статье анализируются экспертные возможности отдельных институтов гражданского общества и граждан при проведении общественной и антикоррупционной экспертиз на определенных стадиях законотворческого процесса. Автор статьи обращает внимание на нормативные основы проведения различных видов независимых экспертиз в процессе законотворчества. Особое внимание уделяется общественной экспертизе, инициатором проведения которой выступает Общественная палата Российской Федерации, а также антикоррупционной экспертизе, которая может проводиться на общественных началах институтами гражданского общества и конкретными гражданами. Анализ норм действующего законодательства в области проведения заявленных в статье независимых экспертиз позволил обозначить объект и предмет каждой экспертизы, а также конкретные требования к субъектам ее проведения.

Ключевые слова: экспертные возможности; институты гражданского общества; общественная экспертиза; независимая антикоррупционная экспертиза.

Abstract. The article considers the expert capabilities of individual civil society institutions and citizens in the context of public and anti-corruption expertise conducted at certain stages of the legislative process. The author of the article pays his attention to the regulatory framework of various types of independent examinations in the process of lawmaking. Special attention is paid to public expertise initiated by the Public chamber of the Russian Federation, as well as anti-corruption expertise, which can be carried out on a voluntary basis by civil society institutions and individual citizens. The analysis of the norms of the current legislation in the field of independent examinations stated in the article allowed identifying the object and subject of each examination, as well as specific requirements for the subjects of its conduct.

Key words: expert capabilities; civil society institutions; public expertise; independent anti-corruption expertise.

Эффективность институтов гражданского общества определяется во многом правовыми основами его функционирования, которые устанавливаются государством. На законодательном уровне государство определяет потенциал институтов гражданского общества, границы его функционирования, а также создает модель взаимодействия гражданского общества и государства при реализации как частных, так и публичных интересов.

Сегодня возможности институтов гражданского общества востребованы во всех сферах, где государство реализует свои полномочия, где требуются контроль за его деятельностью и оценка эффективности последней.

При осуществлении контроля возрастает роль экспертных возможностей гражданского общества и его институтов [5]. В частности, экспертные возможности предполагают участие институтов гражданского общества в проведении различных видов экспертиз. При этом проведение экспертиз институтами гражданского общества активно практикуется как в сфере правотворчества, на этапах и стадиях разработки и принятия нормативных правовых актов, так и в сфере действия уже вступивших в юридическую силу нормативных правовых актов. Таким образом, экспертные возможности институтов гражданского общества при должной реализации могут и должны оказывать влияние на качество российского законодательства. Именно качество принимаемых нормативных правовых актов разных уровней оказывает непосредственное влияние на их соблюдение всеми субъектами права.

В рамках настоящей статьи под экспертизой мы будем понимать определенную процедуру, которая заключается в исследовании и даче заключения экспертом по вопросам, решение которых требует специальных знаний в различных сферах. Все экспертизы законодательства можно разделить на две большие группы: а) государственные (могут осуществлять только государственные органы) и б) независимые (проводимые института-

© Колоткина О. А., 2019

ми гражданского общества и гражданами). Такое деление является во многом условным, так как независимые экспертизы могут проводиться и в тех случаях, когда законодательство предусматривает обязательное проведение государственных экспертиз специально уполномоченными на то субъектами.

Российским законодательством предусмотрены конкретные виды экспертиз, субъектами которых могут выступать представители гражданского общества. В настоящей статье внимание будет уделено общественной и антикоррупционной экспертизам. При этом важно определить объект и предмет каждой экспертизы, а также субъектов ее проведения, что позволит в конечном итоге сделать вывод об экспертном потенциале институтов гражданского общества в рассматриваемой сфере. Охарактеризуем особенности проведения указанных выше видов независимых экспертиз.

Общественная экспертиза. Одной из первостепенных задач, стоящих перед институтами гражданского общества (гражданами России, общественными объединениями и другими негосударственными некоммерческими организациями), является добровольное осуществление общественного контроля за деятельностью государственных органов власти и органов местного самоуправления [1]. На основании п. 8 ст. 6 Федерального закона от 21 июня 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» предусмотрено многообразие форм общественного контроля, одной из которых, наряду с общественным мониторингом и общественной проверкой, законодатель называет общественную экспертизу [2].

Результаты анализа норм ст. 22 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» свидетельствуют о том, что содержание понятия «общественная экспертиза» не включает в себя возможность проведения всех видов независимых экспертиз. Другими словами, понятия «общественная экспертиза» и «независимая экспертиза» являются не совпадающими по своему объему и соотносятся между собой как часть и целое, как вид и род.

Таким образом, общественная экспертиза является разновидностью независимой экспертизы. Объект и предмет общественной экспертизы возможно определить при системном анализе норм ст. 22 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» и ст. 18 Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации». В частности, на основании Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» можно в общих чертах определить объект общественной экспертизы (то, что подлежит со стороны экспертов анализу и оценке): это акты, проекты актов, решений, проекты решений, документов и других материалов органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций. Конкретизация объекта общественной экспертизы происходит на основании анализа норм ст. 18 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации», где дается перечень конкретных юридических документов, подпадающих под экспертизу: проекты нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, проектов законов субъектов Российской Федерации и др. К особым объектам общественной экспертизы законодатель относит проекты законов Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации, проекты федеральных конституционных законов и федеральных законов.

Обозначенные законопроекты позволяют определить предмет общественной экспертизы – проекты, затрагивающие вопросы государственной социальной политики, конституционных прав и свобод граждан в области социального обеспечения, обеспечения общественной безопасности и правопорядка (ч. 2 ст. 18 Федерального закона «Об общественной палате Российской Федерации»). На официальном сайте Общественной палаты Российской Федерации уточняется, что с 2009 г. был установлен порядок, в соответствии с которым все социально значимые законопроекты в обязательном порядке проходят экспертизу Общественной палаты Российской Федерации. Данная процедура получила название «нулевые чтения» [4].

Субъектом проведения общественной экспертизы является Общественная палата Российской Федерации, которая для проведения экспертизы должна создать рабочую группу, правомочную привлекать экспертов. На основании Положения о консультантах-экспертах Общественной палаты Российской Федерации, утвержденного решением совета Общественной палаты Российской Федерации от 15 мая 2008 г. № 4, экспертами могут быть:

а) представители общественных организаций, активно участвующие в развитии гражданского общества;

б) граждане, ранее осуществлявшие полномочия члена Общественной палаты Российской Федерации;

в) представители общественных объединений, допущенные к выборам в Общественную палату Российской Федерации, но не избранные в ее состав (п. 1.1).

Дополнительные требования к экспертам обозначены в Положении о порядке проведения общественной экспертизы, утвержденном решением

совета Общественной палаты Российской Федерации от 15 мая 2008 г. № 4-С. В частности, экспертами общественной экспертизы могут выступать:

1) юридические лица (объединения некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в Российской Федерации и относится к сфере их уставной деятельности);

2) физические лица, обладающие научными и практическими знаниями, необходимыми для проведения экспертизы. К физическим лицам, претендующим на статус эксперта общественной экспертизы, предъявляются следующие требования: профессиональное образование (высшее и (или) послевузовское, соответствующее профилю экспертной деятельности); стаж практической работы по профилю экспертной деятельности не менее 10 лет; знание действующего российского законодательства и норм международного права; профессиональные навыки в экспертной деятельности.

Важно отметить, что на официальном сайте Общественной палаты Российской Федерации созданы реальные возможности для участия в качестве экспертов всех заинтересованных граждан в «нулевых чтениях». Для этого необходимо зайти на официальный сайт Общественной палаты Российской Федерации, выбрать раздел «Нулевые чтения», далее – подраздел «Законопроекты для обсуждения». По каждому размещенному в этом подразделе законопроекту можно оставить свой комментарий, указав при этом: свои ФИО, организацию, социальный статус, адрес электронной почты, иные контактные данные и непосредственно текст предложения. На ноябрь 2019 г. в данном подразделе расположено два законопроекта для общественного обсуждения – проект федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общественных объединениях” в части установления уведомительного порядка деятельности общественных объединений, не являющихся юридическими лицами» и проект федерального закона № 631751-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» [4].

На сайте также можно ознакомиться с содержанием заключений по всем ранее рассмотренным законопроектам за все время существования Общественной палаты Российской Федерации.

За последние 5 лет, начиная с 2015 г. по настоящее время, Общественная палата Российской Федерации подготовила свыше 200 экспертиз, в частности:

2015 г. – 64 экспертизы;

2016 г. – 65 экспертиз;

2017 г. – 60 экспертиз

2018 г. – 24 экспертизы;

2019 г. – 15 экспертиз (по состоянию на 29 ноября 2019 г.) [4].

Однако за последние два года наблюдается существенное снижение активности ключевой формы общественного контроля – общественной экспертизы. В качестве одной из главных причин можно назвать то обстоятельство, что общественная экспертиза проводится преимущественно за счет собственных средств, а предложения экспертов, несмотря на всю их трудоемкость, носят рекомендательный характер.

Антикоррупционная экспертиза. Институты гражданского общества могут принимать участие и в проведении антикоррупционной экспертизы. В частности, Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» в ч. 5 ст. 2 закрепляет среди принципов организации антикоррупционной экспертизы принцип сотрудничества органов государственной власти и органов местного самоуправления с институтами гражданского общества. Объектом антикоррупционной экспертизы выступают нормативные правовые акты и проекты нормативных правовых актов. Предмет экспертизы составляют выявление коррупциогенных факторов и их последующее устранение. На основании ст. 5 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» и п. 4 постановления Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 г. № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» к субъектам независимой антикоррупционной экспертизы можно отнести институты гражданского общества и граждан, которые должны быть аккредитованы в качестве экспертов Министерством юстиции Российской Федерации. Данная услуга предоставляется бесплатно на портале государственных услуг Российской Федерации. При этом Административный регламент Министерства юстиции Российской Федерации, утвержденный приказом Минюста России от 29 марта 2019 г. № 57, устанавливает требования к заявителям на получение данной государственной услуги. В частности, для физических лиц – это наличие гражданства Российской Федерации, высшее образование и стаж работы по специальности не менее 5 лет. Для юридических лиц – наличие в своем штате не менее трех работников, на которых распространяются требования, перечисленные ранее для физических лиц. В соответствии с п. 1.1 ст. 5 Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» устанавливаются ограничения для экс-

пертов: для физических лиц – наличие неснятой или непогашенной судимости; уволенных в связи с утратой доверия и др.; для юридических лиц – если они являются международной и иностранной организациями или некоммерческими организациями, выполняющими функции иностранного агента.

Согласно официальному сайта Министерства юстиции Российской Федерации по состоянию на 7 ноября 2019 г. в Государственный реестр независимых экспертов, получивших аккредитацию на проведение антикоррупционной экспертизы, внесены сведения о 2 594 независимых экспертах – физических лицах, 423 независимых экспертах – юридических лицах [3].

Для проведения независимой антикоррупционной экспертизы создан в информационно-коммуникационной сети «Интернет» специальный сайт – Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. В целях проведения независимой антикоррупционной экспертизы Министерством юстиции Российской Федерации на этом сайте размещено 140 проектов нормативных правовых актов, в том числе 44 законопроекта, 7 проектов указов Президента Российской Федерации, 15 проектов постановлений Правительства Российской Федерации и 74 проекта приказов Минюста России (по состоянию на 18 января 2019 г.) [Там же].

Таким образом, завершая статью, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, экспертизы общественная и антикоррупционная являются по своей природе независимыми и предполагают участие институтов гражданского общества и граждан.

Во-вторых, каждая из анализируемых независимых экспертиз имеет свой объект, предмет, круг субъектов, которые могут выступать в качестве экспертов, что определяет их специфику.

В-третьих, активность экспертной деятельности институтов гражданского общества и граждан зависит от принципов организации и проведения каждого вида независимой экспертизы – особые требования к профессионализму эксперта; осуществление деятельности на общественных началах; рекомендательный характер экспертных заключений и др.

В-четвертых, оценивая экспертные возможности институтов гражданского общества и граждан, нужно отметить, что на законодательном уровне созданы определенные условия со стороны государства для проведения независимых экспертиз. В то же время воспользоваться своим конституционным правом на участие в управлении делами государства, предусмотренным ч. 1 ст. 32 Конституции Российской Федерации, в контексте рассматриваемого вопроса смогут лишь те граждане, которые обладают профессиональной компетенцией для осуществления экспертной деятельности.

Библиографический список

1. *Кирьянов А. Ю.* Общественный и гражданский контроль: правовое разграничение понятий / А. Ю. Кирьянов // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2019. – № 1. – С. 3–6.

2. *Колоткина О. А.* Институт общественной экспертизы проектов нормативных правовых актов в структуре гражданского общества / О. А. Колоткина // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 4. – С. 15–19.

3. Министерство юстиции Российской Федерации : [сайт]. – URL: minjust.ru (дата обращения: 07.11.2019).

4. Общественная палата Российской Федерации : [сайт]. – URL: oprf.ru (дата обращения: 29.11.2019).

5. *Ягофарова И. Д.* Принцип справедливости в правоприменительной деятельности: вопросы теории и практики / И. Д. Ягофарова // Вестник Гуманитарного университета. – 2017. – № 3(18). – С. 71–74.

References

1. *Kir'yanov A. Yu.* Public and Civil Control: a Legal Distinction between the Concepts. *Grazhdanskoe Obshhestvo v Rossii i za Rubezhom.* 2019. No. 1. P. 3–6.

2. *Kolotkina O. A.* Institute of Public Expertise of Draft Normative Legal Acts in the Structure of Civil Society. *Grazhdanskoe Obshhestvo v Rossii i za Rubezhom.* 2018. No. 4. P. 15–19.

3. Ministry of Justice of the Russian Federation. Website. – URL: minjust.ru (accessed date: 07.11.2019).

4. Public Chamber of the Russian Federation. Website. – URL: oprf.ru (accessed date: 29.11.2019).

5. *Yagofarova I. D.* The Principle of Justice in Law Enforcement: Issues of Theory and Practice. *Vestnik Gumanitarnogo Universiteta.* 2017. No. 3(18). P. 71–74.

Библиографическое описание статьи

Колоткина О. А. Экспертный потенциал представителей гражданского общества при проведении независимых экспертиз в процессе законотворчества в современной России / О. А. Колоткина // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 147–150.

УДК 340.1

Лапшин Виталий Евгеньевич,
профессор кафедры психологии личности и специальной педагогики Педагогического института ВлГУ, профессор кафедры психологии и педагогики профессиональной деятельности ВЮИ ФСИН России доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: ve_lapshin@mail.ru

Lapshin Vitalij E.,
Professor of Personality Psychology and Remedial Pedagogy Department of Pedagogical Institute of VlSU, Professor of Psychology and Pedagogy of Profession Activity Department Doctor of Education, PhD (Law), Associate Professor

Шаханов Вячеслав Владимирович,
доцент кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала РАНХиГС, доцент кафедры публично-правовых дисциплин ВЮИ ФСИН России кандидат юридических наук
E-mail: Shakhanov.vyacheslav@mail.ru

Shakhanov Vyacheslav V.,
Assistant Professor of Theory and History of State and Law Department of Vladimir Branch of the RANEPA, Assistant Professor of Public Law Studies Department of VLI of the FPS of Russia PhD (Law)

ЦЕЛЬ И МЕТАЦЕЛЬ ПРАВООТНОШЕНИЯ (ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Purpose and Target of Legal Relations (General Theoretical Analysis)

Аннотация. В статье предлагается использовать двухуровневую систему целей правоотношения, заключающуюся в применении исследовательских возможностей метаязыковых средств. Телеологический анализ правоотношения осуществляется на примере уголовно-исполнительного и гражданского правоотношения.

Ключевые слова: правоотношение; метаязык; цель правоотношения; метацель правоотношения; структура правоотношения; уголовно-исполнительное правоотношение; гражданское правоотношение.

Abstract. The article proposes to use a two-level system of goals of legal relations, which consists in applying the research capabilities of metalanguage tools. The analysis of the teleological component of the legal relationship is carried out on the example of criminal executive and civil legal relations.

Key words: legal relationship; metalanguage; purpose of legal relationship; meta-goal of legal relationship; structure of legal relationship; criminal-executive legal relationship; civil legal relationship.

Категория «правоотношение» является одной из фундаментальных в юридической науке. Правоотношение рассматривают как «определенный прием научного мышления, благодаря использованию которого становится возможным мысленно выделить фактическое отношение определенных субъектов из всей массы других фактических отношений и столь же мысленно представить себе юридические последствия их взаимных действий» [6, с. 210]. Большой вклад в разработку теории правоотношения внесли М. М. Агарков, Н. Г. Александров, С. С. Алексеев, С. Н. Братусь, Д. М. Генкин, В. С. Ем, О. С. Иоффе, С. Ф. Кечекьян, О. А. Красавчиков, В. П. Мозолин, В. Н. Протасов, В. А. Тархов, Ю. Г. Ткаченко, Ю. К. Толстой, Е. А. Флейшиц, Р. О. Халфина, В. Ф. Яковлев и др. Несмотря на значительные усилия со стороны научного сообщества по объективации элементов правоотношения, данная категория порой воспринимается как глубоко академическая, не имеющая большого практического значения. Подобная картина складывается благодаря смещению акцентов только на один из аспектов, раскрывающих сущность правоотношения как юридической конструкции, – права и обязанности сторон правоотношения. Безусловно, этот элемент правоотношения очень важен, но он не единственный в данной юридической конструкции и не способен в одиночку отражать ее ценностный потенциал.

Любой элемент правовой действительности имеет право на существование при наличии объективно подтвержденной потребности в нем. В каких формах может выражаться эта потребность? Прежде всего это предназначение элемента правовой действительности, определяемое его целью. Сам элемент является средством для достижения этой цели. Цель рассматривают как системообразующий фактор целеустремительной системы [9]. В качестве последней следует рассматривать и правовую систему. Вопросы це-

© Лапшин В. Е., Шаханов В. В., 2019

леполагания неоднократно поднимались в юридической науке. Одним из первых исследование в данном направлении осуществил Р. Иеринг [8]. Отечественные ученые также внесли свою лепту в изучение проблем целеполагания в праве. Например, Д. А. Керимов рассматривал цель в праве как «идеальное предопределение желаемого результата поведения людей в обществе» [11, с. 370]. На проблемы использования категории «цель» в характеристике правоотношения указывал В. Н. Протасов [13, с. 93]. Вопрос о цели правоотношения затрагивался И. Л. Брауде в ходе исследования объекта гражданского правоотношения [3].

Цель в праве имеет двойственную природу. Она объективна и субъективна одновременно. Ее объективность определяется реальными условиями жизни людей, а субъективность – их сознанием [10, с. 273, 274]. Одним из проявлений субъективной составляющей целеполагания в праве предстает тот результат, на который рассчитывают стороны правоотношения, вступая в него.

Сложность выделения целевой составляющей заключается в тесном взаимодействии с такими понятиями, как «сущность», «предназначение», «мотив» и др. Очевиден тот факт, что любое правоотношение должно иметь свою цель. Солидаризируясь с В. Н. Протасовым, отметим, что «не существует правоотношений бесцельных, не сориентированных на достижение какого-либо социально полезного результата» [12, с. 134].

Структура правоотношения в теории права имеет достаточно определенные очертания и включает в себя, как правило: субъекты, объект и содержание. Цель правоотношения очень редко рассматривают как элемент его структуры. Тема целеполагания при рассмотрении «бесцельной» структуры часто ускользает от внимания исследователей. Это негативно отражается на эвристическом потенциале конструкции «правоотношение». Фактически полученный результат в отсутствие четких представлений о цели реализуемого правоотношения может существенно отличаться от заложенного определенной правовой моделью. Это негативно влияет на регулятивные возможности права, способствует усилению правового нигилизма, стагнации правовых отношений в обществе, стимулирует распространение «теневого права».

Определение понятия «цель правоотношения» как того, на что оно направлено, не в полной мере отражает его сущностное предназначение. «Используя категорию “цель” в характеристике правоотношения, следует учитывать возможность несовпадения целей поведения каждого из субъектов с целью их совместной деятельности, организованной в правоотношении (совокупным результатом деятельности), а последней – с целевым назначением (результативностью) правоотношений», – справедливо отмечал В. Н. Протасов [13, с. 93]. Как видно, «цель правоотношения» – достаточно многоаспектное понятие, или, как сейчас принято говорить, поликонтекстуальное.

Несмотря на приближенность правоотношения к конкретной правовой ситуации, считаем возможным говорить о двухуровневой системе целей правоотношения, используя эвристический потенциал понятия «метаязык», на который указал А. Ф. Черданцев [14, с. 17, 18]. Использование метаязыковых средств позволит сгладить противоречия двух конкурирующих подходов к понятию правоотношения: материального (содержательного) как общественного отношения, урегулированного нормами права, и формального в качестве юридической формы общественного отношения. В первом случае можно говорить о цели правоотношения как цели первого уровня, а во втором – о его метацели как цели второго уровня. Цели первого уровня являются индивидуальными для каждого отдельно взятого правоотношения. Их достижение должно быть реалистично и ожидаемо. Цель второго уровня – метацель – обладает систематизирующим эффектом. Она не может быть достигнута во всех без исключения случаях, но и не должна носить абсолютно иллюзорного характера. В этой связи полагаем, что метацель логичнее рассматривать как элемент общего, а не конкретного правоотношения. Общие правоотношения отражают юридические связи между государством и гражданами, а также последних между собой в отсутствие юридических фактов, порождающих конкретные правоотношения, объясняют механизм возникновения правосубъектности, вовлекают в механизм правового регулирования конституционно-правовые и иные общие нормы. Существование общих (общерегулятивных) правоотношений признается не всеми учеными, а среди сторонников их выделения нет единства в вопросе освещения их природы и содержания. Одни авторы делают акцент на их конституционно-правовой природе, обусловленной прямым действием Конституции Российской Федерации (А. Б. Венгеров), другие – рассматривают их несколько шире – как следствие существования не только конституционных, но и иных общих норм (Т. Н. Радько). «Широкий» подход к пониманию природы общих правоотношений представляется нам наиболее оптимальным, так как любое «заужение» в данном случае нарушает сложившуюся дихотомию, порождая неопределенность.

Рассмотрим телеологические аспекты правоотношений на примере уголовно-исполнительного и гражданского правоотношения.

Прежде всего возникает вопрос о соотношении целей уголовно-исполнительного правоотношения, уголовно-исполнительного законодательства и уголовно-исполнительной системы. Цели уголовно-исполнительного законодательства в нем и сформулированы: исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК РФ). Главная цель существования уголовно-исполнительных правоотношений заключается в обеспечении процесса исполнения наказания с целью исправления осужденных. В качестве иных целей уголовно-исполнительного правоотношения называют «обеспечение процесса охраны прав и свобод осужденных, социальной реабилитации и социальной адаптации осужденных, общего и частного предупреждения» [5, с. 163]. Цель уголовно-исполнительной системы видят в эффективном функционировании уголовно-исполнительной системы, упорядочении уголовно-исполнительных отношений [1, с. 10].

Безусловно, цели законодательства как системы правовых предписаний и уголовно-исполнительной системы как инструмента реализации этих предписаний совпадать не должны. Цели же уголовно-исполнительного правоотношения должны быть более конкретны, чем цели уголовно-исполнительного законодательства и соотноситься с ними как часть и целое.

В качестве метацели уголовно-исполнительного правоотношения мы предлагаем рассматривать воспитание социально полезной личности. Такая цель имеет большой жизнеутверждающий контекст. Она, конечно же, не может быть достигнута в отношении всех лиц, отбывающих наказание, но следование более высокой цели позволит результативнее двигаться по пути достижения целей нижестоящего уровня.

В науке уже предлагалась в качестве одной из целей уголовно-исполнительного законодательства интеграция осужденных с обществом (их социальная реабилитация) [2, с. 4]. Это предложение максимально приближено к нашему, но полностью с ним не совпадает. Необходимо стремиться к тому, чтобы осужденный был социально полезен, а не просто не мешал окружающим. Цели правоотношения должны быть ориентированы на максимальное достижение результата.

Особенностью цивилистического подхода является выделение структуры в содержании гражданского правоотношения как одного из его элементов [6, с. 124–125]. На общетеоретическом уровне в основном принято отождествлять понятия «структура правоотношения» и «содержание правоотношения», понимая под данными терминами элементный состав правоотношения в его широком значении.

Основной целью гражданского права является обеспечение соблюдения гражданских прав человека. Цель гражданского правоотношения будет отличаться в зависимости от вида правоотношения. Так, цель абсолютного правоотношения будет направлена на охрану гражданских прав, цель относительного правоотношения направлена на реализацию гражданских прав. Наши суждения верны лишь в случае признания наличия указанных видов правоотношений, поскольку в науке гражданского права разработана концепция абсолютных прав, существующих и реализующихся вне правоотношений [4, с. 35–38]. Хотя в случае признания наличия общих и конкретных правоотношений можно говорить о том, что всеобщая обязанность не мешать фактическим действиям собственника по господству над собственной вещью является элементом общего правоотношения. Тогда цель данного правоотношения согласно предлагаемому нами подходу может быть рассмотрена как метацель.

Итак, цель правоотношения следует рассматривать как элемент его структуры. Правоотношение должно иметь не только цель, но и метацель, которая обладает систематизирующим эффектом. Она не может быть достигнута во всех без исключения случаях, но и не должна носить абсолютно иллюзорного характера. Метацель логичнее рассматривать как элемент общего, а не конкретного правоотношения.

Метацелью общего уголовно-исполнительного правоотношения должно стать воспитание социально полезной личности. Метацель гражданского правоотношения зависит от его вида. Например, метацель абсолютного гражданского правоотношения заключается во всеобщей обязанности не мешать фактическим действиям собственника по господству над собственной вещью.

Библиографический список

1. *Азархин А. В.* К вопросу о целях уголовно-исполнительной системы России / А. В. Азархин // Вестник Самарского юридического института. – 2018. – № 3(29). – С. 9–14.

2. *Борсученко С. А.* Иногда они возвращаются / С. А. Борсученко // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 32.

3. *Брауде И. Л.* К вопросу об объекте правоотношения по советскому гражданскому праву / И. Л. Брауде // Советское государство и право. – 1974. – № 1. – С. 57–59.

4. *Генкин Д. М.* Право собственности в СССР / Д. М. Генкин. – Москва : Госюриздат, 1961. – 223 с.

5. *Головастова Ю. А.* Цели, задачи, принципы уголовно-исполнительного права как основополагающие признаки уголовно-исполнительного правоотношения / Ю. А. Головастова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 10-1. – С. 162–166.

6. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – Москва : Юрайт, 2008. – 993 с. – ISBN 978-5-94879-961-2.

7. Гражданское право : учебник. В 4 т. Т. 1. Общая часть : учебник / отв. ред. Е. А. Суханов. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 720 с. – ISBN 5-466-00043-4.

8. *Иеринг Р. фон.* Цель в праве / Р. фон Иеринг. – Санкт-Петербург : Н. М. Муравьев, 1881. – Т. 1. – 425 с.

9. *Карташев В. А.* Система систем. Очерки общей теории и методологии / В. А. Карташев. – Москва : Прогресс-академия, 1995. – 416 с. – ISBN 5-85864-025-7.

10. *Керимов Д. А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права / Д. А. Керимов. – Москва : Изд-во СГУ, 2011. – 521 с. – ISBN 978-5-8323-0730-5.

11. *Керимов Д. А.* Философские проблемы права / Д. А. Керимов. – Москва : Мысль, 1972. – 472 с.

12. *Протасов В. Н.* Категория «объект правоотношения»: системный и деятельностный подход / В. Н. Протасов // Советское государство и право. – 1988. – № 2. – С. 128–134.

13. *Протасов В. Н.* Правоотношение как система / В. Н. Протасов. – Москва : Юрид. лит., 1991. – 143 с. – ISBN 5-7260-0484-1.

14. *Черданцев А. Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции : монография / А. Ф. Черданцев. – Москва : Норма : Инфра-М, 2012. – 320 с. – ISBN 978-5-91768-257-0.

References

1. *Azarkhin A. V.* To the Question of the Goals of the Penal System of Russia. *Vestnik Samarskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2018 . No. 3(29). P. 9–14.

2. *Borsuchenko S. A.* They Come Back Sometimes. *E'zh-Yurist.* 2013. No. 32.

3. *Braude I. L.* On the Subject of Legal Relations under Soviet Civil Law. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo.* 1974. No. 1. P. 57–59.

4. *Genkin D. M.* Ownership in the USSR. Moscow, Gosyurizdat, 1961. 223 p.

5. *Golovastova Yu. A.* Goals, Objectives, Principles of Penal Law as Fundamental Signs of Penal Law Relations. *Gumanitarny'e, Social'no-E'konomicheskie i Obshhestvenny'e Nauki.* 2015. No. 10-1. P. 162–166.

6. Civil Law: Actual Problems of Theory and Practice. Ed. by V. A. Belov. Moscow, Yurajt, 2008. 993 p. ISBN 978-5-94879-961-2.

7. Civil Law. In 4 vol. Vol. 1. General Part. Ed. by E. A. Sukhanov. Moscow, Valters Kluver, 2006. 720 p. ISBN 5-466-00043-4.

8. *Iering R. fon.* The Goal in Law. Saint Petersburg, N. V. Murav'ev, 1881. Vol. 1. 425 p.

9. *Kartashev V. A.* System of Systems. Essays on the General Theory and Methodology. Moscow, Progress Academiya, 1995. 416 p. ISBN 5-85864-025-7.

10. *Kerimov D. A.* Methodology of Law: Subject, Functions, Problems of Philosophy of Law. Moscow, Izdatel'stvo SGU, 2011. 521 p. ISBN 978-5-8323-0730-5.

11. *Kerimov D. A.* Philosophical Problems of Law. Moscow, My'sl', 1972. 472 p.

12. *Protasov V. N.* Category «Object of Legal Relationship»: Systematic and Activity Approach. *Sovetskoe Gosudarstvo i Pravo.* 1988. No. 2. P. 128–134.

13. *Protasov V. N.* Legal Relationship as a System. Moscow, Yuridicheskaya Literatura, 1991. 143 p. ISBN 5-7260-0484-1.

14. *Cherdancev A. F.* Logical and Linguistic Phenomena in Jurisprudence. Moscow, Norma, Infra-M, 2012. 320 p. ISBN 978-5-917-257-0.

Библиографическое описание статьи

Лапшин В. Е. Цель и метацель правоотношения (общетеоретический анализ) / В. Е. Лапшин, В. В. Шаханов // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 151–154.

УДК 343.326(47)(091)

Маркина Оксана Викторовна,
доцент кафедры правового обеспечения государственного и муниципального управления Владимирского филиала РАНХиГС
кандидат исторических наук
E-mail: irishoxana@rambler.ru

Markina Oksana V.,
Assistant Professor of Legal Support of State and Municipal Administration Department of Vladimir Branch of the RANEPA
PhD (History)

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ФИЛЕРСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ

Principles of Organization of the Service of External Supervision in the Russian Empire: Historical and Legal Aspects of the Fight against Extremism

Аннотация. В статье раскрывается современное толкование термина «экстремизм» и характеризуются правовые основы противодействия данному явлению. Автор акцентирует внимание на необходимости изучения исторического опыта и анализирует методы и принципы деятельности службы наружного наблюдения Охранного отделения полиции Российской империи. В качестве источника используются положения инструкций, разработанных в начале XX в., когда проблема борьбы с экстремизмом была самой актуальной за всю историю Российского государства.

Ключевые слова: экстремизм; закон о противодействии экстремизму; Охранное отделение; политический сыск; филеры.

Abstract. The article reveals the modern interpretation of the term «extremism» and the legal basis for countering this phenomenon are characterized. The author focuses his attention on the need to study historical experience and analyses the methods and principles of activity of service of external supervision of Security office of police of the Russian Empire. As a source, the author uses the provisions of the instruction developed in the early twentieth century, when the problem of combating extremism was the most urgent in the history of the Russian state.

Key words: extremism; the law on counteraction to extremism; Security Department; political investigation; secret agents.

Проблема противодействия экстремизму на современном этапе развития государства и общества вышла далеко за пределы компетенции органов внутренних дел. Демократический политический режим в своем идеальном воплощении предполагает максимальное предоставление гражданам прав и свобод. Сторонники либерального направления политической мысли видели в этом залог счастливого и благополучного существования социума. Однако реальная политическая практика знает немало примеров того, как свободные высказывания и поступки одних людей причиняли физические и нравственные страдания другим. Оказалось, что обязательным условием взаимного сосуществования в условиях свободы является способность к самоограничению и самоцензуре, направленная на уважение чужих интересов в целях недопущения конфликтов. Попытки решить эту проблему путем активного внедрения в сознание российского обывателя термина «толерантность» не увенчались успехом и по причине иностранного происхождения слова, и в связи с размытостью его смыслового содержания, и в результате особенностей исторического развития нашей страны.

Понимание того, какими катастрофическими последствиями могут обернуться для современной России обострение социальных противоречий и рост радикальных настроений, основано на печальном опыте, полученном в ходе расшатывания и последующего уничтожения основ Российской империи. Вполне закономерным в этой связи представляется принятие Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (далее: ФЗ-114), который не противоречит принципам демократического государства, а, напротив, гарантирует соблюдение прав и свобод всех граждан «любой социальной, расовой, национальной и религиозной принадлежности», также обеспечивает стабильное функционирование органов государственной власти, сформированных в соответствии с понятиями легальности и легитимности.

Данное утверждение вытекает из формулировок понятия «экстремизм», воплощенных законодателем в ст. 1 ФЗ-114. Их можно условно разделить на три группы. Относящиеся к первой характеризуют действия граждан, направленные против механизма государственной власти (насильственное изменение основ конституционного строя, воспрепятствование законной деятельности государственных органов, публичные

© Маркина О. В., 2019

заведомо ложные обвинения лиц, занимающих государственные должности, и т. д.). Объединенные во вторую рассматривают отношения внутри общества между людьми различных национальностей, религий и социальных статусов (пропаганда исключительности или неполноценности тех или иных групп, публичное оправдание терроризма, ущемление прав и свобод). Третья группа трактовок представляет собой перечень конкретных деяний, которые входят в состав преступления экстремистской направленности (демонстрация нацистской символики, распространение экстремистских материалов, подготовка и организация незаконных действий, их финансирование или иное содействие). Следовательно, можно сделать вывод о серьезности проделанной работы, позволяющей эффективно применять данный закон на практике.

Однако воплощение норм данного законодательного акта в условиях незавершенного процесса реформирования правоохранительной системы привело к значительным перегибам в сфере вынесения обвинительных приговоров по делам экстремистской направленности. Отвечая на связанные с этим обстоятельством вопросы во время «прямой линии» 7 июня 2018 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин согласился с необходимостью изменения сложившейся ситуации: «Эта судебная правоприменительная практика, безусловно, должна находиться в поле зрения общественности и должна корректироваться. Если речь идет именно о распространении информации, которая является экстремистской, то, конечно, как и в других сферах деятельности общества, должны применяться общие правила. Но нужно определиться с самими понятиями, что это такое, не нужно доводить это до маразма и до абсурда» [5].

В результате 27 сентября 2018 г. в «Российской газете» было опубликовано постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 года № 11 “О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности”», в котором указывалось, что, помимо факта размещения в сети «Интернет» материалов, которые могут иметь экстремистский характер, при вынесении решения судам «следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного». Среди них – форма и содержание размещенной информации, ее контекст, наличие и содержание комментариев обвиняемого, содержание всей страницы данного лица, а также сведения о его деятельности до и после размещения информации.

Последний пункт представляется нам наиболее важным, так как содержание страниц в социальных сетях является своеобразным показателем гражданской позиции личности в той же степени, в какой повышенная температура тела сигнализирует о сбоях в работе человеческого организма. Однако любой медик знает, что сбивая высокую температуру, не разобравшись в причинах ее появления, мы можем причинить еще больший вред своему здоровью. В связи с этим указание на необходимость установления практических действий лица, привлекшего внимание правоохранительных органов радикальными материалами, размещенными на своей странице, требует дальнейшей разработки в плане практического воплощения. Без помощи представителей гражданского общества силы правопорядка в этой ситуации не справятся.

С точки зрения исторического опыта события конца XIX – начала XX в., связанные с волной экстремизма в России, которые привели к поиску новых форм и методов борьбы с деятельностью террористических организаций, являются интересными, а их анализ представляется актуальным и необходимым для решения современных проблем. Тем более, что в течение всего советского периода отечественная историческая наука оценивала все мероприятия государства по борьбе с радикальными элементами исключительно в негативном ключе, превращая «Охранное отделение» в «царскую охранку», «секретного сотрудника» в «провокатора», «ведущего наружное наблюдение» в «соглядатая». Понятие «филер» стало ругательным и оскорбительным само по себе, хотя данная служебная деятельность была обусловлена ростом нелегальных организаций и их ориентацией на применение насилия при достижении поставленных целей.

О секретных агентах, внедрявшихся в преступные сообщества, написано много. Их деятельность нельзя оценить однозначно, поскольку при выполнении своей миссии они часто выступали инициаторами терактов в силу личных качеств или стремления выслужиться перед начальством: «Они искусно добиваются преждевременной развязки (провокации) событий в условиях, благоприятных или предусмотренных правительством, которому эти внезапные выступления или покушения нужны для того, чтобы навести ужас на население и тем оправдать худшие репрессивные меры торжествующей реакции», – таково мнение французского журналиста начала XX в. Жана Лонге [4, с. 12]. А вот запись из дневника начальника Московского Охранного отделения Отдельного корпуса жандармов подполковника Мартынова: «Без хорошего провокатора невозможно сделать

карьеры<…> Словом “солидный сотрудник” – это успех, это повышение, награды, бесконтрольные суммы, власть» [2, с. 37].

Имена Азефа, Дегаева и других известны широкой общественности. Именно их безнравственные поступки бросают тень на тех, кто честно выполнял свой долг перед Отечеством. Однако не следует их путать с филерами, которые вели внешнее наблюдение без вмешательства в дела революционеров, лишь фиксируя их передвижения и контакты. Такая деятельность крайне необходима для борьбы с экстремизмом, и презрительно относиться к ней означает лишать мирных граждан надежды на защиту от насилия со стороны радикальных элементов.

Создание службы наружного наблюдения в полиции Российской империи происходило в последнюю четверть XIX в. и было вызвано потребностью, позднее сформулированной как необходимость «наблюдать за духом всего населения и за направлением политических идей общества, стараясь исследовать причины неблагоприятного правительству настроения умов» [3]. В 1894 г. при Московском Охранном отделении был организован особый «Летучий отряд филеров» для оперативного передвижения в различные губернии. Обострение революционной ситуации обозначило необходимость четкой регламентации всех сил правопорядка, поэтому в феврале 1907 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин подписал два документа: Инструкцию по организации наружного (филерского) наблюдения (далее: Инструкция) [1, с. 120–140], Инструкцию начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения (далее: Инструкция начальникам) [Там же, с. 95–105]. Анализ этих документов позволяет раскрыть сущность филерской службы и поставленных перед ней задач.

Дело ведения наружной наблюдательной службы требовало определенных навыков, которые можно было натренировать. Однако следует отметить, что основатели филерского дела в России считали личные качества сотрудника одним из основополагающих факторов успеха его деятельности. Так, среди нравственных характеристик претендента на должность выделялись честность и правдивость. Очевидно, что это не случайный повтор или литературный прием. Здесь речь идет о том, что честь мундира должна была ставиться превыше личных интересов, а объективность изложения добытой информации не могла нарушаться из-за стремления приукрасить и дополнить ее для привлечения внимания начальства к своей особе.

Серьезное и сознательное отношение к принятым на себя обязанностям должны были обеспечиваться политической и нравственной благонадежностью и твердостью в своих убеждениях. Безусловно, филер подвергал свою жизнь опасности, ведь раскрывший его объект слежки мог применить насилие с тем, чтобы уйти незамеченным. Однако неменьшую опасность представляли революционные идеи, постоянное воздействие которых был вынужден испытывать на себе сотрудник. Если вспомнить общую картину состояния российского общества и широко распространенную увлеченность критикой правительства, пронизавшей все социальные слои – от самых низов до членов императорской фамилии, подобные требования представляются крайне необходимыми.

Огромную роль играли интеллектуальные способности претендента на должность, а именно развитость и сообразительность, и такие черты характера, как настойчивость, терпеливость и осторожность, с одной стороны, и смелость и ловкость, с другой. Слежка за обычным человеком требует определенных умственных усилий, но ведение индивида, который знает, что вышел за рамки действующего законодательства и может быть привлечен к ответственности, происходит на пределе разумных возможностей. Постоянное движение в работе обусловило появление таких требований, как «крепкое здоровье, в особенности крепкие ноги» (§ 2 Инструкции), хорошее зрение, слух и память.

Слежка не всегда могла вестись строго за объектом, иногда сотрудник должен был на время отпустить его на определенное расстояние, чтобы не вызвать подозрений, а затем возобновить свою работу. Для этого он должен был располагать информацией, чтобы сделать верное предположение о том, на каком отрезке пути это можно сделать. Получение нужных сведений обеспечивалось такими необходимыми характеристиками, как «уживчивый» и «откровенный, но не болтун» (в значении коммуникабельный, имеющий подход к людям) (§ 2 Инструкции). Инструкция даже предлагала несколько психологических приемов для ведения бесед с дворниками, извозчиками и т. д. (§ 52).

Даже при наличии всех вышеперечисленных качеств предпочтение при приеме на службу должно было отдаваться военным, «окончившим военную службу в год поступления на филерскую службу, а также кавалеристам, разведчикам, бывшим в охотничьей команде, имеющим награды за разведку, отличную стрельбу и знаки отличия военного ордена» (§ 1 Инструкции). Строго оговаривался возраст – не старше 30 лет (§ 1 Инструкции). Семейное положение не имело значения. Более того, в одном из параграфов Инструкции, разъясняющем, как организовать слежку в другом

городе во время «продолжительной командировки», указывалось, что устройство на жизнь с семьей предоставит возможность продолжать наблюдение, замаскировавшись под прогулки с женой или ребенком (§ 73). Однако такие особенности, как «чрезмерная нежность к семье» или «непростительная слабость к женщинам» согласно § 5 Инструкции считались качествами, не совместимыми с филерской службой и вредно отражающимися на службе.

Особое внимание уделялось отношению филера к спиртным напиткам и национальной принадлежности претендента на должность. Алкоголизм значительно снижает нравственные и физические показатели личности, к тому же сотрудник мог быть вынужден оказаться в злачном заведении по долгу службы. Инструкция гласит: «Если филеры осуществляют наблюдение, сидя в пивной, трактире и проч., то должны садиться у окна таким образом, чтобы видно было, когда войдет или выйдет наблюдаемый. Деньги за пиво, чай и т. п. должны быть всегда наготове. Разговоров с посторонними нужно избегать» (§ 50). Еврейское и польское происхождение полностью исключало возможность поступления на службу в силу особенностей политической обстановки того времени (§ 3 Инструкции).

Сотрудник, большую часть времени проводивший на задании без контроля начальства, должен был действовать разумно и обоснованно, поэтому Инструкция предписывала разъяснение новичку следующих позиций:

1. Понятие «государственное преступление».
2. Понятие «революционер».
3. Представление о средствах революционной борьбы.
4. Несостоятельность учений революционных партий.
5. Задачи наружного наблюдения.
6. Необходимость «безусловно-правдивого отношения к службе вообще, а к даваемым сведениям в особенности».
7. Опасность искажения полученных сведений (§ 3).

Регламентировался внешний вид сотрудника, место его проживания, даже его досуг, направленный на развитие профессиональных навыков, для чего было необходимо детально изучать город и тренироваться в запоминании человеческих лиц (§ 5, 11 Инструкции). Существовал строгий порядок, в котором следовало замечать особые приметы: возраст, рост, телосложение, строение лица, растительность на голове, цвет и длину волос, особенности в одежде, походке, манерах. Интересно, что расхожие понятия «блондин», «шатен», «брюнет» считались недопустимыми в отчете. Вместо них предлагалась следующая градация: черный, темный, темно-русый, русый, светло-русый, седой. Рыжие подразделялись на темно-рыжих, рыжих и светло-рыжих (§ 12 Инструкции). Объект, попавший под наблюдение, должен был получить кличку из одного слова, которая должна была «характеризовать внешность наблюдаемого или выражать собою впечатление, которое производит данное лицо» (§ 17 Инструкции). Клички не должны были повторяться (§ 19 Инструкции), что обязывало филера к расширению словарного запаса.

Тщательному изучению и занесению в документы подвергались не только люди, но и объекты недвижимости. Для этого составлялся реестр сведений о домах, так называемая дуга домов, состоящая из листков трех цветов. На красный заносились сведения о том, как этот дом используется нелегалами (проживание, сходки, расположение специальных мастерских). Зеленый содержал сведения о посетителях и датах посещения. Белый представлял из себя выписки из домовых книг, касающиеся постоянных жильцов. Ежедневные наблюдения заносились в дневники, по которым один раз в месяц составлялись сводки для представления начальникам охранных отделений (§ 10 Инструкции начальникам).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ничего постыдного, безнравственного или даже преступного филерская служба в России не предполагала и не осуществляла. Строгий подход к фиксации сведений, детальная регламентация поведения в различных условиях, а также повышенные требования к претендентам позволяют говорить о продуманности действий, направленных на выявление социально опасных элементов и пресечение их террористической деятельности. Данный опыт должен быть изучен и взят на вооружение современными правоохранительными органами для усовершенствования своей деятельности, направленной на защиту благополучия государства и общества.

Библиографический список

1. Агентурная работа политической полиции Российской Империи : сб. док.: 1880–1917 / сост. Е. И. Щербакова. – Москва : АИРО-XXI ; Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2006. – 382 с. – ISBN 5-91022-024-1.

2. *Жухрай В. М.* Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы / В. М. Жухрай. – Москва : Политиздат, 1991. – 336 с. – ISBN 5-250-01170-5.

3. *Линдер И. Б.* Спецслужбы России за 1000 лет / И. Б. Линдер, С. А. Чуркин. – Москва : Рипол-Классик, 2017. – 784 с. – ISBN 978-5-386-09586-4.

4. *Лонге Ж.* Террористы и охранка / Ж. Лонге, Г. Зильбер. – Москва : Сов. Россия, 1991. – 208 с. – ISBN 5-268-00495-6.

5. Путин призвал проанализировать правоприменительную практику по делам об экстремизме. – URL: https://tass.ru/obschestvo/5270964 (дата обращения: 20.08.2019).

References

1. Secret Work of the Political Police of the Russian Empire. Compl. E. I. Shherbakova. Moscow, AIRO-XXI, Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin, 2006. 382 p. ISBN 5-91022-024-1.

2. *Zhukhraj V. M.* Secrets of the Royal Okhrana: Adventurers and Provocateurs. Moscow, Politizdat, 1991. 336 p. ISBN 5-250-01170-5.

3. *Linder I. B., Churkin S. A.* Russian Special Services within 1000 Years. Moscow, Ripol-Klassik, 2017. 784 p. ISBN 978-5-386-09586-4.

4. *Longe Zh., Zil'bert G.* Terrorists and Okhranka. Moscow, Sovetskaya Rossiya, 1991. 208 p. ISBN 5-268-00495-6.

5. Putin urged to analyze law enforcement practice in cases of extremism. URL: https://tass.ru/obschestvo/5270964 (accessed date: 20.08.2019).

Библиографическое описание статьи

Маркина О. В. Принципы организации филерской службы в Российской империи: историко-правовые аспекты борьбы с экстремизмом / О. В. Маркина // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 155–159.

УДК 343.8+172.15

Назарова Марина Григорьевна,
старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ВЮИ ФСИН России
кандидат философских наук
E-mail: nmg1972@mail.ru

Nazarova Marina G.,
Senior Lecturer of Humane, Social and Economic Studies Department of VLI of the FPS of Russia
PhD (Philosophy)

Некишев Василий Львович,
заместитель директора по антитеррористической безопасности МБОУ СОШ № 20 г. Владимира
E-mail: nvl-54@mail.ru

Nekishev Vasilij L.,
Deputy Director for Anti-terrorist Security MBOU SOSH No. 20 of Vladimir
PhD (Philosophy), Associate Professor

ПАТРИОТИЗМ КАК ЦЕННОСТНО-ПРАВОВАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ЛИЧНОСТИ И ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ УЧРЕЖДЕНИЙ УИС

Patriotism as a Value-legal Orientation of the Individual and a Factor Formation of the Organizational Culture of the Institutions of the Penal System of Russia

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению основ формирования организационной культуры учреждений и, в частности, учреждений уголовно-исполнительной системы. Авторы анализируют значение корпоративной культуры для развития организаций и выделяют факторы, детерминирующие процесс формирования организационной культуры. Корпоративный патриотизм интерпретируется как высшая степень лояльности и приверженности организации, ее целям и установкам.

Ключевые слова: организационная культура; мотивация; корпоративный патриотизм; приверженность; лояльность; идентификация.

Abstract. The article is devoted to the basics of formation of the organizational culture of institutions and, in particular, institutions of the penitentiary system. The authors analyze the importance of corporate culture for development of organizations and identify the factors determining the process of formation of organizational culture. Corporate patriotism is interpreted as the highest degree of loyalty and commitment to the organization, its goals and objectives.

Key words: organizational culture; motivation; corporate patriotism; commitment; loyalty; identification.

Актуальность темы исследования детерминирована тем, что в современном обществе организационная культура выступает как одно из самых эффективных средств, которое приносит «совершенно конкретный материальный результат и позволяет достичь стратегических целей организации» [3; 6; 11]. Данный тип культуры ученые определяют как сложный социальный феномен, формирующий чувство общности всех членов организации, увеличивающий вовлеченность сотрудников в ее деятельность, создающий чувство преданности ее идеям и тем самым обеспечивающий социальную стабильность и перспективу дальнейшего развития.

Столь пристальный интерес к разработкам в данной области в значительной степени обусловлен и тем, что изменения в сфере организационной культуры (далее: ОК) являются важным элементом модернизации всей государственной власти и, следовательно, должны носить системный характер [26].

Сегодня пока сделаны первые шаги в области исследования проблем формирования ОК в учреждениях УИС [7; 18; 28]. При этом отмечается, что ОК опирается на основные нормы и положения профессиональной этики.

Профессиональная этика согласно указу Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» и приказу ФСИН России от 11 января 2012 г. № 5 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы» рассматривается в данном случае как система устойчивых морально-правовых норм и принципов, которыми должен руководствоваться сотрудник УИС в своей деятельности. Эффективность выполнения должностных обязанностей зависит от того, насколько осознано социальное значение деятельности самими сотрудниками УИС, и от развития таких качеств, как чувство ответственности, долга, гуманности, справедливости, патриотизма [16, с. 57]. При этом наибольшая ответственность возлагается на руководителей коллективов. Так, в п. 9 Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы отмечается, что «сотруднику и федеральному государственному гражданскому служащему, наделенному организационно-распорядительными полномочиями по

© Назарова М. Г., Некишев В. Л., 2019

отношению к другим сотрудникам и федеральным государственным гражданским служащим… рекомендуется быть для них образцом профессионализма, безупречной репутации, способствовать формированию в учреждении или органе УИС благоприятного для эффективной работы морально-психологического климата, принимать меры к тому, чтобы подчиненные ему сотрудники и федеральные государственные гражданские служащие не допускали коррупционно опасного поведения, своим личным поведением подавать пример честности, беспристрастности и справедливости».

Исследователями неоднократно отмечается, что уровень организации служебной деятельности зависит от степени развития ОК коллектива сотрудников. Сегодня проблемы формирования ОК коллектива приобретают еще большее значение, что связано с увеличением потока информации и необходимостью ее быстрой обработки в условиях дефицита времени [20, с. 61].

В рамках настоящей статьи мы предпримем попытку выделить несколько важнейших функций, выполняемых ОК в современном обществе, раскрыть содержание корпоративной культуры и подчеркнуть ее роль в функционировании и эволюции любой организации, дать понимание корпоративного патриотизма.

Во-первых, культура организации выражает ее главную идею, цели и систему сложившихся в организации отношений и проявляет в деятельности сотрудников элементы культурной идентичности, формирует профессиональный имидж компании, одновременно способствуя сплоченности коллектива, внося характер стабильности и преемственности в функционирование всех уровней организации, укрепляя чувство социальной защищенности у ее работников.

Во-вторых, знание ОК своего учреждения помогает новым сотрудникам правильно понимать и интерпретировать происходящие в нем события.

В-третьих, корпоративная культура стимулирует самосознание и высокую ответственность работника, выполняющего конкретные задачи. Признавая и награждая таких людей, ОК выделяет их в качестве идеалов. Если рассматривать ОК как методы управления, то можно увидеть, что сегодня во многих компаниях она становится важнейшим элементом механизма мотивации.

ОК учреждений УИС в настоящее время выступает как важный стратегический инструмент, который может наделить все структурные подразделения и сотрудников УИС надежными ориентирами развития, сплотить и направить личный состав на эффективное решение как повседневных, так и перспективных задач УИС.

Психологи и исследователи корпоративной культуры утверждают, что работать с немотивированным персоналом стоит дорого. Опрос, который провели в ряде стран Запада, показал следующие результаты: оказывается, что человек мотивируется зарплатой не больше, чем на 15 %, а 85 % приходится на другие мотиваторы [2].

В одной из своих статей О. К. Леоновец приводит мнение известного консультанта агентства «Шведские экономические и финансовые консультанты проектов по международному развитию» Кристера Ферлинга, который, рассматривая проблему мотивации работников компании SKF, отмечал, что «практически по всему миру у работников, для которых вопросы развития и профессионального роста решены, расстановка доминантных приоритетных позиций примерно одинакова. На первом месте стоит команда, с которой работает человек; на втором – интересная работа. При этом зарплата занимает лишь седьмое место» [13].

Главным итогом формирования корпоративной культуры является изменение отношения сотрудника к организации, в которой он работает. Типология сотрудников Питера Сенге, на которую ссылается в своей статье В. П. Кардашов, включает в себя трансформацию отношения к работе от вектора нелояльности до состояния приверженности компании [9].

В системе учреждений и органов УИС формируется особая ОК со своими специфическими чертами, детерминированными общественно-политическими характеристиками развития современного российского общества.

Процесс реформирования УИС на принципах реального расширения прав осужденных, участия общественных и правозащитных организаций в выработке и реализации мероприятий по повышению эффективности деятельности учреждений УИС предопределяет необходимость таких же процессов в сфере формирования ОК подразделений УИС.

Однако реформирование УИС «не повлекло за собой заметного улучшения качественного состава сотрудников». В связи с этим возникает «необходимость создания эффективных организационных и педагогических форм воспитательной работы, которые обеспечивали бы требуемый уровень правовой, нравственной, моральной культуры лиц, проходящих службу в УИС» [4, с. 13].

Формирование новой ОК подразделений УИС сегодня происходит под воздействием следующих факторов, оказывающих влияние на деятельность УИС как социальный феномен:

– сложность и противоречивость социально-политических процессов, плюрализм системы цен-

ностей, характеризующих формирование современного российского общества;

– наличие экстремальных ситуаций и рисков в деятельности сотрудников УИС, когда приходится противостоять различного рода негативным факторам, а это требует наличия у сотрудников высокого уровня нравственного развития, убежденности в социальной значимости избранной профессии;

– существование таких негативных духовных ценностей, как конформизм, закрытость и др.

ОК российского общества имеет глубокие корни, и их изменение – это длительный и во многом сложный процесс, связанный с преодолением таких негативных элементов нравственной культуры, как: конформизм, закрытость, приоритет цифровых показателей, формализм, манипулирование законом, коррупция и т. д. «Российская интеллектуальная, политическая жизнь до сих пор не в состоянии распрощаться с воззрениями прошедших времен, преодолеть инерцию привычного и по-прежнему обрекает страну на колоссальные потери, застой, бесполезные попытки реанимации былого. Мы до сих пор учим действовать по Д. Карнеги или по Ф. Котлеру, в то время как западный мир уже живет по иным, синергетическим принципам, позволяющим успешно действовать в условиях крайней неравновесности и быстро меняющихся ситуациях, в так называемых диссипативных экономических структурах», – считает В. С. Капустин [8].

Статистические исследования, проводимые за последние 5 лет, показывают, что «количество преступлений коррупционной направленности в Российской Федерации, к сожалению, увеличивается. В 2018 г. было зафиксировано 30 495 преступлений коррупционной направленности, что на 2,9 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года» [1, с. 46].

В связи с вышесказанным необходимо обратить внимание на соблюдение следующих управленческих принципов технологии формирования ОК структурных подразделений УИС:

– подчинение всей деятельности по развитию ОК центральной задаче – формированию положительного имиджа УИС России на внутренней и международной аренах;

– соответствие правовых и организационных основ ОК определяющим основам концепции реформирования УИС;

– осуществление эмпирического анализа состояния ОК подразделений УИС необходимо проводить на основе методов, проверенных в российской и зарубежной теории и практике управления с учетом специфики развития отечественной УИС;

– адекватность методов воздействия на ОК базовым положениям реализации концепции развития УИС;

– постоянный мониторинг и внесение необходимых коррективов управленческого воздействия на процесс формирования ОК в подразделениях УИС.

Следует отметить, что теория ОК прошла ряд эволюционных этапов и в настоящее время представлена тремя основными методологическими подходами [29].

Первый подход характеризует ОК как объективную внешнюю составляющую, внесенную в организацию извне. В соответствии с данной точкой зрения ОК представляет собой определенную совокупность взглядов, идей и ценностей, которые возникают у личности под влиянием социума и общественной деятельности. Организация в этом ключе анализируется как определенный контур, внешний контекст, в котором выявляются все ценности, идеалы и нормы национальных культур.

Второй подход рассматривает ОК как внутреннюю составляющую организации. В данном аспекте предполагается, что каждая организация сама создает свою собственную культуру. Например, руководство организации, используя определенные установки, правила, нормы, формирует отдельную уникальную среду, в которой рождаются оригинальные ритуалы и церемонии.

Отличительной чертой рассмотренных подходов является дуализм в понимании содержания ОК, которая, с одной стороны, рассматривается как важный инструмент укрепления целостности организации, повышения эффективности ее деятельности, путь влияния на формирование мотивации сотрудников. А с другой – как определенный промежуточный итог контролируемых внутренних структурных трансформаций, происходящих в недрах организации.

В рамках третьего методологического подхода определяющей социальной функцией ОК является усвоение личностью конкретного социума его системы ценностей, норм, образцов поведения, посредством которых формируется стиль деятельности и образ жизни, эстетические и нравственно-правовые установки, задающие рамки индивидуального поведения членов организации. Иными словами, в данном случае мы имеем дело с феноменологическим подходом к пониманию сути ОК, при котором данный феномен рассматривается не как отдельная составляющая организации, а как ее суть. Данная методология предполагает понимание личности как органического единства субъекта и объекта ОК, в которой человек рассматривается как творец и конечная цель культуры [27].

В такой ситуации ключевой становится проблема отношения сотрудника к тем ценностям, которые являются приоритетными в данной организации. Насколько сотрудник готов защищать эти

ценности, быть патриотом своей организации? Это тем более важно, так как в современных условиях трансформируются представления о сущности такого феномена, как патриотизм.

Традиционный подход к анализу проблем патриотизма носит прежде всего нравственно-этический характер. В последнее время понятие «патриотизм» рассматривается с мировоззренческой позиции, включающей ценностно-правовую ориентацию личности или общности на активную гражданскую позицию и трудовой профессиональный вклад, способствующий реализации всех намеченных приоритетов государственного и национального развития.

Современная социальная жизнь выявила и новые акценты в понимании патриотизма.

Во-первых, сегодня меняются методологические подходы к осмыслению содержания понятия патриотизма как социально-философской и политико-правовой категории. Так, вычленение данного феномена из общей системы социальных ценностей должно реализовываться в рамках органического единства всех его функциональных связей и взаимодействий. Всесторонний анализ данного явления необходимо проводить на историко-генетическом уровне, позволяющем выявить истоки, перспективы и тенденции современного развития патриотизма. Патриотическая идея сегодня должна рассматриваться как один из важнейших инструментов формирования национальной идеологии и преодоления кризисных явлений. Идея патриотизма должна стать методологической основой теоретических исследований и практических решений в сфере формирования новой ОК современного российского общества во всех его сферах, о чем неоднократно говорил в своих выступлениях Президент Российской Федерации В. В. Путин: «У нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» [24].

Во-вторых, патриотизм является не просто ценностью, а становится институциональным фактором, оказывающим реальное воздействие на социально-экономическое развитие различных общностей людей [15].

В-третьих, патриотизм перестает отождествляться только с национальными общностями. Приверженность корпорации, в особенности многонациональной, может стать даже более значимым фактором последующего социального поведения [5].

Необходимо учитывать тот фактор, что организация в настоящее время рассматривается не как механизм добывания денег, а как особое культурное пространство, уникальная культурная сфера, создающая особые ценности [12].

Понятие «патриотизм» приобретает и новое значение – корпоративный патриотизм, который может возникать по отношению к партии, государству (со стороны чиновников), вузу и другим организациям. Корпоративный патриотизм традиционно рассматривается как высший уровень лояльности организации; как истинная приверженность организации; чувство безграничного служения без ожидания вознаграждения.

Можно выделить элементы, формирующие корпоративный патриотизм: гордость за принадлежность к организации, рассмотрение ее целей, норм и ценностей как собственных; активную включенность в деятельность организации; лояльность к организации, т. е. готовность всегда отстаивать ее интересы [23]. Однако, чтобы быть лояльным, работник организации должен испытывать чувства: доверия к администрации организации, к руководителю; удовлетворенности условиями пребывания в организации; вовлеченности, соучастия в принятии важных решений, касающихся корпорации.

Вышеназванные факторы могут проявляться у всех сотрудников по-разному. Например, элемент приверженности по отношению к организации может быть следующих типов: 1) истинным, реализующимся в максимальном проявлении всех факторов; 2) прагматическим, оценивать и сравнивать то, что работник дает организации и что получает взамен; 3) вынужденным, отсутствие у работника возможности найти другое место работы. Настоящими патриотами, от которых организация получает наибольшую отдачу, являются работники первого типа. При этом следует учитывать, что та приверженность, которую проявляют работники по отношению к организации, зависит не столько от их личных особенностей, сколько от условий и отношений, которые складываются между администрацией и персоналом. Ошибки в сфере управления, «игнорирование проблем работников, бюрократизм – негативно сказываются на моральном состоянии персонала, снижая уровень патриотизма» [14; 23].

Осознание роли и места процесса формирования у сотрудников учреждений УИС патриотического отношения к своей организации в деле становления эффективной ОК заставляет все большее число руководителей российских организаций уделять значительное внимание формированию и диагностике своих корпоративных культур, воспитанию чувства патриотизма и гордости у персонала за свое учреждение, особенно у молодых сотрудников [17; 19; 21; 22].

Только все элементы в комплексе и воспитывают корпоративный патриотизм, способствуя формированию чувства приверженности молодых работников организации, желания поступаться личными интересами в пользу компании; сочувствия, эмоционального переживания корпоративных проблем; отвержения предательства корпоративных интересов [25].

Воспитание чувства гордости за свое учреждение у сотрудников УИС в процессе становления корпоративной культуры организаций и подразделений УИС осуществляется в рамках таких процессов, как набор персонала, социализация работников, признание и продвижение сотрудников.

В современном обществе выделяют следующие критерии формирования приверженности сотрудников к ценностям своей организации: идентификация, вовлеченность, лояльность. Приверженность включает в себя ожидания, установки работников, специфику их рабочего поведения и то, как они воспринимают организацию. Она анализируется как особый комплексный фактор, в который включены трудовые ценности, этические, трудовые и правовые нормы работников, их мотивация и удовлетворенность трудом.

Достичь высокой приверженности персонала можно в том случае, если руководство организации придерживается таких принципов управления, при которых учитываются цели и интересы работников, обеспечивается мотивация трудовой деятельности, осуществляется их активное вовлечение в процесс решения общих проблем коллектива [10].

Связанная с приверженностью идентификация – это присвоение работниками организационных целей. Она зависит от того, в какой мере люди: информированы о положении дел в организации, дальнейших перспективах решения значимых для них проблем; насколько понимают единство собственных целей и целей организации; гордятся самим фактом своей работы в данной организации; считают справедливой оценку своего труда со стороны организации.

Следующий важнейший элемент ОК – вовлеченность, которая рассматривается как желание предпринимать личные усилия, вносить свой вклад как члена организации для достижения ее целей. Вовлеченность в работу организации может быть достигнута лишь в том случае, если работа в организации побуждает у людей: готовность к дополнительным усилиям, не ограничиваясь должностными инструкциями; чувство самоуважения, вызванное удовлетворенностью профессиональными успехами; заинтересованность в достижении высоких результатов; ответственность за выполненную работу.

Здесь также немаловажную роль играет принцип лояльности, который выражается в эмоциональной привязанности к своей организации. В данном контексте рассмотрения лояльность означает, что работа вызывает у работника: удовлетворенность условиями и содержанием работы, выполняемой в организации; ощущение внимания и заботы со стороны коллектива; удовлетворенность своей карьерой; уверенность в целесообразности длительной работы в данной организации.

Приверженные работники-патриоты в большей степени склонны к проявлению творчества и инициативы, что часто имеет решающее значение для сохранения конкурентоспособности организации.

Таким образом, в общей системе мер по оптимизации управления в УИС в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года целенаправленная деятельность по развитию ОК будет способствовать формированию положительного имиджа сотрудников УИС. Важнейшее место в рамках этого процесса занимает формирование корпоративного патриотизма сотрудников УИС, который базируется на лояльности и приверженности организации, чувстве уважения и преданности ценностям и идеалам ОК своего учреждения.

Библиографический список

1. *Ашин А. А.* Проблемы противодействия коррупции в России в современных условиях / А. А. Ашин, М. А. Некрасова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 2(51). – С. 46–53.

2. *Бурмистров А. К.* Какие методы повышения мотивации персонала являются наиболее действенными? / А. К. Бурмистров, Н. Д. Газенко // Управление персоналом. – 2003. – № 7. – С. 23–25.

3. *Давыдов Д. В.* Особенности взаимосвязи личностных ценностей и представлений об организационной культуре работников государственных организаций / Д. В. Давыдов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология». – 2013. – № 1(13). – С. 17–26.

4. *Дерен И. И.* Особенности организации воспитательной работы с сотрудниками уголовно-исполнительной системы / И. И. Дерен, Ю. А. Соколова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 2(51). – С. 13–15.

References

1. *Ashin A. A., Nekrasova M. A.* Problems of Combating Corruption in Russia in Modern Conditions. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2019. No. 2(51). P. 46–53.

2. *Burmistrov A. K., Gazenko N. D.* Which Methods of Increasing Staff Motivation are the Most Effective? *Upravlenie Personalom.* 2003. No. 7. P. 23–25.

3. *Davy'dov D. V.* Features of Interrelation of Personal Values and Representations about Organizational Culture of Employees of the State Organizations. *Vestnik Samarskoj Gosudarstvennoj Akademii. Seriya «Psikhologiya».* 2013. No. 1(13). P. 17–26.

4. *Deren I. I., Sokolova Yu. A.* Features of the Organization of Educational Work with Employees of the Penal System. *Vestnik Samarskoj Gosudarstvennoj Akademii. Seriya «Psikhologiya».* 2013. No. 1(13). P. 17–26.

5. *Ermolaev Yu. A.* Concepts of Corporate (Organizational) Culture as a Modern Stage of Development of the Theory of Human Resources Management:

5. *Ермолаев Ю. А.* Концепции корпоративной (организационной) культуры как современный этап развития теории управления человеческими ресурсами: компаративный анализ / Ю. А. Ермолаев // Социально-экономические явления и процессы. – 2011. – № 7(29). – С. 42–48.

6. *Есипова О. А.* Место организационной культуры в системе управления предприятием / О. А. Есипова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2013. – № 5(154). – С. 105–109.

7. *Казак Б. Б.* Организационно-правовые проблемы совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы по формированию и развитию организационной культуры : монография / Б. Б. Казак, О. Н. Чернякова. – Псков : [б. и.], 2012. – 128 с.

8. *Капустин В. С.* Введение в теорию социальной самоорганизации / В. С. Капустин. – Москва : РАГС, 2003. – 136 с.

9. *Кардашов В. П.* Мотивация персонала: теория и практика / В. П. Кардашов // Человек и труд. – 2003. – № 10. – С. 45–46.

10. *Комаров А. И.* Психология организационной приверженности / А. И. Комаров // Диалог социологии, образования и общества : материалы межвуз. науч.-практ. конф., 26 марта 2012 г. – Королёв : Королёв. ин-т упр., экономики и социологии, 2012. – С. 90–103.

11. *Конаков О. В.* К вопросу о влиянии организационной культуры на деятельность компании / О. В. Конаков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 1(356). – С. 62–67.

12. *Кочеткова А. И.* Человек – культура – организация: междисциплинарный подход / А. И. Кочеткова, Л. Карчевский, М. Гитлинг. – Москва : Динтер, 2005. – 275 с.

13. *Леоновец О. К.* Корпоративная культура как инструмент управления человеческими ресурсами / О. К. Леоновец // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2009. – № 17. – С. 146–153.

14. *Лесняк В. И.* Патриотическое воспитание в правоохранительных органах: состояние и факторы влияния / В. И. Лесняк // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2006. – № 2(57). – С. 131–135.

15. *Минаков В. А.* К вопросу о методологии исследования патриотизма / В. А. Минаков // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 14. – С. 67–70.

16. Назарова М. Г. Проблема духовно-нравственного становления личности сотрудника уголовно-исполнительной системы / М. Г. Назарова, В. Л. Некишев // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 1(46). – С. 56–60.

17. *Осипчукова Е. В.* Адаптация студентов в учреждениях высшего образования: факторный анализ / Е. В. Осипчукова, Н. В. Попова, Е. В. Попова // Современная школа: инновационный аспект. – 2016. – Т. 8, № 4. – С. 66–74.

18. *Паршков А. В.* Организационная культура уголовно-исполнительной системы. Сущность и факторы, обусловливающие ее формирование / Comparative Analysis. *Social'no-e'konomicheskie Yavleniya i Processy'.* 2011. No. 7(29). P. 42–48.

6. *Esipova O. A.* The Place of Organizational Culture in the Enterprise Management System. *Vestvnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta.* 2013. No. 5(154). P. 105–109.

7. *Kazak B. B., Chernyakova O. N.* Organizational and Legal Problems of Improving the Activities of the Criminal Executive System for the Formation and Development of Organizational Culture. Pskov, s. n., 2012. 128 p.

8. *Kapustin V. S.* Introduction to the Theory of Social Self-organization. Moscow, RAGS, 2003. 136 p.

9. *Kardashov V. P.* Staff Motivation: Theory and Practice. *Chelovek i Trud.* 2003. No. 10. P. 45–46.

10. *Komarov A. I.* Psychology of Organizational Commitment. *Dialogue of Sociology, Education and Society.* Korolyov, Korolyovskij Institut Upravleniya, E'konomiki i Sociologii, 2012. P. 90–103.

11. *Konakov O. V.* On the Impact of Organizational Culture on the Company's Activities. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta.* 2015. No. 1(356). P. 62–67.

12. *Kochetkova A. I., Karchevskij L., Gitling M.* Human – Culture – Organization: an Interdisciplinary Approach. Moscow, Dinter, 2005. 275 p.

13. *Leonovec O. K.* Corporate Culture as a Tool of Human Resources Management. *Vestnik Volzhskogo Universiteta imeni V. N. Tatishheva.* 2009. No. 17. P. 146–153.

14. *Lesnyak V. I.* Patriotic Education in Law Enforcement: State and Factors of Influence. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya «Social'no-gumanitarny'e Nauki».* 2006. No. 2(57). P. 131–135.

15. *Minakov V. A.* To the Question about the Methodology of Patriotism. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta.* 2010. No. 14. P. 67–70.

16. *Nazarova M. G., Nekishev V. L.* The Problem of Spiritual and Moral Formation of the Personality of an Employee of the Penal System. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2018. No. 1(46). P. 56–60.

17. *Osipchukova E. V., Popova N. V., Popova E. V.* Adaptation of Students in Higher Education Institutions: Factor Analysis. *Sovremennaya Shkola: Innovacionny'j Aspekt.* 2016. Vol. 8. No. 4. P. 66–74.

18. *Parshkov A. V., Chistyakova O. N.* Organizational Culture of the Penal System. The Essence and Factors that Determine its Formation. *Zakon i Pravo.* 2012. No. 1. P. 99–100.

19. The Situation of the Youth of Sverdlovsk Region in 2015: Scientific Basis of the Report to the Government of Sverdlovsk Region. Ed. by Yu. R. Vishnevskij. Ekaterinburg, UMC UPI, 2016. 272 p. ISBN 978-5-8295-0485-4.

20. *Polyakov A. V.* Specifics of Formation of Organizational Culture in Collectives of Employees of Penal System. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2018. No. 1(46). P. 61–65

А. В. Паршков, О. Н. Чистякова // Закон и право. – 2012. – № 1. – С. 99–100.

19. Положение молодежи Свердловской области в 2015 году: научные основы доклада правительству Свердловской области / под общ. ред. проф. Ю. Р. Вишневского. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – 272 с. – ISBN 978-5-8295-0485-4.

20. *Поляков А. В.* Специфика формирования организационной культуры в коллективах сотрудников уголовно-исполнительной системы / А. В. Поляков // Вестник Владимирского юридического института. – 2018. – № 1(46). – С. 61–65.

21. *Попова Н. В.* Корпоративная культура промышленного предприятия, ее влияние на развитие продуктивно-творческого потенциала молодых работников / Н. В. Попова // Конструкты и пространства культуры XXI века : междунар. сб. науч. ст. В 3 ч. Ч. 2 / науч. ред. М. В. Малошик. – Улан-Удэ : Изд-во ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2007. – ISBN 978-5-89610-103-1. – С. 148–154.

22. *Попова Н. В.* Формирование субъектности и норм в процессе адаптации молодых работников на предприятии / Н. В. Попова, Е. В. Попова // Образование и наука. – 2016. – № 6 (135). – С.110–125.

23. *Рязанова О. Е.* Роль корпоративной культуры в условиях интернационализации российского бизнеса / О. Е. Рязанова // Экономические науки. – 2007. – № 33. – С. 64–68.

24. Советы лидерам // Российская газета. – 2016. – 13 февр.

25. Тренды молодежной политики в зеркале социальных наук и технологий : монография / под общ. ред. А. В. Пономарева и Н. В. Поповой. – Екатеринбург : Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2018. – 260 с. – ISBN 978-5-7996-2359-3.

26. *Тынянова О. Н.* К вопросу об организационной культуре в органах исполнительной власти РФ / О. Н. Тынянова, С. П. Кытин // Пространство и Время. – 2012. – Т. 1, вып. 2.

27. *Флиер А. Я.* Функции культуры / А. Я. Флиер // Культурология. XX век : энциклопедия : в 2 т. – Санкт-Петербург : Унив. кн., 1998. – Т. 2. – ISBN 5-7914-0029-2. – С. 321–323.

28. *Чернякова О. Н.* Организационная культура уголовно-исполнительной системы: понятие, сущность и структура / О. Н. Чернякова // Безопасность уголовно-исполнительной системы. – 2012. – № 1(17). – С. 23–26.

29. *Smircich I.* Concepts of Culture and Organizational Analysis / I. Smircich. – URL: http://www.emeraldinsight.com/Insight (дата обращения: 05.10.2019).

21. *Popova N. V.* Formation of Subjectivity and Norms in the Process of Adaptation of Young Workers at the Enterprise. *Education and Science.* In 3 pt. Pt. 2. Sci. ed. M. V. Maloshik. Ulan-Ude', FGOU VPO VSGAKI, 2007. ISBN 978-5-89610-103-1. P. 148–154.

22. *Popova N. V., Popova E. V.* Corporate Culture of an Industrial Enterprise, Its Influence on the Development of Productive and Creative Potential of Young Employees. *Obrazovanie i Nauka.* 2016. No. 6(135). P. 110–125.

23. *Ryazanova O. E.* The Role of Corporate Culture in the Internationalization of Russian Business. *E'konomicheskie Nauki.* 2007. No. 33. P. 64–68.

24. Tips for Leaders. *Rossijskaya Gazeta.* 2016. Febr. 13.

25. Trends of Youth Policy in the Mirror of Social Sciences and Technologies. Ed. by A. V. Ponomarev, N. V. Popova. Ekaterinburg, Ural'skij Gosudarstvenny'j Universitet imeni Pervogo Prezidenta Rossii B. N. El'cina, 2018. 260 p. ISBN 978-5-7996-2359-3.

26. *Ty'nyanova O. N., Ky'tin S. P.* On the Question of Organizational Culture in the Executive Authorities of the Russian Federation. *Prostranstvo i Vremya.* 2012. Vol. 1. Iss. 2.

27. *Flier A. Ya.* Function of Culture. *Culturology. 20th Century.* In 2 vol. Vol. 2. Saint Petersburg, Universitetskaya Kniga, 1998. P. 321–323. ISBN 5-7914-0029-2.

28. *Chernyakova O. N.* Organizational Culture of the Penal System: Concept, Essence and Structure. *Bezopasnost' Ugolovno-ispolnitel'noj Sistemy'.* 2012. No. 1(17). P. 23–26.

29. *Smircich I.* Concepts of Culture and Organizational Analysis. URL: http://www.emeraldinsight.com/Insight (accessed date: 05.10.2019).

Библиографическое описание статьи

Назарова М. Г. Патриотизм как ценностно-правовая ориентация личности и фактор формирования организационной культуры учреждений УИС / М. Г. Назарова, В. Л. Некишев // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 160–166.

УДК 340:004

Петрова Ирина Леонидовна,
доцент кафедры теории и истории государства и права Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ кандидат юридических наук, доцент
E-mail: i-l-petrova@mail.ru

Petrova Irina L.,
Assistant Professor of Theory and History of State and Law Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU PhD (Law), Associate Professor

Манохин Виталий Сергеевич,
магистрант Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: vitalijmanohin@yandex.ru

Manokhin Vitalij S.,
Graduate Student of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU

ЦИФРОВОЕ ПРАВО – НОВАЯ ОТРАСЛЬ РОССИЙСКОГО ПРАВА (ВОПРОСЫ НОМИНАЦИИ)?

Digital Law – a New Branch of Russian Law (Nomination Questions)?

Аннотация. В статье анализируются различные подходы к пониманию цифрового права. В настоящее время в доктринальной литературе всего мира нет единой сформулированной концепции права в цифровой среде: одни авторы используют термин «сетевое право», другие – «киберправо». Возникают вопросы и о месте цифрового права как в сфере юридической науки, так и в системе права. На международном уровне ведутся жаркие дискуссии касательно выделения «киберправа» в статусе отдельной дисциплины. Действия законодателя в условиях неоднозначного трактования данного термина и слабой доктринальной проработки кажутся поспешными и могут серьезным образом навредить формирующейся цифровой экономике. На основании проведенного анализа авторы делают вывод о том, что нельзя еще считать цифровое право самостоятельной отраслью права, это, скорее, формирующаяся отрасль российского законодательства.

Ключевые слова: цифровое право; цифровая экономика; киберправо; сетевое право; интернет-право; отрасль российского законодательства; платформенное право.

Abstract. The article analyzes various approaches to understanding digital law. Currently, doctrinal literature around the world does not have a single formulated concept of law in the digital environment: some authors use the term «network law», others use «cyber law». Questions arise about the place of digital law both in the field of legal science and in the legal system. At the international level, heated discussions regarding the allocation of «cyber rights» in the status of a separate discipline are held. The actions of the legislator in the face of an ambiguous interpretation of this term and a weak doctrinal study seem hasty and can seriously harm the emerging digital economy. Based on the analysis, the authors conclude that one cannot still consider digital law as an independent branch of law, but rather, it is an emerging branch of the Russian law.

Key words: digital law; digital economy; cyber law; network law; Internet law; branch of the Russian law; platform law.

В настоящее время идет активный процесс цифровизации всех ключевых институтов общества. Образование, право и экономика уже активно входят в цифровую эру, реформируя свою внутреннюю структуру и создавая новые элементы, необходимые для правильного функционирования в цифровой реальности. Для установления вектора развития цифрового общества в 2017 г. указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 была утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (далее: Стратегия). Она содержит в себе наиболее важные элементы, которые необходимо создать для формирования высокоразвитого информационного общества. Одним из главных пунктов Стратегии является реформирование законодательства в целях регулирования отношений, складывающихся в цифровой среде. В результате законотворчества был разработан ряд нормативных правовых актов, один из которых уже вступил в силу, а остальные лишь подходят к этой стадии, в связи с чем возникает потребность в обсуждении того, что собой представляет цифровое право на данный момент, так как даже в доктринальной литературе нет лидирующей позиции в этом вопросе.

С 1 октября 2019 г. вступил в силу Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Данный нормативный правовой акт ознаменовал собой появление в законодательстве такой дефиниции, как «цифровые права», и вызвал активные дискуссии среди ученых-юристов. Основным тезисом является несамостоятель-

© Петрова И. Л., Манохин В. С., 2019

ность введенной нормы: новый объект гражданских прав не выступает в обороте сам по себе, а предстает в той роли и под тем именем, которые прописываются в определенной информационной системе [2, с. 165]. Не вполне корректно вводить и понятие «цифровые права», поскольку нет единообразного понимания и толкования термина «цифровое право». Большое количество комплексных проблем необходимо решить путем соотношения имеющихся точек зрения и анализа тех явлений, которые могут считаться частью цифрового права.

В доктринальной литературе до сих пор ведутся споры относительно того, как правильно называть право в цифровой среде: киберправо, интернет-право, цифровое право или виртуальное право.

Как отмечает Т. М. Гришина, Мануэль Кастельс, испанский социолог, одним из первых сформулировал понятие «сетевое право» [4, с. 5]. В основе своей теории он ставит сбор, передачу и обработку информации, а возникновение сетевого права связывает с развитием сети «Интернет». Т. М. Гришина в своей работе развивает идеи М. Кастельса. Она формулирует понятие «сетевое право», которое характеризуется функционированием в виртуальном пространстве, высокой скоростью правовых процессов и адресным характером применения норм. Т. М. Гришина делает вывод о необходимости выделения новой отрасли права, так как предпосылки создания уже давно заложены в различных нормативных правовых актах. Интересна мысль данного автора о сетевой природе права. Т. М. Гришина рассматривает термин «сетевой» как группу взаимосвязанных элементов, находящихся в едином пространстве [Там же, с. 15], т. е. право есть инструмент взаимосвязи различных элементов, которые находятся в пространстве правоотношений.

Вряд ли можно согласиться с подобным подходом и некоторыми элементами концепции сетевого права. Адресный характер применения норм подразумевает, что мы можем определить то лицо, на которое направлено волеизъявление, однако это не так. Во-первых, одна из ключевых способностей сети «Интернет» состоит в том, что в ней невозможно исчерпывающе идентифицировать субъекта правоотношений (например, связываясь по электронной почте, вы вводите ее адрес, который не может точно конкретизировать субъекта). Во-вторых, мы должны четко обозначать размеры сетей, в рамках которых действует сетевое право: локальные, всемирные или иные. Т. М. Гришина в своей работе также упоминает виртуальное право, делая вывод о тождественности данных понятий.

Одна из наиболее известных точек зрения заключается в рассмотрении не сетевого, а интернет-права. Так, В. В. Архипов характеризует интернет-право как отрасль законодательства, которая регулирует общественные отношения в связи с использованием сети «Интернет» [1]. Он связывает имеющиеся подходы к правовому регулированию и сетевую архитектуру, раскрывая системные проблемы последней. Вместе с тем ряд исследователей отождествляют понятие, сформулированное В. В. Архиповым, и термин «цифровое право», что в данном случае не совсем корректно, так как цифровое право действует в определенной цифровой среде, представленной в виде набора чисел в электронной вычислительной машине, и ограничивать сферу действия лишь сетью «Интернет» значит сужать возможности правового регулирования [7, с. 14].

Другой автор, М. В. Мажорина, анализирует целый круг различных подходов к понятию права в цифровой среде. Наибольший интерес представляет ее концепт киберправа. Она рассматривает его лишь как отдельный институт гражданского права, утверждая, что правовое регулирование в сети «Интернет» можно осуществлять при помощи инструментов, созданных в рамках международного частного права. Однако М. В. Мажорина игнорирует такое понятие, как «киберпространство», которое в данном случае является ключевым [6, с. 119].

Д. Е. Добринская исследует существующие точки зрения, касающиеся природы киберпространства. Она приходит к выводу, что это понятие можно рассматривать с различных позиций (философской, социологической, технической и т. д.), однако в любом случае киберпространство является новым типом пространства, в условиях которого развивается так называемое сетевое общество [5, с. 65]. Таким образом, киберправо регулирует общественные отношения, складывающиеся на разных уровнях киберпространства, т. е. это понятие шире, нежели все вышеописанные и более подходит для описания отдельной области юридической науки, изучающей возникновение и развитие права в информационном обществе.

Можно сделать вывод о том, что в рамках российской юридической мысли отсутствует единство понимания такого явления, как «цифровое право». Все вышеописанные концепции не дают точного ответа на вопрос, что такое цифровое право: это одна из теорий трансформации права в цифровой среде или самостоятельная область юридической науки.

В зарубежных странах долгое время ведутся споры касательно самостоятельности киберправа. Одна из самых известных дискуссий развернулась на страницах американской юридической литературы. Ф. Истербрук, профессор Чикагского университета, выступил с негативной оценкой фор-

мирования интернет-права, сравнивая его с «лошадиным правом». По его мнению, технические революции не могут изменить саму природу права, оно может адаптироваться для регулирования новых явлений, однако нельзя говорить о формировании новых отраслей. В свою очередь профессор права Гарвардского университета Л. Лессинг отметил, что особую важность для права имеет то пространство, в котором оно действует [7, с. 14]. При регулировании общественных отношений в сети «Интернет» нужно учитывать, что в этом пространстве действуют свои правила, связанные с архитектурой Всемирной сети, поэтому регулирование отношений в Интернете и физическом мире существенно отличается.

Споры относительно самостоятельности киберправа ведутся за рубежом до сих пор. Так, некоторые иностранные авторы говорят о формировании так называемого платформенного права [8] – права, действующего в рамках определенных транснациональных компаний, по большей части осуществляющих деятельность в сети «Интернет». Они создают собственное право на основе внутренних регламентов и пользовательских соглашений, которые закрепляют наиболее выгодные для них условия: «ebay law», «Amazon law» и пр. В данном случае можно говорить о смещении интересов в сторону продавца, так как конфликты разрешаются с учетом наиболее выгодного для него законодательства. Вместе с тем международная практика дает примеры создания межгосударственных центров альтернативного урегулирования споров [6, с. 115]. Данная технология активно используется для разрешения потребительских споров. Стороны передают все имеющиеся данные третьей стороне, которая и разрешает вопрос о том, кто в данном случае виноват. Активная автоматизация данного процесса существенно его ускоряет и минимизирует возможные ошибки и несправедливости.

Анализируя научное творчество зарубежных авторов, можно сделать вывод о том, что в других странах нет единой теории цифрового права. Во-первых, отсутствует единая терминология – вопросы унифицированной номинации нового, киберправового, явления дискутируются и остаются пока открытыми. Во-вторых, не решены вопросы относительно природы данного явления. В-третьих, ведутся споры о необходимости выделения киберправа в отдельную область юридической науки.

Подобная ситуация сложилась и в нашей стране. Динамичное развитие информационных технологий вынуждает законодательство трансформироваться, причем порой резкими скачками. Если юридическая мысль развивается последовательно, формируя саму концепцию, ее основополагающие принципы и методы, то законодательство должно восполнять возникающие пробелы и устранять недоработки максимально быстро. Именно по этой причине принимаемые законы и поправки, связанные с цифровыми правами, были существенно раскритикованы учеными-юристами. В результате действия законодателя возникло двойственное понимание цифрового права: с одной стороны, это область юридической мысли, рассматривающая трансформацию права в цифровой среде, а с другой – это объект гражданских прав, который положил начало новому развивающемуся институту.

В условиях уже сложившихся концепций и принятых нормативных правовых актов необходимо создать единую цифровую теорию, которая объединит разрозненные авторские подходы и поможет разграничить теорию и практику. Для формирования доктринального подхода подойдет термин «киберправо», который обладает трансграничностью (его используют как в России, так и за рубежом), а также связан с понятием «киберпространство» (оно выступает связующим звеном между различными областями науки). Определить понятие «киберправо» можно как сферу юридической науки, изучающую становление юридических норм, которые выражены цифровым кодом в строгой последовательности и регулируют общественные отношения, складывающиеся на разных уровнях киберпространства.

Для юридической практики наибольшее значение имеют два смежных понятия – «интернет-право» и «цифровое право». Если опираться на концепцию, сформированную В. В. Архиповым, то интернет-право регулирует вопросы, возникающие при использовании новых цифровых технологий (блокчейн, big data и т. д.), защите персональных данных и предотвращении нарушения интеллектуальных прав в сети «Интернет» [1]. Оно не является самостоятельной отраслью права, а сформировано в рамках отдельных нормативных правовых актов. Цифровое право в настоящий момент активно создается законодателем и направлено на регулирование цифровой экономики. То есть можно сделать вывод о том, что законодательство не ограничивается отношениями, возникающими в сети «Интернет», ибо оно закрепляет также функционирование новых цифровых технологий в условиях российского законодательства и решает иные вопросы, связанные с их использованием.

Подводя итог, отметим, что еще слишком рано считать цифровое право самостоятельной отраслью права. Введенные поправки в ГК РФ не могут применяться без дополнительных нормативных актов. В настоящее время цифровое пра-

во – скорее, формирующаяся отрасль российского законодательства [3, с. 146], наподобие предпринимательского или корпоративного права. Главное, чтобы законодатель не стремился как можно быстрее урегулировать использование цифровых технологий, отрицая все исследования ученых-юристов, а последовательно развивал идеи, заложенные в российской и зарубежной доктрине. В свою очередь ученые-юристы должны сформировать общую концепцию развития правовой мысли в сфере цифрового права и постараться предложить законодателю альтернативные планы развития данной отрасли законодательства.

Библиографический список

1. *Архипов В. В.* Интернет-право / В. В. Архипов. – Москва : Юрайт, 2018. – 249 с. – ISBN 978-5-534-03343-4.

2. *Головкин Р. Б.* «Цифровые права» и «цифровое право» в механизме цифровизации экономики и государственного управления / Р. Б. Головкин, О. С. Амосова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 2(51). – С. 163–167.

3. *Головкин Р. Б.* Правовые аспекты цифровой идентификационной маркировки некоторых объектов и субъектов правоотношений / Р. Б. Головкин, О. А. Цыганова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 3(52). – С. 143–147.

4. *Гришина Т. М.* Сетевому праву – сетевое общество / Т. М. Гришина // Вестник Международного юридического института. – 2017. – № 2(61). – С. 5–16.

5. *Добринская Д. Е.* Киберпространство: территория современной жизни / Д. Е. Добринская // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. – 2018. – Т. 24, № 1. – С. 52–70.

6. *Мажорина М. В.* Цифровые платформы и международное частное право, или есть ли будущее у киберправа? / М. В. Мажорина // Lex Russica. – 2019. – № 2(147). – С. 107–120.

7. Термин «цифровое право» в доктрине и правовых текстах / А. Васильев, Ж. Ибрагимов, Р. Насыров, И. Васев // Юрислингвистика. – 2019. – № 11. – С. 13–18.

8. *Backer L. C.* Economic Globalization and the Rise of Efficient Systems of Global Private Lawmaking: Wal-Mart as Global Legislator / L. C. Backer // Connecticut Law Review. – 2007. – Vol. 39, no. 4. – P. 3–46.

References

1. *Arkhipov V. V.* Internet Law. Moscow, Yurajt, 2018. 249 p. ISBN 978-5-534-03343-4.

2. *Golovkin R. B., Amosova O. S.* «Digital Rights» and «Digital Law» in the Mechanism of Digitization of the Economy and Public Administration. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2019. No. 2(51). P. 163–167.

3. *Golovkin R. B., Czy'ganova O. A.* Legal Aspects of Digital Identification Marking of Certain Objects and Subjects of Legal Relations. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2019. No. 3(52). P. 143–147.

4. *Grishina T. M.* Network Law is for Network Society. *Vestnik Mezhdunarodnogo Yuridicheskogo Instituta.* 2017. No. 2(61). P. 5–16.

5. *Dobrinskaya D. E.* Cyberspace: the Territory of Modern Life. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18. Sociologiya i Politologiya.* 2018. Vol. 24. No. 1. P. 52–70.

6. *Mazhorina M. V.* Digital Platforms and International Private Law, or Does Cyber Law Have a Future? *Lex Russica.* 2019. No. 2(147). P. 107–120.

7. *Vasil'ev A., Ibragimov Zh., Nasy'rov R., Vasev I.* The Term «Digital Law» in Doctrine and Legal Texts. *Yurislingvistika.* 2019. No. 11. P. 13–18.

8. *Backer L. C.* Economic Globalization and the Rise of Efficient Systems of Global Private Lawmaking: Wal-Mart as Global Legislator. *Connecticut Law Review.* 2007. Vol. 39. No. 4. P. 3–46.

Библиографическое описание статьи

Петрова И. Л. Цифровое право – новая отрасль российского права (вопросы номинации)? / И. Л. Петрова, В. С. Манохин // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 167–170.

УДК 342.59.7

Сизганова Елена Юрьевна,
доцент кафедры государственного и муниципального управления Владимирского филиала РАНХиГС кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: sizganov@rambler.ru

Sizganova Elena Yu.,
Assistant Professor of State and Municipal Administration Department of Vladimir Branch of the RANEPA PhD (Pedagogy), Associate Professor

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ КОДЕКСА ЭТИКИ И СЛУЖЕБНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ СЛУЖАЩИХ

The Analysis of the Content of the Ethics Code and Official Behavior of State and Municipal Employees

Аннотация. Определяя приоритетные ориентиры развития современной государственной службы, общество и государство создают единую динамически функционирующую правовую систему, основу которой, помимо юридических понятий, составляют общепринятые в России моральные принципы и этические нормы поведения. В статье анализируется содержание ведомственных и региональных этических кодексов государственных служащих с позиций соответствия требованиям современной ситуации развития общества и государства, обозначены проблемы реализации некоторых положений Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих.

Ключевые слова: этический кодекс; принципы и нормы поведения; служебное поведение государственных и муниципальных служащих; конфликт интересов; коррупционное поведение; толерантность.

Abstract. Defining the basic guidelines for the development of modern public service, society and the state create a unified dynamically functioning legal system, the basis of which, in addition to legal concepts, generally contains the accepted in Russia moral principles and ethical norms of behavior. The content of departmental and regional codes of ethics of civil servants is analyzed from the standpoint of compliance with the requirements of the modern situation of society development and the state, the implementation problems of some provisions of the model code of ethics and official behavior of civil servants of the Russian Federation are identified.

Key words: ethical code; principles and norms of behavior; official behavior of the state and municipal employees; conflict of interests; corruption behavior; tolerance.

Современная ситуация развития общества характеризуется противоречивостью и нестабильностью, определяя сложность общественных связей и меняя их характер. Новое время, обусловленное глобальными социальными изменениями, предъявляет новые требования к осуществлению профессиональной деятельности государственного и муниципального служащего. По данным социологических опросов, деловая репутация государственного служащего и государственной службы в целом в настоящее время не вполне соответствует тому уровню сформированности, который характеризует наше общество как демократическое и сопоставимое с мировыми стандартами государственности [2; 3]. Одной из причин данной проблемы является нарушение нравственных норм поведения отдельными представителями государственной власти [4].

Государство осуществляет систематическую деятельность по продвижению позитивного имиджа и формированию авторитета государственной службы, последовательно реализует антикоррупционную политику. Результатом такой деятельности является создание Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих от 23 декабря 2010 г. (протокол № 21) (далее: Кодекс).

Данный документ составлен на основе положений Конституции Российской Федерации, ряда международных документов и таких законодательных актов Российской Федерации, как: Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ; указ Президента Российской Федерации от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих», и опирается на моральные нормы и принципы, принятые в мировом и российском сообществах.

Если говорить о кодексе этики, принятом в международном праве (например Международный кодекс поведения государственных должностных лиц, принятый резолюцией 51/59 Генеральной Ассамблеи ООН от 12 декабря 1996 г.), то следует отметить, что общие принципы этого документа предписывают служащему осуществлять свою деятельность в соответствии с интересами служения своему государству, а среди значимых качеств служащего выделены ответственность и добросовестность в распоряжении ресурсами государства, недопущение какой бы то ни было дискриминации,

© Сизганова Е. Ю., 2019

беспристрастность, также рассматривается вопрос коллизии интересов и принятия подарков или других знаков внимания.

Появление данного документа свидетельствует о необходимости разработки действенных механизмов формирования поведения государственного (муниципального) служащего в связи с появлением в языке юридической психологии таких понятий, как «конфликт интересов», «коррупционное поведение», «антикоррупционная устойчивость», «толерантность». Раскрывая эти понятия, следует указать на соответствие содержания данных понятий содержанию основных этических категорий, таких как порядочность, честность, гуманизм. Названные качества являются основой базовой культуры личности, характеризуют уровень духовной культуры общества.

Остановимся на трактовке данных понятий в общем виде. Под конфликтом интересов, как правило, понимают противоречие, возникающее в результате столкновения должностных обязанностей и личных интересов человека. В связи с этим раскрывается и понятие коррупционной деятельности как следование собственным материальным потребностям и интересам, противоречащее исполнению долга служения государству и обществу. В свою очередь, такое качество личности, как «антикоррупционная устойчивость» представляет собой осознанное убеждение человека соблюдать законы и нравственные устои своей страны и государства, служить интересам народа, что предполагает наличие таких качеств, как патриотичность и высокие нравственные идеалы личности.

С понятием нравственности также связано и понятие толерантности как осознанное признание равенства прав граждан перед законом независимо от каких-либо национальных, половых и других различий.

Следует отметить, что правила этики государственного служащего определены не только в Кодексе, но и закреплены нормативно в федеральных законах от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» и от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации». В данном случае речь идет уже не о рекомендациях, а о конкретных статьях закона. Так, в ст. 18 Федерального закона «О системе государственной службы Российской Федерации» отмечено, что основным смыслом профессиональной деятельности гражданского служащего является защита прав и свобод человека, при этом служащему необходимо соблюдать беспристрастность и не допускать субъективных решений по отношению ко всем без исключения юридическим и физическим лицам, не допускать возникновения ситуаций с наличием конфликта интересов, демонстрировать нейтральное отношение к религиозным и политическим объединениям.

Изучив содержание Кодекса, мы обнаружили ряд моментов, вызывающих некоторые вопросы. Во-первых, нужно подчеркнуть, что содержание данного документа не обновлялось с 2010 г. Возможно этого и не требуется, так как в федеральные законы, касающиеся деятельности государственного и муниципального служащего, изменения вносятся постоянно, однако эти изменения не касаются вопросов этики поведения. В связи с этим в Кодексе остаются спорными или не вполне ясными для понимания и, что особенно важно, осуществления на практике некоторые моменты. В Кодексе указано, что гражданин Российской Федерации, принятый на государственную или муниципальную службу, обязан знать и соблюдать положения Кодекса в целях создания положительного образа власти в сознании населения. Однако, например, в ч. IV Кодекса говорится об ответственности государственных и муниципальных служащих за нарушение или несоблюдение ими правил этики, которое ведет к применению юридических мер, при этом не поясняется, о каких мерах и за какие конкретно нарушения они применяются. Можно предположить, что указанные нюансы связаны с обобщенным и рекомендательным характером Кодекса и предполагают более детальную конкретизацию в кодексах этики соответствующих государственных органов и органов местного самоуправления.

Проанализировав в этом аспекте тексты сорока девяти ведомственных и десяти региональных кодексов этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации, можно констатировать следующее. В двадцати восьми ведомственных кодексах пункт «Ответственность за нарушение положений Кодекса» включает в себя довольно общее и в целом формальное положение о том, что нарушение этических принципов и правил поведения гражданским служащим ведет за собой моральное осуждение, а в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, влечет применение к гражданскому служащему мер юридической ответственности.

Хотя справедливости ради надо отметить, что, например, в Кодексе этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих Федерального агентства по государственным резервам, утвержденном приказом Росрезерва от 5 апреля 2019 г. № 98, имеются приложения, в которых наиболее детально прописаны вопросы использования государственными служащими социальных сетей и организации внеслужебного времени, дана инструкция по ор-

ганизации профессионального взаимодействия, определен стандарт внешнего вида государственных гражданских служащих, чего нет в подобных документах других ведомств.

Два ведомственных кодекса – Этический кодекс поведения государственных гражданских служащих Федеральной службы по труду и занятости, утвержденный приказом Федеральной службы по труду и занятости от 30 марта 2009 г. № 197-рк, и Этический кодекс государственных гражданских служащих Федеральной антимонопольной службы, утвержденный приказом ФАС России от 25 февраля 2011 г. № 139, – в статье об ответственности за нарушение этики и культуры поведения содержат положения о том, что государственный служащий «должен понимать (осознавать), что явное и систематическое нарушение норм данного Кодекса несовместимо с дальнейшей служебной деятельностью».

В связи с такой формулировкой возникает ряд вопросов: каким образом следует определить, что конкретно понимается под явным и систематическим нарушением, какая ответственность следует за это нарушение, а также каковы последствия недостаточно четкого понимания служащим этой ответственности.

В девятнадцати ведомственных кодексах в части об ответственности за нарушения положений о надлежащем поведении речь идет лишь о моральном осуждении и урегулировании спорных этических вопросов в соответствующей конфликтной или аттестационной комиссии.

В двух кодексах – Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих Управления делами Президента Российской Федерации, утвержденный приказом Управления делами Президента Российской Федерации от 14 ноября 2011 г. № 607, и Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Министерства энергетики Российской Федерации, утвержденный приказом Минэнерго России от 25 марта 2011 г. № 90, – пункт об ответственности за нарушение этики государственным служащим отсутствует совсем.

В Кодексе этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации, утвержденный Следственным комитетом Российской Федерации 11 апреля 2011 г., определено, что нарушением Кодекса следует считать ненадлежащее выполнение принципов этики или совершение действий, приносящих вред чести служащего или ведомства в целом, а также определены обстоятельства, которые влияют на определение меры наказания за совершенный проступок.

Анализ содержания десяти региональных кодексов этики показал их сходство с ч. IV Кодекса об ответственности за нарушение кодекса. Однако в одном из них, а именно в Кодексе этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Краснодарского края, замещающих должности государственной гражданской службы Краснодарского края в департаменте имущественных отношений Краснодарского края, утвержденном приказом Департамента имущественных отношений Краснодарского края от 15 февраля 2019 г. № 371, есть четыре детально проработанных пункта. В частности, здесь указано, в каких случаях неэтичный поступок гражданского служащего будет рассмотрен комиссией департамента и повлечет наступление ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации. Даны рекомендации руководителю департамента по форме указания недопустимости нарушения правил поведения государственного служащего (устное замечание, предупреждение, требование о публичном извинении), а также устанавливается, что «строгость мер ответственности за совершенный гражданским служащим неэтичный поступок зависит от объема ущерба, причиненного репутации гражданского служащего или авторитету департамента». При этом важное значение имеет «анализ поступка гражданского служащего на предмет его соответствия ограничениям, запретам и требованиям к служебному поведению исходя из характера, места, времени и обстоятельств его совершения». Отдельно указывается на зависимость ущерба репутации службы от размера аудитории, которая знает о совершении проступка служащим.

В представленном материале видно, что в данной ситуации кодекс рассматривается скорее не как свод законодательных актов, объединяющий и структурирующий правовые нормы, регулирующие определенную область общественных отношений, а как интегрированный законодательный акт, в который входят нормы и законодательного, и регламентарного характера [1]. Результатом кодификации в таком случае является недостаточная для юридического языка нормативность текста кодекса.

Анализируя проблему решения вопросов нормативного подхода к этическим принципам, понятиям и положениям, следует подчеркнуть ее особую сложность, так как содержательная характеристика основных понятий нравственности, моральных норм не имеет однозначного толкования и в гуманитарных науках. Не случайно в юридической сфере, требующей использования четких и однозначных формулировок, данные вопросы приобретают еще большую степень сложности. Надо

учитывать и тот факт, что спектр ситуаций этического характера, уже имеющих место или потенциально возможных в профессиональной деятельности служащего, достаточно широк.

Кроме того, можно предположить, что, решая данные вопросы, следует искать не только юридические, но и другие возможности повышения результативности применения положений Кодекса, поскольку они интегрируются с проблемами нравственного и этического характера, затрагивающими аспекты воспитания будущего государственного и муниципального служащего.

Различия в понимании и толковании тех или иных положений в представленных выше кодексах дают основание утверждать, что необходима разработка действительно подробного, а не формального изложения принципов и норм поведения государственного служащего.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что правовой фонд Российской Федерации постоянно растет и развивается. Это развитие не всегда согласовано и содержательно целостно. Правовые предписания должны иметь четкость и ясность формулировок с тем, чтобы обеспечить оптимальное и результативное практическое применение данных норм. В связи с этим и с целью эффективного решения вопроса этичного поведения государственного и муниципального служащих целесообразно привести к единому пониманию и ясной трактовке различными государственными ведомствами и службами основные положения Кодекса.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Е. Крутских. – Москва : Инфра-М, 2003. – 703 с. – ISBN 5-16-000169-7.

2. *Кирина О. В.* Современные тенденции формирования имиджа государственного служащего / О. В. Кирина // Политика, экономика и инновации. – 2017. – № 1(11). – С. 1–6.

3. *Киселева О. В.* Население и госслужба: проблемы взаимоотношений и привлекательности госслужбы для населения / О. В. Киселева, Ю. А. Сурцева // Научное обозрение. Экономические науки. – 2015. – № 1. – С. 196–197.

4. *Смирнов Ф. Ф.* Этический кодекс государственного гражданского служащего как механизм предотвращения коррупции в органах власти / Ф. Ф. Смирнов // Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 3(22). – С. 11–15.

References

1. Big Legal Dictionary. Ed. by A. Ya. Sukharev, V. E. Krutskikh. Moscow, Infra-M, 2003. 703 p. ISBN 5-16-000169-7.

2. *Kirina O. V.* Modern Trends in the Formation of the Image of a Civil Servant. *Politika, E'konomika i Innovacii.* 2017. No. 1(11). P. 1–6.

3. *Kiseleva O. V., Surceva Yu. A.* Population and Civil Service: Problems of Relationships and Attractiveness of Civil Service for Population. *Nauchnoe Obozrenie. E'konomicheskie Nauki.* 2015. No. 1. P. 196–197.

4. *Smirnov F. F.* Ethical Code of the State Civil Servant as the Mechanism of Prevention of Corruption in Authorities. *Vestnik Gosudarstvennogo i Municipal'nogo Upravleniya.* 2016. No. 3(22). P. 11–15.

Библиографическое описание статьи

Сизганова Е. Ю. Анализ содержания Кодекса этики и служебного поведения государствен-ных и муниципальных служащих / Е. Ю. Сизганова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 171–174.

УДК 343.233(091)

Яковлев Андрей Алексеевич,
старший преподаватель кафедры организации режима и надзора ВЮИ ФСИН России,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института им. М. М. Сперанского ВлГУ
E-mail: yakovlev.a.a.2015@yandex.ru

Yakovlev Andrej A.,
Senior Lecturer of Organization and Supervision Regime Department of VLI of the FPS of Russia,
Post-graduate Student of Criminal Law Studies Department of Law Institute named after M. M. Speransky of VlSU

УЧЕТ НАЛИЧИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОГО ЗАБОЛЕВАНИЯ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Taking into Account the Presence of Socially Significant Disease Making a Formal Accusation: Historical Aspect

Аннотация. В статье автор рассматривает, как происходило становление представлений об учете наличия заболевания при привлечении к уголовной ответственности с момента зарождения государственности на Руси до настоящего времени. В ходе изучения и анализа нормативных правовых актов автор выделяет основные из них, существенно повлиявшие на развитие рассматриваемого института, на основании этого выделяет три главных периода. В результате исследования автор приходит к выводу, что наличие заболевания у лица, совершившего преступление, учитывалось при привлечении к уголовной ответственности на протяжении более полутора столетий и имело существенное значение при назначении наказания. Современный законодатель продолжает работу в этом направлении, что нашло выражение в расширении перечня социально значимых заболеваний и введении новых мер профилактики.

Ключевые слова: уголовно-правовые средства; социально значимые заболевания; наказание; лечение; генезис.

Abstract. The author examines the formation of ideas about the presence of the disease, making a formal accusation from the moment of the birth of statehood in Russia to the present time. During the study and analysis of normative legal acts, the author identifies the main ones that significantly influenced the development of the examined institution, on the basis of which he distinguishes three main periods. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the presence of the disease of the person who committed a crime was taken into account when bringing to criminal responsibility for more than a century and a half and was essential in imposing punishment. Modern legislator continues to work in this direction, which is reflected in the expansion of the list of socially significant diseases and the introduction of new prevention measures.

Key words: criminal-legal means; socially significant diseases; punishment; treatment; genesis.

Жизнь человека подвержена влиянию различных факторов, способных оказывать на нее воздействие [7, с.7]. К этим факторам, помимо прочего, относятся и различные заболевания. Особую роль играют заболевания, приобретаемые пожизненно, т. е. лечение которых невозможно даже при современном уровне развития медицины. Лечение таких заболеваний сводится к купированию заболевания, которое не приводит к полному выздоровлению. К ним относятся: болезни, например, вызванные вирусом иммунодефицита человека, туберкулез, психические расстройства, расстройства поведения и др. Наличие указанных заболеваний оказывает существенное воздействие на образ жизни, поведение человека как в физиологическом, так и в эмоциональном плане. После постановки диагноза у больного резко сужается круг общения, изменяются стиль поведения и отношение к общепризнанным нормам морали и поведения. В таком случае наличие заболевания приобретает социальное значение, которое в целом оказывает воздействие на развитие общества, а при широком распространении может привести к гибели всего общества.

Развитию некоторых таких заболеваний способствовало само общество. Так, по мнению ряда ученых-юристов, общая наркотизация населения, зафиксированная в конце XX в., была вызвана попустительским отношением со стороны государства [12, с. 46–53]. Поддерживая данное мнение, отметим, что государство, включив наркоманию в ряд угроз современному обществу, в том числе подтвердило свою ответственность за ранее проявленное безразличие. Как следствие, наркотизация общества повлияла на распространение и других заболеваний, имеющих социальное значение, в частности, приобрело широкое распространение другое социально значимое заболевание – вирус иммунодефицита человека [6; 8].

© Яковлев А. А., 2019

Российская Федерация, осознавая угрозу обществу, приняла ряд мер, направленных на борьбу с социально значимыми заболеваниями. Однако принятие мер по противодействию распространению не только наркомании, но и других социально значимых заболеваний, не является новеллой в современном российском законодательстве. Особый статус больных при вынесении приговора учитывался со времени становления государственности на Руси.

Так, одно из первых упоминаний о необходимости учета при осуждении лица, страдающего заболеванием, в связи с совершением преступления закреплено в Псковской судной грамоте, датированной приблизительно 1397 г. В соответствии со ст. 21 и 36 лицам, имеющим увечья и болезни, предписывалась возможность выставить на поединок взамен себя воина-наймита при возникновении споров при совершении преступления и по взысканию долгов [14, с. 179]. Поскольку конкретные увечья или болезни, ряд из которых можно было отнести с современных позиций к категории социально значимых, в данном документе не указываются, то полагаем, что этот вопрос оставлялся на усмотрение судьи.

Перечисленные нормы фактически были направлены в первую очередь на защиту пострадавшей стороны, однако запрета на привлечение наймита обвиняемой стороной не было закреплено, присутствовали лишь ограничения (запрещалось привлекать воина послуху). В то же время о снисхождении к виновному, имеющему указанные или иные особенности, в правовых актах того времени ничего не говорилось. Данные категории лиц указывались наряду с лицами пожилого возраста, детьми, женщинами и священнослужителями, т. е. категориями, не имеющими всей совокупности возможностей самостоятельно отстаивать свои права.

В таких общеизвестных памятниках права, как: Краткая и Пространная редакции «Русской правды», Псковская судная грамота, Новгородская судная грамота, – указания на необходимость учета заболевания при принятии решения о наказании за совершенное преступление отсутствовали. В дальнейшем в рамках Судебника 1497 г. (ст. 49), Судебника 1550 г. (ст. 17), Судебника 1589 г. (ст. 28), Соборного уложения 1649 г. и ряда других документов лицам, имеющим аналогичные заболевания, а также указанные социальные, гендерные и возрастные особенности, предоставлялась возможность найма наемного убийцы, как это предусматривалось в Псковской судной грамоте.

Вплоть до начала XVIII столетия наличие заболевания выполняло именно указанную роль, иных последствий в связи с их наличием не следовало. При этом деление заболеваний на категории, существующие в настоящее время, отсутствовало, а о возможности применения указанных выше норм решение принимал суд.

Существенно продвинулся законодатель в этом вопросе с принятием Воинского артикула 1715 г., где болезнь активно рассматривалась как основание освобождения от ответственности. Так, в соответствии с арт. 15 священник, не отправляющий службу, подвергался штрафу, который при наличии уважительной причины, в качестве которой указывалась болезнь, не применялся. Кроме того, в соответствии с той же нормой отдельное значение приобрело пьянство. За него предполагалось применение наказания, а трижды уличенный в пьянстве отсылался к духовному суду с лишением чина и достоинства. В качестве основания освобождения от ответственности болезнь признавалась при нарушении солдатом порядка несения службы (арт. 41). Вместе с тем следует подчеркнуть, что в соответствии с арт. 80 лицо, симулирующее наличие заболевания, должно было быть наказано. Действуя параллельно с Соборным уложением 1649 г., Воинский артикул внес существенные изменения и обозначил пути дальнейшего совершенствования законодательства в этом вопросе [3, с.160]. Были не просто внесены новые виды уголовно-правовых мер, но и в целом новые институты права [5, с. 17].

Дальнейшее развитие это направление получило с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В соответствии со ст. 98 данного документа «безумие, сумасшествие, припадки болезни, приводящие в умоисступление и совершенное беспамятство» являлись основанием освобождения от уголовной ответственности – «причины, по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину».

Вместе с тем указанные заболевания по вновь введенному уголовному закону теперь предусматривали не просто освобождение от уголовной ответственности, а применение лечения в отношении таких лиц [10, с. 46]. В зависимости от конкретного заболевания предусматривались возможности лечения как в домашних условиях, так и в медицинских учреждениях. В соответствии со ст. 101 при совершении «безумным от рождения или сумасшедшим» убийства или посягательстве на чужую жизнь или свою жизнь, а также при совершении поджогов такие лица подлежали помещению в специализированные лечебные учреждения — «дома умалишенных», при этом поручительство о лечении в домашних условиях от родственников не принимались. В свою очередь, лица при совершении указанных деяний в «припадке умоисступления и состоянии беспамятства»

в соответствии со ст. 102 передавались для лечения родителям, родственникам, опекунам или иным лицам с условием надлежащего лечения и пресечения совершения преступлений, при отсутствии таковых или их ненадежности – в больницу до выздоровления. Следует отметить, что в соответствии со ст. 103 положения ст. 102 распространялись и на «потерявших умственные способности и рассудок от старости или дряхлости и на лунатиков (сонноходцев)». Кроме того, положения ст. 104 предписывали освобождать от уголовной ответственности глухонемых лиц, лишенных в детском возрасте «слуха и языка» при отсутствии сомнений, что они не получили надлежащих познаний «об обязанностях закона». Однако при совершении указанных в предыдущих статьях преступлений привлекались к ответственности с обязательным отдельным содержанием от других категорий осужденных.

В дополнение к вышеизложенному заметим, что пьянство (состояние опьянения) было сохранено в качестве условия и обстоятельства, учитываемого при назначении наказания, введенного Воинским артикулом [9, с. 45]. В соответствии со ст. 112 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. при совершении преступления в состоянии алкогольного опьянения, при установлении судом отсутствия намерения к совершению преступления данное обстоятельство не подлежало учету в качестве «меры большей умышленности преступления», т. е. не являлось отягчающим обстоятельством в современном его понимании.

Таким образом, в середине XIX в. отечественный законодатель предпринял некоторые меры, закрепляющие ряд заболеваний в качестве обстоятельства, учитываемого при назначении наказаний, в частности:

– выделил отдельные заболевания, имеющие особое социальное и уголовно-правовое значение – связанные с психическими расстройствами, а также повлекшие их;

– продолжил линию на закрепление их в качестве основания освобождения от уголовной ответственности;

– предусмотрел их как условие применения лечения, которое могло быть реализовано как в домашних условиях, что в настоящее время называют амбулаторным лечением, так и в специализированных учреждениях стационарно;

– выделил алкогольное опьянение как учитываемое обстоятельство в отношении всех категорий лиц.

Принятые в последующем Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1867 г., Воинский устав о наказаниях 1868 г., Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., Уголовное уложение 1903 г. не внесли существенных изменений в части рассматриваемого вопроса, фактически они заимствовали действовавшие положения. В целом в таком виде (с небольшими изменениями) факт наличия заболевания у виновного как условие назначения уголовно-правовых мер воздействия просуществовал в уголовном законодательстве вплоть до начала XX в.

Революция 1917 г. и последующая за ней гражданская война, в результате которых произошла смена не только политического, но и социального курса в нашей стране, предопределили формирование новой государственности. В результате произошедших изменений реформированию подверглась и уголовная политика нового государства.

Прообразом первого уголовного закона образованного государства стали Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. На первый взгляд, этот новый закон воспринял многие идеи, реализованные в прежде действовавшем уголовном законодательстве. Вместе с тем ряд положений в части законодательного закрепления роли и значения ряда заболеваний получили развитие. Так, в соответствии с его ст. 14 «душевная болезнь» рассматривалась в качестве основания освобождения от уголовной ответственности. При этом суду и наказанию не подлежали лица, совершившие деяние в состоянии душевной болезни или вообще в таком состоянии, когда совершившие его не отдавали себе отчета в своих действиях, а равно и те, кто хотя и действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту приведения приговора в исполнение страдал душевной болезнью. Норма также предписывала необходимость применения к ним исключительно лечебных мер и мер предосторожности [13, с. 143]. Однако развив одно направление, законодатель фактически упустил другие ранее существовавшие позитивные аспекты: не учитывалось совершение деяния в состоянии алкогольного опьянения, т. е. уголовно-правовое значение имели только психические заболевания.

Принятый в 1922 г. УК РСФСР не разрешил данный вопрос. Вместе с тем в рамках ст. 46 и 47 он раскрывал перечень мер, применяемых по решению суда в отношении данной категории лиц: помещение в учреждение для умственно или морально дефективных и принудительное лечение в лечебном заведении, которые заменяли наказание или дополняли его [9, с. 46].

Последующие государственные изменения (объединение республик в единое государство – СССР) предопределили необходимость разработ-

ки и принятия единого уголовного закона, которым стал УК РСФСР 1926 г. Однако каких-либо существенных изменений в части рассматриваемого вопроса законодатель не внес, перечень заболеваний, имеющих уголовно-правовое значение не изменился, а также сохранился перечень мер, подлежащих применению к данной категории лиц при освобождении от уголовной ответственности.

Значимые изменения в данной сфере произошли лишь в начале второй половины XX столетия с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г.

В части психических расстройств и расстройств поведения была закреплена возможность привлечения к ответственности в случае выздоровления до истечения установленных сроков давности – ст. 11 уголовного закона. Данное нововведение было в полном объеме реализовано в соответствующем Основам 1958 г. УК РСФСР 1960 г. под аналогичным номером статьи. Кроме того, в рамках гл. 6 УК РСФСР 1960 г., наряду с воспитательными мерами, были регламентированы принудительные меры медицинского характера, которым была посвящена отдельная глава. Среди мер предусматривалось применение помещения в психиатрическую больницу общего и специального типа, т. е. стационарное лечение [10, с. 26].

Кроме того, законодатель воспринял некоторые идеи, применявшиеся в законодательстве Российской империи: при совершении преступления в состоянии опьянения, лицо не подлежало освобождению от ответственности (ст. 12), т. е. психические расстройства, обусловленные опьянением, были отграничены от основной массы таких расстройств. В соответствии со ст. 62 УК РСФСР 1960 г. предписывалось, что лица, страдающие алкоголизмом или наркоманией, осужденные к изоляционным наказаниям, подлежат обязательному лечению в учреждении по месту отбывания наказания, а при необходимости и после освобождения в медицинских учреждениях со специальным лечебным и трудовым режимом, что может быть назначено и при осуждении к альтернативным наказаниям.

В отношении лиц, страдающих синдромом зависимости от алкоголя или наркотиков, ст. 52 УК РСФСР 1960 г. была предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности с передачей виновного на поруки. В данном случае обязательство по лечению могло быть предъявлено в рамках «обещания примерным поведением» доказать исправление и обязанности соблюдения «норм социалистического общежития». При нарушении данного условия лицо могло быть привлечено к ответственности за преступление, в связи с совершением которого оно было передано на поруки [2, с. 37].

Таким образом, законодатель расширил список особо учитываемых уголовным законом социально значимых заболеваний в тот период, добавив к ним алкоголизм и наркоманию путем выделения их в отдельную категорию. При этом следует особо подчеркнуть, что в отношении данных категорий осужденных могла предусматриваться обязательность лечения в рамках принудительных мер медицинского характера наравне с психическими заболеваниями. В таком виде советское уголовное законодательство закрепляло социально значимые заболевания с незначительными изменениями вплоть до принятия действующего УК РФ 1996 г.

Отметим, что основные положения ныне действующего уголовного закона были заимствованы из Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., на основании которых так и не были приняты республиканские уголовные законы в связи с распадом СССР. Кстати, данным актом предусматривался учет ограниченной вменяемости, при установлении которой предполагалось, что лицо подлежит уголовной ответственности с применением принудительных мер медицинского характера. Кроме того, наряду с алкоголизмом и наркоманией, предполагалось принудительное лечение и при токсикомании, тем самым была актуализирована проблема распространения и данного заболевания.

Современный законодатель также учел факт наличия ряда заболеваний при разработке действующего уголовного закона. Анализ его положений позволяет выделить три категории лиц и соответственно им дифференцировать социально значимые заболевания, учитываемые уголовным и уголовно-исполнительным законами:

– невменяемые лица, основанием признания которых является наличие психического расстройства и расстройства поведения, исключающего вменяемость;

– ограниченно вменяемые лица с психическим расстройством и расстройством поведения, не исключающего вменяемости;

– вменяемые лица (синдром зависимости от алкоголя и наркотических средств, токсикомания, туберкулез в открытой форме, инфекции, передающиеся преимущественно половым путем, болезнь, вызванная вирусом иммунодефицита человека).

Вместе с тем следует подчеркнуть, что введение столь широкого перечня заболеваний, подлежащих учету, было реализовано с принятием УИК РФ в 1997 г. – токсикомания, ВИЧ-инфекция, открытая форма туберкулеза и венерические заболевания, а также с учреждением и дополнением его в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ – алкоголизм и наркомания.

Таким образом, современный законодатель существенно расширил перечень особо учитываемых заболеваний, имеющих уголовно-правовое значение. Однако только наличие психических расстройств и расстройств поведения может являться основанием освобождения лиц от уголовной ответственности. В части ряда других социально значимых заболеваний лицо подлежит привлечению к ответственности, особенно это касается опьянения от алкоголя, наркотических и ненаркотических средств, в качестве которых законодатель называет наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, новые потенциально опасные психоактивные вещества либо другие одурманивающие вещества, в отношении которых ст. 23 УК РФ установлено жесткое правило – лицо подлежит уголовной ответственности. В то же время следует учитывать, что указанные заболевания, связанные с зависимостью лица от употребления тех или иных веществ (алкоголь, наркотики и им подобные вещества), свидетельствуют о проявлении психической зависимости в первую очередь и физической – во вторую [1, с.139].

Наличие социально значимых заболеваний при вынесении приговора суда способно сыграть как отягчающую роль, так и смягчающую. По общему правилу, такая зависимость имеет негативное значение при вынесении приговора суда. В соответствии с действующей редакцией ст. 63 УК РФ, а именно ч. 1.1, введенной Федеральным законом от 21 октября 2013 г. № 270-ФЗ, суду предоставлено право зачета опьянения, вызванного употреблением вышеуказанных в ст. 23 УК РФ веществ, при совершении преступления в качестве отягчающего обстоятельства. Введение данной нормы продиктовано целями и задачами, намеченными Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г., утвержденной указом Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 г. № 690, и соответствует общему вектору, согласно которому были введены ст. 72.1 и 82.1 в УК РФ. Кстати, алкогольное опьянение и ранее в законодательстве Российской империи подлежало учету в качестве отягчающего обстоятельства, на что мы указывали выше.

В свою очередь, смягчение наказания лицам, страдающим социально значимыми заболеваниями, также возможно, но не в части заболеваний, вызывающих опьянение. В ст. 61 УК РФ среди обстоятельств, смягчающих наказание, прямо не называют такую возможность, вместе с тем содержание ее ч. 2 предполагают такой исход. Для этого есть ряд способствующих условий, например, проявленное желание подсудимого к лечению от заболевания, что фактически закреплено в ст. 82.1 УК РФ (в обязательном порядке) и ст. 72.1 УК РФ (факультативно учитывается). Кроме того, полагаем, что суд может зачесть наличие смертельно опасного заболевания в качестве смягчающего обстоятельства.

На современном этапе развития российской государственности законодатель не только заимствовал целый ряд аспектов ранее введенного и действующего законодательства, но значительно усовершенствовал систему средств профилактики одного из заболеваний, а именно наркомании. В результате проделанной работы к настоящему времени система уголовно-правовых средств профилактики социально значимых заболеваний представлена совокупностью ее объектов, представляющих собой меры воздействия, что нашло отражение в ст. 72.1, 73, 79, 82.1, 99 УК РФ, а также в ч. 2 и 3 ст. 18 УИК РФ.

Завершая статью, отметим, что наличие заболевания у лица, совершившего преступление, на протяжении более полутора столетий имеет существенное значение в системе условий назначения уголовно-правовых мер воздействия, а начальные упоминания о необходимости их учета восходят к первым известным правовым актам. Вышеизложенное позволяет нам выделить ряд исторических этапов, в течение которых происходило становление представлений об учете наличия социально значимых заболеваний при привлечении к уголовной ответственности и применении уголовно-правовой меры воздействия:

1-й период – с зарождения отечественной государственности и права до середины XIX в., в течение которого регламентировалось право лиц, имеющих заболевание, на привлечения иного лица – воина в качестве защитника его интересов.

2-й период – с принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. до середины XX столетия, когда произошло закрепление ряда заболеваний психического характера в качестве основания для освобождения от уголовной ответственности и уголовно-правовых мер, предусматривающих их лечение. Были предприняты попытки узаконить и иные заболевания, подлежащие учету уголовным законом.

3-й период – с принятия Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. до настоящего времени – период активного развития и поиска новых путей учета социально значимых заболеваний уголовным законом, что выразилось в расширении их перечня, введении новых мер профилактики.

Библиографический список

1. *Азарова Е. А.* Психология зависимости: некоторые аспекты проблемы / Е. А. Азарова // Культура. Наука. Интеграция. – 2010. – № 3(11). – С. 139–142.

2. *Жариков Ю. С.* Понятие законности административно-правового регулирования и подходы к обоснованию ее форм и содержания / Ю. С. Жариков // Административное право и процесс. – 2010. – № 1. – С. 36–39.

3. *Звонов А. В.* Система уголовных наказаний по законодательству периода становления абсолютизма в России: аналитический обзор / А. В. Звонов // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – № 3(40). – С. 158–163.

4. *Звонова А. В.* Уголовно-правовые средства противодействия наркопреступности в местах лишения свободы : дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Звонова Анна Вениаминовна ; Владимирский юридический институт. – Владимир, 2017. – 233 с.

5. *Лядова М. В.* Историко-правовой анализ вопросов тяжести причинения вреда здоровью в первых законодательных документах / М. В. Лядова, Е. С. Тучик, А. В. Лядова // История государства и права. – 2014. – № 11. – С. 14–18.

6. *Малахова Л. И.* Статистический анализ проблемы наркомании в России / Л. И. Малахова // Студенческая наука и XXI век. – 2015. – № 4(7). – С. 181–186.

7. *Малеина М. Н.* Болезнь как юридический факт – состояние, вызывающее правовые последствия / М. Н. Малеина // Медицинское право. – 2016. – № 3. – С. 7–11.

8. *Никитин В. В.* Прогнозирование заболеваемости ВИЧ-инфекцией и наркоманией на региональном уровне на основе эконометрического анализа / В. В. Никитин, В. А. Табаков // Медицинский альманах. – 2017. – № 1(46). – С. 118–122.

9. *Петин И. А.* Принцип системности, его значение и отражение в уголовном праве России / И. А. Петин. – Москва : Юрист, 2007. – 298 с. – ISBN 5-94103-252-8.

10. *Скрипченко Н. Ю.* История развития уголовного законодательства, регулирующего применение принудительных мер медицинского характера в отношении несовершеннолетних / Н. Ю. Скрипченко // История государства и права. – 2012. – № 7. – С. 45–47.

11. *Спасенников Б. А.* Цели принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания / Б. А. Спасенников, А. М. Смирнов, А. Н. Тихомиров // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2014. – № 3. – С. 24–28.

References

1. *Azarova E. A.* Psychology of Addiction: Some Aspects of the Problem. *Kul'tura. Nauka. Integraciya.* 2010. No. 3(11). P. 139–142.

2. *Zharikov Yu. S.* The Concept of Legality of Administrative Regulation and Approaches to Substantiation of Its Forms and Content. *Administrativnoe Pravo i Process.* 2010. No. 1. P. 36–39.

3. *Zvonov A. V.* The System of Criminal Penalties under the Legislation of the Period of Formation of Absolutism in Russia: Analytical Review. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2016. No. 4(40). P. 158–163.

4. *Zvonova A. V.* Criminal Legal Means of Combating Drug Crime in Prison. Vladimir, 2017. 233 p.

5. *Lyadova M. V., Tuchik E. S., Lyadova A. V.* Historical and Legal Analysis of the Severity of Harm to Health in the First Legislative Documents. *Istoriya Gosudarstva i Prava.* 2014. No. 11. P. 14–18.

6. *Malakhova L. I.* Statistical Analysis of the Problem of Drug Addiction in Russia. *Studencheskaya Nauka i XXI Vek.* 2015. No. 4(7). P. 181–186.

7. *Maleina M. N.* Disease as a Legal Fact – a Condition that Causes Legal Consequences. *Medicinskoe Pravo.* 2016. No. 3. P. 7–11.

8. *Nikitin V. V., Tabakov V. A.* Forecasting the Incidence of HIV Infection and Drug Addiction at the Regional Level on the Basis of Econometric Analysis. *Medicinskij Al'manakh.* 2017. No. 1(46). P. 118–122.

9. *Petin I. A.* The Principle of Consistency, Its Significance and Reflection in the Criminal Law of Russia. Moscow, Yurist, 2007. 298 p. ISBN 5-94103-252-8.

10. *Skripchenko N. Yu.* History of the Development of Criminal Legislation Regulating the Use of Compulsory Medical Measures against Minors. *Istoriya Gosudarstva i Prava.* 2012. No. 7. P. 45–47.

11. *Spasennikov B. A., Smirnov A. M., Tikhomirov A. N.* Purposes of Compulsory Medical Measures Connected with Execution of Punishment. *Ugolovno-ispolnitel'naya Sistema: Pravo, E'konomika, Upravlenie.* 2014. No. 3. P. 24–28.

12. *Sy'soev R. A.* Postponement of Punishment for Drug Addicts: Theoretical and Applied Aspects. Vladimir, 2015. 207 p.

13. *Esakov G. A., Ponyatovskaya T. G., Rarog A. I. et al.* Criminal Influence. Ed. by A. I. Rarog. Moscow, Prospekt, 2014. 288 p. ISBN 978-5-392-12230-1.

14. *Yunoshev S. V.* The Victim and His Representative as Participants in Criminal Proceedings before the Judicial Reform of 1864. *Lex Russica.* 2016. No. 2. P. 175–183.

12. *Сысоев Р. А.* Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: теоретический и прикладной аспекты: дис. на соискание учен. степ. канд. юрид. наук / Сысоев Роман Андреевич ; Владимирский государственный университет. – Владимир, 2015. – 207 с.

13. Уголовно-правовое воздействие : монография / Г. А. Есаков, Т. Г. Понятовская, А. И. Рарог [и др.] ; под ред. А. И. Рарога. – Москва : Проспект, 2014. – 288 с. – ISBN 978-5-392-12230-1.

14. *Юношев С. В.* Потерпевший и его представитель как участники уголовного судопроизводства до Судебной реформы 1864 года / С. В. Юношев // Lex Russica. – 2016. – № 2. – С. 175–183.

Библиографическое описание статьи

Яковлев А. А. Учет наличия социально значимого заболевания при привлечении к уголовной ответственности: исторический аспект / А. А. Яковлев // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 175–181.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

POLITICAL AND LEGAL SYSTEMS OF FOREIGN COUNTRIES

УДК 343.8(73)

Тепляшин Павел Владимирович,
профессор кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического института МВД России
доктор юридических наук, доцент
E-mail: pavlushat@mail.ru

Teplyashin Pavel V.,
Professor of Criminal Law and Criminology Department of the Siberian Law Institute of the MIA of Russia
Doctor of Law, Associate Professor

ОЧЕРК НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПОЛИТИКИ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Essay on the Neoliberal Penal Policy of the United States of America

Аннотация. В статье анализируется распространение идей пенального неолиберализма на Американском континенте. Представлены различные аспекты его реализации. Обоснована связь между американской неолиберальной идеологией и пенитенциарным континуумом. Выявлено расширение идеологии неолиберализма в целях обеспечения стабилизации социальной неустойчивости. Аргументирован тезис о том, что степень и форма пенальной карательности во многом определяются не тенденциями преступности, а состоянием экономики и налоговым давлением на общество. Сформулирована позиция о том, что происшедший переход к контролю и управлению угрозами безопасности, одной из которых является преступность, привели к минимизации криминальных рисков для общества и государства путем интенсивной изоляции лиц, совершивших преступления. Резюмируется соотношение факта расширения государственно-частного партнерства в сфере исполнения наказаний и идей неолиберального развития пенитенциарной системы США. Сделан вывод о наличии институциональных особенностей американской пенитенциарной системы.

Ключевые слова: бандитские конгрегации; гибридизация исправительных учреждений; глобальное неолиберальное мировоззрение; Закон Меган; карательные притязания государства; реинтеграционные программы; стратегия трех ударов; тюрьма Сен Квентин; «указ о безделье».

Abstract. The article analyzes the spread of the ideas of penal neoliberalism on the American continent. Various aspects of its implementation are presented. The connection between the American neoliberal ideology and the penitentiary continuum is substantiated. The expansion of the ideology of neoliberalism in order to ensure the stabilization of social instability is revealed. The thesis that the degree and form of penal punishment is largely determined not by crime trends, but by the state of the economy and tax pressure on society is argued. The position is formulated that the transition to the control and management of security threats, one of which is crime, has led to the minimization of criminal risks for society and the state by intensively isolating the perpetrators of crimes. The correlation of the fact of expansion of public-private partnership in the field of the execution of sentences and the ideas of the neoliberal development of the US penitentiary system is summarized. It is concluded that there are institutional particularities of the American penitentiary system.

Key words: gang congregations; hybridization of correctional institutions; the global neoliberal worldview; Megan's Law; punitive claims of the state; reintegration programs; three strikes and you're out strategy; Saint Quentin Prison; «loitering ordinance».

Существующая объективная необходимость модернизации отечественной уголовно-исполнительной системы [3, с. 42–45; 5, с. 92–99] обусловливает анализ не только применяемых в зарубежной практике конкретных приемов и способов наиболее эффективного исправительного воздействия на осужденное лицо, но и их преломление через призму общей пенитенциарной догматики. Расширение неолиберальных догм и соответствующей пенитенциарной политики стимулировали научные исследования, посвященные изучению взаимосвязи между неолиберализмом и численностью осужденных, содержащихся в местах изоляции от общества. Однако идеи пенального неолиберализма сопряжены с более разнообразным кругом факторов, одним из которых выступает включенность пенитенциарной системы в экономические отношения, в которых преобладает действие принципа свободного рынка и минимального вмешательства государства в социальное обеспечение с привилегированным участием предпринимательских структур. Расширение неолиберальной политики привело к сдвигу в структуре капиталистических отношений в сторону ослабления взаимодействия между внутренней и внешней политикой, с одной стороны, и финансового капитала – с другой. В результате создавалось давление на прибыльность капитализма в его фордистской модели, ориентированной на повторное производство. Данные процес-

© Тепляшин П. В., 2019

сы весьма симптоматично отразились на сфере исполнения уголовных, в первую очередь пенальных, наказаний.

Вместе с тем оценка политики неолиберализма носит неоднозначный и плюралистический характер [1, с. 99–129; 10, p. 265–270; 19, p. 212–225; 24], что препятствует и консенсусу относительно его связи с практикой исполнения и отбывания уголовных наказаний. Так, А. Л. Гуринская справедливо полагает, что «нельзя забывать о побочном эффекте неолиберальных стратегий – дискриминации отдельных категорий населения, усилении проблемы социального исключения, превращении безопасности в коммерческий продукт, приобрести который могут далеко не все граждане» [2, с. 16].

Научная дискуссия вокруг перспектив роста либо снижения числа осужденных на фоне вопросов, накапливающихся относительно жизнеспособности идей неолиберализма, демонстрирует потребность выяснения гипотетической связи между неолиберальной идеологией и пенитенциарным континуумом. Как представляется, приемлемым опытным полем такого исследования выступает пенитенциарная система США, которая является главным источником глобального неолиберального мировоззрения и недостаточно хорошо изученным объектом исследования в отечественной пенитенциарной науке.

Как отмечают С. Ксенакис и Л. К. Челиотис (Sappho Xenakis, Leonidas K. Cheliotis), согласно так называемому тезису неолиберального наказания расширение идеологии неолиберализма выделяется в качестве основного движущего фактора роста карательных притязаний государства, причем дополнительные факторы также оказывают определенное влияние на данный рост, но в конечном итоге обладают меньшей значимостью. Отмеченный «тезис неолиберального наказания» начинается с предпосылки о том, что степень и форма государственной карательности в обществе во многом определяются не тенденциями преступности, а состоянием экономики и налоговым давлением на общество. Указанные ученые обосновали, что фактические данные о тенденциях преступности в неолиберальном контексте не дают безоговорочного основания проводить связь между уровнями преступности и тюремного заключения, тем самым ставя под сомнение представление о причинной связанности простым линейным образом неолиберализма с расширением уголовного наказания [27, p. 189, 191]. Однако Н. Лейси и Д. Соскице (Nicola Lacey, David Soskice) утверждают, что данное государство на фоне других подобных стран выделяется не только с точки зрения лишь широкого применения тюремного заключения, но и с позиций значительного коэффициента официально зарегистрированных тяжких насильственных преступлений [20, p. 458–474].

Если за основу расширения карательных притязаний государства брать рост коэффициента осужденных, отбывающих пенальные наказания, то оказывается, что именно в странах, в которых неолиберальные идеи нашли наибольшую практическую реализацию, наблюдается эскалация карательного воздействия [26], включая США [9].

Рост карательных притязаний государства Лоик Ваккуант (Loïc Wacquant) рассматривает как неотъемлемый компонент неолиберализма, объясняя это тем, что таким образом достигается стабилизация социальной неустойчивости, источником которой выступает экономический разрыв между средним и низшим социальными классами. Для нижнего уровня социально-классовой структуры угроза и реальность наказания способствуют сдерживанию совершения правонарушений, вызванных отсутствием «объективной» безопасности бедных слоев населения (безработица либо нестабильность трудоустройства, ослабленные меры социальной защиты и т. п.). Кроме того, усиление карательного воздействия на малообеспеченные слои населения фактически выгодно для среднего класса, поскольку это создает возможность преодоления «субъективной» незащищенности, испытываемой ими, «чьи перспективы стабильного роста благосостояния или карьерной мобильности уменьшились, поскольку усилилась конкуренция за жизненные ценности в условиях, когда государство сократило объемы предоставления социальной помощи» [25, p. 300]. По небесспорному мнению Л. К. Челиотиса (Leonidas K. Cheliotis), усиление карательных притязаний в отношении бедных слоев населения в конечном итоге выступает средством, с помощью которого политический истеблишмент может компенсировать потерю контроля за уровнем законности при осуществлении неолиберальных социально-экономических программ. Соответственно, различные тенденции преступности являются не причиной, а контекстом для более широкого использования тюремного заключения в США: преступность способствует возникновению чувства уязвимости среди американцев и тем самым оправдывает политическую волю к изменению пенальной политики, что в конечном итоге ведет к росту численности заключенных [12, p. 249–268].

Особый интерес реализация идей неолиберализма представляет на фоне активных миграционных процессов, протекающих в Европе. В этой связи можно подчеркнуть имеющийся опыт проявления неолиберализма в существенных кара-

тельных притязаниях к бедным слоям населения с определенной расовой принадлежностью (в частности, в отношении афроамериканцев на Американском континенте). Как отмечает ряд авторов, систематическое массовое заключение обездоленных мигрантов в обычных тюрьмах либо в административных центрах задержания под видом соблюдения безопасности и законности в США и других неолиберальных странах интерпретируется как жизненно важный шаг для стабилизации существующего экономического порядка и оказания помощи в дисциплинировании обширных слоев населения с низкой заработной платой и сложностью трудоустройства, а также для преодоления проблем социально-экономического характера среднего класса [13, p. 78–99; 22].

В связи с вышеизложенным нельзя обойти вниманием вопрос о том, что в теоретической и практической риторике пенального неолиберализма парадигма преступности и наказания постепенно трансформировалась в концептуальную апробацию мер (общественной) безопасности. В сущности, произошел переход к контролю и управлению угрозами безопасности, одной из которых является преступность. Следовательно, наказание выступает средством минимизации криминальных рисков для общества и государства путем изоляции лиц, совершивших преступления. С учетом теории мер безопасности [5] наказание превращается в санкцию безопасности, которая применяется как в целях ограничения вредоносного «излучения» источника опасности (преступности), так и в целях ограждения объекта охраны (общества) от этого «излучения» посредством социального исключения правонарушителя. Ведь как справедливо отмечает Н. В. Щедрин, «антикриминальная безопасность – это цель системы противодействия преступности» [7, с. 321].

Кроме того, А. Де Джорджи (Alessandro De Giorgi) указывает, что под часто ложным предлогом экономии доходов налогоплательщиков осуществлялось расширение частного представительства в организации системы тюремного заключения (от строительства частных тюремных комплексов до гибридизации государственных тюрем), особенно в США. В результате, частным и государственным посредническим фирмам был предоставлен карт-бланш по эксплуатации труда заключенных для получения прибыли и взиманию с них расходов, связанных с содержанием [15, p. 11–23]. Как отмечается в некоторых масс-медиа источниках, «за последние два десятилетия пенитенциарная система США из средства исправления и наказания трансформировалась в систему потогонного, практически рабского труда в интересах крупных корпораций» [4]. Какой бы ни была дискуссионной отмеченная позиция, все же нельзя не отметить знаменательный факт о том, что первый опыт функционирования так называемой частной тюрьмы имел место в 1850-е гг. именно в США (тюрьма Сен Квентин в Калифорнии). Думается, что институт частных тюрем (в широком смысле самых разнообразных интерпретаций форм и способов государственно-частной кооперации в данной сфере), безусловно, отражает развитие идей неолиберального развития пенитенциарных систем, а также, в какой-то степени, подвергает пенитенциарную систему коммодификации.

Подтверждение или опровержение научной гипотезы о значимой роли неолиберализма в государственной карательной практике США имеет существенное значение для обоснования тезиса о более быстрых темпах роста такой практики по сравнению с ростом самой преступности. Следовательно, это крайне важная теоретическая проблема, парадигма которой в известной степени выходит за пределы доктрины уголовно-исполнительного (пенитенциарного) права, охватывая криминологическую, социологическую, экономическую, политологическую, медицинскую и иные (например, психологическую и даже гастрономическую [16, p. 199–220]) области знаний.

Определенного научного осмысления требует вопрос об уникальности неолиберальной карательной практики. Например, Бернард Харкорт (Bernard E. Harcourt) обнаружил, что быстрому росту использования тюремного заключения в 1970-х гг. предшествовали сравнительно высокие показатели содержания в психиатрических учреждениях, и это позволило предположить, что проявление и миссия идеологии «неолиберального наказания» не выступают уникальным фактом для последних десятилетий, поскольку капиталистическое государство всегда стремилось поддерживать правопорядок, используя различные способы воздействия на нарушителей режима законности [18, p. 82–88]. Такой факт демонстрирует включенность в неолиберальную карательную практику множества государственных институтов и элиминирует ее уникальность, но не исключает концептуализации «тезиса неолиберального наказания». Ведь подробный исследовательский анализ таких институциональных явлений, как, с одной стороны, рост реституционного правосудия, расширение практики применения разнообразных исправительных, реабилитационных и реинтеграционных программ (например, программ когнитивно-поведенческой терапии [21, p. 63]) и, с другой – реализация стратегии трех ударов («three strikes and you're out») и существенное ограничение возможности досрочного освобождения из ис-

правительного учреждения (так называемая справедливость при назначении наказания – «truth in sentencing»), также подтверждает установление связи между неолиберализмом и государственной карательностью.

Как представляется, склонность судебной системы к применению уголовного наказания, связанного с изоляцией осужденного от общества, обусловлена институциональными характеристиками правовой системы, присущими Соединенным Штатам Америки. Так, одним из факторов практического продуцирования идей неолиберального наказания выступает правовая, а точнее, судебная система данного государства. В частности, по мнению В. Баркер (Vanessa Barker), особенности судебной системы, в которой подавляющее большинство судей избирается общественностью, неизбежно ослабляют сдерживающую профессиональную границу между юридическими требованиями к наказанию и фактической практикой его назначения [8, p. 78–93]. Справедливости ради необходимо отметить, что на ужесточение судебной практики оказало воздействие и принятие ряда правовых актов. Например, принятие в 1996 г. Закона Меган (Megan's Law), который предусматривал уведомление населения о сексуальных преступниках, проживающих поблизости (сам закон был принят в ответ на похищение, изнасилование и убийство в 1994 г. 7-летней Меган Канки в пригороде Нью-Джерси лицом, освобожденным от отбывания наказания за сексуальные преступления), привело к возрастанию судебной карательности в отношении насильственных преступников [14, p. 147]. Можно также назвать принятый в 2006 г. Закон о защите детей и безопасности Адама Уолша (Adam Walsh Child Protection and Safety Act) и принятый в 1992 г. и отмененный в 1999 г. Указ г. Чикаго о бандитских конгрегациях (Gang Congregation Ordinance), или иначе известный «указ о безделье» («loitering ordinance»), ограничивающий под угрозой наказания свободу передвижения определенных социальных групп либо отдельных лиц, на основании которого только в течение трех с половиной лет было арестовано почти 43 тыс. правонарушителей [22].

Таким образом, неолиберальная политика Соединенных Штатов Америки в значительной степени опирается на закон и правовые институты [17]. Как отмечают Х. Кампо и Р. Леви (Holly Campeau, Ron Levi), «исследования в этой сфере позволяют обратить внимание на то, как правовые институты, включая суды, разрабатывают, обосновывают и узаконивают неолиберальную политику в целом ряде областей, включая последствия судебных решений, «основанных на неолиберальных обязательствах», и как неолиберальная политика проявляется в правовых институтах и принятии юридически значимых решений» [11, p. 347].

Проведенный краткий анализ отдельных аспектов реализации пенального неолиберализма в Соединенных Штатах Америки позволяет сгруппировать следующие особенности его проявления в данном государстве, имеющие значительный теоретический интерес для российской уголовно-исполнительной науки:

1) обнаруживается достаточно прочная связь между американской неолиберальной идеологией и пенитенциарным континуумом;

2) расширение идеологии неолиберализма выступает ведущим движущим фактором роста карательных притязаний государства;

3) рост таких притязаний обеспечивает стабилизацию социальной неустойчивости, источником которой выступает экономический разрыв между средним и низшим социальными классами;

4) степень и форма пенальной карательности во многом определяются не тенденциями преступности, а состоянием экономики и налоговым давлением на общество;

5) в государстве на фоне других стран высвечивается не только лишь широкое применение тюремного заключения, но и значительный коэффициент официально зарегистрированных тяжких насильственных преступлений;

6) различные тенденции преступности являются не причиной, а контекстом для более широкого использования тюремного заключения – преступность способствует возникновению чувства уязвимости среди американцев и тем самым оправдывает политическую волю к изменению пенальной политики в сторону роста численности заключенных;

7) массовое заключение малоимущих мигрантов формально направлено на поддержание безопасности и законности в стране, но содержательно обеспечивает стабильность экономики путем антикриминального модерирования населения с низкой заработной платой и проблемами трудоустройства;

8) практическая парадигма преступности и наказания постепенно трансформировалась в меры (общественной) безопасности, а происшедший переход к контролю и управлению угрозами безопасности, одной из которых является преступность, привел к минимизации криминальных рисков для общества и государства путем изоляции лиц, совершивших преступления;

9) расширение государственно-частного партнерства в сфере исполнения наказаний отражает развитие идей неолиберального развития пе-

нитенциарной системы, подвергая ее тем самым коммодификации;

10) в неолиберальную карательную практику включено множество государственных институтов, и идеология «неолиберального наказания» не выступает уникальным явлением для последних десятилетий;

11) склонность судебной системы к применению уголовных наказаний, связанных с изоляцией осужденного от общества, обусловлена институциональными характеристиками американской правовой системы, поскольку ее неолиберальная политика в значительной степени опирается на закон и правовые институты.

Библиографический список

1. *Браун В.* Разрушение демократии: как неолиберализм преобразовывает государство и субъекта / В. Браун // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2018. – № 4(120). – С. 99–129.

2. *Гуринская А. Л.* Неолиберальная уголовная политика: безопасность, приватизация и роль государства / А. Л. Гуринская // Теории и проблемы политических исследований. – 2014. – № 1-2. – С. 13–39.

3. *Селиверстов В. И.* Научно-теоретическая модель Общей части Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации: новеллы и перспективы / В. И. Селиверстов // Международный пенитенциарный журнал. – 2017. – Т. 3, № 1. – С. 41–46.

4. США: ГУЛАГ в американском варианте : [сайт]. – URL: https://www.pravda.ru/economics/1172094-RF_USA/ (дата обращения: 20.07.2019).

5. *Уткин В. А.* Концепция модернизации уголовно-исполнительной системы: предмет, методология и принципы / В. А. Уткин // Вестник Кузбасского института. – 2018. – № 2(35). – С. 91–100.

6. *Щедрин Н. В.* Введение в правовую теорию мер безопасности : монография / Н. В. Щедрин. – Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1999. – 180 с. – ISBN 5-7638-0199-7.

7. *Щедрин Н. В.* Уголовное управление / Н. В. Щедрин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – Вып. 40. – С. 319–331.

8. *Barker V.* The Politics of Imprisonment: How the Democratic Process Shapes the Way America Punishes Offenders / V. Barker. – New York : Oxford University Press, 2009. – 264 p. – ISBN 978-0-19-537002-7.

9. Bureau of Justice Statistics (BJS). Total Correctional Population : [сайт]. – URL: https://www.bjs.gov/index.cfm?ty=tp&tid=11 (дата обращения: 20.07.2019).

10. *Butler C.* Forms of Authority Beyond the Neoliberal State: Sovereignty, Politics and Aesthetics / C. Butler, K. Crawley // Law and Critique. – 2018. – Vol. 29, iss. 3. – P. 265–270.

11. *Campeau H.* Neoliberal Legality as Dual Process: Embeddedness, Courts and Crime Prevention in the United States / H. Campeau, R. Levi //

References

1. *Brown V.* The Destruction of Democracy: How Neoliberalism Transforms the State and the Subject. *Neprikosnovenny'j Zapas. Debaty' o Politike i Kul'ture.* 2018. No. 4(120). P. 99–129.

2. *Gurinskaya A. L.* Neoliberal Crime Control Policy: Security, Privatization, and the Role of the State. *Teorii i Problemy' Politicheskikh Issledovanij.* 2014. No. 1-2. P. 13–39.

3. *Seliverstov V. I.* Scientific-theoretical Model of the General Part of the Penal Code of the Russian Federation: Short Stories and Prospects. *Mezhdunarodny'j Penitenciarny'j Zhurnal.* 2017. Vol. 3. No. 1. P. 41–46.

4. USA: Gulag in the American Version. Website. URL: https://www.pravda.ru/economics/1172094-RF_USA/ (accessed date: 20.07.2019).

5. *Utkin V. A.* Concept of Modernization of a Correection System: Subject, Methodology and Principles. *Vestnik Kuzbasskogo Instituta.* 2018. No. 2(35). P. 91–100.

6. *Shhedrin N. V.* Introduction to the Legal Theory of Security Measures. Krasnoyarsk, Krasnoyarskij Gosudarstvenny'j Universitet, 1999. 180 p. ISBN 5-7638-0199-7.

7. *Shhedrin N. V.* Criminal Management. *Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki.* 2018. Iss. 40. P. 319–331.

8. *Barker V.* The Politics of Imprisonment: How the Democratic Process Shapes the Way America Punishes Offenders. New York, Oxford University Press, 2009. 264 p. ISBN 978-0-19-537002-7.

9. Bureau of Justice Statistics (BJS). Total Correctional Population. Website. URL: https://www.bjs.gov/index.cfm?ty=tp&tid=11 (accessed date: 20.07.2019).

10. *Butler C., Crawley K.* Forms of Authority Beyond the Neoliberal State: Sovereignty, Politics and Aesthetics. *Law and Critique.* 2018. Vol. 29. Iss. 3. P. 265–270.

11. *Campeau H., Levi R.* Neoliberal Legality as Dual Process: Embeddedness, Courts and Crime Prevention in the United States. *British Journal of Criminology.* 2019. Vol. 59. Iss. 2. P. 334–353.

12. *Cheliotis L. K.* Neoliberal Capitalism and Middle-class Punitiveness: Bringing Erich Fromm's «Materialistic Psychoanalysis» to Penology. *Punishment & Society.* 2013. Vol. 15. Iss. 3. P. 247–273.

British Journal of Criminology. – 2019. – Vol. 59, iss. 2. – P. 334–353.

12. *Cheliotis L. K.* Neoliberal Capitalism and Middle-class Punitiveness: Bringing Erich Fromm's «Materialistic Psychoanalysis» to Penology / L. K. Cheliotis // Punishment & Society. – 2013. – Vol. 15, iss. 3. – P. 247–273.

13. *Cheliotis L. K.* Punitive Inclusion: the Political Economy of Irregular Migration in the Margins of Europe / L. K. Cheliotis // European Journal of Criminology. – 2017. – Vol. 14, iss. 1. – P. 78–99.

14. Criminology: a Reader / ed. by Yvonne Jewkes and Gayle Letherby. – London : SAGE Publications Ltd, 2002. – 408 p. – ISBN 0-7619-4710-8, 0-7619-4711-6 (pbk).

15. *De Giorgi A.* Five Theses on Mass Incarceration / A. De Giorgi // Social Justice. – 2015. – Vol. 42, iss. 2. – P. 5–30.

16. *Gibson-Light M.* Ramen Politics: Informal Money and Logics of Resistance in the Contemporary American Prison / M. Gibson-Light // Qualitative Sociology. – 2018. – Vol. 41, iss. 2. – P. 199–220.

17. *Golder B.* The Politics of Legality in a Neoliberal Age / B. Golder, D. McLoughlin. – Manchester : Routledge, 2017. – 216 p. – ISBN 978-1-138-12176-8 (hbk), 978-1-315-65078-4 (ebk).

18. *Harcourt B. E.* Neoliberal Penality: a Brief Genealogy / B. E. Harcourt // Theoretical Criminology. – 2010. – Vol. 14, iss. 1. – P. 74–92.

19. *Kaźmierczyk J.* Is Neoliberalism Alive? Principles and the Washington Consensus / J. Kaźmierczyk // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2018. – Т. 4, № 1. – С. 212–225.

20. *Lacey N.* Crime, Punishment and Segregation in the United States: the Paradox of Local Democracy / N. Lacey, D. Soskice // Punishment & Society. – 2015. – Vol. 17, iss. 4. – P. 454–481.

21. *LaCourse A.* Recidivism and Reentry: The Role of Individual Coping Styles / A. LaCourse, S. J. Listwan, S. Reid, J. L. Hartman // Crime & Delinquency. – 2019. – Vol. 65, iss. 1. – P. 46–68.

22. LAWBRAIN : [сайт]. – URL: http://lawbrain.com/wiki/Gangs (дата обращения: 20.07.2019).

23. *Melossi D.* Crime, Punishment and Migration / D. Melossi. – London : Sage, 2015. – 128 p. – ISBN 978-1-849-20080-6.

24. *Thompson M. J.* A Brief History of Neoliberalism / M. J. Thompson ; ed. by David Harvey. – Oxford : Oxford University Press, 2005. – 254 p. – ISBN 978-0-1992-8327-9.

25. *Wacquant L.* Punishing the Poor. The Neoliberal Government of Social Insecurity / L. Wacquant. – Durham : Duke University Press, 2009. – 384 p. – ISBN 978-0-8223-4422-3.

13. *Cheliotis L. K.* Punitive Inclusion: the Political Economy of Irregular Migration in the Margins of Europe. *European Journal of Criminology.* 2017. Vol. 14. Iss. 1. P. 78–99.

14. Criminology: a Reader. Ed. by Yvonne Jewkes and Gayle Letherby. London, SAGE Publications Ltd, 2002. 408 p. ISBN 0-7619-4710-8, 0-7619-4711-6 (pbk).

15. *De Giorgi A.* Five Theses on Mass Incarceration. *Social Justice.* 2015. Vol. 42. Iss. 2. P. 5–30.

16. *Gibson-Light M.* Ramen Politics: Informal Money and Logics of Resistance in the Contemporary American Prison. *Qualitative Sociology.* 2018. Vol. 41. Iss. 2. P. 199–220.

17. *Golder B., McLoughlin D.* The Politics of Legality in a Neoliberal Age. Manchester, Routledge. 2017. 216 p. ISBN 978-1-138-12176-8 (hbk), 978-1-315-65078-4 (ebk).

18. *Harcourt B. E.* Neoliberal Penality: a Brief Genealogy. *Theoretical Criminology.* 2010. Vol. 14. Iss. 1. P. 74–92.

19. *Kaźmierczyk J.* Is Neoliberalism Alive? Principles and the Washington Consensus. *Vestnik Tyumenskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Social'no-e'konomicheskie i Pravovy'e Issledovaniya.* 2018. Vol. 4. No 1. P. 212–225.

20. *Lacey N., Soskice D.* Crime, Punishment and Segregation in the United States: the Paradox of Local Democracy. *Punishment & Society.* 2015. Vol. 17. Iss. 4. P. 454–481.

21. *LaCourse A., Listwan S. J., Reid S., Hartman J. L.* Recidivism and Reentry: The Role of Individual Coping Styles. *Crime & Delinquency.* 2019. Vol. 65. Iss. 1. P. 46–68.

22. LAWBRAIN. Website. URL: http://lawbrain.com/wiki/Gangs (date of the application: 20.07.2019).

23. *Melossi D.* Crime, Punishment and Migration. London, Sage, 2015. 128 p. ISBN 978-1-849-20080-6.

24. *Thompson M. J.* A Brief History of Neoliberalism. Ed. by David Harvey. Oxford, Oxford University Press, 2005. 254 p. ISBN 978-0-1992-8327-9.

25. *Wacquant L.* Punishing the Poor. The Neoliberal Government of Social Insecurity. Durham, Duke University Press, 2009. 384 p. ISBN 978-0-8223-4422-3.

26. World Prison Brief. Website. URL: http://www.prisonstudies.org/map/europe (date of the application: 20.07.2019).

27. *Xenakis S., Cheliotis L. K.* Whither Neoliberal Penality? The Past, Present and Future of Imprisonment in the US. *Punishment & Society.* 2019. Vol. 21. Iss. 2. P. 187–206.

26. World Prison Brief : [сайт]. – URL: http://www.prisonstudies.org/map/europe (дата обращения: 20.07.2019).

27. *Xenakis S.* Whither Neoliberal Penality? The Past, Present and Future of Imprisonment in the US / S. Xenakis, L. K. Cheliotis // Punishment & Society. – 2019. – Vol. 21, iss. 2. – P. 187–206.

Библиографическое описание статьи

Тепляшин П. В. Очерк неолиберальной пенитенциарной политики Соединенных Штатов Америки / П. В. Тепляшин // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 4(53). – С. 185–191.

Краткие правила опубликования статей

Журнал «**Вестник Владимирского юридического института**» включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки).

Критерии отбора статей: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению статей:

формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman;
кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см;
межстрочный интервал полуторный;
поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см;
объем – не более 1 печатного листа (22 страницы).

Статья должна включать: индекс УДК (помещается в верхнем левом углу первой страницы), сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество (при наличии), место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, e-mail); название статьи; аннотацию; ключевые слова; основной текст; библиографический список, оформленный по ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», который должен включать в себя в алфавитном порядке источники, используемые в статье. Ссылки на источники должны быть сделаны по тексту в квадратных скобках, где указываются порядковый номер источника в библиографическом списке и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения в квадратных скобках разделяются запятой.

Сведения об авторе, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографический список должны быть подготовлены в двух вариантах: **на русском и английском языках.**

В случае изменения личных данных автор обязан письменно уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати и размещения его электронной версии в Интернете.

К статье необходимо приложить **анкету автора публикации и оператора персональных данных** (оригинал), которая является письменным согласием на обработку его персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Представляемые на рассмотрение редакционной коллегии материалы должны соответствовать концепции журнала, основными рубриками которого являются: «Научно-прикладные аспекты совершенствования деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», «Актуальные проблемы российской юридической науки и правоприменительной практики», «Теория и история государства и права», «Политические и правовые системы зарубежных стран». Авторы несут ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат, имен, статистических данных, формул; за использование данных, не предназначенных для открытой печати. **Авторы гарантируют (несут личную ответственность), что предоставленный в редакцию материал ранее не публиковался и не представлен одновременно в другие журналы.**

Все статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное рецензирование. Рецензирование проводится в виде двойного слепого рецензирования.

С авторами, в чьих статьях обнаружен заимствованный материал без ссылки на автора и(или) источник заимствования, журнал прекращает сотрудничество.

Материалы представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института по e-mail: vestnik-VUI@yandex.ru; бумажный вариант по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, ВЮИ ФСИН России (редакционно-издательский отдел).

Статьи в журнале публикуются на платной основе. Стоимость одной публикации – 4 000 руб.

Журнал высылается авторам только **по их просьбе наложенным платежом**.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 40-45-18, 40-45-14, 8-905-649-5050, e-mail: vestnik-VUI@yandex.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКТМО 17701001) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 04281175960)	Сч. №	40101810800000010002
Банк получателя Отделение Владимир	БИК	041708001
Назначение платежа (КБК): 32011301991010200130 Доход от издательской деятельности, реализация журнала Вестник		

Анкета автора публикации и оператора персональных данных*

(заполняется (п. 1), подписывается автором публикации
и высылается в адрес редакции научно-образовательного журнала
«Вестник Владимирского юридического института»)

1. ФИО_____, паспорт ___ ___ _____

выдан _____
(кем, когда)

должность _____
_____

ученая степень, ученое звание_____
почтовый адрес _____
тел. _____, e-mail _____

2. Данилова Ирина Борисовна. Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ВЮИ ФСИН России). Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, 600020.
(фамилия, имя, отчество оператора персональных данных, получающего согласие на обработку персональных данных автора публикации, место работы (службы), почтовый и юридический адрес)

3. Размещение персональных данных автора публикации в электронной и печатной версиях научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».
(цель обработки персональных данных автора публикации)

4. Фамилия, имя, отчество автора публикации, место работы (службы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты.
(перечень персональных данных, на обработку которых дается согласие автора публикации)

5. Занесение и хранение персональных данных автора публикации в ПК, их размещение на интернет-сайте института, в Российском индексе научного цитирования и тиражирование.
(перечень действий с персональными данными, на совершение которых дается согласие автора публикации; способы обработки персональных данных)

6. Настоящее согласие действует со дня его подписания до дня отзыва в письменной форме.
(срок, в течение которого действует согласие автора на обработку персональных данных)

7. Отзыв согласия автора публикации на обработку персональных данных осуществляется путем письменного уведомления последним оператора персональных данных за месяц до выхода научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института» из печати (дата выхода из печати указывается на 4-й полосе обложки журнала).
(порядок отзыва согласия автора публикации на обработку персональных данных)

Автор публикации _____/_____/ «____» _____ 20__г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

Оператор персональных данных _____/ Данилова И. Б. / «____»_____20__г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

---

* Настоящая анкета разработана в соответствии с письмом Федерального агентства по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 июля 2009 г. № 17-110 «Об обеспечении защиты персональных данных».

В апреле 2020 г.
во Владимирском юридическом институте
Федеральной службы исполнения наказаний
состоится межведомственная
научно-практическая конференция
«Оперативно-разыскная наука:
проблемы теории и практики, история
и перспективы развития»,
посвященная 85-летию со дня образования
оперативных подразделений
уголовно-исполнительной системы.

В ходе работы конференции предполагается обсуждение актуальных вопросов истории создания оперативных подразделений, формирования оперативно-разыскной теории, ее применения в практике оперативно-разыскной деятельности.

Заседание будет проводиться без использования сведений, составляющих государственную тайну.

Выступления и доклады участников конференции будут опубликованы в тематическом выпуске научно-образовательного журнала «Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика», который входит в систему РИНЦ. Требования к оформлению статей приведены на официальном сайте ВЮИ ФСИН России.

Кроме того, планируется издание сборника материалов межведомственной научно-практической конференции «Оперативно-разыскная наука: проблемы теории и практики, история и перспективы развития», содержащий сведения, составляющие государственную тайну.

Заявку на участие в конференции, тему и тезисы выступления просим предоставить в оргкомитет до 1 марта 2020 г. Материалы для публикации в сборнике материалов конференции просим направлять в адрес ВЮИ ФСИН России по правилам секретного делопроизводства в срок не позже 1 апреля 2020 г.

Редколлегия оставляет за собой право отбора и редактирования материалов.

Конференция будет проходить по адресу:
600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67е.

Проживание и питание оплачиваются участниками конференции самостоятельно.

Приглашаем принять участие в работе конференции!

Контактный телефон: 8-910-770-42-65 (Агарков Алексей Вячеславович)
E-mail: agarkov2107@rambler.ru